

ВЧЕНІ ЗАПИСКИ

**Харківського гуманітарного університету
«Народна українська академія»**

Том XXIV

Харків
Видавництво НУА
2018

УДК 08
ББК 95.4(4УКР-4ХАР)3
В90

Збірник наукових праць засновано 1995 р.

Свідоцтво про державну реєстрацію КВ № 7367 від 03.06.2003 р.

*Друкується за рішенням Ученої ради Харківського гуманітарного
університету «Народна українська академія».
Протокол № 9 від 23.04.2018.*

Редакційна колегія

Астахова К. В., д-р іст. наук (голов. редактор); *Астахова В. І.*, д-р іст. наук;
Батаєва К. В., д-р філос. наук; *Бистрянцев С. Б.*, д-р соціол. наук;
Воробійов Є. М., д-р екон. наук; *Герасіна Л. М.*, д-р соціол. наук;
Городяненко В. Г., д-р іст. наук; *Карабан В. І.*, д-р філол. наук; *Кім М. М.*, д-р
екон. наук; *Корабльова Н. С.*; д-р філос. наук; *Кравченко В. В.*, д-р іст. наук;
Култаєва М. Д., д-р філос. наук; *Лозовой В. О.*, д-р філос. наук; *Мамалуй О. О.*,
д-р філос. наук; *Михайлова К. Г.*, д-р соціол. наук; *Нагорний Б. Г.*, д-р соціол.
наук; *Осіпова Н. П.*, д-р філос. наук; *Пасинок В. Г.*, д-р філол. наук;
Петровський В. В., д-р іст. наук; *Подольська Є. А.*, д-р соціол. наук;
Посохов С. І., д-р іст. наук; *Ребрій О. В.*, д-р філол. наук; *Робак І. Ю.*, д-р іст.
наук; *С.-О. Коллін*, проф.; *Сілласте Г. Г.*, д-р філос. наук; *Соболев В. М.*, д-р
екон. наук; *Сокурянська Л. Г.*, д-р соціол. наук; *Степанченко І. І.*, д-р філол.
наук; *Сумець О. М.*, д-р екон. наук; *Сухіна В. Ф.*, д-р філос. наук; *Тарасова О. В.*,
д-р філол. наук; *Тимошенкова Т. М.*, канд. філол. наук; *Шевченко І. С.*, д-р
філол. наук; *Яременко О. Л.*, д-р екон. наук.

Україна, 61000, Харків, МСП, вул. Лермонтовська, 27.
Харківський гуманітарний університет «Народна українська академія»
Тел. 714-92-62; 714-20-07

RESEARCH BULLETIN
of Kharkiv University of Humanities
“People’s Ukrainian Academy”

Volume XXIV

Kharkiv
PUA Publishers
2018

Collection of Scientific Works was founded in 1995

State registration Certificate number is KB № 7367 of 03.06.2003

*Published with the authorization of the Kharkiv University
of Humanities “People’s Ukrainian Academy” Scientific Council
Protocol № 9 of 23.04.2018.*

Editorial Board

Astakhova K., Dr.Sc. (History) (editor in chief); Astakhova V., Dr.Sc. (History); Bataeva K., Dr.Sc. (Philosophy); Bystriantsev S., Dr.Sc. (Sociology); Vorobiov Ye., Dr.Sc. (Economics); Herasina L., Dr.Sc. (Sociology); Horodianenko V., Dr.Sc. (History); Karaban V., Dr.Sc. (Philology); Kim M., Dr.Sc. (Economics); Korablova N., Dr.Sc. (Philosophy); Kravchenko V., Dr.Sc. (History); Kulitaieva M., Dr.Sc. (Philosophy); Lozovoi V., Dr.Sc. (Philosophy); Mamalui O., Dr.Sc. (Philosophy); Mykhaylyova K., Dr.Sc. (Sociology); Nahorni B., Dr.Sc. (Sociology); Osipova N., Dr.Sc. (Philosophy); Pasynok V., Dr.Sc. (Philology); Petrovskiyi V., Dr.Sc. (History); Podolska Ye., Dr.Sc. (Sociology); Posokhov S., Dr.Sc. (History); Rebrii O., Dr.Sc. (Philology); Robak I., Dr.Sc. (History); Collin S.-O., prof.; Sillaste G., Dr.Sc. (Philosophy); Soboliev V., Dr.Sc. (Economics); Sokurianska L., Dr.Sc. (Sociology); Stepanchenko I., Dr.Sc. (Philology); Sumets O., Dr.Sc. (Economics); Sukhina V., Dr.Sc. (Philosophy); Tarasova O., Dr.Sc. (Philology); Tymoshenkova T., Ph.D. in Philology; Shevchenko I., Dr.Sc. (Philology); Yaremenko O., Dr.Sc. (Economics).

Ukraine, 61000, Kharkiv, 27 Lermontovska Str.
Kharkiv University of Humanities “People’s Ukrainian Academy”
Phone numbers: 714-92-62; 714-20-07

ПЕРЕДМОВА

Очередной, XXIV том Ученых записок ХГУ «НУА» выходит традиционно в виде единой книги, в трех основных разделах которой представлены результаты исследований, по тем научным направлениям, по которым на протяжении многих лет работает коллектив преподавателей и сотрудников Академии: трансформация современных образовательных систем, глобальные проблемы экономического развития и вопросы лингвистики, лингводидактики, литературоведения и перевода.

Однако такой формат сегодня подвергается критике со стороны Министерства образования и науки Украины, и поэтому мы будем вынуждены в ближайшее время перейти к изданию трех отдельных книг, хотя твердо убеждены в том, что наш нынешний формат представляет больший интерес для читателей, поскольку позволяет видеть любую проблему более объемно и делать выводы на стыке наук, что сегодня признается более значимым и перспективным.

Но предлагаемое читателю сегодняшнее издание построено по прежнему принципу, что позволяет рассматривать нашу комплексную тему «Формирование интеллектуального потенциала общества в условиях современных социальных трансформаций» (ГР № 0111U000011, научный руководитель проф. Е.В. Астахова) с точки зрения и социально-экономической, и социокультурной и гуманитарной, и даже политической.

Продолжая разработку этой темы, мы успешно завершили многолетний социальный эксперимент по становлению непрерывного образования, обобщили его результаты, направили соответствующие докладные записки в МОН Украины и другие заинтересованные инстанции, опубликовали десятки монографий, брошюр и статей, в том

числе специальный раздел в Ученых записках ХГУ «НУА» (см. т. XXII)! Теперь мы завершаем разработку концепции дальнейшего развития Академии на новый стратегический этап (до 2035 года), где основное внимание будет сосредоточено на крайне актуальной проблеме становления и развития социального партнерства как инновационной функции современного образования.

Очевидно, что один из трех томов нашего будущего издания «Ученых записок» будет посвящен непосредственно процессам трансформации социальных функций образования и методов обучения, где одной из важнейших инновационных функций выступает оптимизация социального партнерства.

Ну, а в данном томе полностью сохраняется традиционная структура этого многолетнего издания – три основных раздела и информационные рубрики «Наука в НУА», «Студенческая трибуна» и др. Хотя уже в этом томе многие публикации обращены в будущее. Это касается проблемы социальных рисков в модусах социального времени (см. информацию о научно-практической конференции «Образовательные риски: суть и подходы к решению», которая прошла на базе НУА 15 февраля 2018 года; статьи Е. В. Астаховой, И. С. Нечитайло, Е. Г. Михайловой, О. Л. Яременко), характеристики моделей будущих выпускников школы и вуза (статьи Т. И. Бондарь, З. И. Шилкуновой, Г. Б. Тимоховой, А. Е. Ильченко) и др.

Как всегда, в конце тома читатель найдет достаточно подробные сведения от авторов, позволяющие устанавливать непосредственные контакты, а также информацию о тематической направленности следующего тома.

Редакционная коллегия

**Трансформація соціальних
функцій освіти й методів
навчання:
виклики і перспективи
у XXI столітті**

Е. В. Астахова

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РИСКИ: ОПЫТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НУА

В статье затрагивается проблема формирования и проявления в системе образования рисков различной глубины и природы. Выделены такие риски как: кадровые, контингентные, финансовые, риски утраты качества. Обращается внимание на возможные пути смягчения названных рисков и, в первую очередь, на формы противодействия рискам снижения качества образования в условиях неопределенности и «институционализации хаоса».

Рассматриваемые риски даны в разрезе опыта научно-учебного комплекса непрерывного гуманитарного образования Харьковского гуманитарного университета «Народна українська академія».

Ключевые слова: образовательные риски, финансирование, студенческий контингент, кадровый потенциал, качество образовательного процесса, превращение рисков в возможности.

Астахова К. В. Освітні ризики: досвід функціонування НУА

Стаття присвячена проблемам формування та проявлення у системі освіти ризиків різної глибини та природи. Виділені такі ризики як: кадрові, контингентні, фінансові, ризики втрати якості. Звертається увага на можливі шляхи пом'якшення ризиків, які названі і, в першу чергу, на протидію ризикам зниження якості освіти в умовах невизначеності та «інституціоналізації хаосу».

Ризики, що розглядаються, наведені на прикладі досвіду науково-навчального комплексу безперервної гуманітарної освіти Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія».

Ключові слова: освітні ризики, фінансування, студентський контингент, кадровий потенціал, якість освітнього процесу, перетворення ризиків на можливості.

Astakhova K. Education risks: experience of «PUA» functioning

The article addresses the problem of formation and manifestation of risks of various nature and intensity within the education system. Personnel, contingent, finance risks and risks of decline in quality were distinguished and discussed. Possible ways of mitigating the afore-mentioned risks, and above all, the risks of

decline in education quality under the conditions of vagueness and «chaos institutionalization» have been suggested.

The risks under consideration were shown in the light of the experience gained by Kharkov University of Humanities «Peoples Ukrainian Academy», a continuing education scientific and educational complex.

Key words: education risks, financing, student contingent, personnel potential, quality of educational process, to convert risk into possibilities.

Современные образовательные процессы характеризует высокий уровень изменчивости, неопределенности и нестабильности. Особенно если речь идёт об Украине, где на общемировые тенденции развития образовательного поля наложились проблемы политические и социально-экономические. Что в конечном итоге создало достаточно напряжённую ситуацию в сфере образования, разновекторное перманентное реформирование которого чаще приносит результаты, ухудшающие состояние системы, нежели улучшающие.

Сказанное ни в коей мере не установка на негатив как угол зрения на происходящее. Скорее, попытка определиться с точкой отсчета, правильное вычленение которой позволяет грамотно расставить акценты и сформулировать предмет исследования.

В истории любого государства, любого исторического периода можно легко найти времена, когда состояние образовательных институтов вызывало наиболее острое беспокойство и критику общества. Именно в такие моменты, когда недовольство качеством и результатами образования достигало наивысшего накала, как правило, начинались реформы.

Нынешнее положение дел имеет существенные отличия от исторических аналогов. Во-первых, сегодня реформирование приобрело перманентный характер. Во-вторых, первоначальным к поиску иных сценариев развития института образования является уже не только и даже не столько недовольство общества, сколько явное несоответствие между потребностями, диктуемыми временем, и теми результатами, которые образование (при сегодняшней его структуре и организационно-управленческой схеме) может давать.

Конечно, недовольство основных групп влияния и заказчиков образовательных институтов налицо. Но при этом в зону турбулентности

(с разной степенью рисков) попали все образовательные системы. Никто не может дать рецептов развития образования хотя бы на ближайшие десять-пятнадцать лет, которые бы гарантировали успех.

Более того, расширяющийся круг специалистов, занимающихся диагностикой современных образовательных практик (на всех ступенях образования), единодушны в своей тревоге: риски нарастают с катастрофической скоростью, а поиск путей выработки противовесов пока к вменяемым результатам не привёл.

Если проанализировать монографическую литературу, статьи, диссертации, посвящённые изучению различных аспектов образования современного периода, то можно легко вычленил одну общую для них черту. У всех звучат апокалиптические нотки. Все предрекают крах, катастрофу, развал и руины.

Думается, основания для такого единения есть. Практически впервые с момента институционализации образования как общественного института, сложилась ситуация явного несоответствия между образованием как институцией, транслирующей опыт и временем, в рамках которого этот опыт уже неприменим.

Скорость протекания изменений в науке, технологиях, медицине достигла таких величин, что обновление происходит практически каждые пять-семь лет. В таких условиях развивать систему образования, базирующуюся на прежних циклах и подходах невозможно. Накопление новой информации, научных открытий не позволяет системе образования не только обеспечивать их освоение обучающимися в полном объёме, но даже элементарно знакомить с ними.

Уже сегодня образовательные институты практически «скрывают» от обучающихся современный уровень научных знаний, ибо и сами за ними не успевают, и времени на их освоение требуется значительно больше, чем отведено современными практиками на общее среднее или высшее образование.

Сложилась ситуация, при которой «образование знания» должно уступить место «образованию понимания». Формула простая, но трансформация «под неё» образовательной системы – задача со множеством неизвестных.

Термины типа «вызовы», «риски» для современной образователь-

ной аналитики стали практически нормой. За последние три-пять лет появилось значительное количество публикаций по проблемам рисков в образовании. Их рассматривают и в общем образовательном контексте, и как отдельные конкретные риски.

Одна из первых, доступных автору, статей систематизирующих риски в образовании опубликована в 2015 г. [1]. Автор – Опфер Е. – выделяет наиболее типичные для государственного университетского сектора образования риски и относит к числу ведущих – финансовые. Безусловно, для любого высшего учебного заведения вопросы ресурсной базы являются ключевыми. Но вот степень остроты этой проблемы разная. Не в плане отсутствия интереса к источникам и объемам финансирования. Здесь принцип «чем больше, тем лучше», думается, подходит для любого вуза.

Дело в другом. Источники и схемы финансирования у постсоветских университетов и у североамериканских или западноевропейских, например, разные. И те, и другие используют государственное финансирование. Но при разном механизме применения, отчетности, степени автономии и пр.

Острота финансовых рисков разная. Во всяком случае, на современном этапе. И так может быть с каждым отдельно взятым «образовательным» риском. Их острота и локализация существенно разнятся в зависимости от многих причин. Конечно, можно обрисовать наиболее типичные риски для всех, но без учёта целого комплекса различий и поправок это будет печально известная «средняя температура по палате». В то время как для разных образовательных систем, регионов, городов и даже университетов острота тех или иных рисков будет сильно отличаться.

Если рассматривать риски в «одной отдельно взятой стране», то необходимо учитывать не только страну, где функционирует вуз, но и регион, город, форму собственности учебного заведения, его возраст, источники финансирования, численность преподавательского состава и студенческого контингента, соотношение численности общающихся на бакалавриате, в магистратуре, на программах последипломного обучения, особенности системы налогообложения конкретной страны, расходы на НИР, степень автономии и т.д.

Такая детализация не будет лишней, если целью является определение глубины рисков для конкретного университета.

Если сравнивать, например, финансовые риски для университетского сектора США и постсоветских стран, то стоит учитывать, в первую очередь, даже не разницу цифр, демонстрирующих расходы на образование. Отличия здесь очевидны.

Более важным представляется тот факт, что североамериканские университеты никогда не были так жёстко привязаны к госбюджету, как отечественные.

Анализ системы финансирования высшего образования не является предметом рассмотрения данной статьи. Хотелось бы только упомянуть, что у отечественных вузов значительно меньше опыта (или он отсутствует вовсе) существования в условиях постоянного сокращения государственного финансирования (к тому же достаточно резкого). Отсюда и более высокая степень остроты финансовых рисков, отсутствие механизма их смягчения и компенсирования.

Сказанное в меньшей степени касается университетов негосударственной формы собственности, у которых иные источники финансирования, механизмы распределения и контроля. Но от этого финансовые риски не становятся для них менее болезненными. Здесь просто иные акценты и масштабы. Но и цена ошибки значительно выше.

Аналогично финансовым, риски любой группы и направления, будь то внешние или внутренние, имеют свою специфику и степень остроты в каждом конкретном университете. Что не исключает, конечно, необходимости анализа и на мегауровне.

Если говорить о рисках, наиболее типичных для новых университетов, к числу которых относится и Харьковский гуманитарный университет «Народная Украинская академия», созданный в 1991 г., то и в этом случае необходимо учитывать некоторые особенности образовательного комплекса:

- в его структуру входит не только университет, но и общеобразовательная специализированная школа, дошкольная структура и все формы последипломного образования;
- высокий уровень конкуренции на образовательном поле Украины и Харькова вынуждает университет постоянно учитывать ценовую

политику других учебных заведений, ориентироваться на нее;

– миссия университета построена на отрицании коммерциализации образования, но которое по определению не может быть услугой;

– НУА строилась на принципах социальной ответственности. Здесь реализуется большое количество социальных программ и проектов, что не совсем типично для частных учебных заведений.

К числу наиболее острых, если говорить о ранжирования рисков для НУА, относится риск ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА.

Это риск комплексный. Здесь своеобразные «зоны ответственности» распределены между внутренними и внешними сторонами. Обеспечение баланса между ними требует высокого уровня развития риск-менеджмента.

НУА – образовательное учреждение новое, её предпочтения строятся исключительно на авторитете и имидже. Любые промахи и проколы, связанные с качеством подготовки, наносят учебному комплексу непоправимый ущерб. Репутация молодого учебного заведения значительно более уязвима, нежели у тех, кто находится на образовательном поле столетиями.

И наоборот, формирование и укрепление репутации образовательного учреждения, как институции, обеспечивающей качество подготовки, создаёт дополнительные возможности.

Качество образовательного процесса в НУА зависит от множества факторов, среди которых наиболее значимыми являются: качество набора студентов; качество профессорско-преподавательского состава; уровень материально-технической базы и финансового обеспечения; глубина интернационализации, система управления качеством и т. д.

В последние годы вузы Украины заметно продвинулись в освоении практик управления качеством. Но, думается, системная и, главное, эффективная работа ведется не во многих.

КАДРОВЫЕ РИСКИ представляют собой вторую группу. Интересно подчеркнуть, что проблема «старения кадров», в отличие от других университетов, ХГУ «НУА» затрагивает в меньшей степени. Это связано, не в последнюю очередь с относительной молодостью

учебного заведення и с использованием политики инбридинга (несмотря на различное к нему отношение в вузовской среде).

Средний возраст преподавательской корпорации НУА составляет 46 лет и имеет тенденцию к снижению. Аналогичны показатели по докторам и кандидатам наук, средний возраст которых ниже, чем в Украине. Такие показатели стали возможны в результате достаточно гибкой кадровой политики и кадровой работы, а так же за счёт постепенной естественной замены преподавателей старших возрастов выпускниками НУА.

Стабилизировался процент текучести преподавательских кадров, балансирующий в пределах от 5 до 10%. В 2016–2017 учебном году он составил 6%. Этот показатель можно отнести к категории достижений, ибо на начальном этапе развития, когда большую часть профессорско-преподавательского корпуса составляли совместители, текучесть кадров в НУА достигала 20–22%.

Однако кадровые риски не ограничиваются одними статистическими показателями. Куда большую угрозу, представляется, несёт утрата академического этоса – проблема, носящая отчасти скрытый латентный характер и поразившая всю систему отечественного высшего образования.

По целому ряду причин академическая культура, присущая университетскому сектору образования, в отечественной высшей школе угасает. Укореняются модели поведения, которые ещё совсем недавно были и неприемлемы, и недопустимы в академическом сообществе. Речь идёт о снижении требовательности, массовом студенческом мошенничестве, выражающемся в списывании, покупке курсовых и дипломных работ, нарушении этических норм и т. д. Для преподавательского корпуса характерны иные проявления этой болезни и они тоже не носят единичного характера: плагиат, покупка кандидатских и докторских диссертаций, званий, низкое качество занятий, игнорирование НИР, коррупционные проявления.

Учитывая наличие таких граней кадровых рисков, НУА предпринимает системные меры для сохранения академического этоса, трансляции такой академической культуры, которая бы не отторгала аналогичные проявления.

Здесь, представляется, многое зависит от обеспечения преемственности поколений в преподавательской среде, наличия и соблюдения традиций, резкой, негативной, публичной реакции на любые проявления неакадемического поведения студентов и преподавателей, большого объёма превентивных мер, в том числе и финансовых, обеспечивающих преподавателям достойное существование.

Не последнюю роль в сохранении академического этоса играет и отсутствие разрыва между вербальными установками и реальной ситуацией в университете, действиями и поведением управленческого ядра, наличием культуры диалога.

Эта грань кадровых рисков требует постоянного внимания ещё и потому, что порой внутренняя культурно-образовательная среда учебного заведения сильно диссонирует с запросами и установками общества, полностью перешедшего на потребительские позиции и ощутило снизившего морально-нравственные установки.

Безусловно, университеты призваны удовлетворять потребности общества, но при этом нельзя забывать об из обязанности эти потребности ещё и формировать. В противном случае установка на «чего изволите» выхолостит саму суть университетского образования.

Споры о том является ли образование услугой или нет не затихают [2–6]. Но едва ли сегодня можно отрицать: образование как таковое является процессом становления и развития личности в процессе приобщения к культуре общества, осуществляемом человеком в общении и совместной деятельности с другими людьми. Образование всегда представляет собой самообразование (learning, а не teaching). Это процесс по природе своей нерыночный, не поддающийся рассмотрению в терминологии внешних благ или услуг.

Едва ли услугой является то, что человек делает для себя сам. Ведь человек не «получает» образование а «берет». В конечном итоге образование даже не благо, а неотчуждаемое свойство жизни человека [7, с. 56].

Именно с таких позиций НУА выстраивает свои отношения с внутренними и внешними стейкхолдерами, в первую очередь с родителями школьников и – отчасти – студентов. Но риск превращения образования в услугу реален. Противостояние ему – крайне

важная грань кадровых рисков для частного учебного заведения в первую очередь.

Третья группа рисков по порядку, но не по значению – это ФИНАНСОВЫЕ РИСКИ. Отчасти о них уже шла речь. Для учебных заведений негосударственной формы собственности они, конечно же, существуют, однако имеют иную окраску, иные акценты.

Частные учебные заведения не зависят от государственного финансирования и им, естественно, не страшны тенденции его сокращения. Это не плохо и не хорошо. Это данность. Но есть иные грани – риски постоянного повышения оплаты обучения, которая жёстко привязана к стоимости коммунальных услуг, к зарплатной политике государства, к росту цен на услуги, технику, расходные материалы, строительство и ремонты. Немаловажным риском из этого же ряда является неустойчивость грунтовых, спонсорских и фандрейзинговых поступлений в бюджеты частных учебных заведений.

Устойчивой культуры благотворительности на нужды образования, спонсорских программ в Украине ещё нет. Как и нет возможности развивать эндаумент фонды или иные формы долговременного использования средств в силу нестабильности экономики.

Все это, вместе с отсутствием опыта получения и управления крупными грунтовыми проектами, не позволяет пока частными университетами иметь дискреционные средства, так необходимые для инновационного развития. А без них финансовые риски приобретают подчас достаточно жесткие формы.

Для их смягчения НУА использует формулу «50 на 50»: если взять за сто процентов недостающие средства, то 1/2 нужно экономить, а 1/2 дополнительно заработать. Иными словами, не только экономить или находить дополнительные средства, а сочетать подходы – и экономить, и зарабатывать. Эффективность у такого подходы высокая, но краткосрочная, ибо политика экономии не беспредельна и может опереться в физическую реальность.

Ещё один значимый риск – это РИСК КОНТИНГЕНТНЫЙ. Как правило, его связывают только с сокращением численности студентов, что для Украины, является весьма болезненной проблемой.

Демографічний кризис, ставший системним, в переплетенні з економічним і соціально-політичним, привели до скороченню абітурієнтської середовища до таких параметрів, коли на визначеному етапі в країні сталося бюджетних місць в університетах (сумарно) більше, ніж випускників середніх шкіл відповідного року.

Міри, здійснені державою цю проблему, представляється, тільки обострили і заплутали. Як результат – контингентні ризики починаючи з 2015 року вийшли для української системи вищої освіти единою лінійкою не на перше місце.

Естественно, що в таких умовах ризики скорочення контингенту для приватного сектора стали гостріше. Відсутність бюджетних місць, стипендій, ряду соціальних гарантій, які держава закріпило виключно за державними університетами (незважаючи на вступлення України в ВТО, яка вже на рівні статутних своїх вимог забороняє державам давати преференції установам і організаціям, імі (державами) створеними, жорстка (далеко не завжди чесна) конкуренція – все це скоротило можливість маневру для позабюджетного сектора. Починаючи з 2014–15 гг. кількість університетів цієї форми власності стала скорочуватися. Від 120–125 установ до 65–70, реально функціонуючих.

Хоча варто обговоритися одразу: достовірної статистики по недержавному сектору освіти немає. Міністерські дані, дані Єдиної державної бази освіти, регіональні і обласні статистичні показники, розрахунки громадських організацій і асоціацій приватних навчальних закладів сильно між собою розходяться, що ускладнює аналіз тенденцій і процесів. Особливо по позиціям контингентних ризиків.

Для НУА контингентні ризики представляють достатньо велику загрозу, оскільки напряму пов'язані з ресурсними можливостями. Але за рахунок попередньої роботи, дозволившої підготуватися (наскільки це було можливо) до наслідків демографічної кризи, контингентні ризики вдається частково компенсувати і пом'якшити.

Досягається це за рахунок стабільних наборів на форми післядипломної освіти, зростання кількості навчаючихся в обще-

образовательной школе НУА, сохранения имеющегося контингента и т.д.

Есть ещё одна грань контингентного риска, которая реже анализируется в литературе. Это снижение качественных параметров абитуриентов, появление значительной части выпускников общеобразовательных школ, которые не готовы к формам обучения, предлагаемых высшей школой. У них отсутствуют учебные навыки, им сложно осуществлять постоянные интеллектуальные усилия, без которых получение образования невозможно.

Эта грань контингентных рисков вынуждает университетский сектор образования брать на себя не только функции первичной социализации, которые раньше выполняла школа, но и «дотягивание» студентов до уровня, позволяющего получать высшее образование. Дополнительные и индивидуальные занятия, и сессии, тренинги, дистанционные курсы и пр., и пр. – формы хорошо знакомые высшей школе сегодня. Но пока университет затрачивает усилия на «дотягивание» и «выравнивание», не остаётся времени - в прямом смысле слова – на достижение того качества и уровня, которые сегодня требуются от университетского образования.

Контингентные риски дают себя знать чем дальше, тем больше. И в первую очередь, в части качества абитуриентской среды, её готовности к обучению в высшей школе. Стоит упомянуть о снижении общей мотивации к получению высшего образования как такового.

Переплетение этих причин требует от вузов иных методов создания собственной абитуриентской среды и её подготовки ещё на довузовской уровне.

Конечно, каждый университет в отдельности стремится получить максимально качественный набор и работать с хорошо подготовленными студентами. Однако мировая практика показывает: то, что естественно и хорошо для одного вуза, не совсем хорошо для образовательной системы в целом. Современные системы образования тем ценнее, чем они приспособленнее и подготовленнее к работе с разными по уровню и предистории образования студентами. Получается, что система высшего образования должна отработать методики и подходы, позволяющие без ущерба для качества подготовки,

работать и со студентами продвинутыми, способными, и с теми, кто имеет не столь высокие результаты предварительной ступени обучения. Связано это с тем, что современные технологии вынуждают общество обращать внимание на качество человеческого капитала в целом, на уровень образования значительных масс людей, а не отдельных групп. Только в этом случае высшее образование может решать задачи, стоящие перед сегодня.

Проблема рисков в современном образовании имеет множество граней и оттенков. Уже шла речь о том, что при общей их схожести, они имеют отличия и весьма существенные. Найти ответы на все вызовы едва ли удастся одной какой-то образовательной системе или университету. Скорее всего будет идти длительный поиск путей смягчения рисков и оптимизации их последствий.

Постоянно возрастающие риски и их диверсификацию – серьезные проблемы для высшего образования. Но, как мы знаем, проблемы – это возможности. Задача же самих университетов превратить первые во вторые.

Список литературы

1. Опфер Е. А. Риск-менеджмент в управлении качеством образования в вузе / Е. А. Опфер // Высшее образование в России. – 2015. – № 10. – С. 84–90.
2. Гребнев Л. WTO и Российские ВУЗы: от жесткой конкуренции к взаимовыгодному сотрудничеству / Л. Гребнев // Высшее образование в России. – 2006. – № 4. – С. 28–32.
3. Гребнев Л. Образование – рынок «медвежьих услуг» / Л. Гребнев // Высшее образование сегодня. – 2005. – № 3. – С. 55–65.
4. Запесоцкий А. Платное образование – не услуга, студент – не клиент / А. Запесоцкий // Высшее образование в России. – 2002. – № 2. – С. 48–53.
5. Майбуров И. Соотношение понятий «образование» и «образовательная услуга» / И. Майбуров // Право и образование. – 2003. – № 5. – С. 34–43.
6. Танган С. Образование – право человека или коммерческая услуга / С. Танган // Педагогика. – 2006. – № 9. – С. 3–14.
7. Гребнев Л. WTO и Российские ВУЗы: от жесткой конкуренции к взаимовыгодному сотрудничеству / Л. Гребнев // Высшее образование в России. – 2006. – № 6. – С. 55–65.

References

1. Opfer Y.A. Risk-menedzhment v upravlenii kachestvom obrazovaniya v vuze [Risks management in controlling the quality of education at a higher school]. Vyisshie obrazovanie v Rossii – Higher education in Russia, 2015, no. 10, pp. 84–90.
2. Grebnev L. VTO i Rossiyskie VUZyi: ot zhestkoy konkurentsii k vzaimovyigodnomu sotrudnichestvu [World Trade Organization and Russian higher schools: from hard competition to mutually beneficial cooperation]. Vyisshie obrazovanie v Rossii – Higher education in Russia, 2006, no. 4, pp. 28–32.
3. Grebnev L. Obrazovanie – rynek «medvezhih uslug» [Education – the market of «dubious benefits»]. Vyisshie obrazovanie segodnya – Higher education today, 2005, no. 3, pp. 55–65.
4. Zapesotskiy A. Platnoe obrazovanie - ne ushuga, student - ne klient [Paid education is not a service, a student is not a client]. Vyisshie obrazovanie v Rossii – Higher education in Russia, 2002, no. 2, pp. 48–53.
5. Maiburov I. Sootnoshenie ponyatiy «obrazovanie» i «obrazovatel'naya ushuga» [Correlation of notions «education» and «educational service»]. Pravo i obrazovanie – Law and education, 2003, no. 5, pp. 34–43.
6. Fangian S. Obrazovanie – pravo cheloveka ili kommercheskaya ushuga [Education – the right of a person or a commercial service]. Pedagogika – Pedagogy, 2006, no. 9, pp. 3–14.
7. Grebnev L. VTO i Rossiyskie VUZyi: ot zhestkoy konkurentsii k vzaimovyigodnomu sotrudnichestvu [World Trade Organization and Russian higher schools: from hard competition to mutually beneficial cooperation]. Vyisshie obrazovanie v Rossii – Higher education in Russia, 2006, no. 6, pp. 55–65.

В. В. Астахов, В. И. Астахова

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ИННОВАЦИОННОМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ: ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются причины возрастания роли и социальной ответственности общественных организаций в условиях трансформации экономических и политических отношений в Украине, раскрываются тенденции изменения функциональных характеристик, целей и задач первичных общественных объединений массово создающихся в учебных заведениях в последние годы. Обосновывается вывод о неизбежности возврата от индивидуализированного общества к командным, коллективистским принципам общения и о роли общественных организаций в этом процессе. Дается характеристика нормативно-правовой базы их деятельности, подчеркивается необходимость ее скорейшего совершенствования.

Ключевые слова: общественные организации, первичные общественные организации учебных заведений, социальная активность, гражданское общество, гражданская ответственность, командная работа, коллективизм, нравственные ценности.

Астахов В. В., Астахова В. И. Громадські організації в інноваційному навчальному закладі: цілі, завдання й принципи діяльності

В статі розглядаються причини зростання ролі та соціальної відповідальності громадських організацій в умовах трансформації економічних та політичних відносин в Україні, розкриваються тенденції змінювання функціональних характеристик, цілей та завдань первинних громадських об'єднань, що масово створюються в навчальних закладах в останні роки. Обґрунтовується висновок про неминучість повернення від індивідуалізованого суспільства до командних, колективістських принципів спілкування та про роль громадських організацій в цьому процесі. Дається характеристика нормативно-правової бази їхньої діяльності та підкреслюється необхідність її найшвидшого удосконалення.

Ключові слова: громадські організації, первинні громадські організації вищих навчальних закладів, соціальна активність, громадське суспільство, громадська відповідальність, командна робота, колективізм, моральні цінності.

Astakhov V., Astakhova V. Public organizations at an innovational education institution: goals, tasks and activity principles

The article considers the reasons of increasing the role and social responsibilities of public organizations under the conditions of transformation of economic and political relationships in Ukraine, discusses the tendencies of changing the functional characteristics, objectives and tasks of primary public associations, recently appearing in great number at educational institutions. The analysis made gives grounds for the conclusion about the inevitability of reversion from the individualized society to collective, team principles of communication and about the role of public organizations in the process. The legislative and regulatory activity is characterized; the necessity of its improvement as soon as possible is underlined.

Key words: public organizations, primary public organizations at educational institutions, social activity, civil responsibility, team work, collectivism, moral values.

Народная Украинская Академия по праву относится к числу инновационных учебных заведений, осуществляющих экспериментальную работу в рамках поиска оптимальных путей реформирования национальной образовательной системы Украины. Завершив многолетний социальный эксперимент по становлению учебно-научного комплекса непрерывного образования (1990–2017 гг.) и получив позитивные результаты, высоко оцененные не только в Украине, но и за рубежом [см. 1, с. 26–46], НУА уже в 2017 г. приступила к новой экспериментальной работе по исследованию проблемы стейкхолдеров в системе образования [2].

В ходе создания, освоения и распространения инновационного опыта в сфере образования формируется новая, современная образовательная система – глобальная система открытого, гибкого, индивидуализированного, созидającego знания, непрерывного образования человека в течение всей его жизни. Эта система представляет собой единство:

- новых образовательных технологий – технологических инноваций;
- новых экономических механизмов в сфере образования – экономических инноваций;

- новых методов и приемов преподавания и обучения – педагогических инноваций;
- новых организационных структур и институциональных форм в области образования – организационных инноваций [3, с. 32–34].

К числу таких организационных структур, обеспечивающих организационные инновации в учебном заведении, мы относим общественные организации. И хотя они существовали в России еще с позапрошлого века, в нынешних условиях они представляют собой совершенно новые структуры, с новыми функциональными характеристиками, формами, методиками и принципами деятельности.

Сегодня нет оснований для утверждения о том, что новые по своей сути общественные организации успешно выполняют свои функциональные обязанности, последовательно взаимодействуют с государственными органами и органами местного самоуправления, работают в полном контакте с администрацией учебного заведения и являются значимым фактором модернизации системы образования. Нельзя сказать и то, что государство, администрация оказывают этим организациям систематическую поддержку, способствуют укреплению их позиции в обществе.

Несмотря на то, что на современном этапе развития украинской государственности все больше говорят и пишут о повышении прозрачности и демократичности функционирования государственных органов всех уровней, о формировании социального партнерства и укреплении гражданского общества, деятельность общественных организаций на протяжении многих лет остается в значительной степени формальной, малоэффективной, а сами эти организации крайне слабо влияют на события, происходящие в обществе, и не пользуются достаточным авторитетом.

Общественные организации представляют собой институты гражданского общества, неправительственные структуры, создающиеся на добровольных началах по инициативе граждан с целью защиты их прав, свобод и интересов, удовлетворения их потребностей в общении, самоутверждении и самосовершенствовании. Примерно такое же определение дается и в нормативных документах, в частности в Законе Украины «Об объединениях граждан» [4].

Работают эти организации на общественных началах без расчета на вознаграждение, без каких либо условий об оплате за проделанную работу. Работают во имя идеи, во имя людей, своего коллектива, города, Отечества. Да, создаются они не для получения или распределения каких-либо дивидендов. Наоборот, одним из основных источников финансирования их деятельности являются собственные взносы членов организации, размер которых определяется их Уставом или Положением, утверждаемым большинством.

Как правило, общественные организации – это партии, движения, объединения, союзы, благотворительные фонды, которые существенно различаются между собой по функциям и целям, по направлениям деятельности. Они официально регистрируются, но действуют самостоятельно и сами же отвечают за результаты своих действий.

Нормативно-правовая база деятельности общественных организаций разработана пока недостаточно, особенно на низовом уровне, в первичных подразделениях.

Основные положения и принципы регулирования общественных отношений в сфере создания, регистрации и функционирования общественных объединений зафиксированы в Конституции Украины (ст. 36, 40 и некоторые др.), в Законах Украины «Об общественных объединениях», «Об объединениях граждан», «О содействии социальному становлению и развитию молодежи в Украине», «О молодежных и детских общественных организациях», в проекте Закона Украины «Об образовании» и многочисленных Положениях и Уставах, регламентирующих деятельность общественных организаций на местах.

Однако отношения между государством и общественными организациями меняются столь стремительно, становление гражданского общества вносит настолько существенные коррективы в определение места и роли этих организаций, их функций, целей и задач, что нормативные документы очень быстро отстают в вопросах регламентации этих отношений. Конечно, базовые положения заложены в основных государственных актах и обеспечивают правовые основы существования различных объединений граждан.

Так, например, согласно Конституции Украины государство обязано не только гарантировать и обеспечивать права общественных

организаций, но и вовлекать их в конкретную работу по формированию и реализации государственной политики, по решению проблем, волнующих общество на каждом конкретном этапе. Конституцией предусмотрено право общественных организаций обращаться в органы государственной власти, местного самоуправления, в администрацию различных организаций и учреждений с предложениями, заявлениями, жалобами, ходатайствами и пр. Иными словами, прочная основа для разработки нормативно-правовых документов, регулирующих деятельность общественных организаций разных уровней, заложена достаточно давно и в какой-то степени работает.

Однако ускоряющиеся темпы роста гражданского самосознания людей, необходимость расширения участия граждан в управлении общественными процессами и установления эффективного взаимодействия между государством и гражданским обществом требуют значительной активизации, совершенствования деятельности объединений граждан, искоренения имеющегося в их работа негатива (формализма, бюрократизма, индифферентности и пр.) и установления новых принципов их взаимодействия с государственными органами и органами управления на местах, с администрацией конкретных учреждений. В решении этих задач в первую очередь заинтересованы первичные организации, которые обеспечивают вовлечение в общественную деятельность широкого круга рядовых граждан, а нормативная база регулирующая деятельность этих первичных ячеек, практически отсутствует.

Именно такими первичными ячейками выступают общественные организации учебных заведений, число которых в последние годы очень быстро увеличивается, а влияние заметно возрастает. Дело в том, что организации, существовавшие в годы советской власти, работали достаточно активно и результативно «под чутким руководством» и при очень жестком контроле со стороны партийных и государственных органов. Однако к началу 90-х годов они фактически переродились, превратившись почти на всех уровнях в мощные структуры, обеспечивающие для своей верхушки достаточно высокие прибыли.

Ликвидация этой системы была предопределена временем. И время

это настало в начале 90-х. Не только партийные и комсомольские организации, но за одним махом были ликвидированы и все общественные объединения – детские, молодежные, профессиональные и пр.

Однако жизнь показала необходимость их незамедлительной замены другими, создания принципиально новых, общественных структур, способных объединять людей, служить их интересам и адекватно отвечать на вызовы времени. Одними из первых почувствовали необходимость возрождения общественных объединений на качественно новой основе учебные заведения, от которых общество ожидало принципиально новых результатов в деле подготовки кадров новой генерации.

Уже к середине 1990-х годов сформировался устойчивый массовый спрос со стороны работодателей на молодых специалистов, основные компетенции которых сводились к следующему: относительное умение или привычка учиться новому и быстро переучиваться, работать в команде и уважать мнение коллег, принимать самостоятельные решения и брать на себя ответственность за полученные результаты. Формирование именно этих качеств стало рассматриваться заинтересованными сторонами (работодателями, родителями, самими обучающимися), как главная цель обучения в вузе и даже в школе. Причем специальность, по которой велась подготовка, имела существенно меньшее значение. Потребность именно в таких специалистах росла очень быстро, и сегодня тоже не потеряла своей актуальности.

Очевидно, что учебные заведения в силу своей масштабности и консервативности не в состоянии были так быстро перестроиться и обеспечить решение новых проблем. И тогда, отвечая на запросы времени, стали массово создаваться новые общественные организации, функции которых предполагали формирование именно тех качеств личности, в которых нуждалось общество. Одними из первых, уже в первой половине 90-х годов были воссозданы профсоюзные организации преподавателей и сотрудников и органы студенческого и ученического самоуправления. Их активное формирование шло в 1993/1994 учебном году. Несколько позже стали возникать

Попечительские Советы и родительские комитеты, Советы ветеранов, волонтеров, студенческих трудовых отрядов, Ассоциации выпускников, молодых ученых и т. п.

Процесс пошел, причем наиболее отчетливо и последовательно именно в системе образования, что объясняется особенностями функциональных характеристик, тех целей и задач, которые ставят перед собой общественные организации учебных заведений. Здесь их деятельность направлена не только и даже не столько на защиту прав и свобод обучающихся, на представление их интересов (в учебных заведениях партнерские отношения во многом складываются объективно), сколько на воспитание подрастающего поколения, на формирование у школьников и студентов навыков организаторской и управленческой деятельности, культуры поведения и общения, уверенности в себе и готовности работать на общее благо, самостоятельности и ответственности.

Иными словами участие в работе общественных организаций призвано содействовать повышению социальной активности, формированию социальной зрелости и профессионализма в его современном понимании. Особую роль играют общественные организации учебных заведений в возрождении коллективистских начал в сознании и поведении молодежи. Для реализации этого направления у них имеются достаточно широкие возможности, поскольку их деятельность предполагает совместную, коллективную работу, позволяющую совмещать и опыт старших, и творческий задор молодых, и самостоятельную практическую работу по выполнению стоящих перед данной организацией задач, и прямое эмоциональное воздействие на каждого из них со стороны других членов организации.

Современная научная литература убедительно доказывает, что именно эмоциональное воздействие оказывает на личность наибольшее влияние. Даниэль Гоулман, – английский философ и психолог утверждает, например, что в лучшем случае примерно 20% факторов, от которых зависит успех в жизни, определяет коэффициент интеллекта, а остальные 80% связаны исключительно с эмоциональным разумом [5]. Именно эмоциональное воздействие является одним из главных факторов, который используется в работе общественных

организаций, прежде всего посредством влияния коллектива, совместного труда на общее благо во имя достижения общих целей. За счет совместной работы в коллективе единомышленников формируются достойные взаимоотношения между поколениями, молодежь походя усваивает опыт старших, проникается уважением к ним, а старшие имеют возможность без лозунгов и деклараций проявить свое внимание и заботу о молодых.

Естественно, что все это при условии честного и добросовестного отношения к делу, с которым они связаны, при отсутствии коррумпированности, формализма, показушности и карьеристских испытывает молодежь в наличии коллектива сверстников. Это можно объяснить потребностью в защите собственных интересов в группе равных себе и противопоставлением своего мира миру взрослых.

Но взрослые могут и обязаны влиять на формирование такого коллектива, на его мировоззренческие установки и ценности. Делать это становится чем дальше, тем сложнее (разрушены традиционные коллективистские устои, долгие годы пропагандировался индивидуализм, а процессы информатизации общества способствуют закрытости личности, ее уходу в индивидуальный, виртуальный мир). Многие и отечественные и зарубежные авторы рассматривают этот процесс как крайне негативный, отрицающий любые формы социальности в угоду личным желаниям и устремлениям.

Так, например, известный западный социолог Зигмунт Бауман, давая негативную оценку индивидуализированному обществу, объясняет свою позицию тремя главными факторами:

Первый – это утрата человеком контроля над большинством значимых социальных процессов; возрастающая неопределенность и прогрессирующая незащищенность личности перед лицом неконтролируемых ею перемен; наконец, возникающее в таких условиях стремление человека отказаться от достижения перспективных целей ради получения немедленных результатов, что в конечном счете приводит к дезинтеграции как социальной, так и индивидуальной жизни. Как следствие, общество начала XXI века характеризуется, с одной стороны, стремительным усложнением экономических процессов, а с другой – все более явной фрагментированностью

человеческого существования. Противоречие между этими процессами и составляет основную проблему современного общества; сегодня нетрудно заметить, что при всей «индивидуализированности» социума в нем побеждают именно тенденции к самодостаточности хозяйственных процессов, в то время как социальное начало становится все менее значимым. Именно в этом кроется основная причина того, что современное общество пропитывается антигуманизмом, а современный человек становится все более дезориентированным, ограниченным и беспомощным.

Второе фундаментальное качество жизни современного индивидуализированного общества видится Бауману в снижении возможностей человека контролировать собственную судьбу, в возрастании неопределенности человеческого бытия. «Явление, которое исследователи стараются сегодня постичь, – пишет З. Бауман, – это совокупный опыт неуверенности человека в его положении, в правах и доступности средств к существованию, неопределенности относительно преемственности и будущей стабильности, отсутствия безопасности для физического тела человека, его личности и их продолжений – имущества, социального окружения, сообщества».

Третий важнейший признак жизни современного общества состоит в радикальном пересмотре всей системы ценностей, еще недавно представляющихся практически незыблемыми. Главная роль принадлежит здесь отказу от достижения людьми долгосрочных целей и задач.

Если человек утрачивает веру в возможность последовательно двигаться к определенным целям, то для него теряет значение социальная устойчивость, в том числе и устойчивость любых межличностных отношений. «Наша культура, – пишет автор, – первая в истории, не вознаграждающая долговечность и способная разделить жизнь на ряд эпизодов, проживающих с намерением предотвратить любые их долгосрочные последствия и уклониться от жестких обязательств, которые вынудили бы нас эти последствия принять». Но если так, то разрушается преемственность поколений, снижается значение семейных традиций и ценностей, ведь «сегодня ожидаемая продолжительность жизни семьи не превышает срока жизни ее

членов, и мало кто может уверенно утверждать, что семья, которую они только что создали, переживет их самих». Партнерства оказываются уже не тем, что должно достигаться «посредством длительных усилий и периодическая жертв, а... чем-то, от чего ожидают немедленного удовлетворения, что отвергается, если не оправдывает этих ожиданий, и что поддерживается лишь до тех пор (и не дольше), пока продолжает приносить наслаждение».

Одной из первых жертв в этом процессе пересмотра ценностей оказывается мораль. Утрата людьми моральных ориентиров ведет, с одной стороны, к тому, что они теряют и ориентацию во времени; цели, еще недавно признававшиеся безусловно возвышенными, лишены сегодня жизненно важного смысла и значения. Тонкий наблюдатель и аналитик, З. Бауман замечает, например, что слава, всегда достававшаяся человеку в результате напряженного труда, сменяется теперь известностью, представляющейся не более чем одним из многих предметов потребления. Вместе с тем, признав нормой отношение к себе подобным как к предметам внешнего мира, люди лишаются последней возможности использования коллективных действий с целью противостояния внешним объективным обстоятельствам, ибо каждый другой человек представляется уже не как партнер и союзник, а как представитель этого внешнего, объективного мира [цит. по 11, с. 142–145]. Молодые люди инстинктивно ищут выход из такой ситуации, стремятся к коллективным формам организации своей жизни, но сформировать полноценный коллектив сами не могут. Значит им нужно помогать, учить, подсказывать, вместе прокладывать дорогу. И это одна из важнейших функций общественных организаций. Сформулировать коллектив можно только на основе общих целей, интересов, увлечений, единых для всех, коллективных творческих дел. Интерес человека к работе может сложиться только при условии его непосредственной причастности к какому-то конкретному делу, важность и значимость которого признается всем коллективом. Если такого дела нет, если не сформирована ответственность за порученную работу, нет объективной оценки коллектива, тогда и членство в организации постепенно теряет смысл.

В тоже время воспитать коллективистского, гуманного и высоко-

нравственного гражданина, сформировать творческий потенциал личности человека-созидателя в самом широком смысле этого слова только посредством обучения практически невозможно. Здесь необходимо участие общественных организаций, принимающих на себя львиную долю вторичного обучения, которому многие западные исследователи вообще отводят первостепенную роль.

Так, например, М. Мид и Г. Бейтсон в своих работах еще в середине прошлого столетия утверждали, что именно в процессе вторичного обучения, редко оказывающемся под сознательным контролем назначенных или самозванных просветителей, обучаемые приобретают навыки, несравненно более важные для их будущей жизни, чем заранее отражаемые элементы знания, воплотившиеся в написанных либо естественно сложившихся учебных программах [6; 7].

Активность учащейся молодежи и студенчества в последние годы заметно возрастает. Куда будет направлена эта активность, станет ли она мотивом для благородных дел и поступков, или для агрессии и преступности – это зависит от личности, от уровня ее культуры, ее воспитанности. А уровень этот напрямую зависит от культурно-образовательной среды, важнейшим структурным элементом которой выступают общественные организации.

Взрослые члены социально-педагогического пространства учебных заведений тоже осознают возрастающую роль общественных организаций, совместной творческой деятельности, возможности совместного воздействия на процесс совершенствования культурно-образовательной среды и, в первую очередь, на молодежь, за судьбу которой они – педагоги в ответе. Поэтому и создаются сегодня многочисленные Советы, комитеты, комиссии, союзы и т. п.

В Народной украинской академии, например, уже много лет существует Совет ветеранов образования, Совет профессоров, Совет музея истории НУА, студенческий союз, ученический комитет и ряд других общественных организаций, каждая из которых имеет свое утвержденное общим собранием Положение, в котором сформулированы ее цели и задачи, функциональные обязанности и принципы деятельности.

Естественно, что функциональные характеристики этих органи-

заций, их цели и задачи существенно отличаются, но есть у них и сверхзадачи, над решением которых работают все. Это, прежде всего, установление новых, демократичных, открытых форм контактов в социально-педагогическом пространстве учебного заведения, которые ориентируют образовательные процессы не на их регенерацию и бесконечную повторяемость, а на дальнейшее их развитие и последовательную модернизацию.

К таким общим целям мы относим также работу по усилению мотивации студентов и школьников к учебной деятельности, соблюдение ими учебной дисциплины, формирование навыков самостоятельности и ответственности, совместная работа с ними по выполнению общеакадемических акций «Учись делать добро», «Мы помним и гордимся», «Слышим эхо минувшей войны» и мн. др.

В целом, по мнению В. Л. Гуляихина, А. Л. Галкина и Е. Н. Васильевой, перед общественными организациями учебных заведений, выступающих в качестве важнейших факторов социализации личности всех, кто учится, стоит пять фундаментальных задач, направленных на формирование в детских организациях: 1) установки на доверие к окружающему миру; 2) установок на самостоятельность и автономность, определяющих отношение к разрешениям и запретам, которое впоследствии должно распространиться на моральные и правовые нормы; 3) нравственных установок, ограничивающих дозволенность собственных действий по отношению к Другому; 4) ценностей, связанных с партнерами культуры данного социума; 5) комплекса представлений о правах и свободах, социальном статусе личности и ее гражданских обязанностях.

Перед студенческими общественными организациями стоят не менее сложные задачи. Прежде всего, к ним следует отнести формирование таких качеств молодого человека как уважение к другим людям, стремление перенять от старшего поколения духовные ценности и тягу к осмысленному порядку, осознание необходимости самосовершенствования на протяжении всей жизни и т. д.

Ключевым компонентом механизма вторичной социализации выступает институт воспитания и обучения, детерминирующий ценностно-смысловую сущность общественного сознания, важная

составляющая которого – эталоны-ориентиры «правильного социального поведения» [8, с. 127].

Что касается организаций преподавателей и сотрудников, то здесь на первый план выходят вопросы профессионального совершенствования (повышения квалификации; охраны здоровья и обеспечения условий организации труда и отдыха; содействие творческому росту, организация досуга, развитию инициативности, управленческих, организаторских способностей). Но все же наиболее эффективными мы считаем те общественные объединения, в которых совместно работают и старшие и младшие, и школьники и студенты и преподаватели с сотрудниками. Именно здесь наиболее полно раскрываются возможности общественных организаций, их место и роль в социально-педагогическом пространстве любого учебного заведения.

Вопрос о критериях эффективности деятельности общественных организаций разработан в научной литературе явно недостаточно. Так, например, украинский исследователь этого вопроса С. Н. Крушинская, ссылаясь на многочисленных отечественных и зарубежных авторов, выделяет три базовых показателя: 1) оптимальность, как достижение максимальных результатов в решении поставленных задач, при минимальных затратах времени, усилий и средств; 2) действенность достигнутых результатов, т. е. реальные показатели продвижения по направлению к намеченной цели; 3) поступательность, последовательность в продвижении от одного уровня, решения задач, к новому, более сложному, базирующемуся на предыдущих достижениях [9, с. 103].

В принципе соглашаясь с таким определением критериев, мы считаем, что они нуждаются в определенных дополнениях. В частности: 4) рост численности организации и показатели конкретного участия ее членов в проводимой ею работе; 5) показатель усвоения социального опыта членами организации, которые проявляются в росте их активности и ответственности, их карьерном продвижении и т. п.

Что касается основных принципов, на которых базируется деятельность общественных организаций, то мы считаем вполне обоснованным относить к ним, помимо добровольности и коллегиальности социальное партнерство (и педагогическое партнерство в том числе),

как осознанную совместную деятельность по достижению единых целей, направленных на совершенствование социально-педагогического пространства; равные права и обязанности всех членов организации; адекватное представительство в органах управления; четкая сфокусированность на проблемах и насущных потребностях организации и ее членов; открытость и информированность не только членов организации, но и широкой общественности о проводимой ими работе.

Опыт показывает, что активное участие в деятельности общественных организаций приносит, как правило, высокоположительные результаты и в профессиональном, и в семейном, и в личностном плане. Однако, утверждать, что существующие сегодня в учебных заведениях общественные организации работают с полной отдачей и выполняют свои функциональные обязанности на уровне требований, предъявляемых временем, было бы не совсем справедливо.

Да, их становится все больше и направленность их деятельности все многообразнее. Большинство из них осознают значимость своей работы, целесообразность и полезность своего присутствия в культурно-образовательной среде учебного заведения. Однако пережитки прошлого – формализм, равнодушие, работа «не вместе, а вместо» администрации, показуха и очковтирательство – все это оказалось гораздо более живучим, чем можно было предположить в конце прошлого столетия.

Сегодня наиболее массовой и организационно оформленной в учебных заведениях стала профсоюзная организация с ее фиксированным членством, оплатой взносов, достаточно приличной нормативно-правовой базой, ее опытом и традициями.

В Народной украинской академии профсоюз был создан в 1995/1996 уч. г. Его работу возглавил профком преподавателей и сотрудников и профбюро студентов. Они объединили вокруг себя практически всех преподавателей, сотрудников и студентов НУА. Мы неоднократно выясняли отношение членов этих организаций к их работе. Большинство сотрудников академии знают председателя профкома и его членов, знают какие функции выполняет каждый из них, по каким вопросам следует обращаться и к кому конкретно,

но в целом о работе профсоюзной организации, правах и обязанностях ее членов имеют достаточно смутное представление.

На вопрос «Что сделал лично для вас профсоюз в прошедшем учебном году?» нашли что ответить только 54% опрошенных, а 46% дать ответ на него не смогли. Еще хуже обстоят дела со студенческим профбюро. О его функциях, конкретных делах и возможностях ничего не смогли сказать 78 % студентов. На вопрос «Какую работу в вашей группе проводит профорг?» практически половина студентов ответили «Не знаю».

А ведь администрация академии убеждена (и не без оснований!), что профсоюз у нас, как и другие общественные организации, работает достаточно эффективно и успешно решает многие проблемы, связанные с проведением эксперимента по становлению нашей авторской модели непрерывного образования. Значит не все благополучно даже в нашей профсоюзной организации, значит нужны новые оценки и подходы, нужно совершенствовать социальную защиту всех и каждого, совершенствовать совместную работу с администрацией, включать как можно больше людей в активную общественную деятельность, чтобы профсоюз стал воистину, – как пишет А. Назарова, – школой – личностного роста каждого, кто причастен к системе образования [6, с. 179].

Тоже самое можно сказать и о других общественных организациях, которые работают достаточно активно, но не всегда инициативно и самостоятельно, не всегда выходя на решение сложных, инновационных вопросов. Конечно, многое зависит от лидера, от общей атмосферы в организации и в целом в учебном заведении, от заинтересованности членов коллектива в повышении его имиджа, в его дальнейшем развитии.

Но главное, конечно, это слаженная работа самой общественной организации, призванной постоянно и последовательно реализовывать триаду – **вовлечение, обучение, включение**. Общественные организации не могут полноценно выполнять свои функции, если в них не принимает участия достаточное количество заинтересованных, активно работающих людей, понимающих и принимающих специфику их работы – сообща, на общее благо, во имя людей, а не ради

получения доходов, прибылей или другой личной выгоды. Поэтому вовлечение в организацию новых членов должно рассматриваться как одна из ее главных задач. На добровольных началах, через интерес, информированность, увлеченность, стремление к самоутверждению вовлекать сначала наиболее активных, целеустремленных, желающих приложить свои силы к общественно-полезной деятельности, способных составить костяк коллектива единомышленников, а затем и тех, кто не уверен в себе, не может самостоятельно определиться, ждет подсказки и поддержки. И дальше работать не только с пассивными, но даже с негативно настроенными людьми. Это очень не просто. Но именно это оптимальный путь укрепления организации, расширения ее возможностей и обеспечения эффективности ее деятельности.

Однако простой количественный рост не даст необходимых результатов. Нужна постоянная учеба всех членов организации, начиная от методологической и теоретической подготовки, позволяющей понять для чего организация создана, какие цели перед собой может и должна ставить и как находить оптимальные пути их достижения, и заканчивая обобщением опыта старших, совместной работой с ними по выполнению постепенно усложняющихся функций.

И, наконец, включение в основную работу организации, в полном объеме «несение своей доли тягот» по обеспечению ее полноценного, эффективного функционирования.

Список литературы

1. Астахова В. И. Эксперимент завершен. Да здравствует эксперимент! / В. И. Астахова // Вчені записки Харківського гуманітарного університету “Народна українська академія”: [зб. наук. пр. / редкол.: В.І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2017 – Т. 23. – 556 с.
2. Взаимодействие образовательных учреждений со стейкхолдерами: веление времени : материалы XV междунар. науч.-практ. конф., Харьков, 16 февр. 2017 г. / Харьк. гуманит. ун-т «Нар. укр. акад.» [и др. ; редкол.: Астахова Е. В. и др.]. – Харьков : Изд-во «НУА», 2017. – 306 с.
3. Фокина В. Н. Образовательные инновации как элемент системы управления качеством подготовки специалистов / В. Н. Фокина, А. В. Слива, Т. Ю. Фокина // Инновации. – 2003. – № 1 – С. 32–34.

4. Закон України «Про об'єднання громадян» нормативно-правова база діяльності громадських молодіжних організацій: зб. / [упор.: В. П. Банах, С. В. Зелінський, А. Г. Зінченко та ін.; Український національний комітет молодіжних організацій]. – Київ: Четверта хвиля, 2001. – 388 с.
5. Гулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ / Д. Гулман. – М.: «Манн, Иванов и Фербер», 2013. – 560 с.
6. Бейтсон Г. Разум и природа: неизбежное единство / Г. Бейтсон [Пер. с англ. и предисл. Д. Я. Федотова]. – М. : URSS: КомКнига, 2007. – 244 с.
7. Мид М. Культура и мир детства / М. Мид. – М. : Наука. Серия: этнографическая библиотека, 1988. – 246 с.
8. Гуляихин В. Н. Молодежные и детские общественные объединения как субъекты вторичной социализации: опыт регионального исследования / В. Н. Гуляихин, А. П. Галкин, Е. Н. Васильева // Социс. – 2012. – № 6. – С. 127–132.
9. Крушинська С. М. Взаємодія державних органів із громадськістю у сфері освіти: теоретичний аспект / С. М. Крушинська // 36. наук. праць «Ефективність державного управління». – 2011. – Вип. 29. – С. 99–106.
10. Назарова А. В. Оценка деятельности студенческих профсоюзов в вузе: взгляд студентов / Назарова А. В. // Гос. упр.: электрон. вестн. – 2013. – № 36. – С. 172–180.
11. Иноземцев В. И. Зигмунт Бауман и его «индивидуализированное общество» / В. И. Иноземцев // Высшее образование в России. – 2004. – № 1. – С. 142–145.

References

1. Astakhova V.I. Eksperiment zavershen. Da zdravstvuet eksperiment! [The experiment has been completed. Long live the experiment!]. Vcheni zapysky Kharkivskoho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrainska akademiiia» – Collection of scientific papers of Kharkiv University of Humanities “People’s Ukrainian Academy”, Vol. XXIII, Kharkiv, PUA Publ., 2017, 565 p.
2. Vzaimodeystvie obrazovatelnyih uchrezhdeniy so steykholderami: velenie vremeni [Educational establishments cooperation with stakeholders: dictates of time]. Materials of XV International scientific and practical conference Kharkov, “PUA”, February 16, 2017, 306 p.
3. Fokina V. N., Sliva A. V., Fokina T. Yu. Obrazovatelnyie innovatsii kak element sistemyi upravleniya kachestvom podgotovki spetsialistov [Educational innovations as an element of the system controlling the quality of specialists training]. Innovatsii – Innovations, 2003, no. 1, pp. 32-34.

4. Zakon Ukrainy « Pro obiednannia hromadian» normatyvno-pravova baza diialnosti hromadskykh molodizhnykh orhanizatsii [The law of Ukraine «On citizen associations»: the legislative and regulatory framework of public youth organizations] Collection, Kiev, Fourth Wave Publ., 2001, 388 p.

5. Goulman D. Emotsionalnyy intellekt. Pochemu on mozhет znachit bolshe, chem IQ [Emotional intellect. Why it can mean more than IQ]. Moscow, “Mann, Ivanov and Ferber”, 2013, 560 p.

6. Beitson G. Razum i priroda: neizbezhnoe edinstvo [Mind and nature: inevitable unity], Moscow URSS: Komkniga, 2007, 244 p.

7. Mid M. Kultura i mir detstva [Culture and world of childhood], Moscow, Nauka – Science, Series: ethnographic library, 1988, 246 p.

8. Gulyaikhin V.N., Galkin A.P., Vasiliyeva Ye.N. Molodezhnyie i detskie obschestvennyie ob’edineniya kak sub’ektyi vtorichnoy sotsializatsii: opyt regionalnogo issledovaniya [Youth and children’s public associations as subject of secondary socialization: the experience of regional research] // Sociological researches, 2012, no. 6, pp. 127-132.

9. Krushchinska S.M. Vzaiemodiia derzhavnykh orhaniv iz hromadskistiu u sferi osvity: teoretychnyi aspekt [Cooperation between state bodies and public in the field of education: theoretical aspect]. Collection of scientific papers “Effectiveness of state management”, 2011, no. 29, pp. 99-106.

10. Nazarova A.V. Otsenka deyatelnosti studencheskikh profsoyuzov v vuze: vzglyad studentov [Estimation of student trade unions activities at higher school: students’ view]. State adm.: electronics bulletin, 2013, no. 36, pp. 172-180.

11. Inozemtsev V.I. Zigmunt Bauman i ego «individualizirovannoe obschestvo [Zigmint Bauman and his “individualized society”]. Vyisshee obrazovanie v Rossii – Higher education in Russia, 2004, no. 1, pp. 142-145.

О. М. Балакірєва, Р. Я. Левін

СУЧАСНІ ВИКЛИКИ ДО СИСТЕМИ ОСВІТИ В УКРАЇНІ

Показано постіндустріальні виклики українській системі освіти та можливі напрями її вдосконалення для адекватного реагування з урахуванням потреб національної економіки. Припущено, що в фокусі уваги такого вдосконалення має бути відповідність освіти ринку праці, якої наразі бракує (доведено, що на вітчизняному ринку праці пропозиція вищої освіти зайнятого економічно активного населення перебільшує зайнятість у професійних групах з вимогою такої освіти; надлишок розподіляється по професійних групах, де така освіта не потрібна; у професійних групах, де переважно потрібна професійно-технічна освіта, зайнятих працівників з такою освітою бракує). Запропоновано як результативний у досяжній перспективі напрям вдосконалення української освіти – осучаснення державної освітньої політики на користь економічного зростання в спосіб цілеспрямованого сприяння розбудові національної системи навчання впродовж життя.

Ключові слова: виклики, постіндустріальна освіта, ринок праці, навчання впродовж життя.

Балакірєва О. Н., Левин Р. Я. Современные вызовы к системе образования в Украине

Показано постиндустриальные вызовы украинской системе образования и возможные направления ее совершенствования для адекватного реагирования с учетом потребностей национальной экономики. Предположено, что в фокусе внимания такого совершенствования должно быть соответствие образования рынку труда, которого сейчас не хватает (доказано, что на отечественном рынке труда предложение высшего образования экономически активного населения превышает занятость в профессиональных группах с требованием такого образования; избыток распределяется по профессиональным группам, где такое образование не требуется; в профессиональных группах, где преимущественно нужно профессионально-техническое образование, занятых работников с таким образованием не хватает). Предложено как результативное в обозримой перспективе направление совершенствования украинского образования – осовременивание государственной образовательной политики в интересах экономичес-

кого роста методом целенаправленного содействия развитию национальной системы образования в течение жизни.

Ключевые слова: вызовы, постиндустриальное образование, рынок труда, образование в течение жизни.

Balakireva O., Levin R. Modern Challenges to the Education System in Ukraine

Paper dwells upon the postindustrial challenges to the Ukrainian education system and possible directions for its improvement for adequate response, taking into account the needs of the national economy. It is assumed that the focus of such an improvement should be the relevance of education in the labor market, which is currently lacking (it is proved that in the domestic labor market, the supply of higher education of the employed economically active population exacerbates employment in professional groups with the demand for such education; the surplus is distributed by professional groups, where such education is not needed; in vocational groups where vocational education is predominantly required, there is a shortage of employed workers with such education). Authors suggest directions for improvement Ukrainian education – modernization of the state educational policy in favor of economic growth in the form of purposeful assistance to the development of a national lifelong learning system.

Key words: challenges, post-industrial education, labor market, lifelong learning.

Постіндустріальна економіка актуалізувала створення постіндустріальної моделі освіти, на яку орієнтуються країни ОЕСР. Головними ознаками цієї моделі вважають нові навчальні методики, проектну діяльність, масове онлайн-навчання, заміну кваліфікацій компетенціями та оволодіння метакомпетенціями (властивість менеджерів найвищого рівня). До основних викликів, які спричинили появу постіндустріальної моделі освіти, дослідники прилічують: створення Інтернету й цифрових технологій; зміну моделі створення, трансляції та збереження знань; зміни процесів фіксації освітніх досягнень, управління навчальною діяльністю уповноваженими органами та вибору власної освітньої траєкторії користувачами [1]. Відповідно, й українська система освіти має налаштуватися на адекватне реагування на сучасні виклики. Окресленню за нинішнього соціально-економічного стану країни

найбільш результативних і можливих у досяжній перспективі напрямів приведення української освіти до потреб сьогодення у цілому та національної економіки зокрема присвячене дане дослідження.

Попередньо варто зауважити, що постіндустріальні виклики не можна обмежувати застиглим переліком (наведеним або ширшим, інших авторів). Всесвітньо відомий філософ Е. Тоффлер вважає, що інститут освіти відстає від темпів зростання постіндустріального виробництва «на порядки» [2]. А зміни в постіндустріальній економіці є настільки стрімкими, що нові виклики з'являтимуться постійно – різнорівневі, різноаспектні, часом зовсім несподівані. На наш погляд, важливо розділяти ідентифіковані сучасні виклики на дійсно глобальні (які постають перед системами освіти будь-яких країн) та суто національні (зумовлені особливостями функціонування систем освіти в конкретних країнах), розуміючи при цьому, що національні особливості можуть як підсилювати, так і пом'якшувати глобальні виклики. Наприклад, перетворилося на виклик навіть незмінне століттями традиційне завдання педагога зацікавити учня процесом навчання [3]. Сьогодні його доводиться вирішувати в умовах легкого доступу учня до різноманітної інформації, її щоденного збільшення, появи нових привабливих інновацій інформаційної сфери, коли користувача оточує безмежне інформаційне поле фільмів, кліпів, ігор, інтерактивних інтернет-сервісів [4]. Для створення зацікавленості вчителю потрібно мати доступ до актуальних досягнень сучасних інформаційних технологій і досконало володіти ними [3]. Крім того, в умовах, коли в боротьбі за увагу учня педагог конкурує з кращими комерційними медіакомпаніями, які залучають до виготовлення та передачі інформації креативні, людські, фінансові, технічні, технологічні тощо ресурси, які набагато перебільшують державні вкладення в будь-які навчальні програми [4]. Якщо в заможних країнах ОЕСР забезпечення педагога доступом до кращих інформаційних технологій і сприятливими умовами професійного зростання не є проблемою критичної ваги, то в реаліях української системи освіти що одне, що інше, самі по собі вже є викликами.

Досліджуючи більше десятиліття стан справ в українській освіті, ми неодноразово ідентифікували й оприлюднювали її нерозв'язані проблеми, які перетворюються на виклики, що потребують швидкого

реагування [5, с. 118–137; 6, с. 161–191; 7, с. 367–449]. Ми переконані, що в центрі уваги потрібна бути відповідність освіти ринку праці. Як мінімум, з того міркування, що без відповідності ринків освіти і праці інші складові освітніх реформ значною мірою втрачатимуть свою вагу [8, с. 3]. Хоча б тому, що ця відповідність є однією з умов сталості й розвитку національної економіки, а без розвиненої економіки не буде сильної країни. І знов тут два виміри – глобальний і національний.

Якщо орієнтуватися на сьогоденний український ринок праці, то, наприклад, проблема тотального безробіття для нас поки начебто є неактуальною. Скоріше, навпаки – серед 22 проблем, які у 2017 р. увійшли до рейтингу перешкод розвитку малого та середнього бізнесу, 10-ге місце посів брак кваліфікованих кадрів і вага цього фактора збільшилася за рік, що минув, майже вдвічі [9]. І коли в цьому зв'язку автори згаданого дослідження зазначають брак якісної освіти, професійної підготовки, інколи взагалі відсутність підготовки кадрів потрібної бізнесу кваліфікації, то напрям негайного реагування з боку освіти начебто зрозумілий – готувати професійні кадри належної якості в затребуваних бізнесом секторах економіки.

Хоча і тут не все просто, якщо переходити від рівня окремих секторів на рівень країни в цілому, розглядаючи констатоване багатьма фахівцями загальне явище неадекватної реалізації освітніх кваліфікацій населення на вітчизняному ринку праці [10]. Зокрема давно відомо, що українська система вищої та професійної освіти здебільшого орієнтується на ринок освітніх послуг і недостатньо враховує потреби ринку праці [8, с. 7]. Проведений нами на прикладі 2014 р. аналіз показав, що чисельність зайнятого економічно активного населення України з вищою освітою була однією з найбільших у світі, але цей освітній рівень недостатньо реалізовувався на вітчизняному ринку праці: пропозиція вищої освіти приблизно на шосту частину перебільшувала зайнятість у професійних групах з вимогою такої освіти. Відповідно, надлишок осіб з вищою освітою розподілявся за професійними групами, де така освіта не потрібна, а бажаною була переважно професійно-технічна освіта. Навіть у групі найпростіших професій, де не потрібна ні вища, ні професійно-технічна освіта, частка зайнятих з вищою освітою становила майже 20%. Водночас у

професійних групах, де переважно потрібна професійно-технічна освіта, зайнятих працівників з такою освітою бракувало: залежно від групи, 18–54% робочих місць займали особи з найпростішими професіями та без професій разом, а частка осіб з достатньою освітою становила, залежно від групи, лише 22–60% [7, с. 210–219]. Підкреслимо, що йдеться тільки про зайняте населення – економічно активне й таке, що працювало офіційно. При цьому не досліджувалося, скільки освітній потенціал залишався нереалізованим у легальній економіці через безробіття, тіньову зайнятість, зайнятість не за фахом і поза межами офіційного критерію економічної активності. Проте можна припускати, що разом це цілком порівнянне з аналізованою чисельністю, якщо не більше. Утім і в цьому напрямі способи реагування з боку освіти зрозумілі й достатньо відомі в світі (удосконалення держзамовлення на основі сучасних методів досліджень ринку праці, децентралізації потреб продуктивних сил, оптимізації відомчих запитів тощо).

Якщо орієнтуватися на ринок праці завтрашнього дня, розуміючи, що країну з відкритою економікою глобальні виклики ніяк не оминуть, тоді ситуація виглядає значно складніше. Тоді потрібно враховувати не тільки сам факт майбутнього поширення феномену безробіття в світі через заміщення людської праці автоматизацією, роботизацією, комп'ютеризацією, інформаційними технологіями (дехто з дослідників прогнозує рівень світового безробіття до 70%), але й зміни його складу, коли незатребуваними поряд з іншими стають і працівники з високою кваліфікацією [11]. Відповідно, попередньо набута в навчальних закладах професія та в трудовій діяльності кваліфікація не забезпечуватимуть зайнятість за певною спеціальністю не тільки на все життя, але й на достатньо тривалий час (за деякими даними, до 2025 р. людина змінюватиме професію протягом життя до 19 разів [12]). Це означає, що вже нинішні школярі повинні отримувати від освіти інструменти адаптації до кількарізкових професійно-кваліфікаційних змін у майбутньому, і це нетрадиційний для нашої системи освіти напрям діяльності.

Розробляти його частково допомагає те, що на короткому горизонті прогнозування майбутній світовий ринок праці більш-менш зрозумілий. І коли експерти Всесвітнього економічного форуму радять орієнту-

ватися на предметну сферу STEM (наука, технології, інженерія, математика), то способи вирішення цього завдання українською освітою цілком відомі та очевидні (хоча неочевидні можливості його реалізації в нинішніх умовах матеріально-технічного, кадрового, інформаційного, фінансового тощо забезпечення освітньої системи). Водночас коли ті ж експерти визначають ключові навички, потрібні працівнику для успішної кар'єри в 2020 р. (у першу десятку увійшли: комплексне розв'язання проблем; критичне мислення; креативність; уміння керувати людьми; взаємодіяти з ними; емоційний інтелект – розуміння емоцій, намірів і мотивації інших, скеровування їх у потрібному напрямі; уміння формувати власну думку та приймати рішення; орієнтація на клієнтів; уміння вести переговори; когнітивна гнучкість – швидкий перехід з думки на думку) [13], то навіть щодо ефективних способів вирішення таких завдань (програм, методик, методів, у тому числі запозичених з інших систем, підготовлених кадрів тощо) і взагалі готовності нашої освіти масово впроваджувати їх – достатнього розуміння поки бракує.

Ще один можливий напрям реагування на сучасні виклики ринків праці пов'язаний з іншим глобальним трендом – стрімким позбавленням постіндустріальною епохою сенсу таких наріжних принципів попереднього індустріального часу як централізація, максимізація, стандартизація тощо [14]. І якраз у цьому контексті нинішня українська децентралізація створює небачені раніше можливості налаштувати освітню систему на місцеві потреби, посилюючи тим її гнучкість. Наприклад, наведений вище брак кадрів потрібної кваліфікації для малого й середнього бізнесу має, за свідомством авторів дослідження, визначені місцеві особливості – його вага «...різниться від області до області <...> якщо для Львівської області ця проблема четверта в рейтингу перешкод, і майже третина опитаних вважають, що це перешкода, то для Київської області <...> ця проблема лише на десятому місці і тільки 10% опитаних вважають, що це перешкода» [9]. Якщо мати на увазі, що єдині, уніфіковані освітні системи тепер втрачають сенс навіть теоретично [14], то напрям діяльності в освіті окреслюється досить очевидно – диверсифікація школи відповідно до вимог не тільки часу взагалі, але й конкретного місця (поселення

достатнього розміру з його культурними особливостями), потреб конкретних користувачів (учнів, які всі різні й потребують індивідуального підходу) та набувачів освітнього «прибутку» (суб'єктів місцевої економіки, які різняться згідно специфіки регіону). На практиці (де-факто, місцями неофіційно) далеко не всі українські школи нині жорстко уніфіковані, існування одних тільки приватних це підтверджує, не кажучи вже про відмінності шкіл і ліцеїв, шкіл в різних типах поселень тощо. Можливо, є сенс поставити диверсифікацію школи в дусі децентралізації на користь місцевих потреб? (Принагідно можна згадати, що школи ряду пострадянських країн давно вже офіційно та неофіційно не уніфіковані, наприклад, у сучасній Росії дослідники виділяють 5 типів шкіл: найбільш масова з якістю освіти гірше радянської; школа жорсткої соціалізації для життя в умовному «таборі»; школи-гетто в міських новозбудованих районах; школи приємного проведення часу для дітей багатіїв та лише кілька цікавих, як правило – фізико-математичних шкіл [14]).

Обмірковування всієї складності надійного прогнозування та визначення основних напрямів удосконалення національної освітньої системи для забезпечення адекватного реагування на чинні й майбутні виклики постіндустріальної епохи приводить до думки, що головним завданням сучасної освіти може бути підготовка користувачів усіх її ланок до швидких перемін (здебільшого – раптових) у житті та праці, навчання умінню адаптуватися до змінюваних викликів часу. Інакше кажучи – освіта має навчати постійно вчитися, озброюючи для того необхідними в постіндустріальній епосі навичками-інструментами (мовними, інформаційними, аналітичними тощо). А далі, після виходу з певної інституційної ланки освітньої системи, людині потрібні сприятливі умови для постійного навчання впродовж життя (НВЖ). На наш погляд, розбудова національної системи НВЖ має стати одним з головних напрямів діяльності для освіти в широкому розумінні її значення, здатним забезпечити адекватне реагування на виклики ринків праці в постіндустріальній економіці.

Ґрунтовними підставами для такого міркування вважаємо ряд визнаних світом положень. Так, згідно аналізу Світового Банку 2003 р., НВЖ – це отримання освіти для економіки знань. При цьому в концепції

НВЖ рівні освіти (початковий, середній, вищий) як такі є менш значущими, ніж сам процес навчання, задоволення потреб тих, хто навчається; у розвинутих країнах НВЖ забезпечує постійний розвиток людського капіталу нації; поза розвинутою системою НВЖ зростання людського капіталу відбувається недостатніми темпами (зокрема, було доведено, що брак професійного НВЖ робітничих кадрів і управлінців середньої ланки стримує економічне зростання в країнах перехідних економік); НВЖ – один з найважливіших факторів, які впливають на вирішення проблеми бідності; НВЖ не тільки необхідне працівникам в умовах конкуренції в глобальній економіці, воно, збільшуючи здатності людей повноцінно функціонувати, як членів співтовариств, сприяє соціальній згуртованості, зменшенню злочинності й нерівності в розподілі доходів; успішність в економіці знань потребує постійного засвоєння нових компетенцій, як мінімум – основних навичок для навчання з іноземних мов, математики, природничих наук, використання інформаційно-комунікативних технологій, з умінням ефективно застосовувати ці навички автономно й у взаємодії в командах, в умовах функціонування в соціально різномірних групах; традиційні показники розвитку освіти, як-то валові показники кількості осіб, що навчаються на різних ступенях освіти, частка витрат на освіту у загальній структурі ВВП тощо не охоплюють важливих аспектів НВЖ, навчання в неформальному секторі, не вимірюють набуття компетенцій, натомість один із варіантів зростання економіки країни – створення власної національної системи стандартів для оцінки результатів НВЖ [15, с. 8–26]. Про значення НВЖ для України можна судити з того, що гарантування умов його якісного здійснення було визначено для України, згідно з Декларацією тисячоліття ООН, однією з 6-ти цілей розвитку тисячоліття, які мали бути досягнуті до 2015 р., та пролонговано для реалізації в Україні Цілей сталого розвитку 2016–2030 рр. з формулюванням «Ціль 4. Забезпечення всеохоплюючої якісної освіти та справедливого доступу до неї впродовж усього життя для всіх». Крім того, Рекомендаціями Парламенту і Ради Європи 2006 р. спеціально для НВЖ було визначено перелік ключових компетенцій, де йдеться про комбінацію знань, навичок і ставлень у відповідному контексті. Ключовими вважають 8 компетенцій,

необхідних всім людям для особистої реалізації та розвитку, активного громадянства, соціальної включеності та зайнятості: спілкування рідною та іноземними мовами, комп'ютерна й математична грамотність і базові компетенції в науці й технологіях, засвоєння навичок навчання, соціальні й громадянські компетенції, почуття новаторства й підприємництва, поінформованість і здатність самовиражатися в культурній сфері. Підкреслюється однакова важливість усіх компетенцій (кожна рівно здатна сприяти успіху в суспільстві знань); їхні взаємопов'язаність та взаємопідтримка; важлива роль усіх компетенцій для повноцінного розвитку (здатностей критичного мислення, креативного підходу, ініціативності, розв'язання проблем, оцінки ризику, прийняття рішень, керування почуттями) [16].

Окремо доцільно підкреслити нетотожність НВЖ традиційному для України поняттю безперервної освіти (попри родову схожість обох понять). Якщо безперервна освіта включає отримання знань, умінь і навичок будь-якими соціально-демографічними й професійними групами населення в будь-яких організаційно оформлених видах і формах (дошкільні загальноосвітні заклади, денні, вечірні, заочні школи, різні навчальні заклади професійно-технічної освіти, денні, вечірні, заочні середні й вищі спеціальні навчальні заклади, магістратура, аспірантура, докторантура, курси, факультети, академії, інститути підвищення кваліфікації, лекційні, семінарські, тренінгові курси різноманітного призначення тощо) [15, с. 11], то НВЖ являє собою будь-яке навчання протягом усього життя (з раннього дитинства до глибокої старості) в різних умовах (самостійно й за допомогою будь-яких курсів, семінарів, тренінгів тощо) поза межами шкільної (початкової, середньої, вищої) освіти або спеціально організоване в навчальних закладах, спеціально організоване та неформальне навчання через контакти на робочих місцях та в соціальному житті тощо [15, с. 13].

Наші вимірювання показали як характеризується участь українців у НВЖ на практиці. Проявилися дві тенденції: перша та, що в періоди стабілізації та зростання економіки кількість учасників НВЖ серед населення України зростає. Друга тенденція в тому, що в кризові часи замість зростання відбувається зменшення. Якщо звернутися до європейських порівнянь, то попри відмічену загальну тенденцію

зростання учасників НВЖ з розвитком в Україні ринкової економіки, у кількісному вимірі питома вага учасників НВЖ серед населення була однією з трьох найнижчих в Європі [17].

Останні вимірювання показали, що питома вага осіб, які залишалися поза процесом участі в НВЖ, серед населення віком від 18 років і старше не відрізнялась у 2017 р. від кризового 2008 р. – 76% і 79% (табл. 1).

Так само практично не відрізнялися плани щодо участі в НВЖ протягом найближчого року: 2008 р. та 2017 р. – відповідно, 80% і 79%. Теоретично, такого результату можна було очікувати – він цілком відповідає наведеній тенденції зменшення учасників НВЖ у кризові часи (провідні економісти визначають три кризові періоди: «... усі економічні, валютні, фінансові та банківські кризи в Україні...» в останні 20 років відбувалися в «...1998–1999, 2008–2009 і 2014–2016 рр. ...» [18]). У практичній площині це означає, що попри значне зростання громадянської активності з кінця 2013 р., якихось принципових змін щодо участі населення в НВЖ не відбулося. Очевидно, що відсутність істотного збільшення осіб, які прагнуть (і мають достатні можливості – час, кошти, доступ до навчання тощо) посилити в такий спосіб свій персональний людський капітал, негативно позначатиметься на економічному зростанні. На рівні мікроекономіки це може гальмувати збільшення капіталізації окремих підприємств, на макроекономічному рівні – ускладнити використання можливостей новітньої тенденції глобального розвитку, яка дозволяє включатись у міжнародний пул високотехнологічних самодостатніх держав новим країнам завдяки значному посиленню свого людського капіталу [19].

Отже, якщо сьогодні, незважаючи на не кращий період для української економіки, все ж таки у близько п'ятої частини населення зберігається запит на НВЖ, і якщо його задоволення залежить не стільки від бажань самої людини, скільки від можливостей подолання персональних обмежень: браку часу, доступу до навчання та платоспроможності (остання в кризові часи є вирішальним чинником), то напрям осучаснення державної освітньої політики на користь економічного зростання окреслюється досить визначено – цілеспрямовано сприяти розбудові національної системи НВЖ у відповідності з викликами вітчизняного ринку праці.

Таблиця 1

Розподіл відповідей респондентів віком від 18 років і старше у 2008 р. та 2017 р. на запитання: «На яких із зазначених курсів, семінарів, тренінгів Ви навчалися протягом останніх трьох років та/або плануєте навчатися протягом найближчого року?», % (суми стовпчиків не дорівнюють 100%, оскільки респонденти могли обирати кілька варіантів відповідей)

Варіанти відповідей	Роки			
	2008 р.*		2017 р.**	
	Навчалися протягом останніх 3 років	Планують навчатися протягом найближчого року	Навчалися протягом останніх 3 років	Планують навчатися протягом найближчого року
Галузеві курси підвищення кваліфікації (пслядипломна освіта)	6	2,5	8,5	3,0
Курси водіїв	5	4	5	4
Курси іноземних мов	3	4	3,5	4,5
Курси для користувачів комп'ютера, курси з ІТ-технологій	5	3	2	1,5
Бухгалтерські курси	2	1	0,5	1
Інші курси, інші види навчання (в тому числі у варіанті 2017 р., такі як онлайн-курси, наприклад, ПРОМЕТЕУС, КУРСЕРА тощо)	2	2,5	2	2
Семінари-тренінги, спрямовані на підвищення професійної підготовки	6	5	9,5	7
Семінари-тренінги, зорієнтовані на самовдосконалення особистості (в тому числі спілкування, самоконтроль, здоровий спосіб життя, саморозвиток тощо)	3	3	4	4,5
<i>Всього</i>	<i>24</i>	<i>20</i>	<i>24</i>	<i>21</i>
<i>Нічого із зазначеного</i>	<i>76</i>	<i>80</i>	<i>76</i>	<i>79</i>

*Дані опитування ГО «Центр «Соціальний моніторинг» та ГО «Український інститут соціальних досліджень імені Олександра Яременка», проведеного 7–17.12.2008 р. в усіх областях України, АР Крим, містах Київ і Севастополь; метод отримання інформації: індивідуальне інтерв'ю за місцем проживання респондента «віч-на-віч»; опитано 2097 респондентів віком від 18 років і старше; стандартні відхилення при достовірних 95% і співвідношенні змінних від 0,1 : 0,9 до 0,5 : 0,5 становлять 1,31–2,18%.

**Дані опитування «Ваша думка: серпень-вересень 2017 року», проведеного Соціологічною асоціацією України спільно з ГО «Український інститут соціальних досліджень імені Олександра Яременка»; опитано 2046 респондентів віком від 18 років і старше; стандартні відхилення при достовірних 95% і співвідношенні змінних від 0,1 : 0,9 до 0,5 : 0,5 становлять 1,31–2,18%.

Одним з напрямів розбудови такої системи може бути створення при провідних університетах регіонів окремих суб'єктів підприємництва на кшталт багаторівневих навчально-науково-виробничих комплексів НВЖ, здатних поєднати: дослідження і прогнозування місцевих ринків праці; науково-педагогічне кураторство шкіл, профтехучилищ, технікумів, навчальних курсів тощо; професійну орієнтацію та виробничу практику шкільної й студентської молоді; навчання та перенавчання молоді й дорослих затребуваним професіям і спеціальностям; виробництво матеріального й інтелектуального продукту праці, відповідно до місцевого ринкового попиту та з урахуванням світової кон'юнктури. У сприятливих фіскальних умовах (за прикладом технопарків, бізнес-інкубаторів тощо) і за підтримки місцевої влади ці осередки можуть стати спроможними не просто комерціалізувати підготовку кадрів (відома проблема нашої освіти), а впровадити кращі досягнення інших освітніх систем для виробництва кваліфікованої продуктивної сили в усьому актуальному діапазоні – від робітничих професій, до креативного хай-теку, від вузьких спеціалістів до «гібридних» менеджерів з метакомпетенціями (залежно від здібностей тих, хто прийшов навчатися). За сприятливого перебігу подій такі продуценти НВЖ можуть наблизити свої послуги до найменших поселень (мобільні пункти, онлайн-методи тощо) – реальна децентралізація, доступність.

Звичайно, на перших етапах створення-становлення таких суб'єктів НВЖ значну частку фінансового ресурсу доведеться солідарно забезпечувати державному та місцевим бюджетам, але необхідно залучати й приватних роботодавців і соціально-відповідальний бізнес. Тому вважаємо за доцільне державі разом з органами влади об'єднаних територіальних громад стимулювати роботодавців приватного сектору до участі в НВЖ своїх працівників (інформувати бізнес про перспективні напрями навчання, якість роботи територіально близьких

осередків надання навчальних послуг, запроваджувати галузеві, регіональні та всеукраїнські конкурси й премії кращим в цьому аспекті власникам бізнесу й часткову компенсацію витрат на ці цілі, фіскальні пільги тощо). Водночас необхідно посилювати вплив щодо НВЖ працівників державного сектору (удосконалити регламенти періодичності та тривалості навчання, обирати його, найбільш ефективні напрями, види й форми, забезпечувати фінансування тощо) та безробітних (зокрема, винести на громадську дискусію способи вдосконалення в цьому аспекті роботи служби зайнятості, включно з такими радикальними, як заміна нинішньої добровільної згоди безробітних на навчання обов'язковою умовою виплати певної частини допомоги по безробіттю лише тим, хто бере участь у персонально прийнятних за віком і станом здоров'я напрямках, формах і видах навчання).

Звертаючись до ідеологічного контексту того, якою має стати українська система освіти щоб адекватно реагувати на сучасні виклики національної економіки з урахуванням глобальних трендів, можна сформулювати запитання так – які узагальнені властивості мають бути притаманні цій системі, щоб забезпечити бажані функції? Не претендуючи на вичерпність відповіді, вважаємо такими властивостями здатність освітньої системи забезпечувати: достатню адекватність реалізації освітніх кваліфікацій українців запиту вітчизняного ринку праці «на сьогодні»; таку ж адекватність «на завтра» при невідворотних змінах ринку праці, ймовірно швидких і важко передбачуваних; не лише «економікоцентричність», коли головне призначення освіти вбачається державою в підготовці продуктивної сили у відповідності до потреб чинного суспільно-політичного устрою й соціально-економічного укладу (за певних умов, вони можуть не відповідати національним інтересам), але й людиноцентричність, коли освіта виконує місію озброєння людини інструментами самозабезпечення через працю своїх основних життєвих потреб і самореалізації особистості (надає конкретній особі достатній комплекс знань, умінь, навичок і компетенцій для виходу на сьогоденний ринок праці та адаптації до його змін у майбутньому, щоб залишатися на цьому ринку персонально затребуваною протягом всього активного життя).

Список літератури

1. Евзрезов Д. В. «Образование 2030» – вызов системе образования. 1. Форсайт образования – план создания «людей одной кнопки» ? / Д. В. Евзрезов, Б. О. Майер // Вестн. Новосибир. гос. пед. ун-та. – 2014. – № 2 (18). – С. 118–132.
2. Фанайлова Е. «Революционное богатство». Экономика ценностей без денег [Электронный ресурс] / Е. Фанайлова // Радио Свобода. – 2007. – Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/425890.html> (дата обращения: 12.01.2018). – Загл. с экрана.
3. Красильников М. Современные вызовы образованию [Электронный ресурс] / М. Красильников // Zakon.ru. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2015/3/27/sovremennye_vyzovy_obrazovaniyu (дата звернення 27.03.2015). – Загол. з екрану.
4. Дуров П. 7 элементов системы образования XXI века [Электронный ресурс] / П. Дуров // SLON. – Режим доступа: https://republic.ru/future/7_elementov_sistemy_obrazovaniya_xxi_veka-786760.xhtml (дата обращения: 17.05.2012). – Загл. с экрана.
5. Процеси соціальної мобільності в сучасному українському суспільстві : колектив. моногр. / НАН України, Ін-т економіки та прогнозування ; за ред. О. М. Балакіревої. – Київ, 2014. – 288 с.
6. Соціокультурні чинники розвитку українського ринку праці : колектив. моногр. / НАН України, Ін-т економіки та прогнозування ; за ред. О. М. Балакіревої. – Київ, 2017. – 264 с.
7. Детермінанти соціально-економічної нерівності в сучасній Україні / НАН України, Ін-т економіки та прогнозування ; за ред. О. М. Балакіревої. – Київ, 2011. – 592 с.
8. Карпенко М. Кореляція ринків праці й освіти в Україні: актуальні проблеми та шляхи їх розв'язання в руслі реформування вітчизняної освіти [Електронний ресурс] / М. Карпенко // Аналіт. зап. Серія «Гуманітарний розвиток». – 2015. – № 25. – Режим доступу: <http://www.niss.gov.ua/catalogue/14/> (дата звернення: 26.01.2018). – Загол. з екрану.
9. Кузяків О. Оптимістичні МСП в очікуванні дерегуляції та передбачуваності [Електронний ресурс] / Оксана Кузяків // Дзеркало тижня. Україна. – 2017. – № 49–50. – Режим доступу: https://dt.ua/finances/optimistichni-msp-v-ochikuvanni-deregulyaciyi-ta-peredbachuvanosti-264638_.html (дата звернення: 17.01.2018). – Загол. з екрану.
10. Кириченко І. Битва за професіоналізм [Електронний ресурс] / Кириченко І. // Дзеркало тижня. Україна. – 2012. – № 33 (81). – 21–27 верес.

11. Гуленок Ю. З третього світу – в пост капіталізм / Ю. Гуленок // Дзеркало тижня. Україна. – 2017. – № 48. – 16”27 груд..

12. Соколов А. В. Долгосрочное прогнозирование тенденций развития образования методами Форсайт / А. В. Соколов // Вопросы образования. – 2004. – № 3. – С. 66–76.

13. Януш О. 10 навичок, що врятують кар’єру в 2020-му [Електронний ресурс] / О. Януш // STUDWAY. – Режим доступу: <http://studway.com.ua/10-navichok/> (дата звернення 17.02.2016). – Загол. з екрану.

14. Кузнеченко С. Большая перемена: как эволюционирует образование [Электронный ресурс] / Кузнеченко С. // Fast Salt Times. – 2017. – Режим доступа: <http://fastsaltimes.com/sections/obzor/1276.html> (дата обращения: 17.01.2018). – Загл. с экрана.

15. Обучение на протяжении жизни в условиях новой экономики : [науч. докл.] / Центр мониторинга чел. ресурсов Акад. народ. хоз-ва [и др.]. – М. : [Алекс], 2006. – 264 с.

16. Рекомендации Парламента и Совета Европы от 18 декабря 2006 г. о ключевых компетенциях обучения в течение жизни. (2006/962/EC). Приложение. Ключевые компетенции для обучения в течение всей жизни – европейские рамочные установки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://adukatar.net/wiki/index.php?structure_id=221 (дата обращения: 23.12.2017).

17. Загальноєвропейське моніторингове порівняльне соціологічне дослідження «Європейське соціальне дослідження» (European Social Survey) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: www.europeansocialsurvey.org (дата звернення: 12.12.2017). – Загол. з екрану.

18. Кораблін С. Російська рулетка [Електронний ресурс] / С. Кораблін // Дзеркало тижня. Україна. – 2017. – № 33 (329). – 9–15 вересня.

19. Сколотяний Ю. Анатолій Гальчинський: «На порядку денному світового співтовариства – новий етап глобалізації» [Електронний ресурс] / Ю. Сколотяний // Дзеркало тижня. Україна. – 2017. – № 32 (328). – 2–8 вересня.

References

1. Evzrezov D. V. Mayer B. O. «Education 2030» – call the education system/ 1. Foresight of education – plan to create a “People of a one button”? (in Russian). Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin. 2014, No. 2(18), pp PP. 118–132.
2. Fanailova E. «Revolyutsionnoe bogatstvo». Ekonomika tsennoy bez deneg [«Revolutionary wealth». Economics of values without money]. Radio

Svoboda. 2017. Available at: <https://www.svoboda.org/a/425890.html> (accessed 12.01.2018).

2. Krasil'nikov M. Sovremennye vyzovy obrazovaniyu [Contemporary challenges to education]. Zakon.ru Available at: https://zakon.ru/blog/2015/3/27/sovremennye_vyzovy_obrazovaniyu (accessed 27.03.2015).

3. Durov P. 7 elementov sistemy obrazovaniya XXI veka [7 elements of the education system of the 21st century]. SLON Available at: https://republic.ru/future/7_elementov_sistemy_obrazovaniya_xxi_veka-786760.xhtml (accessed 17.05.2012).

4. Balakireva O. M. (Ed.). Protsesy sotsialnoi mobilnosti v suchasnomu ukrainському suspilstvi: kollektiv. monogr. [Processes of social mobility in modern Ukrainian society: collective monograph]. Kyiv, Ukrainian National Academy of Sciences, State Organization «Institute for Economics and Forecasting, Ukrainian National Academy of Sciences», 2014, 288 p.

5. Balakireva O. M. (Ed.). Sotsiokulturni chynnyky rozvytku ukrainського rynku pratsi: kolektiv. monogr. [Socio-cultural factors of development of the Ukrainian labor market: collective monograph]. Kyiv, Ukrainian National Academy of Sciences, State Organization «Institute for Economics and Forecasting, Ukrainian National Academy of Sciences», 2017. 264 p.

6. Balakireva O. M. (Ed.). Determinanty sotsialno-ekonomichnoi nerivnosti v suchasni Ukraini [Determinants of socio-economic inequality in modern Ukraine]. Kyiv, Ukrainian National Academy of Sciences, State Organization «Institute for Economics and Forecasting, Ukrainian National Academy of Sciences», 2011. 592 p. [in Ukrainian]

7. Karpenko M. Koreliatsiia ryнкiv pratsi i osvity v Ukraini: aktualni problemy ta shliakhy ikh rozviazannia v rusli reformuvannia vitchyznianoї osvity [Correlation of labor markets and education in Ukraine: actual problems and ways of their solution in the framework of reformation of the national education]. Analytical note. Series «Humanitarian development». 2015, No. 25. Available at: <http://www.niss.gov.ua/catalogue/14/> (accessed 26.01.2018).

8. Kuziakiv O. Optymistychni MSP v ochikuvanni derehuliatii ta peredbachuvanosti [Optimistic SMEs in anticipation of deregulation and predictability]. Dzerkalo Tyzhnia. Ukraine. 2017, No. 49–50. Available at: https://dt.ua/finances/optimistichni-msp-v-ochikuvanni-deregulyaciyi-ta-peredbachuvanosti-264638_.html (accessed 17.01.2018).

9. Kyrychenko I. Bytva za profesionalizm [The battle for professionalism]. Dzerkalo Tyzhnia. Ukraine. 2012, No. 33 (81), pp. 21–27.

10. Gulenok Yu. Z tretoho svitu – v postkapitalizm [From the third world - in post-capitalism]. Dzerkalo Tyzhnia. Ukraine. 2017, No. 48, pp. 16–27.
11. Sokolov A. V. Dolgosrochnoe prognozirovanie tendentsii razvitiya obrazovaniya metodami Forsait [Long-term forecasting of education development trends by Foresight methods]. Voprosy obrazovaniya – Educational Studies. 2004, No. 3, pp. 66–76.
12. Yanush O. 10 navychok, shcho vriatuiut karieru v 2020-mu [10 skills that will save your career in 2020]. STUDWAY. Available at: <http://studway.com.ua/10-navichok/> (accessed 17.02.2016).
13. Kuznechenko S. Bol'shaya peremena: kak evolyutsioniruet obrazovanie [Big change: how education evolves]. Fast Salt Times. 2017. Available at: <http://fastsalttimes.com/sections/obzor/1276.html> (accessed 17.01.2018).
14. Obuchenie na protyazhenii zhizni v usloviyakh novoi ekonomiki [Life-long learning in a new economy]. Moscow, Alek Publ., 2006. 264 p.
15. Rekomendatsii Parlamenta i Soveta Evropy ot 18 dekabrya 2006 g. o klyuchevykh kompetentsiyakh obucheniya v techenie zhizni. (2006/962/EC). Prilozhenie. Klyuchevye kompetentsii dlya obucheniya v techenie vsei zhizni – evropeiskie ramochnye ustanovki [Recommendations of the Parliament and the Council of Europe of December 18, 2006 on key competences for lifelong learning. (2006/962/EC). Annex. Key competencies for lifelong learning are European frameworks]. Available at: http://adukatar.net/wiki/index.php?structure_id=221 (accessed 23.12.2017).
16. Zahalnoievropeiske monitorynhove porivnialne sotsiologichne doslidzhennia «Yevropeiske sotsialne doslidzhennia» (European Social Survey) [European monitoring comparative sociological study «European Social Survey»]. Available at: www.europeansocialsurvey.org (accessed 12.12.2017).
17. Korablin S. Rosiiska ruletko [Russian Roulette]. Dzerkalo Tyzhnia. Ukraine, 2017, No. 33 (329), 9–15 September.
18. Skolotiani Yu. Anatolii Galchynskiy: «Na poriadku dennomu svitovoho spivtovarystva – novyi etap hlobalizatsii» [Anatoliy Halchinsky: «On the agenda of the world community – a new stage in globalization»]. Dzerkalo Tyzhnia. Ukraine, 2017, No. 32 (328), 2–8 September.

Е. В. Батаєва

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ

Рассмотрены актуальные проблемы современной теории социальной активности студентов с использованием транс-деятельностной концепции активности. Социальная активность рассматривается как интегративная характеристика личности, которая находит свое выражение в рефлексии, коммуникации, познании и деятельности, обусловленных внутренней потребностью человека в самоактуализации, проявляющихся в создании социально ценных артефактов/проектов, а также в осознанной помощи другим людям. Выявлены концептуальные особенности теории множественных форм социальной активности студентов, проявляемой в реальном и виртуальном контекстах, теоретической основой которой является теория множественного интеллекта Г. Гарднера. Рассмотрены четыре аспекта качественного подхода к различению высоких-низких уровней социальной активности (ценностный, мотивационный, акцентирующий инициативность-исполнительность и устойчивость-ситуативность социальной активности), которые дополняют и корректируют друг друга.

Ключевые слова: социальная активность; реактивность; просоциальность; транс-деятельностный подход; качественный критерий различения уровней социальной активности.

***Батаєва К. В.* Актуальні проблеми теорії соціальної активності студентів**

Розглянуто актуальні проблеми сучасної теорії соціальної активності студентів з використанням транс-діяльнісної концепції активності. Соціальна активність розглядається як інтегративна характеристика особистості, яка знаходить своє вираження в рефлексії, комунікації, пізнанні та діяльності, обумовлених внутрішньою потребою людини в самоактуалізації, що проявляються в створенні соціально цінних артефактів/проектів, а також в усвідомленій допомозі іншим людям. Виявлено концептуальні особливості теорії множинних форм соціальної активності студентів, що проявляється в реальному і віртуальному контекстах, теоретичною основою якої є теорія множинного інтелекту Г. Гарднера. Розглянуті чотири аспекти якісного підходу до розрізнення високих-низьких рівнів соціальної активності (ціннісний,

мотиваційний, аспект ініціативності-старанності і стійкості-ситуативності соціальної активності), які доповнюють і коректують один одного.

Ключові слова: соціальна активність; реактивність; просоціальність; транс-діяльнісний підхід; якісний критерій розрізнення рівнів соціальної активності.

Bataeva K. Actual problems of the theory of social activity of students

Actual problems of modern theory of social activity of students are considered using trans-action concept of activity. Social activity is viewed as an integrated characteristic of personality that appears itself in reflection, communication, cognition and activity, conditioned by a person's internal need for self-actualization, manifested in creation of socially valuable artifacts/projects, as well as in conscious help to other people. Conceptual features of the theory of multiple forms of social activity of students manifested in real and virtual contexts the theoretical basis of which is G. Gardner's theory of multiple intelligence are revealed. Four aspects of qualitative approach to distinguishing high-low levels of social activity (value, motivational, accentuating initiative-efficiency and stability-situationality of social activity) that complement and correct each other are considered.

Key words: social activity; reactivity; pro-sociality; trans-action approach; qualitative criterion for distinguishing between levels of social activity.

В современной теории социальной активности достаточно много внимания уделяют выявлению существенных характеристик этой категории, формулировке корректных определений, анализу специфики различных форм социальной активности, изучению методов формирования и управления активностью студентов и школьников. Тема социальной активности является междисциплинарной, ее разработкой занимаются психологи (А. Абульханова-Славская, А. Буршлинский, А. Леонтьев, С. Рубинштейн, Э. Фромм, Р. Шамионов и др.), философы (С. Абачиев, В. Агеев, Г. Батищев, С. Иваненков и др.), социологи (О. Асеева, Е. Бахаровская, Ю. Мангутова, Г. Новикова, Е. Харланова, Е. Якуба и др.), представители педагогических наук (Н. Зенько, Ю. Кустикова, В. Маралов, А. Мудрик, Н. Пилипчевская, В. Ситаров, К. Ямкова и др.), при этом практически все теоретики

опираються на деятельностный подход к определению социальной активности, предложенный А. Леонтьевым, согласно которому социальная активность человека всегда проявляется/завершается в конкретной деятельности. В то же самое время некоторые исследователи (к примеру, А. Мудрик, К. Ямкова) оговаривают условия расширенной трактовки понятия «активность», которое подразумевает не только деятельность (понимаемую как действия, направленные на решение объективной проблемы и имеющие своим итогом создание материального или виртуального/интеллектуального продукта), но и рефлексию, познание, коммуникацию, спорт, игру [13, с. 314–315].

Имея в виду расширенную (транс-деятельностную) трактовку понятия активности, будем использовать в качестве теоретической основы отредактированное определение Г. Новиковой и Г. Маль [6, с. 124]: социальная активность – это интегративная характеристика личности, которая находит свое выражение в рефлексии, коммуникации, познании и деятельности, обусловленных внутренней потребностью человека в самоактуализации, проявляющихся в создании социально ценных артефактов/проектов, а также в осознанной помощи другим людям. Целью статьи является анализ наиболее актуальных и дискуссионных проблем современной теории социальной активности студентов, выявление основных аспектов качественного подхода к различению высоких-низких уровней социальной активности студентов, анализ особенностей проявления социальной активности студентов в современном обществе.

Рассмотрим сущностные характеристики понятия «социальной активности», выделенные Е. Харлановой, такие как «самодетерминированность», «включенность в социальное взаимодействие» и «просоциальность» [10, с. 184]. «Самодетерминированность» социальной активности следует понимать как спонтанное и свободное проявление определенных жизненных потенций социального субъекта, никем не навязанное извне; как самопроизвольную деятельность человека (и созерцательную, и осуществляемую на поведенческом уровне), дающую возможность проявиться глубинным способностям личности, в основе которой лежит свобода и независимость. Подобное «самодетерминированное» определение социальной активности

предложил в работе «Ради любви к жизни» Э. Фромм, согласно которому «активность означает выявление, проявление тех сил, которые есть в человеке, но которые обычно остаются спрятанными и подавленными» [9]. Если же человека активизируют внешние стимулы, например, желание прославиться или разбогатеть, то в действительности он лишен свободы и независимости и остается внутренне пассивным [9].

Понятие активности находится в контрадикторных отношениях с понятием реактивности, отрефлексируемым В. Ситаровым и В. Мараловым, существенным признаком которого является не самодетерминированность рефлексии, коммуницирования или деятельности человека, а их порожденность/сформированность *извне*, под влиянием внешних факторов. В. Ситаров и В. Маралов выделили несколько формотворческих признаков реактивности: во-первых, реактивность выполняет в основном приспособительную, адаптивную функцию, будучи (буквально) формой *реакции* на определенные стимулы, предлагаемые внешней средой; во-вторых, реактивность «обуславливается системой установок, опытом выполнения прошлых деятельностей, она ориентирована на прошлое» [8, с.165]; в-третьих, реактивность по своей сути стереотипна, поскольку воспроизводит уже существующие, общепринятые шаблоны поведения и мышления. Напротив, активность предполагает не приспособление к уже существующим познавательным и социальным контекстам, сколько их преобразование и усовершенствование; она ориентирована не на прошлое, а на настоящее и будущее, стимулируя создание «избыточности» смыслов; активность по своей природе не-стереотипна, предполагая создание уникальных проектов, преодолевающих банальность «общепринятого». Реактивность, как правило, являет собой ситуативные, неустойчивые и не сохраняемые во времени формы жизнедеятельности человека, которые вне ситуации внешнего стимулирования могут исчезнуть, тогда как активность обусловлена над-ситуативной, стойкой потребностью человека в самовыражении и самоактуализации, которая стабильно воспроизводится во времени. Активность всегда субъектна – она соотносится с развитой субъектностью человека, являющегося автором своей

жизни, свободно выбирающим жизненные цели и средства для их достижения, самостоятельно принимающим жизненно важные решения, являющегося независимым от внешнего влияния и принимающим на себя ответственность за любые результаты собственной активности. Напротив, реактивность всегда «объектна», предполагая возможность манипулирования человеком как объектом с целью реализации решений, принимаемых внешними акторами. Можно предположить, что реактивность субъекта может стать распространенной и типичной в контексте инструментализации отношений в образовательном пространстве [7].

Вторая сущностная характеристика социальной активности – «включенность в социальное взаимодействие» – предполагает возможность различных модусов социального взаимодействия – в режиме реального или отсроченного времени, в реальном или виртуальном пространстве. К примеру, опережающий свое время интеллектуальный проект, являющийся плодом научной активности человека, смогут оценить не современники, а потомки спустя время и в другом пространственном измерении, вступив с его автором в отсроченное социальное взаимодействие.

В третьей важной характеристике социальной активности – «просоциальности» – фиксируется соотносительность социальной активности с позитивным преобразованием человеком самого себя или общества, с созданием социально ценных и полезных интеллектуальных/социальных проектов; негативную деятельность соотносят не с категорией социальной активности, а с деструктивностью, с разрушительностью и нанесением вреда окружающим людям или самому себе.

Одна *versus* множество форм социальной активности. В советской научной литературе социальная активность рассматривалась как общественно направленная активность, проявляющаяся в участии в общественных организациях, в социальных проектах оказания помощи пожилым и больным людям, в сборе макулатуры и металлолома, во внеурочной работе в колхозах. Подобное отождествление социальной и общественной активности иногда можно встретить и в современной научной литературе. К примеру, С. Иваненков

и А. Кострикин утверждают, что «европейская традиция связывает социальную активность молодежи, прежде всего, с мобильностью и участием молодых граждан в общественной жизни на местном и региональном уровне» [4]; как полагает Е. Якуба, «важнейшими признаками социальной активности личности является сильное, устойчивое, а не ситуативное стремление влиять на социальные процессы и реальное участие в общественных делах» [12]. Однако в современной теории образования более актуальной становится концепция множественных форм социальной активности студентов, а именно познавательной, трудовой, коммуникационной, общественной, проектной, культурной, творческой, политической, гражданской активности обучающихся. Теоретической основой концепции множественных форм социальной активности является теория множественного интеллекта Г. Гарднера, согласно которому существует семь модулей разума (или интеллектов – во множественном числе): лингвистический, логико-математический, музыкальный, пространственный, телесно-кинестетический, а также две формы личностного интеллекта – сориентированный на окружающих людей (именно он находится в основе общественной сориентированной активности личности) и на самого индивида [2]. Все одарены по-разному, каждый обладает определенными способностями в разных жизненных контекстах, поэтому и активны все по-разному. Если у студента развит, к примеру, лингвистический интеллект и не развит интеллект, сориентированный на окружающих людей, сложно будет от него ожидать общественно ориентированной активности, хотя в то же самое время он может быть чрезвычайно активным в научном, познавательном, коммуникационном, музыкальном отношении. Если студента, не имеющего соответствующих способностей и не обладающего развитым интеллектом, ориентированным на других людей, вынудить участвовать в общественных организациях, социальных/волонтерских проектах или органах студенческого самоуправления, то с высокой степенью вероятностью он выполнит такую работу не-творчески, некачественно, с низким уровнем эффективности. И наоборот, студент, обладающий склонностью к общественной деятельности и получающий удовольствие от выполнения общественных поручений, свободно

и без внешнего принуждения пожелает участвовать в социальных проектах, нацеленных на решение определенных общественных проблем. В силу несходства и несоизмеримости различных форм социальной активности, их невозможно сравнивать по шкале лучше-хуже, выявляя более актуальные или востребованные.

В современной научной литературе различают реальную и виртуальную (или киберактивность) формы социальной активности, которые могут соотноситься друг с другом в двух режимах. Во-первых, речь идет об их взаимодополнении: виртуальная активность может дополнять активность в реальном пространстве и времени, расширяя возможности человека и становясь естественным и неизбежным эффектом виртуализации общества. В данном контексте также речь идет о разных формах виртуальной активности: в Интернет-пространстве возможна познавательная, трудовая активность (можно зарабатывать, находясь online), коммуникационная, общественно-политическая (пользуясь различными Интернет-ресурсами, можно участвовать в обсуждении законопроектов, вступать в дискуссию с топ-политиками страны, участвовать в виртуальных забастовках, в сборе подписей под петициями и т.д.). Согласно результатам исследования О. Асеевой, подавляющее большинство современных студентов активно участвуют в различных Интернет-проектах, причем «молодежь, которая изначально социально активна в объективно реальном пространстве, становится также активна и в виртуальном» [1].

Во-вторых, можно говорить о вытеснении или замещении реальной активности виртуальной, – в данном случае возникает феномен Интернет-зависимости, основными показателями которого является социальная дезадаптация (портятся отношения с близкими, друзьями, преподавателями; ухудшается академическая успеваемость, растет количество пропусков занятий) и большое количество времени, проведенного в Интернете (минимум 38 часов в неделю) [14, с. 238]. Согласно мировой статистике, в среднем около 8-13% Интернет-пользователей страдают от Интернет-зависимости [15], причинами которой являются довольно сложные состояния депривированности, исключенности из социальных контекстов [5, с. 72], социальное

одинокість [11, с. 100], непризнанність, соціальна невострєбованність, неможливість самореалізації в реальному обществі. В случає Інтернет-зависимості складно (і навіть неможливо) говорити про соціальну активність, оскільки найбільш важливі її ознаки в даному случає зникають: самодетермінованість витісняється залежністю, яка по своїй суті позбавлена свободи; просоціальність замінюється соціальною дезадаптацією, наслідком якої є порушення взаємозв'язків з реальними соціальними акторами.

Кількісний *versus* якісний критерій розмежування високої-середньої-низкої соціальної активності. Раніше в спеціальній літературі досить часто ссылались на кількісний критерій розмежування високих-низких рівнів соціальної активності (згідно з яким «соціальна активність вище у осіб, включених в більше число громадських зв'язків і громад» [3, с. 3]); однак маючи на увазі феномен реактивності, складно бути впевненим, що людина, часто з'являючись на публіці і виконуючи багато дій, дійсно є активним (а не тільки лише реагуючим на зовнішні стимули). Тому в сучасній теорії слід дати перевагу якісному критерію розмежування високих-низких рівнів соціальної активності, в якому можна виділити кілька аспектів. По-перше, мова йде про категорії ініціативності-виконавчості, збалансоване співвідношення і інтенсивне проявлення яких свідчить, на думку В. Ситарова і В. Маралова, про високий рівень активності людини [8, с. 169–170]. Якщо ж людина неініціативна (або нестабільно/неустійливо ініціативна), схильна виконувати проекти, запропоновані іншими соціальними акторами або, навпаки, людина продукує ідеї, але не схильна їх реалізовувати, рекомендує їх виконання іншим людям, то в цьому случає можна говорити про невисоких (або недостатньо високих) рівнях соціальної активності людини.

По-друге, про якість соціальної активності людини можна говорити, використовуючи ціннісний підхід, запропонований Е. Якубой, згідно з якою тільки в тому случає, якщо людина діє в

имя высших общечеловеческих ценностей (свободы, справедливости, демократии, истины, ради познания высшего смысла существования, развития науки), ее можно назвать истинно активной [12]. И, наоборот, если человек совершает множество акций и интеракций, преследуя эгоистические цели получения личной выгоды или реализации собственных амбиций, если он инициативен и исполнительен, но его инициативность и исполнительность обусловлена карьеристскими мотивами или желанием получить материальное вознаграждение за совершаемые действия, то в этом случае правильнее говорить о средне-низких уровнях социальной активности человека.

В-третьих, высокие-средние-низкие уровни социальной активности можно различать, используя мотивационный подход. В зависимости от того, какие мотивы управляют поведением человека, можно говорить о различных характеристиках социальной активности. Используя терминологию Д. Макклелланда и Д. Роттера, можно предположить, что достижительность/интернальность личности (проявляющаяся в упорных и систематических действиях, совершаемых ради достижения определенной цели) должна соотноситься с высокими уровнями социальной активности; напротив, избегание-неудачи/экстернальность должна соотноситься с низко-качественными уровнями социальной активности, когда студент действует, боясь наказания, «потому что заставили», «чтобы не отличаться от других» или вследствие прагматического расчета «накопить побольше бонусов/баллов»).

В-четвертых, речь идет об устойчивости-ситуативности социальной активности студента, упоминаемых большинством современных теоретиков. Если студент устойчиво и стабильно совершает социальные акции и интеракции, обладающие характеристиками самодетерминированности и просоциальности, то можно говорить о высоких уровнях его активности; напротив, если студент ситуативно, иногда или крайне редко совершает определенные социально ориентированные действия, можно говорить о невысоких уровнях социальной активности.

Выводы. В результате рассмотрения актуальных проблем современной теории социальной активности студентов с использованием

транс-деятельностной концепции активности, выявлена эвристическая ценность концепции множественных форм социальной активности студентов, проявляемой в реальном и виртуальном контекстах, теоретической основой которой является теория множественного интеллекта Г. Гарднера. В статье были продемонстрированы преимущества качественного подхода к различению высоких-низких уровней социальной активности студентов, который включает в себя четыре параметра: ценностный, мотивационный, параметр инициативности-исполнительности и устойчивости-ситуативности социальной активности. Перечисленные четыре аспекта качественного критерия различения высоких-средних-низких уровней социальной активности студента дополняют и корректируют друг друга, поэтому предпочтительным является их одновременное использование.

В дальнейшем необходимо проанализировать причины таких рискованных ситуаций, как преобладание реактивных форм образовательных практик студентов над активными, распространенность средне-низких уровней социальной активности и низких уровней общественно ориентированной активности студентов.

Список литературы

1. Асеева О. Виртуализация социальной активности молодежи в сетевых сообществах: автореф. дис. ... канд. социол. наук по специальности 22.00.04 – соц. структура, соц. институты и процессы / Асеева О.. – Абакан, 2015. – 22 с.
2. Гарднер Г. Структура разума: теория множественного интеллекта / Гарднер Г. ; [пер. с англ]. – Москва: ООО. “И.Д. Вильямс”, 2007. – 512 с.
3. Дзялошинский И. Медиа и социальная активность молодежи [Электронный ресурс] / Дзялошинский И., Мастерова Ю. // Медиа. Информация. Коммуникация. – 2012. – № 3. – Режим доступа: <http://mic.org.ru/phocadownload/3-dzyaloshinsky-masterova.pdf>. – Загл. с экрана.
4. Иваненков С. Проблемы исследования социальной активности молодежи [Электронный ресурс] / Иваненков С., Кострикин А. // Сайт Credonew. – Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/834/61/> – Загл. с экрана.
5. Корытникова Н. Интернет-зависимость и депривация в результате виртуальных взаимодействий / Корытникова Н. // Социс. – 2010. – № 6. – С. 70–79.
6. Новикова Г. Структура социальной активности молодежи в доброволь-

ческой деятельности и ее виды / Новикова Г., Маль Г. // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 10. – С. 124–126.

7. От коммуникативного действия к практикам деконструкции в современном образовании : монография / [под общ. ред. Е. В. Батаевой]. – Харьков : Изд-во НУА, 2017. – 204 с.

8. Ситаров В. Социальная активность личности (уровни, критерии, типы и пути ее развития) / Ситаров В., Маралов В. // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 4. – С. 164–176.

9. Фромм Э. Ради любви к жизни / Фромм Э. – Москва: АСТ, 1996. – 59 с.

10. Харланова Е. Социальная активность студентов: сущность понятия / Харланова Е. // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 4. – С. 183–186.

11. Цой Н. Феномен Интернет-зависимости и одиночество / Цой Н. // Социс. – 2010. – № 12. – С. 98–107.

12. Якуба Е. Социология / Якуба Е. – Харьков : Константа, 1996. – 176 с.

13. Ямкова К. Сутність та різновиди соціальної активності учнівської молоді: теоретичний аспект [Електронний ресурс] / Ямкова К. // Науковий вісник Мелітопольського держ. пед. ун-ту. – 2011. – № 2. – Режим доступу: <http://lib.mdpu.org.ua/nvsp/BAK7/7/48.pdf>.

14. Young K. Internet Addiction: The Emergence of a New Clinical Disorder / Young K. // *CyberPsychology & Behavior*. – 2009. – № 1(3). – Pp. 237–244.

15. Rotsztein B. Problem Internet use and locus of control among college students: Preliminary findings [Electronic resource] / Rotsztein B. // The 35th Annual Conference of the New England Educational Research Organization Portsmouth, New Hampshire, April 10. – 2003. – Pp. 1–13. – Available at: <http://www.brianrotsztein.com/downloads/internetresearch.pdf>.

References

1. Aseeva O. Virtualizacija social'noj aktivnosti molodezhi v setevyh soobshhestvah [Virtualization of social activity of youth in networked communities]. Avtoreferat dis. na soisk. uchenoj stepeni kand. sociol. nauk po special'nosti 22.00.04 – soc. struktura, soc. instituty i processy, 2015, 22 p.

2. Gardner G. Struktura razuma: teorija mnozhestvennogo intellekta [Frames of Mind: The Theory of Multiple Intelligences], Moscow: LLC. "ID Williams", 2007, 512 p.

3. Dzjaloshinskij I., Masterova Ju., Media i social'naja aktivnost' molodezhi [Media and social activity of youth]. Media. Informacija. Kommunikacija – Media. Information. Communication, 2012, no. 3, Access mode: <http://mic.org.ru/>

phocadownload/3-dzyaloshinsky-masterova.pdf.

4. Ivanenkov S., Kostrikin, A. Problemy issledovanija social'noj aktivnosti molodezhi [Problems of research of social activity of youth]. Available at: <http://credonew.ru/content/view/834/61/>.

5. Korytnikova N. Internet-zavisimost' i deprivacija v rezul'tate virtual'nyh vzaimodejstvij [Internet dependence and deprivation as a result of virtual interactions], *Socis – Sociological research*, 2010, no. 6, pp. 70-79.

6. Novikova G., Mal' G. S. Struktura social'noj aktivnosti molodezhi v dobrovol'cheskoj dejatel'nosti i ee vidy [The structure of social activity of youth in volunteer activities and its types]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal – International Scientific and Research Journal*, 2016, no. 10, pp. 124-126.

7. Bataeva E. V., eds. Ot kommunikativnogo dejstvija k praktikam dekonstrukcii v sovremennom obrazovanii [From communicative action to deconstruction practices in modern education], Kharkiv, PUA Publ., 2017, 204 p.

8. Sitarov V., Maralov V. Social'naja aktivnost' lichnosti (urovni, kriterii, tipy i puti ee razvitija) [Social activity of the personality (levels, criteria, types and ways of its development)]. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*, 2015, no. 4, pp. 164-176.

9. Fromm Je. Radi ljubvi k zhizni [For the love of life], Moscow, ACT, 1996, 59 p.

10. Harlanova E. Social'naja aktivnost' studentov: sushhnost' ponjatija [Social activity of students: the essence of the concept]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija – Theory and practice of social development*, 2011, no. 4, pp. 183-186.

11. Coj N. Fenomen Internet-zavisimosti i odinochestvo [The phenomenon of Internet addiction and loneliness]. *Socis – Sociological research*, 2010, no. 12, pp. 98-107.

12. Jakuba E. Sociologija [Sociology], Kharkov, Constant Publ., 1996, 176 p.

13. Jamkova K. Sutnist' ta riznovidi social'noj aktivnosti uchnivs'koi molodi: teoretichnij aspect [Essence and Varieties of Social Activity of Student Youth: The Theoretical Aspect]. *Naukovij visnik Melitopol's'kogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu – Scientific Bulletin of the Melitopol State Pedagogical University*, 2011, no. 2. Available at: <http://lib.mdpu.org.ua/nvsp/BAK7/7/48.pdf>.

14. Young K. Internet Addiction: The Emergence of a New Clinical Disorder. *CyberPsychology & Behavior*, 2009, no. 1(3), pp. 237-244.

15. Rotsztein B. Problem Internet use and locus of control among college students: Preliminary findings. The 35th Annual Conference of the New England Educational Research Organization Portsmouth, New Hampshire, 2003, Available at: <http://www.brianrotsztein.com/downloads/internetresearch.pdf>.

М. И. Вишневський

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ СИНТЕЗ И ПРОБЛЕМА КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

Мировоззренческий синтез рассматривается как форма духовного развития личности и общества. Логически выверенное философское мировоззрение отличается от жизненно-практических убеждений, терпимых к непоследовательности суждений. Это наглядно проявляется в дискуссиях о качестве образования, многие требования к которому противоречат друг другу. Нередко требуется, однако, согласование позиций, достигаемое на основе рациональной дискуссии. Особенно значима выработка обоснованных нравственных суждений. Переход к общим выводам здесь требует образования особого рода, связанного с обеспечением мировоззренческого синтеза нравственных позиций.

Ключевые слова: мировоззренческий синтез, образование, качество образования, коммуникативная рациональность, нравственное образование личности.

Вишневський М. І. Світоглядний синтез і проблема якості освіти

Світоглядний синтез розглядається як форма духовного розвитку особистості і суспільства. Логічно вивірене філософський світогляд відрізняється від життєво-практичних переконань, терпимих до непослідовності сужень. Це наочно проявляється в дискусіях про якість освіти, багато вимог до якого суперечать один одному. Нерідко потрібно, однак, узгодження позицій, що досягається на основі раціональної дискусії. Особливо значима вироблення обґрунтованих моральних сужень. Перехід до спільних висновків тут вимагає освіти особливого роду, пов'язаного із забезпеченням світоглядного синтезу моральних позицій.

Ключові слова: світоглядний синтез, освіту, якість освіти, комунікативна раціональність, моральне формування особистості.

Vishnevsky M. Worldview synthesis and quality problem education

Ideological synthesis is considered as a form of spiritual development of the individual and society. Logically tuned philosophical outlook differs from the

vital and practical beliefs, tolerant inconsistent judgments. This is evident in the debate about the quality of education, many of the requirements to which contradict each other. Often, however, it requires the coordination of positions, achieved on the basis of rational discussion. A particularly significant is the development of sound moral judgments. The transition to general conclusions here requires a special kind of education associated with ensuring ideological synthesis of moral positions.

Keywords: ideological synthesis, education, quality of education, communicative rationality, moral education of the person.

Образовательная деятельность в той или иной форме затрагивает каждого человека и сопутствует ему в течение всей жизни. От результативности образования во многом зависит и успешность индивидуальных карьер, и ситуация в обществе в целом. Поэтому все, кто причастен к образованию, внимательно относятся к его качеству и заинтересованы в его повышении. Непросто, однако, исчерпывающе определить субъектов данного интереса и его предмет. Непосредственным субъектом здесь выступает, как правило, отдельная личность, однако ее отношения к образовательной сфере, ее роли в ней могут быть весьма разнообразными. Во-первых, человек образуется как личность, продвигаясь от стадии детства к взрослому состоянию и далее к старости; при этом изменяются уровень сознания и самосознания, социальный статус, виды деятельности, круг интересов, общения и т. д. На своем жизненном пути человек выступает то учеником, то наставником, то лицом, оценивающим эффективность участия других людей в образовательной деятельности, качество этой деятельности и ее организации в целом или в отдельных аспектах. Во-вторых, человек может входить в состав различных групп, общностей людей, характеризующихся своими особыми требованиями по отношению к образованию как социальному институту, деятельности и ее результатам, выступающим, прежде всего, в виде образованности. Взаимоотношения между различными социальными субъектами по поводу качества образования имеют важный мировоззренческий аспект, который, в частности, выражается в способности вести рациональную дискуссию о целях образования.

Мировоззрение отдельных личностей или социальных общностей мы будем понимать как совокупность их основополагающих убеждений относительно глубинных характеристик окружающей действительности, а также природы человека и его места в мире. Люди как существа, обладающие сознанием, действительно нуждаются в базовых ориентациях своих мыслей и действий, которые определяются мировоззренческими убеждениями и, вместе с тем, выражается в них. К мировоззренческим выводам мы приходим в том случае, когда в фиксируемых нами частных проявлениях бытия человека и мира усматриваем связь с всеобъемлющим мировым бытием и, благодаря этому, по-новому истолковываем то, что нам было уже отчасти известно, но понималось слишком узко. Мировоззренческий подход означает не отрицание конкретики жизненного опыта, а углубление его понимания, вытекающее из стремления усмотреть в единичных событиях, явлениях общее содержание, имеющее отношение к мирозданию в целом. Это позволяет учесть в последующем размышлении или исследовании связь, нередко противоречивую, неоднозначную, между поверхностными и глубинными, сущностными сторонами, уровнями бытия. Благодаря этому, мировоззренческий подход может способствовать расширению кругозора человека, ибо он позволяет не только фиксировать и учитывать непосредственные жизненные данности, но и связывать их с другими, по видимости далекими обстоятельствами, более или менее обоснованно предполагать то, что нередко еще находится как бы за горизонтом, вне сферы непосредственного опыта или вообще недоступно чувственному восприятию. Случается, правда, и сужение кругозора людей в результате того, что ими безоговорочно принимаются или им принудительно навязываются определенные мировоззренческие догмы, которые, как шоры на глазах, препятствуют непредвзятому и конструктивному восприятию жизненных реальностей.

Мировоззренческий синтез – это соединение ранее разрозненных либо обособленных мировоззренческих понятий, представлений. При его осуществлении к ранее постигнутому присоединяется некоторое новое мировоззренческое содержание, полученное личностью из доступного ей багажа культуры, а также на основе опыта (собствен-

ного и близких людей) и его осмысления и обобщения. Если прибавления значительны, то происходит определенная перестройка ранее сложившегося мировоззрения, в результате которой на его прежнее содержание смотрят как бы другими глазами, корректируя его в соответствии с новыми элементами. Всякий синтез, выступающий как расширение и, возможно, углубление знания, имеет существенный герменевтический аспект. Новые положения, которые усваиваются или вырабатываются нами, должны быть поняты не только сами по себе, но и в соотношении с прежним или вообще другим знанием. Если же речь идет о мировоззренческих выводах, то здесь присутствует также и момент самопонимания, самопознания, ибо речь идет о *нашем* мировоззрении – о том, во что мы верим и чем намереваемся руководствоваться в жизни. Восходя к мировоззренческим выводам, мы обычно переходим от ранее уже понятого предметного значения некоторых положений к уяснению их общего бытийного статуса и жизненно значимого смысла, их отношения к принятым нами базовым ценностям. М. Полани отмечал, что «всякая модификация антиципирующей схемы, понятийной, перцептивной или мотивационной – есть необратимый эвристический акт, который изменяет наш образ мышления, восприятия и оценки, в надежде приблизить наше понимание, восприятие или потребности к тому, что истинно и справедливо» [2, с. 156].

Мировоззрение отдельных личностей может характеризоваться разной степенью упорядоченности, систематичности. Бывают люди, расположенные к выработке последовательных убеждений, выраженных в отчетливых и строгих понятиях, характеризующих, например, занятую философскую позицию. Твердость этих убеждений как бы провоцирует дискуссии с представителями других мировоззренческих направлений. Неслучайно вся история философии пронизана напряженной полемикой об основах миропонимания и весьма непростыми, порой остроконфликтными отношениями с носителями традиционного жизненно-практического мировоззрения. Последнее особенно привлекает людей, склонных следовать коллективным ценностям и не придавать особого значения последовательности и цельности, логической стройности мировоззренческих убеждений. Логическая выверенность

рассуждений нечасто имеет непосредственное отношение к нашей повседневной деятельности. Мы если и обращаемся к строгой логической аргументации, то это вызывается скорее стремлением опровергнуть мнение оппонента, переубедить несогласных с нами, то есть изменить их убеждения, нежели намерением отыскать истину или выработать новую собственную позицию по обсуждаемому вопросу. Логика группового мышления вообще имеет мало сходства с научной логикой, восходящей к Аристотелю. Например, люди обычно склонны терпимо относиться к противоречиям в суждениях и оценках, если их удастся развести на некоторое смысловое удаление, отнеся к разным предметам или их сторонам.

Все это весьма наглядно проявляется в дискуссиях о качестве образования. Если образование понимается как деятельность, то ему присуща целенаправленность, и качество данной деятельности определяется, прежде всего, степенью соответствия полученного результата поставленной цели. Обнаруживается, однако, что интегральные требования, предъявляемые к качеству образования, весьма непросто бывает отчетливо сформулировать, согласовав между собой различные их аспекты, ибо требования эти исходят от разных социальных субъектов и их разных сфер общественной жизни. Например, достижение посредством образования гармоничного и всестороннего развития личности, как этого могут требовать близкие люди или сам человек, получающий образование, едва ли можно привести в полное согласие со специализацией и углубленным освоением какого-то определенного вида деятельности в соответствии, так сказать, с требованиями жизни. Высокая креативность личности как цель ее образования и показатель качества последнего внешне противоположна развитию умений и навыков репродуктивной деятельности, без которой, однако, не обойтись в реальной жизни. Нацеленность образования на достижение возвышенного идеала нравственно безупречной личности может оказаться не вполне соответствующей реальной задаче достижения компромиссов, примирения конфликтов интересов. Наконец, качественное образование требует немалых затрат финансовых и иных ресурсов, а их всегда недостает, и управленческие структуры, семья, отдельная образующаяся личность

вынуждены решать задачу возможно более обоснованного распределения имеющихся ресурсов, идя при этом на заведомое недофинансирование многих неоспоримо значимых видов образовательной деятельности и соответствующих программ.

Трудности целеполагания в сфере образовательной деятельности обусловлены несходством побудительных мотивов разных людей и их групп, причастных к ее осуществлению и управлению ею. Цель как образ желаемого результата эффективна тогда, когда она конкретна, а ее достижение поддается проверке. Данному требованию не соответствуют добрые пожелания освоить богатства культуры, выработанные человечеством, воспитать добропорядочных граждан, обеспечить всестороннее развитие личности, подготовку учащихся к успешной самостоятельной жизни и т. д.

Дж. Дьюи, специально исследовавший вопрос о целях образования, констатировал, что «в разное время на передний план выдвигались такие цели, как полнота жизненных впечатлений, совершенствование методов изучения языка, замена вербальных методов практическими, социальная эффективность, личная культура, служение обществу, всестороннее развитие личности, энциклопедичность знаний, дисциплина, развитие эстетических вкусов, практическая польза и т. д.» [1, с.108]. Испытывая отвращение к условным и искусственным методам преподавания, пишет он, некоторые реформаторы образования склонны были считать самым высоким образцом природу, непосредственно устанавливающую законы и цель развития. Проектирование результатов образовательной деятельности на основе разума, если руководствоваться таким подходом, признается едва ли не насилием над природой. Другие мыслители, как отмечает Дьюи, наоборот, подчеркивали, что задача образования состоит в том, чтобы восполнить ограниченность природного начала в развитии человека, подчинить природные силы требованиям общественной жизни, приучить человека к социальному контролю. Все люди в чем-то специфичны, условия их жизнедеятельности – тоже, поэтому цели образования должны быть конкретными. Особой бдительности, по мнению Дьюи, требуют педагогические цели, называемые общими или главными. Опасно, если эта общность выступает как абстрактность.

Действительно общая цель, полагает он, наполнена значимым конкретным содержанием; она расширяет кругозор личности, побуждает ее учитывать все возможные последствия осуществляемой деятельности. Тем не менее, в жизни мы выбираем не между общими целями, а между конкретными действиями. Общие цели – это лишь разные толкования реальности, в которую мы погружены. «Чем больше у нас таких общих целей, тем лучше: одна формулировка будет вновь высвечивать то, что упускает другая» [1, с.107]. Важно только не возводить ни одну из этих общих целей в абсолют.

В прошлом считалось возможным и оправданным начинать метафизические построения с умозраительных онтологий. Затем, благодаря Канту, утвердилось, как отмечает Хабермас, понимание того, что началом философствования должна служить теория познания, убедительно показывающая, что мы можем знать, и проясняющая те основоположения познавательных действий, которые и раньше применялись интуитивно, а теперь оказались представленными вполне отчетливо. Философия, если следовать этому подходу, способна установить прочные основания наук. Такие ее притязания оказались, однако, чрезмерными. Поэтому правомерно было усомниться в том, что философы, руководствуясь своим особым «философским методом», способны узнать о познании, как, впрочем, и обо всем остальном в отношении мироздания, нечто такое, чего никто другой знать не может. Тем самым претерпела изменения роль философов в непрерывно ведущихся спорах по жизненно значимым вопросам. Хотя они и не в состоянии генерировать всеобъемлющие и вечные истины, однако философские категории и способы аргументации глубоко укоренились в культуре и во многом сохраняют свой авторитет как высокие проявления человеческой разумности. Данным авторитетом, правда, не следует злоупотреблять, ибо «всякое решение и всякая интерпретация какой-либо проблемы зависят от необозримой сети предпосылок; и эту сеть, в силу ее одновременно и целостного, и частного характера, нельзя извлечь путем анализа, нацеливающегося на всеобщее» [3, с. 20].

В нашей каждодневной жизни то и дело возникают затрагивающие многих людей проблемы, в том числе общего порядка, решение

которых требует выработки согласованной позиции на основе рациональной дискуссии, происходящей по единым, принимаемым всеми участниками правилам. Эти проблемы могут иметь множество разных аспектов, и для их «стыковки» приходится полагаться на разумность и ответственность партнеров по диалогу. В обосновании нуждаются не только инструментальные действия, нацеленные на достижение конкретных, осязаемых практических результатов, и познавательные действия в сфере науки, где получаемые выводы могут быть проверены опытом или подвергнуты логической экспертизе. Хабермас не устает доказывать, что не в меньшей степени нуждаются в рациональном обосновании наши коммуникативные действия. Они нацелены на взаимное признание участниками дискуссии значимости отстаиваемых ими позиций, достижение взаимопонимания и, по возможности, согласование этих позиций. Достижение такого согласия по существу обеспечивает определенное продвижение в направлении мировоззренческого синтеза.

Участники повседневной коммуникативной практики – это люди, обладающие, как правило, здравым смыслом и жизненным опытом и способные, при должной образовательной подготовке, в ходе обсуждения возникших вопросов переходить от частных суждений и оценок к обобщенным нравственным выводам и заключениям. Правила и нормы морали признаются и принимаются нами к исполнению потому, что мы находим их обоснованными. «Если мы должны что-то сделать, значит, мы имеем основание сделать это» [8, с. 76]. Однако способность нравственного суждения не является врожденной, она развивается в процессе образования личности, начиная от детских лет и вплоть до зрелого возраста. Хабермас ссылается здесь на теорию нравственного развития личности, разработанную Л. Кольбергом. В соответствии с этой теорией, выделяется ряд ступеней морального суждения, выступающих в качестве последовательных приближений к структурам беспристрастного или справедливого рассмотрения нравственных коллизий. Переход от одной ступени к другой Кольберг рассматривает как обучение. Оно ведет к тому, что взрослеющая в нравственном плане личность оказывается все более подготовленной к достижению обоснованного согласия

с другими людьми по поводу случающихся нравственных коллизий. При этом человек сам осознает свое моральное развитие как образование, которое позволяет выявлять и объяснять ранее совершенные ошибочные действия, считавшиеся тогда правильными. Важно, что осознанное согласие невозможно навязать другому человеку; его можно достигнуть только убеждением, а не принуждением. Согласие же основывается на достигнутой в результате обсуждения общности миропонимания – может быть, не абсолютной, но достаточной для того, чтобы разрешать возникающие проблемы. Вырабатываемая таким путем широкая и общая нравственная позиция – это один из ключевых показателей качества мировоззренческого образования личности, обеспечивающего конструктивный синтез воззрений различных людей на соотношение должного и недолжного в нашей жизни.

Список литературы

1. Дьюи Дж. Демократия и образование / Дж. Дьюи. – М.: Педагогика-Пресс, 2000. – 384 с.
2. Полани М. Личностное знание / М. Полани. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.
3. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2001. – 380 с.

References

1. Dew J. Demokratiya i obrazovaniye [Democracy and Education], Moscow, Pedagogika-Press – Pedagogy-Press, 2000, 384 p.
2. Polani M. Lichnostnoye znaniye [Personal knowledge], Moscow, Progress, 1985, 344 p.
3. Habermas J. Moral'noye soznaniye i kommunikativnoye deystviye [Moral consciousness and communicative action], StPeterburg, Nauka – Science, 2001, 380 p.

Є. А. Подольська

ІНТЕРАКТИВНІ МЕТОДИ НАВЧАННЯ: СУТНІСТЬ І ПЕРЕВАГИ

Виявлено сутність і переваги інтерактивних методів навчання у розвитку творчої активності студентів. Розкрито потенціал інтерактивного навчання. Описані методичні інновації пов'язані з застосуванням інтерактивних методів навчання. Виділені особливості інтерактивної взаємодії суб'єктів освітнього процесу між собою. Запровадження інтерактивних методів навчання охарактеризовано як один з важливих напрямків удосконалення підготовки студентів у сучасному вищому навчальному закладі й обов'язкову умову розвитку творчої активності студентів.

Ключові слова: інтерактивна взаємодія, інтерактивність, інтерактивні методи навчання, інтерактивні технології.

Подольская Е. А. Интерактивные методы обучения: суть и преимущества

Виявлена суть и преимущества интерактивных методов обучения в развитии творческой активности студентов. Раскрыт потенциал интерактивного обучения. Описаны методические инновации, связанные с применением интерактивных методов обучения. Выделены особенности интерактивного взаимодействия субъектов образовательного процесса между собой. Внедрение интерактивных методов обучения охарактеризовано как одно из важнейших направлений совершенствования подготовки студентов в современном вузе и обязательное условие развития творческой активности студентов.

Ключевые слова: интерактивное взаимодействие, интерактивность, интерактивные методы обучения, интерактивные технологии.

Podolskaya Ye. Interactive teaching methods: essence and advantages

The interactive teaching methods essence and advantages and their role in developing students' creative activity have been established. The potential of interactive teaching has been characterized. Innovative methods of interactive teaching have been described. Peculiarities of interaction between the educational

process subjects have been distinguished. Introduction of interactive teaching methods is treated as one of most important trends of higher school students training improvement and an obligatory condition of their creative activity development.

Key words: interaction, interactivity, interactive teaching methods, interactive technologies.

На сучасному етапі модернізації вітчизняної освіти актуальними виявляються питання застосування у навчальному процесі інтерактивних засобів навчання, що дозволяють реалізовувати на практиці інноваційні ідеї та напрямки індивідуалізації та інформатизації освіти, розвитку творчої активності студентів.

Роль і значення цих методів в організації аудиторних занять досить часто досліджуються і описуються у наукових і методичних публікаціях (Я. Болубаш, Н. Бордовська, С. Вітвицька, Л. Громова, З. Курлянд, Є. Подоляк, Л. Сазонова, Ю. Шиліна та ін.), однак можливості й переваги інтерактивних засобів навчання у підвищенні творчої активності студентства досліджені недостатньо.

Метою даної статті є виявлення сутності та переваг інтерактивних методів навчання.

Термін «інтерактив» створений від слова *interact* (англ.), де *inter* – взаємний, *act* – діяти. У психології інтерактивність означає здатність взаємодіяти або знаходитися у режимі діалогу з людиною або комп'ютером. У педагогіці терміни «інтерактивність» і «інтерактивні методи навчання» використовуються при описі процесу навчання як співпраці рівноправних його учасників, як модель спілкування, заснована на взаємодії викладача і студента, внутрішньогрупового спілкування. Термін «інтерактивне навчання» застосовується у зв'язку з інформаційними технологіями, дистанційною освітою, з використанням Інтернет-ресурсів [2, с. 147–149].

Отже, інтерактивне навчання являє собою діалогове навчання, у ході якого здійснюється засвоєння (стихійне або спеціально організоване) студентом досвіду на основі взаємодії з людиною або комп'ютером.

Сутність інтерактивних методів полягає в тому, що вони засновані на взаємодії осіб, які навчаються, між собою. У ході такої спільної

діяльності всі учасники обмінюються інформацією, спільно вирішують проблеми, моделюють ситуації, оцінюють дії інших людей і свою власну поведінку, занурюються у реальну атмосферу ділової співпраці по розв'язуванню проблем. «Інтерактивне навчання дозволяє перейти від пасивного навчання до активного способу реалізації освітньої діяльності, сформувати індивідуальну траєкторію навчання для кожного учня, який стає у цьому випадку готовим учасником освітнього процесу» [3, с. 373].

Інтерактивне навчання зберігає кінцеву мету і основний зміст освітнього процесу, видозмінюючи при цьому форми з трансляючих (передаточних) на діалогові, тобто засновані на взаєморозумінні і взаємодії [1]. Можливості взаємодії значно підвищують ефективність засвоєння студентами знань.

Розкриваючи потенціал інтерактивного навчання, ми звертаємо увагу на те, що воно: по-перше, побудовано на взаємодії студента з навчальним середовищем, яке служить базою для засвоєння досвіду; по-друге, засноване на людських взаємовідносинах і взаємодіях; по-третє, являє собою сумісний процес у вигляді діалогу або полілогу. Ми цілком погоджуємося з думкою О. М. Приезжевої, яка виділяє наступні особливості інтерактивної взаємодії: «спільне занурення викладача і студента у проблемне поле завдання, що вирішується, тобто включення у єдиний творчий простір; узгодженість у виборі засобів і методів реалізації виконання завдання; спільне входження у близький емоційний стан, переживання співзвучних почуттів, що супроводжують прийняття і здійснення вирішення завдань» [4, с. 139–140].

Сутність інтерактивного навчання полягає у тому, що навчальний процес організований таким чином, що практично всі студенти мають можливість висловлювати свою думку, відстоювати свою позицію. При використанні інтерактивних методів студент стає повноправним учасником процесу набуття знань, його досвід служить основним джерелом навчального пізнання.

Інтерактивне навчання широко застосовується в інтенсивному навчанні. Основні методичні інновації пов'язані сьогодні з використанням саме інтерактивних методів навчання, до яких відносяться

ті, які сприяють залученню студентів в активний процес отримання і переробки знань: «круглий стіл» (дискусія, дебати), мозковий штурм (брейнсторм, мозкова атака), case-study (аналіз конкретних ситуацій, ситуаційний аналіз), майстер-клас, проблемна лекція, програмоване навчання, ігрове проектування, стажування, ділові та рольові ігри тощо.

Технологія організації інтерактивної взаємодії в інноваційному освітньому процесі – це цілеспрямована спільна діяльність по проектуванню і проведенню освітнього процесу, що включає послідовність наступних етапів: 1) орієнтаційного, на якому відбувається мотивація і орієнтування студентів на взаємодію в освітньому процесі; 2) координаційного, де забезпечується прийняття викладачем і студентами ролей в організації взаємодії на паритетних засадах; 3) коопераційного, на якому відбувається кооперація взаємодії на основі єдиної стратегії спільної діяльності [1].

Для осмислення сутності та специфіки інтерактивних методів навчання у вищому навчальному закладі, як педагогічної інновації, у методологічному плані важливо враховувати, що навчання з застосуванням інтерактивних освітніх технологій передбачає відмінну від звичної логіку освітнього процесу: не від теорії до практики, а від формування нового досвіду до його теоретичного осмислення через використання.

По-перше, інтерактивні методи навчання дозволяють інтенсифікувати процес розуміння, засвоєння і творчого застосування знань при вирішуванні практичних завдань. За умови регулярного застосування форм і методів інтерактивного навчання у студентів послідовно формуються продуктивні підходи до оволодіння інформацією, зникає страх висловити помилкове судження і встановлюються довірчі відносини з викладачем.

По-друге, інтерактивне навчання підвищує мотивацію і включеність учасників у вирішення проблем, що обговорюються, – це надає емоційний поштовх до наступної пошукової активності учасників, спонукає їх до конкретних дій. У результаті процес навчання стає більш осмисленим.

По-третє, інтерактивне навчання формує здатність мислити неординарно, оцінювати проблемну ситуацію і пропонувати виходи з неї,

обґрунтовувати свої позиції та життєві цінності. Завдяки реалізації принципу інтерактивності у студентів розвиваються такі риси, як уміння вислуховувати іншу точку зору, уміння співпрацювати, вступати у партнерське спілкування, проявляючи при цьому толерантність і доброзичливість по відношенню до своїх опонентів.

По-четверте, інтерактивні методи навчання дозволяють отримати новий досвід діяльності, її організації, спілкування і переживань. Інтерактивна діяльність забезпечує не тільки приріст знань, умінь, навичок, способів діяльності та комунікації, але й виступає необхідною умовою для становлення і удосконалення компетентностей через включеність учасників освітнього процесу в осмислене переживання індивідуальної та колективної діяльності для накопичення досвіду, усвідомлення і прийняття цінностей.

По-п'яте, використання інтерактивних технологій навчання дозволяє здійснювати ефективний контроль за засвоєнням знань і робить застосування отриманих знань, умінь і навичок у різних ситуаціях більш гнучким і гуманним.

З огляду на всі ці переваги інтерактивних методів навчання їх запровадження є одним з найважливіших напрямів удосконалення підготовки студентів у вітчизняній вищій школі і обов'язковою умовою розвитку творчої активності сучасних студентів.

Список літератури

1. Гумель Е.Б. Особенности организации интерактивного взаимодействия студентов и преподавателя в условиях современной высшей школы [Электронный ресурс] / Е.Б. Гумель // Гуманитарные научные исследования. – 2012. – № 6. – С. 21–30. – Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2012/06/1510> (дата обращения: 3.02.2017).

2. Ивлева Т.Н. Интерактивные методы обучения в организации самостоятельной работы студентов [Электронный ресурс] / Т.Н. Ивлева // Вестник Кемеровского гос. ун-та культуры и искусства. – Вып. 21. – 2012. – С. 145–151. – Режим доступа: Научная библиотека КиберЛенинка: <http://cyberleninka.ru/article/n/interaktivnye-metody-obucheniya-v-organizatsii-samostoyatelnoy-raboty-studentov#ixzz4PCeIToF8> (дата обращения: 12.03.2017).

3. Интерактивные среды в обучении высшей математике студентов педагогических специальностей [Электронный ресурс]. – С. 371–375. – Режим

доступа: www.elib.bsu.by/bitstream/123456789/10699/1/82%20ПОМЕЛОВА.pdf
(дата обращения: 22.03.2017).

4. Приезжева Е.М. Интерактивные формы и методы обучения студентов в туристском вузе [Электронный ресурс] / Е.М. Приезжева // Вестник РМАТ. – Вып. 3(3). – 2011. – С. 137–141. – Режим доступа: Научная библиотека КиберЛенинка: <http://cyberleninka.ru/article/n/interaktivnye-formy-i-metody-obucheniya-studentov-v-turistskom-vuze#ixzz4PCcmrpXx>.

References

1. Jumel Y.B. Peculiarities of organizing students-teacher interactions under the conditions of modern higher school. Scientific research in the field of humanities, 2012, № 6, pp. 21–30. Available at: <http://human.snauka.ru/2012/06/1510> (Accessed 3 February 2017).

2. Ivleva T.N. Interactive teaching methods in organizing students' independent work. Bulletin of Kemerovo state culture and arts university, 21 issue, 2012, pp. 145–151. Available at: Scientific library CyberLeninka: <http://cyberleninka.ru/article/n/interaktivnye-metody-obucheniya-v-organizatsii-samostoyatelnoy-raboty-studentov#ixzz4PCeIToF8> (Accessed 12 March 2017).

3. Interactive media in teaching higher mathematics to students of pedagogic specialities, pp. 371–375. Available at: www.elib.bsu.by/bitstream/123456789/10699/1/82%20ПОМЕЛОВА.pdf (Accessed 22 March 2017).

4. Priyeshzheva Y.M. Interactive forms and methods of teaching students at a tourist training higher school. Bulletin RMAT, 3(3) issue, 2011, pp. 137–141. Available at: Scientific library CyberLeninka: <http://cyberleninka.ru/article/n/interaktivnye-formy-i-metody-obucheniya-studentov-v-turistskom-vuze#ixzz4PCcmrpXx>.

И. С. Нечитайло

ИНЖИНИРИНГ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ КАК АВАНГАРДНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

Статья посвящена социологическому осмыслению инжиниринга образовательного пространства учебного заведения как эффективной образовательной технологии. Автор предлагает развернутую трактовку данной технологии, определяя ее, во-первых, как авангардную, т. е. «передовую», работающую на опережение и долгосрочную перспективу, а во-вторых, – как социальную, т. е. применяемую для проектирования коммуникативных воздействий, изменяющих сознание людей. Исходя из представлений об образовательном пространстве как имеющем сложную структуру и организацию, отмечается, что инжиниринг образовательного пространства учебного заведения включает в себя проектирование и структурирование (1) образовательной среды, (2) учебных программ и (3) образовательного дискурса, а также (4) рефрейминг как субтехнологию по расширению кодов.

Ключевые слова: инжиниринг, образовательный дискурс, образовательное пространство, образовательная среда, технология.

Нечитайло І. С. Інжиніринг освітнього простору навчального закладу як авангардна технологія

Статтю присвячено соціологічному розгляду інжинірингу освітнього простору навчального закладу як ефективної освітньої технології. Автор пропонує розгорнуту трактування даної технології, визначаючи її, по-перше, як авангардну, тобто «передову», що працює на випередження і довгострокову перспективу, а по-друге, – як соціальну, тобто таку, що застосовується для проектування комунікативних впливів, що змінюють свідомість людей. Виходячи з уявлень про освітній простір, як такий., що має складну структуру і організацію, зазначається, що інжиніринг освітнього простору навчального закладу включає в себе проектування та структуривання (1) освітньої середовища, (2) навчальних програм і (3) освітнього дискурсу, а також (4) рефреймінг як субтехнологію з розширення кодів.

Ключові слова: інжиніринг, освітній дискурс, освітній простір, освітнє середовище, технологія.

Nechitaylo I. Engineering of educational space of educational institution as avgangard technology

The article is devoted to the sociological consideration of engineering of the educational space of an educational institution as an effective educational technology. The author offers a detailed interpretation of this technology, defining it, firstly, as an *avant-garde*, i.e., “advanced”, working ahead of time and long-term perspective, and secondly, as a social one, i.e., applied to the design of communicative influences, changing the consciousness of people. Proceeding from the ideas of the educational space as having a complex structure and organization, it is noted that the engineering of the educational space of the educational institution includes the design and structuring (1) the educational environment, (2) curriculum and (3) educational discourse, and (4) reframing as a sub-technology to expand the codes.

Key words: engineering, educational discourse, educational space, educational environment, technology.

Приоритетной задачей развития социологии образования как отрасли социологического знания является переориентация на решение практических задач управления образованием (особенно на региональном уровне), что требует разработки современных технологий образования – комплекса организационных мер, операций и приемов, направленных на получение желаемых результатов (соответствующих критериям высокого качества образования) с оптимальными затратами, реализация которых связана с текущим уровнем развития науки, техники и общества в целом. Одной из таких технологий, на наш взгляд, является инжиниринг образовательного пространства учебного заведения.

Вопросам разработки эффективных в современных условиях образовательных (учебных, педагогических и т. п.) технологий посвящены работы многих украинских философов, психологов, социологов, представителей педагогической науки, а именно В. Гайденко, С. Ганабы, Е. Подольской, И. Предборской и др. Проблемам конструктивного вмешательства в содержание образовательного процесса, изменения

его технологий, посвящены работы зарубежных ученых Ю. Борцова, В. Рубцова, Н. Смирновой, А. Терентьевой, В. Хохловой, Б. Дробышевского, А. Полонникова, С. Сивухи и др.

Анализ трудов перечисленных выше авторов позволяет сделать вывод о том, что необходимой составляющей положительных изменений в образовании является проектная деятельность, связанная с преобразованиями структуры образовательных пространств ученых заведений. Очевидным является преобладание конкретных разработок в этом направлении в педагогике и психологии. Социологические же работы в основном ограничиваются общими положениями о проектной деятельности и технологиях в образовании. Такое, нередко сознательное, ограничение, на наш взгляд, существенно ограничивает практическую значимость социологии и, в частности, социологии образования. Тем более, что образовательные технологии – это, прежде всего, технологии социальные, т. е. совокупность сведений о методах и приемах, позволяющих добиваться желаемых результатов в задачах взаимодействия между участниками образовательного процесса.

В связи с вышеизложенным, цель данной статьи состоит в социологическом осмыслении инжиниринга образовательного пространства как эффективной в условиях современного общества социальной технологии, с конкретизацией методов ее реализации.

Отечественная система образования требует качественных изменений, для чего необходимо изменить подходы к организации образовательного процесса, в частности, за счет разработки и внедрения авангардных технологий.

Авангардная технология – «передовая» (наиболее актуальная, самая важная) и/или «опережающая» (предупреждающая возникновение негативных последствий какой-либо деятельности, работающая на опережение и долгосрочную перспективу). Авангардные технологии призваны служить обеспечению положительного сценария развития общества. Они предполагают переворот, резкий скачок в той сфере деятельности, с которой связаны непосредственно, который происходит за счет инновационного использования уже наработанного научно-технического потенциала.

Оснащение образовательного процесса авангардными технологиями означает, что произойдут относительно резкие изменения на уровне его организации, что (как ожидается) приведет к положительным сдвигам в результатах этого процесса. С помощью традиционных образовательных технологий такие результаты либо недостижимы, либо будут достигнуты за более длительный временной период. Авангардные образовательные технологии призваны работать на опережение.

Сегодня очень много говорится и пишется о том, что в условиях перманентности социальных изменений образование в целом должно иметь опережающий характер. Проблема в том, что повышенная социальная динамика приводит к чрезвычайно быстрому устареванию знаний. К примеру, знание, которое обучающиеся получили и усвоили на первом курсе университета, через пять лет, к концу обучения, может потерять актуальность и ценность. Опережающее образование призвано готовить обучающихся к жизни и труду в информационно перенасыщенной среде, в условиях постоянных социальных изменений. Для этого человек должен уметь разбираться в информационных потоках, находить и отбирать нужную, полезную и достоверную информацию, уметь преобразовывать эту информацию в знание, которое затем успешно применять на практике, быть более самостоятельным и обладать повышенным чувством ответственности за свои действия. Для этого ему необходима более широкая и гибкая общеобразовательная база, подлежащая непрерывному обогащению. Опережающее образование призвано готовить новое поколение к будущему, к выполнению им функций в «будущем» обществе, осуществляя такую подготовку на основе разрешения обучающимися задач настоящего.

Существует множество точек зрения по поводу самого «предмета опережения». На наш взгляд, наиболее интересным с научно-теоретической точки зрения и перспективным в плане практического применения является подход, рассматривающий в качестве основополагающих «опережающих» элементов образования не конкретные знания, умения и т. п., а общие характеристики образованной личности. В частности, речь идет о развитии способностей:

1) к адаптации в изменяющейся действительности (Б. Бим-Бад); 2) к использованию полученных знаний для совершенствования деятельности (В. Горшенин); 3) к творческой и преобразовательной деятельности, самообразованию и умению находить пути решения сложных проблем (Л. Занина). Помимо перечисленных способностей, как считают эксперты, опережающее образование обязательно предполагает трансляцию и усвоение фундаментальных знаний, а также знаний мировоззренческого плана (А. Марон, К. Колин и др.). Как отмечает Б. Бим-Бад, опережающее образование способствует становлению личности как носителя «ноосферного сознания», понимающего грозящие риски, умеющего оценить эти риски и предпринять меры по их предотвращению [2]. Другими словами, целью и результатом опережающего образования является личность, обладающая способностями к анализу, прогнозированию, предвидению развития событий и широко использующая эти способности в повседневной жизни, в профессиональной, научной, досуговой и другой деятельности. Современное образование должно быть таким, чтобы, с использованием специальных средств и инструментов, научить человека предвидеть изменения в жизни и «заранее» готовиться к ним. Такая образовательная стратегия позволила бы достичь лучшего качества жизни и деятельности людей, а следовательно, положительных изменений в обществе в целом. Как видим, опережающее образование имеет вполне «социологический замысел», который заключается в налаживании взаимосвязи между личностью (ее потребностями в определенных способностях) и динамичным социумом (его потребностью в модальном типе личности, характерной особенностью которого является развитость способностей, облегчающих процесс адаптации к постоянным изменениям и т. п.). Тем не менее, очевидно, что опережающее образование неразрывно связано и с психологией мышления, поскольку основывается на феноменах опережающего мышления и опережающего отражения действительности [2].

Следовательно, авангардные технологии в образовании должны быть направлены на когницию. Когниция – совокупность процессов, связанных с сознанием и мышлением, в ходе которых информация,

поступающая в мозг человека из внешней среды, преобразуется в ментальные репрезентации разного типа (образы, фреймы, сценарии и т. п.), чтобы удерживаться в памяти при необходимости. Когниция включает осознание и оценку обучающимся самого себя в окружающем мире (идентификационные процессы) и построение особой картины мира (процесс формирования мировоззрения, установок на понимание социальной реальности) – все то, что составляет основу для поведения человека.

Авангардные технологии современного образования должны вмешиваться в когнитивные (познавательные, ментальные) процессы – восприятия, категоризации, мышления и речи, служащие обработке и переработке информации. В качестве такой технологии предлагаем рассматривать инжиниринг образовательного пространства учебного заведения.

Инжиниринг причисляют к группе технологий инновационного типа. Это – область человеческой интеллектуальной деятельности, задачей которой является применение достижений науки и техники, использование законов и природных ресурсов для решения конкретных задач, разрешения проблем и достижения целей. Инжиниринг предполагает: творческое применение научных принципов для проектирования или разработки структур; конструирование структур и пространств с целью организации процесса управления ими, предсказание их поведения в определенных эксплуатационных режимах. Организация процесса управления образованием представляет собой целенаправленное выстраивание, упорядочение этого процесса во временном и пространственном измерениях в ответ на потребности человека и общества. Что касается принципов организации управления образованием, то их можно охарактеризовать, как совокупность общих правил и положений, обеспечивающих такое упорядочение и общую целесообразность организационной деятельности,

С нашей точки зрения, организация управления образованием обязательно должна включать организацию образовательного пространства учебного заведения при помощи инжиниринга. Инжиниринг образовательного пространства учебного заведения – проектная деятельность, включающая такие ее виды (в частности, проектирование,

конструирование и структурирование), которые позволяют получить наилучшие (оптимальные) результаты от образования, за счет наиболее рационального подбора и эффективного использования материальных, трудовых, технологических и финансовых ресурсов в их единстве и взаимосвязи, а также методов организации и управления, на основе передовых научно-технических достижений и с учетом конкретных условий. И желательно, чтобы эта деятельность опиралась именно на социологические представления о пространстве. С социологической точки зрения образовательное пространство любого учебного заведения может быть определено как социальное пространство, т. е. пространство отношений и сил (в формулировке П. Бурдьё), возникающих на основе взаимодействия субъектов образовательного процесса, включенных в сложную систему отношений. На наш взгляд, наиболее полное и точное определение образовательного пространства учебного заведения дает зарубежная исследовательница О. Дмитриева, которая предлагает рассматривать его как «форму эмпирического бытия системы образования, социокультурную конкретику места присвоения личностью жизненно необходимого и профессионально значимого социального опыта, задаваемого образовательным окружением в диалектике возможности и действительности» [3, с. 3–4].

С социологической точки зрения, образовательное пространство учебного заведения, выполняет функцию «проводника» интересов общества на (микро-) индивидуальный уровень, а интересов индивида на (макро-) уровень общества.

Структура образовательного пространства учебного заведения имеет, как минимум, две проекции, первая из которых представлена различными полями (культурное, информационное, политическое и т. п., а также полями различных учебных дисциплин (предметов)). Каждое поле социального пространства представляет собой микроскоп, объединяющий агентов, вовлеченных в процесс (вос)производства отношений между ними, возникающих по какому-либо поводу.

Вторая проекция структуры образовательного пространства учебного заведения имеет две основные составляющие: текстовую и средовую. Текстовая составляющая представлена различными

текстами образования, как письменными, так и устными. Средовая составляющая структуры образовательного пространства имеет сложную структуру. В качестве подструктур образовательной среды выделим предметную и непредметную области. Предметная область (материальное обеспечение, наличие/отсутствие определенного оборудования, предметов интерьера, в том числе и в каждой аудитории (классной комнате), расстановка мебели, пространственные показатели и т. п.). Непредметная область образовательной среды (или этос учебного заведения) – официальные и неофициальные правила организации образовательного процесса, прежде всего, правила последования, скорости и контроля (по Б. Бернстайну [1, с. 145]; начало и конец занятий строго по звонку, невыполнение задания за отведенное время, наличие/отсутствие обязательных санкций за невыполнение задания, в том числе и строгость этих санкций и т. п.), а также официальные и неофициальные правила взаимодействия между всеми участниками образовательного процесса, прежде всего, правила иерархии (по Бернстайну, в особенности это касается общения обучающий-обучаемый, доступности, частоты и манеры личного общения (как обучающихся, так и обучающихся) с руководством учебного заведения, возможности обучающихся и обучающихся принимать участие в управлении учебным заведением и т. п.). Обозначая непредметную область образовательной среды учебного заведения термином «этнос», мы подразумеваем не только совокупность указанных выше правил, но и практики их соблюдения/несоблюдения, а также практики, которые не имеют непосредственного отношения к самому процессу обучения (морально-нравственные, гражданские, правовые и прочие).

Инжиниринг образовательного пространства учебного заведения, помимо разветвления полей, включает в себя проектирование и структурирование (1) образовательной среды, (2) учебных программ, (3) образовательного дискурса и (4) рефрейминг как субтехнологии по расширению кодов [6, с. 392].

Образовательная среда как динамическая совокупность материальных и нематериальных условий и факторов, создает социокультурный контекст образовательного процесса, взаимодействия

участников этого процесса и содержит потенциал возможностей для приобретения обучающимися образованности, становления и всестороннего развития их личности. Довольно сложно очертить четкие границы образовательного пространства учебного заведения. Тем не менее, можно с точностью сказать, что образовательная среда, являющаяся частью этого пространства, должна заполнять его полностью или же быть еще шире [4]. В противном случае отдельные зоны образовательного пространства, «непокрытые», незаполненные образовательной средой, будут бездействовать. Подчеркнем также необходимость преодоления четкого разделения образовательного пространства на территории обучающихся и обучающихся. Дистанция между статусами первых и вторых является мощным латентным фактором, влияющим на результаты образования, определяет специфику коммуникации участников образовательного процесса. Размер этой дистанции зависит от правил, принятых на уровне государства, действующих на уровне института образования, а также от правил и традиций, имеющих место в конкретном учебном заведении. Чем меньше эта дистанция, тем меньше шансов у символического насилия, тем больше вероятность формирования «габитусов свободы и творчества», как их называл П. Бурдьё.

По мнению Дж. Дьюи, обучающая и воспитывающая среда учебного заведения должна быть организована так, чтобы выполнять следующие ключевые задачи: упрощать сложные явления жизни, делая их описания и объяснения доступными для понимания обучающихся; в качестве объектов для изучения выбирать такие, которые являются наиболее важными, с точки зрения социального опыта; способствовать выравниванию социальных различий, создавая «единство мыслей и согласованность действий» [7, с. 19–20].

На наш взгляд, сама по себе образовательная среда, как бы тщательно она не была организована, не может справиться с этими задачами, поскольку это – не ее задачи. Эти задачи мы связываем с организацией процесса передачи, трансляции знания и культуры в образовании и считаем, что они более соотносятся с проблематикой учебных программ. Образовательную среду учебного заведения можно представить, как комплекс условий для реализации обра-

зовательных программ. Проектирование этих программ заслуживает отдельного внимания.

Учебная программа выступает своеобразным «центром притяжения», ядром образовательного пространства, является его структурной и функциональной составляющей. В идеале, учебные программы должны быть организованы с ориентацией на решение актуальных проблем современного образования: 1) поддерживать целостность образовательного процесса, стирая границы между обучением и воспитанием; 2) оптимизировать сочетание теоретического и практического знания; 3) обеспечивать преемственность при переходе от одной образовательной ступени к другой.

Элементом образовательной коммуникации, является код (в частности, когнитивный) как установка на понимание социальной реальности (отдельной ситуации), которая может передаваться «по наследству» в рамках тех или иных больших социальных групп. Когнитивный код – зашифрованная информация, позволяющая человеку и даже целым группам людей идентифицировать ситуацию, что предшествует пониманию того, как действовать в этой ситуации. В результате формируется определенный когнитивный стиль. Когнитивная психология насчитывает более десятка разновидностей таких стилей. Каждая разновидность стиля имеет вид дихотомической шкалы, крайними точками которой являются прямо противоположные стили. Уклон в сторону положительного полюса открывает благоприятные перспективы всестороннего, творческого и иного развития личности. Когнитивные коды отличаются степенью сложности как ограниченные (простые) и расширенные (сложные). Ограниченный или расширенный когнитивные коды создают предпосылки формирования разнополюсных когнитивных стилей. Ограниченный – код стилей со смещением к отрицательному полюсу. Расширенный – код стилей, смещенных к положительному полюсу. Разновидности стилей могут пересекаться и сочетаться. Габитусам свободы и творчества, формирование которых является важнейшей функцией образования в современном обществе, соответствует сочетание положительных полюсов следующих разновидностей когнитивных стилей: (1) когнитивная простота (ограниченные коды) / сложность (расширенные

коды); (2) конкретность (ограниченные коды) / абстрактность (расширенные коды); (3) полезависимость (ограниченные коды) / полнезависимость (расширенные коды).

Носители габитусов свободы и творчества – «обладатели» синтетического сложно-абстрактно-полнезависимого когнитивного стиля. В связи с чем актуальность приобретает такая технология как «рефрейминг», которая в контексте наших рассуждений рассматривается как субтехнология инжиниринга образовательного пространства учебного заведения, применяемая к его текстовой составляющей.

Для того, чтобы изменить (развить, расширить) когнитивный код, необходимо воздействовать на его элементы – фреймы. Субтехнология рефрейминга включает в себя совокупность методов такого воздействия. Рефрейминг позволяет взглянуть по-новому на ситуацию, иначе интерпретировать, найти новые решения проблем. Это происходит за счет изменения фреймов – рамок, в которых эти проблемы воспринимаются. Буквально рефрейминг означает перемещение того или иного образа и/или переживания в новый фрейм (рамку), отличающийся от исходного. Периодически повторяющийся рефрейминг позволяет расширить и углубить фреймы. То же самое происходит и со взглядами их носителя, его установками на понимание реальности. Проведенный нами анализ научной и научно-методической литературы позволил выделить ряд универсальных принципов развития (расширения) когнитивного кода путем рефрейминга в образовании: 1) вариативность учебных программ и учебных задач с учетом различий когнитивных стилей и кодов учащихся (А. Асмолов, Е. Агалакова, Н. Виноградова, А. Пронина и др.); 2) расширение и усложнение понятийного поля обучающегося, смысловой многогранности понятий (Ю. Бабанский, Л. Выготский, П. Гальперин, В. Давыдов, Д. Эльконин и др.); 3) проблематизация содержания образования, создающая условия дающая возможности актуализации потенциала саморазвития учащихся (А. Белобрикина, К. Затева, А. Нестеренко, Л. Шрагина и др.).

Какими бы продуманными ни были учебные программы, какими бы ни были методы обучения, они приводятся в движение действиями обучающего и дискурсом. Образовательный дискурс, как и любой

другой, обязательно имеет структуру. Он может быть сильно или слабо структурированным, о чем пишут Т. Ежова, А. Липаев, Мухаммад Халид Иннаят Али, А. Полонников и др. Пример слабо структурированного дискурса – бытовое общение. Дискурсы, порождаемые образовательной коммуникацией, как и судебные, и телевизионные дискурсы, является сильно структурированными.

Вслед за Мухаммадом Халидом Иннаятом Али [5, с. 261] выделим два типа моделей образовательного (аудиторного и педагогического) дискурса: жесткие (четко спланированы, имеющих монологическую форму) и гибкие (динамические, частично спланированы, имеющих диалогическую форму). Оба типа моделей несут отпечаток личности обучающего, но только вторая модель несет отпечаток и личности обучающегося. Критическое и творческое мышление обучающихся в наибольшей степени проявляют себя и развиваются в свободном гибком образовательном дискурсе, когда образуется множество центров и векторов развертывания дискурса, объединенных общим полем интеллектуальной деятельности (общность поля является обязательным условием и поддерживается обучающим). Следовательно, формированию габитусов свободы и творчества способствует: 1) демократичность, гуманистичность и диалогичность дискурса, отказ от авторитарной модели; 2) «проблемность» дискурса; 3) динамичность, гибкость дискурса; 4) трансгрессивность – организация по принципу гипертекста [6, с. 430].

В заключение подчеркнем, что образовательное пространство учебного заведения выступает «посредником» между индивидом и обществом, обеспечивает связь микро- и макроуровня социального взаимодействия. Оно должно быть организован так, чтобы способствовать выполнению образованием важной функции по формированию габитусов свободы и творчества. Для этого представляются необходимыми: а) создание зоны и ситуации ближайшего развития на уровне этоса учебного заведения, с подключением социально-положительных педагогических практик, в условиях, когда коллектив обучающихся имеет статус референтной группы, а обучающий – статус «альфа-лидера»; б) минимизация дистанции между статусами обучающего и обучающихся, что является необходимым условием

оптимизации педагогического воздействия путем ухода от жестких требований и излишней строгости в сторону расширения свобод обучающихся.

Список литературы

1. Бернстайн Б. Класс, коды и контроль: структура педагогического дискурса / Б. Бернстайн. – М.: Просвещение, 2008. – 272 с.
2. Бим-Бад Б. М. Опережающее образование: теория и практика [Электронный ресурс] / Б. М. Бим-Бад. Режим доступа: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1038.
3. Дмитриева О. Социализация личности студента в образовательном пространстве вуза / О. Дмитриева. – Оренбург, 2004. – 173 с.
4. Мануйлов Ю. С. Соотношение понятий пространство и среда в контексте управленческой практики [Электронный ресурс] / Ю. С. Мануйлов // «Топологические» понятия в образовании: Материалы Интернет-конференции (размещено 27.01.2010). – Режим доступа: <http://www.openclass.ru/stories/90071>.
5. Мухаммад Халид Иннаят Али. Прагматический компонент «взаимодействие» в аудиторном дискурсе: на материале речи преподавателя : дис. ... канд. филол. наук / Мухаммад Халид Иннаят Али. – М., 2006. – 280 с.
6. Нечитайло И. С. Изменение общества через изменение образования / И. С. Нечитайло. – Харьков : Изд-во НУА, 552 с.
7. Развитие социальной педагогики за рубежом в 19–20 вв. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.profile-edu.ru/razvitie-socialnoj-pedagogiki-za-rubezhom-v-19-20-veke-page-7.html>.

References

1. Bernstein B. Klass, kodyi i kontrol: struktura pedagogicheskogo diskursa [Class, codes and control: the structure of pedagogical discourse], Moscow, Prosveschenie – Education, 2008, 272 p.
2. Bim-Bad B. M. Operezhayushee obrazovanie: teoriya i praktika [Leading education: theory and practice] Available at: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1038.
3. Dmitrieva O. Sotsializatsiya lichnosti studenta v obrazovatel'nom prostranstve vuza [Socialization of the student's personality in the educational space of the university], Orenburg, 2004, 173 p.
4. Manujlov Yu. S. Sootnoshenie ponyatij prostranstvo i sreda v kontekste upravlencheskoj praktiki [Correlation of the concepts of space and environment

in the context of management practice] «Топологические» ponyatiya v obrazovanii: Materialy Internet-konferencii – “Topological” concepts in education: Materials of the Internet conference (27.01.2010). Available at: <http://www.openclass.ru/stories/90071>.

5. Muhammad Halid Innayat Ali Pragmatic component “interaction” in the classroom discourse: on the material of the teacher’s speech. Moscow, 2006, 280 p.

6. Nechitajlo I. S. Izmenenie obshchestva cherez izmenenie obrazovaniya [Change of society through a change of education], Kharkiv, PUA Publ., 552 p.

7. Razvitie social’noj pedagogiki za rubezhom v 19–20 vv. [The development of social pedagogy abroad in the 19-20 centuries.]. Available at: <http://www.profile-edu.ru/razvitie-socialnoj-pedagogiki-za-rubezhom-v-19-20-veke-page-7.html>.

О. А. Иванова

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Научно-исследовательская деятельность в системе непрерывного образования ориентирована на повышение качества образования, создавая мультипликативный эффект объединяя всех участников образовательного процесса. Отмечено, что научно-исследовательская деятельность преподавателей в рамках единого образовательного комплекса создает условия для творческого сотрудничества всех участников образовательного процесса.

В статье выделена роль научно-исследовательской работы профессорско-преподавательского состава в системе непрерывного образования, как ведущая составляющая функционирования высшей школы и способ формирования конкурентоспособного выпускника. С целью повышения эффективности организации научно-исследовательской работы в учебно-научном комплексе предложено использование системного подхода и построения дерева целей и дерева решений в ходе реализации научно-исследовательской деятельности в условиях непрерывного образования.

На примере Народной украинской академии рассмотрены иерархические элементы системы организации научно-исследовательской работы учебно-научного комплекса непрерывного образования.

Ключевые слова: непрерывное образование, научно-исследовательская деятельность, система, учебно-научный комплекс, организация научно-исследовательской работы, эффективность.

Іванова О. А. Організація науково-дослідної роботи в системі безперервної освіти

Науково-дослідна діяльність в системі безперервної освіти орієнтована на підвищення якості освіти, створюючи мультиплікативний ефект об'єднує усіх учасників освітнього процесу. Доведено, що науково-дослідна діяльність викладачів у рамках єдиного освітнього комплексу створює умови для творчої співпраці усіх учасників освітнього процесу.

У статті виділена роль науково-дослідної роботи професорсько-викладацького складу в системі безперервної освіти, як ведуча складова функціонування вищої школи й засіб формуванні конкурентоспроможного випускника.

З метою підвищення ефективності організації науково-дослідної роботи у навчально-науковому комплексі запропоновано використання системного підходу і побудови дерева цілей і дерева рішень в ході реалізації науково-дослідної діяльності в умовах безперервної освіти.

На прикладі Народної української академії розглянуті ієрархічні елементи системи організації науково-дослідної роботи навчально-наукового комплексу безперервної освіти.

Ключові слова: безперервна освіта, науково-дослідна діяльність, система, навчально-науковий комплекс, організація науково-дослідної роботи, ефективність.

Ivanova O. The organization of the academic research activities In the lifelong learning system

The academic research activities in the LL system aim to improve the quality of education by means of creating a multiplicative effect of bringing together all the participants of the educational process. It is noted that the academic research activities of the academic staff within the framework of a single educational complex provide a background for creative cooperation of all the participants of the educational process.

The article highlights the role of the academic research activities of the academic staff in the LL system as a major component of the higher school functioning and a way to train a competitive graduate.

With the aim of increasing the efficiency of the organization of the academic research activities in an educational and scientific complex it has been suggested applying a systematic approach and an objective and decision tree in the academic research activities in the LL system.

Drawing on the example of People's Ukrainian Academy, the hierarchical elements of the system of organization of the academic research activities in a LL educational and scientific complex have been considered.

Key words: lifelong learning (LL), academic research activities, systematic approach, educational and scientific complex, the organization of the academic research activity, efficiency.

В современных условиях хозяйствования, в условиях динамичных изменений и устаревания знаний, потери актуальности навыков и смене профессий все большую актуальность приобретает необходимость формирования системы непрерывного образования как ответа на вызовы времени. Современное непрерывное образование является

своеобразным откликом на сложившуюся ситуацию, поэтому оно также динамично, как и позиция в современном обществе.

Проблеме непрерывного образования, применения его для повышения уровня подготовки выпускников уделялось внимание и в предыдущие годы, однако актуальность данного подхода к формированию востребованного конкурентоспособного специалиста посредством применения системы непрерывного образования становится остроактуальной все больше и больше как объективная необходимость.

Несмотря на очевидность данного подхода в системе образования необходимо еще раз уточнить, что непрерывное образование это не только некое объединение элементов образовательного процесса, а создание обязательных условий для реализации этих этапов с учетом принципов переходности новых форм образовательных институций. Это формирование возможностей для обучающихся выстраивать индивидуальные траектории формирования знаний и развития посредством выбора курсов, дополнительного образования, сочетания интегрированных программ. Поэтому исследование и оценка эффективности системы непрерывного образования являются весьма важными и значимыми, вызывают интерес у многих ученых современности.

В ходе изучения особенностей непрерывного образования необходимо уделять внимание его составляющим, условиям реализации, оценке влияния факторов на качество реализации непрерывного образования и др. Особое место в современных условиях занимает научно-исследовательская деятельность в учебном заведении в системе непрерывного образования, которая представляет собой ключевую задачу современности, что требует исследования влияния научно-исследовательской работы в ходе реализации принципов системы непрерывного образования.

Отправной точкой такого исследования может стать анализ качества кадрового состава учебного заведения, претендующего на роль некоего трансформатора непрерывно образования. Очевидно, что для реализации системы непрерывного образования существенное внимание должно уделяться кадровому обеспечению. При этом одним из обязательных требований, предъявляемым к кадрам учебно-научного комплекса, является их активное участие в научно-исследова-

тельской работе, способствующей повышению квалификации преподавателей, самосовершенствованию, востребованности, актуальности их знаний по отношению к требованиям современности. В настоящее время интеграция науки и образования приобретает все большую актуальность и становится объективной необходимостью. Занятие научно-исследовательской работой для педагога должно стать неотъемлемой частью их деятельности, ведущей составляющей функционирования высшей школы. Вместе с тем проблема соотношения преподавательской и исследовательской деятельности в системе образования все еще не решена и остается актуальной в системе непрерывного образования. Научно-исследовательская деятельность преподавателей в рамках единого образовательного комплекса создает условия для творческого сотрудничества всех участников образовательного процесса. И как следствие в системе непрерывного образования научно-исследовательская деятельность должна их охватывать также, а не только педагогов.

Следовательно, можно сделать вывод, что такой подход как непрерывное образование, возможно, реализовывать только при условии постоянного самосовершенствования и усиления научно-исследовательской деятельности всех участников образовательного процесса. Иначе противоречие между потребностями современности и возможностями учебного заведения будут проявляться все больше.

Основной целью организации научно-исследовательской работы в системе непрерывного образования является объединение академической науки и науки, которая реализуется в учебном заведении. Подготовленные в системе непрерывного образования специалисты призваны стать носителями идей обновления на основе идей сохранения и приумножения лучших традиций отечественного образования и науки, мирового опыта [2].

С целью повышения эффективности организации научно-исследовательской работы для комплекса непрерывного образования необходим выбор и обоснование целесообразной структуры управления научной деятельностью. Эта структура должна логично объединять всех участников образовательного процесса, используя взаимосвязь и взаимодействие, позволяющее достигнуть реализации общей

комплексной цели, разбитой на ряд задач с учетом особенностей участников этой деятельности, а именно подцелей на каждом образовательном уровне, форм и структур их реализации. Максимально эффективным и целесообразным сможет стать применение принципов системного подхода при выборе такой структуры управления научно-исследовательской работой. А в качестве способа реализации такого подхода возможно построения дерева целей, которое и будет давать деление на цели и подцели, задачи и подбор вариантов их реализации.

Конкретизируя алгоритм решения поставленной проблемы в соответствии с предполагаемой концепцией, можно выделить его ключевые элементы, включая которые в данный алгоритм можно будет ожидать желаемый результат, а именно построить эффективную структуру организации научно-исследовательской деятельности в системе непрерывного образования.

К ключевым элементам, так называемого дерева целей и дерева решений системы организации НИР в системе непрерывного образования, можно отнести выбор и обоснование комплексной научно-исследовательской темы, над которой могли бы многоаспектно осуществлять работу все участники образовательного процесса с учетом их особенностей и поставленных задач. Для реализации данной темы необходимо наличие научных школ и научных направлений, которые бы могли вести разработку отдельных аспектов комплексной тематики, объединяя при этом различные образовательные уровни, вовлекая в орбиту научного поиска не только маститых ученых и начинающих исследователей, но даже магистров и студентов, что обеспечивает естественную внутреннюю интеграцию науки и образования (докторантура, аспирантура, магистратура и др.). Такая структура может быть отнесена в настоящее время уже к своего рода классическому варианту. Поэтому задача современного учебно-научного комплекса найти место и роль в этой структуре, в том числе и, хотя бы частично, более младшим участникам образовательного процесса, таким как школьники, причем не только старшеклассникам.

В настоящее время Народная украинская академия (НУА), как учебно-научный комплекс, имеет значительный опыт образовательной деятельности и крупные научные достижения, реализующие концеп-

цию интеграции науки и образования в различных формах. Внутри НУА имеют место интеграционные процессы, проявляющиеся в создании учебно-научных подразделений, которые объединяют в единой учебной структуре детскую школу раннего развития, специализированную экономико-правовую школу (СЭПШ), гуманитарный университет и послевузовское образование, что дает возможность осуществлять комплексные фундаментальные исследования по проблемам life long education и вести мониторинг деятельности комплекса с постоянной корректировкой образовательной стратегии [1].

Данная структура позволила вести поиск новых форм реализации научно-исследовательской деятельности для учащихся СЭПШ. Такой формой стало применение конкурса научно-исследовательских работ школьников в виде МАН и Юниор-МАН, однако отличительной, особенностью которой стало курирование школьников студентами-магистрами в рамках их научно-педагогической практики, а руководство магистрами осуществляется ассоциацией молодых преподавателей, кафедрами и как следствие объединяется работой научных школ и научных направлений. Так прослеживается цепочка взаимосвязей, взаимодействия в ходе реализации направлений комплексной научной темы учебно-научно комплекса. Творческий поиск продуктивных функциональных связей между преподавателями различных дисциплин и квалификационных уровней обучения, работающих на достижение сообща сформулированной цели, способствовал формированию и развитию психолого-педагогических компетенций педагогов, интегрированию профессиональных знаний каждого члена коллектива, обеспечивал формирование здорового психологического климата – важнейшего условия коллективного творчества [1].

Решению задач интеграции науки и образования способствует деятельность научных лабораторий. Наличие лабораторий и их специализация, бесспорно, отражают профиль учебного заведения и как следствие – направление комплексной научной тематики в системе непрерывного образования. Так, например в ХГУ «НУА» логически выбраны ключевые направления, по которым специализируются лаборатории, в числе которых лаборатория проблем высшей школы, лаборатория планирования карьеры, научно-исследовательская лаборатория когни-

тивной лингвистики. В рамках их работы продолжались исследования теоретических аспектов непрерывного образования и поиск инновационных путей его развития на различных образовательных этапах.

Для повышения эффективности научной работы по каждому направлению исследований необходимо сформировать цепочку: поисковые исследования – прикладные научно-исследовательские работы – внедрение результатов исследований и разработок в учебный процесс, что даст возможность развивать аспирантуру, докторантуру, научные школы и вести комплексные научные исследования по проблемам, объединяющим научные интересы ведущих ученых учебно-научного комплекса, профессиональную подготовку студентов и даже школьников.

Список литературы

1. Дорогу осилит идущий... : монография / Нар. укр. акад. ; под общей ред. Е. В. Астаховой. – Харьков : Изд-во НУА, 2015. – 628 с.
2. Непрерывное образование как принцип функционирования современных образовательных систем (первый опыт становления и развития в Украине) : монография / Нар. укр. акад. ; под. общ. ред. В. И. Астаховой. – Харьков : Изд-во НУА, 2011. – 216 с.
3. Непрерывное образование в контексте образовательных реформ в Украине : монография / Нар. укр. акад. ; под. общ. ред. В. И. Астаховой. – Харьков : Изд-во НУА, 2006. – 300 с.

References

1. Astakhova Ye. V. (Eds.) Dorogu osilit idushchiy [A Journey of a Thousand Miles Begins with a Single Step...], Kharkiv, Kharkiv University of Humanities “People’s Ukrainian Academy”, PUA Publ., 2015, 628 p.
2. Astakhova V. I. (Eds.) Nepreryvnoye obrazovaniye kak printsip funktsionirovaniya sovremennykh obrazovatel’nykh sistem (pervyy opyt stanovleniya i razvitiya v Ukraine) [Lifelong Learning as Academic System Philosophy (the First Experience in Formation and Development in Ukraine)], Kharkiv, Kharkiv University of Humanities “People’s Ukrainian Academy”, PUA Publ., 2011, 216 p.
3. Astakhova V. I. (Eds.) Nepreryvnoye obrazovaniye v kontekste obrazovatel’nykh reform v Ukraine Lifelong Learning in the Context of the Educational Reform in Ukraine] Kharkiv, Kharkiv University of Humanities “People’s Ukrainian Academy”, PUA Publ., 2006, 300 p.

Н. Г. Чибисова

ФИЛОСОФСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ТВОРЧЕСТВА

В статье рассматривается категория «творчество», выделяются философские подходы в различные исторические периоды: античность, средние века, эпоху Возрождения, Новое время, современный этап.

Автор подчеркивает необходимость при раскрытии сущности данного явления акцентировать внимание на таких элементах мышления как интуиция, воображение, чувственное восприятие, а также на рассмотрение в процессе познания соотношения эмоционального и рационального. Изучение творчества как вида деятельности, процесса деятельности, как качества личности продолжается и на современном этапе, и открытия в данной области будут способствовать более активному формированию творческих начал личности.

Ключевые слова: творчество, философский подход, сущность, источники творчества.

Чибисова Н. Г. Філософські підходи до вивчення творчості

У статті розглядається категорія «творчість», виокремлюються філософські підходи в різні історичні періоди: античність, середні віки, епоха Відродження, Новий час, сучасний період.

Автор підкреслює необхідність щодо розкриття суті цього явища акцентувати увагу на таких елементах мислення як інтуїція, уявлення, чуттєве сприйняття, а також на розгляді в процесі пізнання співвідношення емоційного та раціонального. Вивчення творчості як виду діяльності, процесу діяльності, як якості особи продовжується і на сучасному етапі, і відкриття у цій галузі будуть сприяти більш активному формуванню творчих начал особистості.

Ключові слова: творчість, філософський підхід, суттєвість, джерела творчості.

Chybisova N. Philosophical approaches to the study of creativity

The category “creativity” is considered in the article, philosophical approaches are distinguished in different historical periods: antiquity, middle ages, Renaissance, New time, modern stage.

The author emphasizes the necessity to focus on such elements of thinking as intuition, imagination, sensory perception, as well as on the consideration of the relationship between emotional and rational in the process of cognition. The study of creativity as a type of activity, the process of activity as a personality, continues at the present stage, and the discoveries in this field will contribute to a more active formation of the creative principles of the personality.

Key words: creative, philosophical hike, essence, sources of creative.

Проблема творчества является такой научной проблемой, которая никогда не потеряет своей актуальности и значимости. Данная проблема интересовала ученых во все века; и чем глубже на теоретическом уровне проникал в нее исследователь, тем дальше она от него отодвигалась. Творчество можно рассматривать и как процесс деятельности, и как ее результат, и как особое качество личности и др.

В философском энциклопедическом словаре творчество определяется как «особая форма человеческой активности, направленная на создание новых, неповторимых, оригинальных и в то же время социально значимых результатов. В большинстве современных социально-философских концепций оно признается универсальным способом самореализации личности. По содержанию творчество духовно, а по форме – часто материально, ибо в основе его лежит идеальный образ будущего творения, которое может воплотиться во вполне осязаемые объекты – ноты, слова, машины, корабли и т. п. Творчество предполагает глубокие знания, высокую эрудицию не только в той области, в которой творит или собирается творить человек, но и в сопредельных с нею областях, поскольку любой акт творчества означает выход за рамки привычных стереотипов мышления и поведения, но этот выход не должен осуществляться вслепую. Чем шире круг жизненных духовных интересов человека, тем шире его творческие горизонты и возможности» [9].

Проблемами творчества интересуются философы, психологи, социологи, культурологи и представители других научных отраслей, среди них – теоретики и практики.

В современном обществе творчество становится одним из важнейших качеств личности. Поэтому и возникает такое пристальное внимание к данной категории. Но понять ее, продвигнуться к сущностной

природе возможно только рассмотрев материал, накопленный предыдущими поколениями.

Изучение проблем творчества можно найти уже в работах античных мыслителей, которые понимали его как божественную одержимость и возможность человека спорить с богами и переходить из состояния небытия в состояние бытие. «Всякий переход из небытия в бытие – отмечал Платон, это творчество, и, следовательно, создание любых произведений искусства и ремесла можно назвать творчеством, а всех создателей – их творцами» [3].

В средние века процесс творчества связывали с сотворением мира, главным творцом которого выступал бог; творческие способности человека рассматривались только в связи с выполнением религиозных заповедей. В средние века творец был анонимным, он был ограничен в своих действиях и призван был воплощать божественное откровение. Главной сферой творчества выступала религиозно-нравственная, другие же сферы бытия – научная, художественная – являлись второстепенными.

В эпоху Возрождения заговорили о творческих способностях человека, особый акцент делался на изучении художественного творчества. Ученые стали проявлять интерес к личности творца – художника, заговорили о гениях, рожденных эпохой.

В Новое время творчество связывали с научными открытиями. В XIX веке на повестке дня появились вопросы, связанные с природой творчества, его источниками; дискуссии затронули проблему соотношения таланта и гениальности. Данные проблемы исследовали немецкие ученые: Кант, Гегель, Шопенгауэр, Ницше, Юм, и др. Так, Кант отмечал, что творчество порождает «новое правило, какого нельзя вывести ни из одного предшествующего принципа или примера» [6, с. 246]. В своем учении Кант утверждал, что творческая деятельность есть единство сознательной и бессознательной деятельности. В качестве субъекта творческой деятельности исследователь видел личность, которая наделена продуктивной и рефлексивной деятельностью воображения [5]. Затронул Кант и проблему соотношения таланта и гениальности. По его мнению, талант творит в рамках заданной традиции, а гений создает эти традиции.

Другой немецкий мыслитель, также представитель идеалистического направления в философии – Фридрих Шеллинг, понимал творчество как высшую форму человеческой деятельности, в которой человек соприкасается с абсолютом.

Ученые Нового времени часто такое явление как творчество противопоставляли логическому началу, познавательным способностям человека. Согласно теории «продуктивного воображения» у И. Канта и Ф. Шеллинга творчество выступает фундаментальной предпосылкой познания как такового.

Мыслители эпохи Просвещения источники творчества связывали или с божественным началом, или с врожденными способностями человека. Проблемы творчества в их трудах не выходили за пределы рассмотрения вопросов, связанных с талантом и гениальностью, интеллектом и безумием.

Активно изучали проблемы творчества немецкие ученые. Так, Г. В. Ф. Гегель представлял творчество как процесс саморазвития, источником которого выступает противоречие, лежащее в его основе [3].

Другой немецкий мыслитель, представитель материалистической философии К. Маркс понимал творчество как высший вид деятельности человека, становление которого, по его мнению, происходит в процессе предметно-деятельностного его взаимоотношения с миром [7].

Ф. Ницше видел назначение творчества в преобразовании самой сущности человека, критикуя современную ему культуру. [8, с. 238–405].

В XX веке особо акцентировалось внимание на психологических основах творчества. Так, философия жизни противопоставила технической рациональности творческое органическое начало (А. Бергсон) или культурно-историческую деятельность (В. Дильтей). Экзистенциалисты в своих теориях стали определять творчество в терминах внутреннего переживания: как «встречу», «самоактуализацию», «предельный опыт», «готовность к новому рождению» (Э. Фромм, К. Роджерс, А. Маслоу). Теории «глубинной психологии», базирующиеся на положениях теории З. Фрейда, подчеркивали роль бессознательного в творчестве и интерпретировали его как «осуществление детской мечты», «нарциссистское идеалопостроение» (О. Ранк), «управление

интуицией через архетипы» (К.Г. Юнг), «результат компенсаторных проектов жизненных целей» (А. Адлер). Прагматистские и близкие к ним теории творчества отождествляли его с комбинационным изобретательством, решением ситуативных задач (Дж. Дьюи) [4].

Большое внимание проблемам творчества уделял русский философ Н. А. Бердяев, который рассматривал творчество во взаимосвязи со свободой. По мнению Н. Бердяева свобода – это единственный источник творчества. Она определяет царство духа. Свобода угодна Богу, но в то же время, она – не от Бога. Существует «первичная», «несотворённая» свобода, над которой Бог не властен. Н. Бердяев ввел понятие «трансцендирование» – выход за пределы, т. е. преодоление рабских оков природно-исторического бытия, творческий прорыв. Именно в таких условиях способен творить человек.

В современной науке накоплен достаточно большой материал по проблемам творчества. Число философских, педагогических, психологических работ по данной проблематике постоянно увеличивается. Данной проблемой активно занимались Ф. Баррон, Г. Лозанов, А. Маслоу, Дж. Гилфорд, Дж.А.Тейлор, И. Витаньи, Н. Хомский. Проблема творчества, творческой деятельности исследуется и на междисциплинарном уровне теоретиками и практиками: В. И. Андреевым, Д. Б. Богоявленской, Т. В. Кудрявцевым, Я. А. Пономарёвым и др. Изучены вопросы развития творческого мышления учащихся в процессе обучения в вузе (И. С. Сумбаев, А. Т. Шумилин, А. Н. Лук и др.), рассмотрена психология творческого мышления (Т. В. Кудрявцев, А. М. Матюшкин, С. Д. Смирнов и др.), анализируется творчество как качество личности (Р. Мэйли, Г. А. Давыдов и др.).

Анализ литературы по проблемам творчества показал, что данное явление является многомерным, поэтому и возможны различные подходы к его изучению и толкованию. А. Г. Вяткина отмечает: «Чтобы разгадать тайну творчества, вернее, приблизиться к ее разгадке, необходимо раскрыть точку интуиции, «распаковать» ее [1, с. 233]. Иными словами, рассмотреть творчество не как мгновенный акт, посредством которого совершается переход из непредметного в предметность, не как скачок, парадоксальный и соответственно недоступный для понимания и объяснения, а как процесс. Лишь

обнаружение процессуальной природы самого перехода позволит преодолеть парадоксальность в осмыслении творчества [2].

Изучение проблем творчества связано с изучением таких явлений, как интуиция, воображение, чувственное восприятие действительности, а также его соотношение с рациональным познанием и др.

Таким образом, определение сущности, источников творчества в современном обществе является важной и актуальной задачей, раскрытие которой позволит формировать творчески активных индивидов, способных позитивно преобразовывать свой внутренний мир и внешний, окружающий мир.

Список литературы

1. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Синергетика: эволюционный аспект / В. И. Аршинов В. Г. Буданов // Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. – М., 1994. – 229–243с.
2. Вяткина А. Г. Творчество как философская проблема [Электронный ресурс] / А. Г. Вяткина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2011. – № 8 (103). – Вып. 16. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorchestvo-kak-filosofskaya-problema>
3. Гегель Г. Философия духа / Г. Гегель. // Энцикл. филос. наук : в 3 т. – М., 1977. – Т. 3: Философия духа. – 471с .
4. Горохов В. Г. Введение в философию техники : учеб. пособие / В. Г. Горохов, В. М. Розин ; науч. ред. Ц. Г. Арзаканяна. – М. : ИНФРА–М., 1998. – 224 с.
5. Даниев С. В. П. К. Энгельмейер и его роль в развитии философии техники. [Электронный ресурс] / С. В. Даниев. – Режим доступа: // URL: <http://www.masters.donntu.edu.ua/2012/fknt/daniyev/library/philosophy.htm>
6. Кант И. Критика способности суждения / И. Кант // Серия: Слово о сущем. Переводы с немецкого. – СПб. : Наука, 2006. – 512 с.
7. Маркс К. Тезисы о Фейербахе / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1955. – Т. 3. – С. 1–4; Маркс К. К критике политической экономии / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. – М.: Политиздат, 1959. – С. 5–167.
8. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше // Сочинения : в 2 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – 829 с.
9. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. – М. : Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.

References

1. Arshinov V. I., Budanov V. G. Sinergetika: evolyutsionnyy aspekt / V.I. Arshinov V. G. Budanov // Samoorganizatsiya i nauka: opyt filosofskogo osmysleniya. – M., 1994. – 229–243s.
2. Vyatkina A. G. Tvorchestvo kak filosofskaya problema / Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. – 2011. – №8(103). – Vypusk 16. [Elektronnyy resurs] / A. G. Vyatkina. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorchestvo-kak-filosofskaya-problema>
3. Gegel' G. Filosofiya dukha / G. Gegel'. Entsikl. Filos. nauk: v 3 t. – M., 1977. – T.3 : Filosofiya dukha. – 471s .
4. Gorokhov V.G. Vvedeniye v filosofiyu tekhniki : ucheb. posobiye / V. G. Gorokhov, V. M. Rozin; nauch. red. TS. G. Arzakanyana. – M. : INFZA–M., 1998. – 224s.
5. Daniyev S. V. P. K. Engel'meyyer i yego rol' v razvitii filosofii tekhniki. [Elektronnyy resurs] / S. V. Daniyev. – Rezhim dostupa: // URL: <http://www.masters.donntu.edu.ua/2012/fknt/daniyev/library/philosophy.htm>
6. Kant I. Kritika sposobnosti suzhdeniya / I. Kant // Seriya: Slovo o sushchem. Perevody s nemetskogo. — SPb. : Nauka, 2006.– 512 s.
7. Marks K. Tezisy o Feyyerbakhe / Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-ye izd. – M. : Politizdat. – 1955 –T.3 – S. 1–4. Marks K. K kritike politicheskoy ekonomii / Marks K., Engel's F. Sochineniya. T. 13.– M.: Politizdat. – 1959 –S.5–167.
8. Nitsche F. Po tu storonu dobra i zla / F. Nitsche Sochineniya v 2 t. – M.: Mysl', 1990. – T.2 – 829s.
9. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar' / Gl. redaktsiya: L. F. Il'ichov, P. N. Fedoseyev, S. M. Kovalov, V. G. Panov — M.: Sov. Entsiklopediya, 1983. — 840 s.

Г. Г. Силласте

КОММУНИКОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ В МОДУСАХ СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

Статья посвящена одному из направлений науки о коммуникациях – коммуникологии, которая в современных условиях привлекает к себе все большее внимание исследователей. В данной статье объектом анализа с позиций коммуникологии выступает система высшего образования. В основу положена концепция модусов социального времени: модус прошлого, модус настоящего и модус будущего. Высшая школа оценивается как коммуникативное пространство, где социальной единицей анализа является коммуникативная личность. Сделан вывод о том, что коммуникативные стратегии, применяемые в вузовском пространстве, должны учитывать социальные риски, которые влияют на вузовскую среду, поэтому одна из функций коммуникативных практик – минимизация социальных рисков.

Ключевые слова: коммуникология, коммуниканты, коммерциализация образования, коммуникативная личность, коммуникативная компетентность.

Силласте Г. Г. Комунікологія освіти і його соціальні ризики в модусах соціального часу

Стаття присвячена одному з напрямків науки про комунікації – комунікології, яка в сучасних умовах привертає до себе все більшу увагу дослідників. У даній статті об'єктом аналізу з позицій комунікології виступає система вищої освіти. В основу покладена концепція модусів соціального часу: модус минулого, модус теперішнього і модус майбутнього. Вища школа оцінюється як комунікативний простір, де соціальною одиницею аналізу є комунікативна особистість. Зроблено висновок про те, що комунікативні стратегії, що застосовуються в вузівському просторі, повинні враховувати соціальні ризики, які впливають на вузівську середу, тому одна з функцій комунікативних практик – мінімізація соціальних ризиків.

Ключові слова: комунікологія, комуніканти, комерціалізація освіти, комунікативна особистість, комунікативна компетентність.

Sillaste G. Communicology of education and its social risks in the modes of social time

The article is devoted to one of the lines of the science of communications – communicology that under current conditions has attracted more and more attention of researchers. In this article the object of analysis from the communicology view point is the system of higher education. The basis is the concept of social time modes: the mode of the past, the mode of the present and the mode of the future. Higher school is assessed as a communicative space, where the social unit of analysis is the communicative person. The author made the conclusion that the communicative strategies used in the university space should take into account the social risks that affect the university environment, therefore one of the functions of communicative practices is the minimization of social risks.

Key words: communicology, communicants, commercialization of education, communicative personality, communicative competence.

Коммуникология как формирующееся научное направление, объединяет широкий диапазон исследований и отличается большим разбросом и вариативностью терминологического аппарата. Как бы ее ни называли – коммуникативная систематика, коммуникативистика, коммуникология [1] – совершенно очевидно, что ключевая категория этой отрасли науки – коммуникация. Коммуникология рассматривается в данной работе с одной стороны с позиций социологического подхода как вид социального процесса (*процесса коммуникативного*). А с другой – как вид *коммуникативного социального воздействия и взаимодействия* участников вузовского сообщества.

Его *содержанием* является обмен информацией, ее ретрансляция в вузовскую социальную среду, воздействие в ней на вузовских *коммуникантов* (а это и студенты, и преподаватели, и вузовский обслуживающий персонал, и руководящая (управленческая) вузовская группа). От степени их коммуникативного воздействия зависят его социальные последствия, качество формируемых вузом специалистов, их адаптация в профессиональной деловой среде.

В данной статье выделены наиболее значимые, по нашему мнению, социологические аспекты коммуникологии как отрасли науки

о коммуникациях, в основу которых положена концепция *модусов социального времени*. Их три: модус прошлого, модус настоящего и модус будущего.

Аспект 1. В *модусе прошлого* социального времени зададимся вопросом: была ли коммуникология в советской высшей школе и отличалась ли она от современной? Отметим ряд особенностей высшей школы как коммуникативной системы советского периода:

1) образование рассматривалось как один из ведущих социальных институтов общества и государства, обеспечивающий потребности интенсивно развивавшейся экономики, стержнем которой являлось промышленное производство (в нынешнее время – это так называемый сектор реальной экономики);

2) образование как социальный институт обладало монополией централизованного государственного руководства (управления) и влиянием на его развитие;

3) это был институт, опирающийся на единство государственной идеологии и мировоззренческих принципов воспитательной работы;

4) это был институт, обеспеченный государственной стратегией долгосрочного развития и полной социальной ответственностью государства за выпускаемых специалистов, их трудоустройство и первичную адаптацию в сфере трудовой занятости.

Стратегия советской высшей школы заключалась в формировании качественно новой (если ни сказать лучшей в мире) национальной интеллигенции, развитии и продвижении передовой отечественной науки и техники. В основе развития лежал принцип социальной справедливости, бесплатности, а потому полной доступности всех видов образования, что обеспечивало равное право получения высшего образования всеми слоями населения, любым способным выпускником школы, независимо от социального положения его семьи.

В плане развития информационного обеспечения в работе высшей школы речь не велась о *коммуникологии* как таковой, не использовался и этот термин. Но базовый акцент всегда делался на обеспечении в высшей школе интенсивной ретрансляции научно-образовательной информации посредством ее трех главных *коммуникантов*: образованных преподавателей, печатного слова и СМИК (средств

массовой информации и коммуникации). Объединительное начало: коллективистский дух, энтузиазм и взаимответственность.

Воспитательная функция высшей школа была имманентной. Работодатель – один: государство, взявшее на себя полную социальную ответственность за развитие высшего образования и обеспечение выпускаемых специалистов гарантированной трудовой деятельностью.

Особенностью коммуникологии между преподавательским и студенческим сообществами являлся прямой речевой и межличностный контакт, единое информационно-образовательное пространство, речевая коммуникация и абсолютная доминанта печатного источника.

Итог: яркие мировые достижения в области науки и техники, культуры и образования. В книге Гиннеса первые девять основополагающих рекордов в области науки и техники принадлежали Советскому Союзу. Первый – запуск искусственного спутника земли, несколько позже – полет человека в космос. Бердяев назвал его триумфом советского образования.

Аспект 2. В модусе *настоящего* социального времени много изменений и смещений в социальной сущности образования. Во-первых, сегодня это социальный институт, развивающийся в «обществе всеобщего риска», обусловленном неустойчивостью рыночной экономики, глубинной трансформацией социальной структуры общества, социальных отношений и социальной базы обучающихся.

Изменились и вошли в конкуренцию по приоритетности и выгоды, исторически традиционные социальные и ново-рыночные монетарные функции этого института. Доминирующей стала монетарная: *образование как рынок образовательных услуг, удовлетворяющий интересы и потребителей и производителей этих услуг.* Изменились коммуникации: информация в высшей школе и образовании из самооценности стала средством, инструментом индивидуальной достижительной жизненной стратегии обучающегося.

В терминах коммуникологии действующими лицами этого процесса стали *коммуниканты*. Доминирует плюрализм форм и видов

информации, средств ее ретрансляции, свободы доступа к источникам, отказ от идеологии и деидеологизация образовательного процесса.

Принципы равенства, свободы выбора, социальной справедливости замещены доктриной коммерциализации образования, а цельность системы – искусственной уровневой дробностью. Рынок образовательных услуг стал рынком разных форм собственности, разных работодателей, разной оплаты за равный труд. Рынок отличается перепроизводством популярных по монетарной престижности профессий и специалистов. Государственное регулирование процесса производства и распределения молодых кадров отсутствует.

Стимулы – не столько профессия и общественная отдача, сколько монетарное и материальное вознаграждение. Социальная и социокультурная ценность профессорско-преподавательского состава стала заменяться качествами *«производителя образовательной услуги»*, а классическая межличностная коммуникация преподаватель – студент, «технизацией» этих отношений, посредничеством тестирования на всех уровнях образовательной системы; замены речевой коммуникации технологическим кодированием текстов контроля знаний.

Итог: конфликт интересов участников образовательного рынка, оформившись в социальное противоречие между *интересами и запросами* двух рынков: образовательных услуг, с одной стороны, и рынка труда, занятости и профессий – с другой. Разумного компромисса между ними пока не достигнуто, диспропорции – превалируют, качество образования резко упало. Государство сняло с себя ответственность за трудоустройство выпускников вузов и не управляет их распределением для отраслей экономики, абсолютную доминанту в которой составляет институт частной собственности.

А теперь в *модусе настоящего социального* времени обратимся к высшему образованию в терминах и концепте коммуникологии. В таком случае высшее образование придется рассматривать не с позиций традиционного социального института или вульгаризированного подхода к нему как к рынку образовательных услуг, а оценить высшую школу как *коммуникативное пространство*. Простран-

ство, построенное по законам развития социетальной системы, развивающееся по законам аккумуляции и ретрансляции информации с циркуляцией внутри его *коммуникативного диаполя*, развивающего *коммуникативную компетентность* его *коммуникантов* (т.е. участников).

Кто сегодня в их роли? Преподавательское сообщество – с одной стороны, студенты – с другой. Притом, что преподаватели сами обладают высокоразвитой коммуникабельностью и социальным статусом. Социальной единицей анализа этой системы является *коммуникативная личность*. То есть личность, которая обладает совокупностью индивидуальных свойств и характеристик, обеспечивающих ей умение выбрать схему передачи информации в конкретной ситуации и адекватно ее воспринять. В таком контексте высшее образование – интересный объект современной коммуникологии.

Во-первых, в этом коммуникативном пространстве развиваются два ведущих типа *коммуникативной личности*. Первый – *доминантный*, которому присущи коммуникативная компетентность, напористость, самоуверенность, способность подавления своей информацией студенческой аудитории. К этому типу коммуникативной личности относятся представители профессорско-преподавательского сообщества.

Второй тип коммуникативной личности в вузе – *реагирующий*. Для нее характерны отзывчивость на информацию, аргументированность, освоение аналитического подхода к информации, технологичность ее обработки.

Причем, этот коммуникант – современный студент – особенно интересен изменениями своих социальных и конкретно коммуникативных характеристик. Можно определить этого коммуниканта как тип *homo ludens* (человек играющий) – человек, который «на ты» с информационными каналами, легко ориентирующийся в инфопотоках, как реальных, так и виртуальных.

С этой точки зрения данный коммуникант по своим коммуникационно-технологическим способностям принципиально отличается от коммуниканта советской высшей школы, так как является *типом опережающего* коммуниканта. Опережающего по своим информа-

ционно-технологическим способностям, коммуниканта доминантного (т.е. представителя преподавательского сообщества).

Особенность нового типа студента-коммуниканта обусловлена тем, что в его лице мы имеем *поколение миллениум*. Это молодые люди, родившиеся в эпоху конца 90-х годов, развивавшиеся как личность в значительной мере через специфическую социализацию в сетевом пространстве XXI столетия, потерявшие речевую свободу самовыражения в виду тестовой «технизации» высшего образования и «егэнизации» среднего. Ценность и умение устной коммуникации у сегодняшних студентов вытеснено культивацией кнопочного тестирования. Это сам по себе продукт новой системы англоизирующегося (или болонезирующегося) образования.

Аспект 3. Как можно изучать коммуникативную личность? На наш взгляд, лучше всего *социологически*, если мы имеем дело с высшим образованием как социальным коммуникативным пространством. А если с проблемами отдельной коммуникативной личности (аудиторной), то – *психологически*.

Применимы в этих случаях и метод наблюдения, и критического анализа социального поведения студента и самого преподавателя; социологический мониторинг качества образовательного процесса; сравнительный анализ восприятия коммуникантов друг другом на основе общеузовского мониторинга «Преподаватель глазами студентов» (и наоборот). Применимы также методы социолингвистики, контент-анализа, экспертного и электронного опросов, социологического наблюдения и т. д. У социологии здесь безграничные возможности.

В этой части Болонская декларация ставит две коммуникативные задачи:

1) сохранять «свободу исследований и обучения, чтобы способы реализации этой свободы были доступны всем членам образовательного сообщества»;

2) развивать «взаимный обмен информацией и документами, совместные проекты» для неуклонного прогресса знаний» [2].

Особый исследовательский интерес для вузовского коммуникативного пространства представляет изучение *речевого поведения*.

Причем, и преподавателей как доминантного типа коммуникативной личности), так и студента как типа реагирующей личности. Сегодня результаты обмена и взаимовлияния речевого поведения коммуникативных личностей в вузах практически не исследуются. А это, без сомнения полезные методы анализа для самопознания и самокоррекции (причем, поведения обеих сторон).

На этой основе можно было бы предлагать *формы самосовершенствования* коммуникативной личности в вузовском коммуникативном пространстве, тесно связанным с языковым самосознанием. Ведь по своей природе *языковое сознание* – индивидуально и включает в себя типовые характеристики культуры, социальных норм общения, этнические и конфессиональные регуляторы. На оптимальном сочетании этих характеристик строится неповторимость образа, прежде всего преподавателя как возможного образца либо для подражания, либо напротив – объекта-антипода, неприятия, отказа ему в авторитете со стороны студентов.

В чем проявляет себя коммуникативная личность в вузе?

Прежде всего, в разносторонней *коммуникативной деятельности* (говорении, чтении, в написании-то). Например, в аудиторном конспектировании, в выполнении самостоятельных аналитических студенческих работ. С этой точки зрения преподавателю полезно осуществлять аудит своего времени, его распределения и эффективности использования (назовем его *аудиторный тайм-менеджмент*).

Если подойти с таких позиций к изучению современного типа, коммуниканта в вузе, то можно дать оценку коммуникативной личности как *социальному феномену*, зависящему от эффективности реализации основных функций учебного процесса. Это иной взгляд на личность студента – оценка его как *коммуниканта в современной вузовской коммуникологии*.

С этой характеристикой коммуникативного пространства связаны два поддающихся измерению показателя: *коммуникативная механика* (концепция М. Шепель) – область, которая включает в себя технологии самопрезентации личности; а также *коммуникативная перегрузка*. Категория актуальная для современного учебно-образовательного процесса, ибо отражает ситуацию, при которой

объем *коммуникативных входов* и каналов инфо-нагрузки существенно превышает возможности аудитории для применения и обработки поступающей информации.

Что сегодня в аудитории давать целесообразнее: медийные перегрузки технизированной информации (когда мы стремимся все свои текстовые «заготовки» перевести на презентационное сопровождение) или их речевую передачу? В чем и какая пропорция разумна в применении этих форм трансляции информации? Калейдоскоп картинок медийной презентации или речевые паузы?

В определенной мере ответ на этот вопрос зависит от коммуникативных потребностей как студентов, так и преподавателей. Причем, эти потребности у коммуникантов реагирующего типа личности (т.е. студентов) выше, чем у коммуникантов-ППС, обладающих реальной властью знания, но меньшими способами ее удовлетворения ввиду все более усиливающегося аудита в образовательном процессе, который стал напоминать бухгалтерский учет (баллов, пропусков, промежуточных аттестаций и технических процедур).

Процесс происходит странный: свобода действий преподавателя все больше сокращается, а свобода выражения недовольства студентов контролирующими действиями преподавателей напротив – расширяется. Иногда кажется, что еще немного, и в вузе начнет действовать торговый принцип: «покупатель всегда прав»(при том, что покупателем образовательной услуги и ее потребителем является студент и его родители).

В таких условиях резко возросло значение социологических исследований качества информационно-образовательного процесса в вузе, внедрение социологических методик измерения качества вуза как коммуникативного пространства и его использования для подготовки кадров.

Аспект 4. Коммуникология вуза в *модусе будущего социального времени*. Видов коммуникации, применимой в вузовской среде и способной создать продуктивное коммуникативное вузовское пространство много. Это межличностная и межкультурная коммуникация (учитывая зарубежное студенчество и многонациональный вузовский социум), коммуникация научная, производственная, офисная, партиси-

паторная, речевае і рекреацыйная, сацыяльная, рэкламна, перфармансная, непасрэдная і непублічная. Выбор большай, искусство результата заключаецца ў выбары і сацятанні відаў камунікацыі ў вузавскай сярэды.

Прычым, яна хораша ўпісваецца ў фарміраванне карпаратыўнай культуры і карпаратыўных цэннасцей камунікантаў і вуза (як сацыяльнай арганізацыі) ў цэлым, ствараючы адзіную сістэму цэннасцей і цэльнасці вузавскага камунікатывнага прастранства. Камунікатывныя стратэгіі, прымяняемыя ў вузавскаму прастранстве, павінны ўчытваць і сацыяльныя рыскі, якія ўжо узніклі і ўплываюць на вузавскую сярэду.

Адна з функцый камунікатывных практык – мінімізацыя сацыяльных рыскаў.

Выдзелім некалькі відаў сацыяльных рыскаў. Усе гэтыя рыскі – рыскі другога парадка, так называемыя *агрэгіраваныя* рыскі (іспользуя тэрміналогію У. Бека). Гэтыя рыскі рукотворныя, створаныя чалавеческай дзейнасцю, і перада ўсё, несовершенством руководства вышэй школай, яе скоростной *европоізацыяй*. Яны характэрызуюцца доўгасрочнымі негатыўнымі сацыяльнымі пасьлядствамі і непросчытанымі патаўрамі.

1. *Рыск моладзежнага сацыяльнага пратэста* пры возможным сокращении доступа молодежи к высшему образованию. Государству лучше допускать перепроизводство кадров, асимметрию в запросах и потребностях рынка специальностей, чем ввести ограничение на поступление в вузы. Объясняется такая ситуация тем, что введение вузами ограничения на поступление резко усилит угрозу социальной дестабилизации в регионах со стороны безработных выпускников школ. Это равносильно тому, что поднести фитиль к бочке с порохом. Естественно, государство такой ситуации допустить не может.

2. *Сацыяльны рыск пакаленцускай смене саветскай генерацыі прафэсарска-препадавальскага саставу* вузаў, ускоряемы́й сегодняя форсированной политикой омоложения преподавательских кадров, с одной стороны, и противоестественным процессом министерского слияния, с другой – аб'яднання вузаў, прыбліжаючых іх к фармату абавацельных холдынгаў [3].

По сути, заканчивается эпоха активного научно-педагогического творчества советской генерации преподавателей. Кадров огромного социального, педагогического и научного опыта, основателей и генераторов многих научных школ. На смену приходят в своей основе молодые, неопытные кадры, с отсутствием, прежде всего методического, воспитательного опыта и просто навыков вузовской деятельности. Выстраивается новый процесс коммуникативного воздействия, отличающийся техницизмом, дистанционностью, бюрократизацией отношений в коммуникативном вузовском пространстве между его прямыми коммутантами: преподавателями и студентами, а также регулятивными коммутантами (т.е. управленческими кадрами). Вместе с этими изменениями в вузовских сообществах все шире распространяется дух *менеджеризма*, снижается *уровень демократизма научной вузовской среды*, зато усиливается *бюрократизации деятельности* вузовского сообщества.

3. К названным выше можно добавить распространение еще ряда социальных рисков. Среди них *риск социального старта*, *риск девальвации высшего образования*, *риски дистанционного обучения и инновационных форм преподавания*, *риск всеобщего тестирования*, *риск дегуманитаризации высшего образования* [3].

4. Еще один серьезный вид социального риска в вузовском сообществе взаимодействия коммуникантов – *риск стертости исторической памяти при девальвации исторического сознания студентов*. А ведь давно известна максима, не нуждающаяся в доказательствах: без исторической памяти патриотизм либо умирает, либо перерождается в свою противоположность... Патриотическое воспитание в вузах – особая характеристика воспитательной практики, призванная формировать чувства национальной гордости и верности Отечеству. Для этого в вузах немало средств идейного воздействия: как прямого, контактного, так и информационного.

Создание конструктивной социальной коммуникативной среды в вузовском сообществе является действенным средством минимизации социальных рисков в развитии высшей школы и модернизации системы высшего образования, которым российская высшая школа,

даже в нынешних сложных мировых и внутренних условиях может гордиться.

Актуальность проблемы взаимодействия образовательных учреждений с «группами влияния» (так называемыми стейкхолдерами) обуславливается в значительной мере трансформацией социальных функций вуза в условиях транзитивной экономики на постсоветском пространстве. Российские вузы в ходе их т.н. модернизации все сильнее приобретают формы образовательных холдингов, наращивающих свое информационно-образовательное и коммуникативное пространство, влияние, авторитарный стиль управления коммуникантами и нуждающихся в продуманном развитии коммуникативных норм.

Список литературы

1. Шарков Ф. И. Коммуникалогия : энциклоп. слов.-справ. / Ф. И. Шарков. – М. : Дашков и Ко, 2009. – 385 с.
2. Садовничий В. А. Новые университеты для новой России (университетская доктрина) / В. А. Садовничий // Аналит. вестн. / Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [и др.]. – М., 2015. – № 21 (574). – С. 38–50.
3. Силласте Г. Г. Социальные риски модернизации российского высшего образования и формирования транспрофессионального типа специалиста / Г. Г. Силласте // Аналит. вестн. / Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [и др.]. – М., 2015. – № 21 (574). – С. 50–62.

References

1. Sharkov F. I. Kommunikologiya [The Communicology]. Moscow, Dashkov and Co, 2009, 385 p.
2. Sadovnichiy V. A. Novyye universitety dlya novoy Rossii (universitetskaya doktrina) [New Universities for New Russia (University Doctrine)]. Analiticheskiy vestnik – Analytical Bulletin, Moscow, 2015, no. 21 (574), pp. 38-50.
3. Sillaste G. G. Sotsial'nyye riski modernizatsii rossiyskogo vysshego obrazovaniya i formirovaniya transprofessional'nogo tipa spetsialista [Social risks of modernization of Russian higher education and the formation of a transprofessional specialist type]. Analiticheskiy vestnik – Analytical Bulletin, Moscow, 2015, no. 21 (574), pp. 50-62.

Т. И. Бондарь

**МОДЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО ВЫПУСКНИКА:
ПОДХОДЫ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ЭКОНОМИКО-
ПРАВОВОЙ ШКОЛЫ I–III СТУПЕНЕЙ
С УГЛУБЛЕННЫМ ИЗУЧЕНИЕМ АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКА**

Статья представляет собой обобщенный результат деятельности Специализированной экономико-правовой школы Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» по созданию модели выпускника. Предложенная модель обеспечивает формирование целевого набора профессиональных и личностных свойств и качеств современного выпускника СЭПШ ХГУ «НУА». Качественные характеристики предложенной модели позволяют оценить степень соответствия знаний, умений, навыков, личностных качеств и психических свойств выпускника компетенциям, характерным для той или иной образовательной ступени, а также уровень его подготовленности к осуществлению социальной, учебной и/или профессиональной деятельности и непрерывному профессионально-личностному самосовершенствованию. Набор условных, «идеальных» требований к выпускнику, положенный в основу модели, может конкретизироваться в зависимости от профиля образования, квалификационного уровня и особенностей культурно-образовательной среды.

Ключевые слова: модель выпускника, компетенция, компетентностный подход, качественные характеристики выпускника, требования к выпускнику, ожидаемый результат.

Бондар Т. І. Модель сучасного випускника: підходи спеціалізованої економіко-правової школи I–III ступенів з поглибленням вивченням англійської мови

У статті узагальнено результат діяльності Спеціалізованої економіко-правової школи Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія» зі створення моделі випускника. Запропонована модель забезпечує формування цільового набору професійних та особистісних властивостей і якостей сучасного випускника СЕПШ ХГУ «НУА». Якісні характеристики запропонованої моделі дозволяють оцінити ступінь відповідності знань, умінь, навичок, якостей і психічних властивостей

випускника компетенціям, які характерні для того чи іншого освітнього ступеня, а також рівень його підготовки до втілення соціальної, навчальної і/або професійної діяльності та неперервному професійно-особистісному самовдосконаленню. Набір умовних «ідеальних» вимог до випускника, покладений в основу моделі, може конкретизуватися у залежності від профілю освіти, кваліфікаційного рівня й особливостей культурно-освітнього середовища.

Ключові слова: модель випускника, компетенція, компетентнісний підхід, якісні характеристики випускника, вимоги до випускника, очікуваний результат.

Bondar T. Model of a modern graduate: approaches of Specialized Economics and Law School of I-III stages with intensive study of foreign languages

The article highlights generalized experience of Kharkiv University of Humanities “People’s Ukrainian Academy”, in working out an integrated three-level model of KhUH PUA’s graduate. The offered model serves to ensure formation of a target set of professional and personal qualities and characteristics of a graduate of Specialized Economic and Law School at KhUH “PUA”. The qualitative characteristics of the above model enable us to assess how the graduate’s knowledge, abilities, skills personal and psychological qualities conform to the competences relevant to a certain educational stage as well as their qualifications for further social, educational, and/or professional activities and their willingness for lifelong professional and personal development. The set of base requirements that the graduate should meet, though generalized and ‘ideal’, can be made more specific with a view to the specialization, qualification level and specific features of a certain cultural and educational milieu.

Key words: graduate’s model, competence, competence-based approach. qualitative characteristics of a graduate, requirements to a graduate, the expected result.

Выстраивая образ выпускника СЭПШ «НУА», мы исходим из того, что он представляет собой динамическую систему, которая постоянно изменяется, самосовершенствуется, наполняясь новым содержанием. А значит, образ выпускника – это не конечный результат, не итог в развитии личности, а тот базовый уровень, развитию и становлению которого должна максимально способствовать школа.

Работа над концепцией подвела нас к определению образа выпускника школы как компетентной, социально интегрированной и мобильной личности, способной к полноценному и эффективному участию в общественной и профессиональной жизнедеятельности в условиях современного общества.

Модель современного выпускника СЭПШ «НУА» мы строим в рамках деятельностного подхода А. В. Петровского, на основе понимания акмеологии личности, описанного в работе Н. А. Рыбникова, Б. Г. Ананьева, с учетом компетентностного подхода А. В. Хуторского.

Мы исходим из следующих общетеоретических посылок:

1. Акмеология изучает феномен зрелости человека – процесс и результат достижения им вершины развития как индивид, индивидуальность, личность, субъект деятельности (в том числе и профессиональной).

2. Объективным критерием личностной зрелости принято считать ответственность, терпимость, саморазвитие и позитивное мышление.

3. Социальная зрелость и ее интегральная составляющая – ответственность – формируются лишь в адекватной деятельности. Это напрямую связано с предоставлением личности свободы в принятии решений. Вопрос о мере свободы должен решаться с учетом возрастных и иных конкретных особенностей и обстоятельств.

4. В качестве рабочего определения ключевых жизненных компетентностей мы использовали понятия компетентность и компетенция, предложенные А. В. Хуторским [5].

На наш взгляд, очень важно обратить внимание на содержание образования и рассматривать его как педагогически адаптированный опыт, человеческую культуру, взятую в аспекте социального опыта, во всей его структурной полноте. В таком случае содержание оказывается изоморфным, то есть аналогичным по структуре (а не по объему) социальному опыту и включает в себя все элементы, присущие человеку, приобщенному ко всему богатству современной культуры. Такое содержание включает, помимо «готовых» знаний и опыта осуществления известных способов деятельности, опыт творческой деятельности и эмоционально-ценностных отношений.

Именно усвоение этих элементов позволяет человеку не только «вписываться» в социальную иерархию, но и быть в состоянии изменить существующую реальность.

По мнению В. В. Краевского и А. В. Хуторского, содержание, изоморфное социальному опыту, состоит из четырех основных структурных элементов, каждый из которых представляет собой определенный специфический опыт: познавательной деятельности, фиксированной в форме ее результатов – знаний; осуществления известных способов деятельности – в форме умений действовать по образцу; творческой деятельности – в форме умений принимать нестандартные решения в проблемных ситуациях; установления эмоционально-ценностных отношений – в форме личностных ориентаций. Названные элементы образуют структуру содержания образования (в последнее время появились разработки, дающие возможность включить сюда личностный опыт учащихся); освоение этих четырех типов опыта позволяет сформировать у учащихся способности осуществлять сложные культуросообразные виды действий, которые в современной педагогической литературе и принято называть компетентностями [1, с. 156].

Итак, мы видим, что последние разработки были направлены на определение функций образовательных компетенций и перечень ключевых компетентностей. Цель данной работы – разработка целостной модели современного выпускника СЭПШ «НУА», основанной на компетентностей подходе. Целевое назначение той модели, которую мы строим – направленность на усовершенствование содержания и способов организации учебно-воспитательного процесса в современной школе с целью формирования ключевых жизненных компетентностей у ее выпускника.

Наша модель современного выпускника СЭПШ «НУА» отражает целостное видение его личности и характеризуется единством ключевых жизненных компетенции:

- надпрофессиональные компетенции:
 - социальные;
 - межличностные;
 - личностные.

- **общепрофессиональные компетенции:**
 - познавательные;
 - ценностно-ориентационные;
 - коммуникативные;
 - технико-технологические;
 - эстетические;
 - физические.
- предметные компетенции.
- профессиональные компетенции [2, с. 10].

Каждый ребёнок, приходя в школу, имеет разную степень развития данных компетенций. На первом, стартовом этапе, мы принимаем детей с индивидуальным компетентностным профилем.

Задача СЭПШ «НУА» состоит в том, чтобы организовать среду, которая дает возможность для равномерного формирования каждой компетенции. Таким образом, на втором формирующем этапе происходит создание соответствующей среды развития. Среда «стучит», запрашивает проявления того или иного качества. В итоге, если мы грамотно организовали среду, к концу 11 класса вправе ожидать более-менее симметричную картину развития личности в целом.

Каждую из ключевых жизненных компетенций мы конкретизировали в виде поведенческих форм и личностных качеств [3, с. 252].

Качественные характеристики модели выпускника

Ключевые надпрофессиональные компетенции – это общие способности личности, желание и умение обучаться на протяжении всей жизни. В состав этих компетенций входят:

- **социальные компетенции** – способность взять на себя ответственность, владение знаниями, умениями и навыками социального взаимодействия с обществом, коллективом, семьей, друзьями, партнерами, владение умениями и навыками сотрудничества, толерантности, уважения и принятия другого, (раса, национальность, религия, статус, роль, пол), погашение конфликтов, знание и соблюдение прав и обязанностей гражданина, воспитание уверенности в себе, собственного достоинства, гражданского долга, самоконтроля в своих действиях;

- **межличностные компетенции** – умение выражать чувства и отношения, способность к самокритике и критическому осмыслению, социальные навыки, связанные с процессами социального взаимодействия и сотрудничества, умение работать в команде, принимать социальные и этические обязательства, возможность работать в международной среде;

- **личностные компетенции** – способность к саморазвитию, стремление к самореализации, проявление творческих способностей, развитие теоретического мышления, умение ставить перед собой цель и добиваться ее, способность к пониманию себя других, мира, умение адекватно оценивать себя, позитивно мыслить.

Общепрофессиональные компетенции – это готовность и способность выпускника целесообразно действовать в соответствии с требованиями, организовывать и самостоятельно решать поставленные задачи и проблемы, а также самооценивать результаты своей деятельности.

В этот блок входят следующие виды компетенций:

- **познавательные компетенции** – умение ставить цель и организовывать ее достижение, пояснять свою цель; организовывать планирование, анализ, рефлекссию, самооценку своей учебно-познавательной деятельности; задавать вопросы к наблюдаемым фактам, отыскивать причины явлений, обозначать свое понимание или непонимание по отношению к изучаемой проблеме; работать с инструкциями, использовать элементы вероятностных и статистических методов познания, описывать результаты, формулировать выводы; выступать устно и письменно о результатах своего исследования с использованием компьютерных средств и технологий (текстовые и графические редакторы, презентации); иметь опыт восприятия картины мира.

- **ценностно-ориентационные компетенции** – способность адекватно воспринимать окружающий мир, умение находить свою роль в созидательной жизни общества на основе высших этических ценностей, гражданственности и патриотизма, умение принимать решения в разнообразных жизненных ситуациях, проявлять гражданскую активность, понимать политическую систему, уметь давать оценку происходящим социальным событиям;

- **коммунікативні компетенції** – передбачають знання рідного і інших мов, забезпечуюче володіння способами взаємодії і спілкування з людьми в різних соціальних групах, виконання різних соціальних ролей в суспільстві, вміння використовувати різноманітні об'єкти комунікації для рішення конкретних життєвих ситуацій;

- **техніко-технологічні компетенції** – розуміння принципів роботи, можливостей і обмежень технічних пристроїв, призначених для автоматизованого пошуку і обробки інформації, вміння користуватися електронними засобами навчання, вирішувати повсякденні навчальні завдання, засобами нових інформаційних технологій;

- **естетичні компетенції** – володіння знаннями і досвідом діяльності на основі досягнень загальної культури і національних особливостей, що дозволяють оволодіти етнокультурними явленнями і традиціями в суспільстві, культурологічні основи особистої, сімейної і соціальної життя, володіння ефективними способами організації культурно-дозвільної діяльності, що дозволить цінувати і розуміти культуру свого народу і культурне різноманітність світу; бути толерантним;

- **фізичні компетенції** – оволодіння знаннями і вміннями здоров'ябереження, знання і дотримання норм здорового способу життя, дотримання правил особистої гігієни, знання небезпек куріння, алкоголізму, токсикоманії, наркоманії, знання особливостей фізичного, фізіологічного розвитку свого організму, типу нервової системи, темперамента, знання і володіння основами фізичної культури людини.

Професійні компетенції – інтегральна характеристика, що визначає здатність вирішувати професійні проблеми і типові професійні завдання, що виникають в реальних ситуаціях професійної діяльності з використанням знань, професійного і життєвого досвіду, цінностей і схильностей. В старшій школі (10–11 клас) здійснюється цілеспрямована інтелектуальна і загальнопсихологічна підготовка до навчання в університеті. Тому головними освітніми завданнями цього етапу є:

- выполнение обязательных требований к уровню подготовки выпускников в условиях многопрофильной школы;
- профессиональная ориентация учащихся с учетом их возможностей и потребностей рынка труда;
- формирование мотивации к дальнейшему образованию, развитие потребностей в самообразовании для социально-профессионального самоопределения;
- формирование общих приемов и способов интеллектуальной и практической деятельности;
- развитие рефлексивных навыков, позволяющих реально оценить свои возможности, способности и потребности, сделать выбор, принять ответственное решение.

В состав профессиональных компетенций выпускника школы входят

- **научно-исследовательские компетенции** – способность и готовность самостоятельно осваивать и получать новые знания, выдвигать идеи, гипотезы в результате выделения проблемы, работы с различными источниками знаний, исследования темы; проведение наблюдения (опыта, эксперимента), предложение путей решения проблемы и поиска наиболее рациональных вариантов решения вопросов, проектов. Одним из наиболее эффективных способов формирования данной компетенции является работа в рамках Малой академии наук.

Предметные компетенции – уровень обученности, сформированности ключевых компетентностей, необходимых для дальнейшего профессионального образования, успешной трудовой деятельности. В состав этих компетенций входят:

- освоение всех образовательных программ по предметам учебного плана;
- освоение содержания выбранного профиля обучения на уровне, способном обеспечить успешное обучение на всех образовательных ступенях;
- овладение основными общеучебными умениями и навыками, необходимыми для дальнейшего профессионального образования компьютерная грамотность, навыки планирования, проектирования,

моделирования, прогнозирования, исследовательской и творческой деятельности, саморазвития, самосовершенствования, профессионального развития).

- умение вести диалог, сотрудничать, цивилизованно решать конфликтные ситуации.

Существует ряд таких качеств и форм поведения, которые повторяются и, по сути, связывают, «цементируют» данную модель. Это так называемые интегральные характеристики, которые можно свести к четырем компонентам личностной зрелости, о которых шла речь выше: ответственность, самореализация, терпимость, позитивное мышление. Иными словами, обращаясь к графической модели, ключевые жизненные компетентности не просто примыкают или граничат между собой. Они накладываются и взаимопроникают друг в друга, образуя алхимическое соединение, которое в науке принято называть личностью.

Требования к выпускнику школы:

- иметь хорошие основы знаний, умений, навыков;
- быть конкурентоспособным в современном мире;
- уметь выстраивать отношения с разными людьми;
- нести индивидуальную и социальную ответственность;
- уметь находить выход из любой ситуации;
- быть способным к жизненному самоопределению и самореализации, уметь быстро адаптироваться к различного рода изменениям;
- вести здоровый образ жизни;
- знать свои гражданские права и уметь их реализовывать;
- уважать свое и чужое достоинство;
- уважать собственный труд и труд других людей.

Таким образом, базовый перечень **важных качеств выпускника** составляют:

- гибко адаптироваться в меняющихся жизненных ситуациях, самостоятельно приобретая необходимые знания, умело применяя их на практике для решения разнообразных проблем;
- самостоятельно и критически мыслить, уметь видеть возникающие в реальном мире трудности и искать пути рационального их

преодоления, быть способным генерировать новые идеи, творчески мыслить;

- грамотно работать с информацией (уметь собирать необходимые для исследования определенной задачи факты, анализировать их, выдвигать гипотезы решения проблемы, делать необходимые обобщения, формулировать аргументированные выводы);
- владеть информационными и коммуникационными технологиями, использовать мировые информационные ресурсы;
- быть коммуникабельным, контактным в различных социальных группах, уметь работать сообща, быть способным взять ответственность за выполняемую работу, предотвращать конфликтные ситуации или умело выходить из них;
- осознанно подойти к выбору профессии; на основе сформированной системы ценностей выбирать социально-значимые формы досуговой деятельности; быть готовым строить семейно-бытовые отношения.

В данной работе сделана попытка перейти от перечня компетентностей к целостной их взаимосвязи. Для того чтобы достичь подобной целостности, необходимо особым образом организовать развивающую среду. В рамках учебно-воспитательного комплекса НУА на базе экономико-правовой школы планируются следующие пути достижения планируемого результата.

Ожидаемый результат

Создание развивающей образовательной среды в СЭПШ «НУА» на основе деятельностного подхода на каждом возрастном этапе в соответствии с ведущими видами деятельности:

- структурирование образовательного процесса на каждой ступени обучения в НУА (школа раннего развития, начальная, основная и старшая школа):
 - этап адаптации,
 - этап освоения содержания и форм,
 - этап перехода на следующую ступень;
- интегрированный подход к содержанию образования;
- практическая направленность учебного процесса, повышение

роли трудовой деятельности, выработка информационной культуры, усиление языковой подготовки (коммуникативная направленность развития устной и письменной речи);

- использование методов и форм обучения адекватно поставленным задачам развития: исследовательских, опытно-экспериментальных, лабораторных; внедрение проектных видов деятельности в индивидуальных и групповых формах, рост удельного веса самостоятельной работы; модульная организация учебного процесса;

- использование открытой дифференцированной системы оценивания;

- обеспечение высокой социальной активности во внеурочной работе:

- организация самоуправления;
- использование коллективных творческих дел;
- участие в кружках и клубах по интересам;
- включение учащихся в общественно-полезную работу;
- создание условий для ведения здорового образа жизни;

- главным условием обеспечения развивающей образовательной среды является профессиональная компетентность учителя, его стремление к постоянному саморазвитию и совершенствованию.

Проектирование индивидуального личностного роста каждого учащегося в классе.

Систематическая оценка результативности образовательной среды качественными показателями и ее коррекция.

Пути и методы реализации модели выпускника

1. Качество общеобразовательной подготовки выпускника (результаты участия в олимпиадах, Малой академии наук, итоговая государственная аттестация).

2. Направленность обучения (результаты поступления в вузы).

3. Воспитывающий и развивающий характер обучения (активная социальная позиция).

4. Стиль педагогического взаимодействия учителя и учащихся (формирование интегративных качеств личности).

5. Единые дидактические требования ко всем участникам учебно-воспитательного процесса (внутришкольный контроль).

6. Познавательная активность учащихся (участие в олимпиадах, научных конференциях, Малой академии наук, Днях науки в НУА).

7. Поддержание созданной в НУА культурно-образовательной среды, способной обеспечить благоприятные условия для удовлетворения интересов и потребностей участников учебно-воспитательного процесса, их самореализации.

Использование модели выпускника СЭПШ «НУА», основанной на компетентностном подходе, позволяет решать проблему, типичную для украинской школы, когда ученики хорошо овладели теоретическими знаниями, но испытывают трудности в деятельности, требующей использования этих знаний для решения конкретных задач или проблемных ситуаций. Образовательная компетенция предполагает усвоение учеником не отдельных друг от друга знаний и умений, а овладение комплексной процедурой, в которой для каждого выделенного направления присутствует соответствующая совокупность образовательных компонентов, имеющих личностно-деятельностный характер.

Английский историк Томас Карлейль говорил: «Человек не должен жаловаться на времена; из этого ничего не выходит. Время дурное – ну и что ж, на то и человек, чтобы улучшить его».

Мы очень надеемся, что выпускники СЭПШ «НУА» будут именно теми личностями, которые улучшат любые обстоятельства и времена.

Список литературы

1. Божко О. И. Модель современного выпускника школы / О. И. Божко, Т. Л. Бутылкина, М. В. Удовенко // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків : Вид-во НУА, 2005. – Т. 12. – С. 153–163.

2. Болотов В. А. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе / В. А. Болотов, В. В. Сериков // Педагогика. – 2003. – № 10. – С. 8–14.

3. Выготский Л. С. Вопросы детской психологии / Л. С. Выготский. – М. : Педагогика, 1983. – Т. 4 – 358 с.

4. Образование XXI века: достижения и перспективы / под. ред. В. П. Зинченко. – Рига: Эксперимент, 2002 – 336 с.

5. Хуторской А. В. Ключевые компетенции и образовательные структуры [Электронный ресурс] / А. В. Хуторской // Эйдос : электрон. журнал. – 2002. – Режим доступа : <http://www.eidos.ru/journal>.

References

1. Bozhko O. I., Butylkina T. L., Udovenko M. V. Model sovremennogo vypusknika shkoly [Model of the modern school graduate]. Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayins'ka akademiya» - Scientists note of Kharkiv University of Humanities "People's Ukrainian Academy", Kharkiv, PUA Publ., 2005, P.12, pp. 153-163.

2. Bolotov V. A., Serikov V. V. Kompetentnostnaya model': ot idei k obrazovatel'noy programme [Competent model: from idea to educational program]. Pedagogika – Pedagogy, 2003, no. 10, pp. 8-14.

3. Vygotskiy L. S. Voprosy detskoj psikhologii, Moscow, Pedagogika Publ., 1983, P. 4, 358 p.

4. Zinchenko V. P. ed. Obrazovaniye XXI veka: dostizheniya i perspektivy [XXI Century Education: Achievements and Prospects], Riga, Experiment, 2002, 336 p.

5. Khutorskoy A. V. Klyucheverye kompetentsii i obrazovatelnyye struktury [Key competencies and educational structures]. Eydos: elektronnyy zhurnal – Eidos: an electronic journal, 2002. Available at: <http://www.eidos.ru/journal>.

З. И. Шилкунова

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ ВЫПУСКНИКА НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Статья посвящена анализу концептуальных основ построения модели выпускника начальной школы и ее реализации в условиях функционирования инновационного учебного заведения ХГУ «НУА».

Культурно-образовательная среда учебного заведения рассматривается как комплекс условий, необходимых для реализации модели выпускника. В статье проанализированы требования к выпускнику начальной школы, представлены основные подходы к структуре образовательной среды. Автором предложена структура культурно-образовательной среды учебного заведения, способствующая реализации разработанной модели выпускника начальной школы. Обосновано, что пространство реализации модели выпускника начальной школы лежит в плоскости пересечения способа обучения (когнитивный аспект), способа трансляции духовно-нравственных и культурных ценностей (воспитательный аспект); способа функционирования и развития кадрового потенциала (кадровый ресурс); способа взаимодействия школы с семьей учащегося (семейный ресурс).

Ключевые слова: деятельностный подход, культурно-образовательная среда, модель выпускника, начальная школа, развивающее обучение.

Шилкунова З. И. Концептуальні засади реалізації моделі випускника початкової школи

Статтю присвячено аналізу концептуальних основ побудови моделі випускника початкової школи та її реалізації в умовах функціонування інноваційного навчального закладу ХГУ «НУА».

Культурно-освітнє середовище навчального закладу розглядається як комплекс умов, необхідних для реалізації моделі випускника. У статті проаналізовано вимоги до випускника початкової школи, представлено основні підходи до структури освітнього середовища.

Автором запропоновано структуру культурно-освітнього середовища навчального закладу, що сприяє реалізації розробленої моделі випускника початкової школи. Обґрунтовано, що простір реалізації моделі випускника початкової школи лежить у площині перетинання способу навчання (когнітивний аспект), способу трансляції духовно-моральних і культурних

цінностей (виховний аспект); способу функціонування й розвитку кадрового потенціалу (кадровий ресурс); способу взаємодії школи з родиною учня (сімейний ресурс).

Ключові слова: діяльнісний підхід, культурно-освітнє середовище, модель випускника, початкова школа, навчання, що розвиває.

Shylkunova Z. Conceptual foundations for the implementation of the model of a primary school graduate

The article is devoted to the analysis of conceptual bases of model's construction of a primary school graduating student and its realization in the conditions of KHU "NUA" functioning as an innovative educational establishment.

The cultural and educational environment of educational establishment is considered as a range of terms necessary for realization of a graduating student's model. The requirements to the graduating student of primary school are analyzed, the basic approaches to the structure of educational environment are presented in the article. The structure of cultural and educational environment of educational establishment, fostering realization of the elaborated graduating student's model of primary school is offered by the author. It is justified that the structural components of this model are: the way of learning (cognitive aspect), the way of transition of cultural values (educational aspect), the way of functioning and developing of staff capacity (human resources), the way of interaction between a family and school.

Key words: activity approach, cultural and educational environment, graduate model, primary school, developmental training.

Модель выпускника школы традиционно рассматривают как некий образовательный стандарт, образ основного результата образования.

На наш взгляд модель выпускника школы является не просто своеобразным образовательным стандартом. Она является квинтэссенцией понимания миссии, предназначения образовательного учреждения, выраженного в результатах образования.

Содержание модели выпускника требует глубокого понимания комплекса условий, в которых возможна ее реализация. Таким комплексом условий является культурно-образовательная среда учебного заведения. Нами она понимается как комплекс векторов включения субъектов образовательного процесса в пространство

трансляции культурных ценностей, в рамках которого осуществляется развитие этих субъектов и становление их компетенций.

Таким образом, модель выпускника, с одной стороны является системообразующей основой и точкой отсчета при системном стратегическом проектировании культурно-образовательной среды учебного заведения, а с другой – основной целью функционирования этой среды.

Безусловно, цель функционирования культурно-образовательной среды учебного заведения не сводится только к реализации модели выпускника. При этом, с нашей точки зрения, понимание модели выпускника как цели и построение стратегии реализации этой модели запускает положительную динамику достижения всех остальных образовательных целей. Требования к выпускнику начальной школы [7], обоснованные в модели и представленные ниже, отражают концептуальные основы функционирования культурно-образовательной среды инновационного учебного комплекса.

Ключевые требования к выпускнику начальной школы:

- наличие внутренней позиции школьника, проявляющейся в положительном отношении к школе, принятии образца «ученика НУА», понимающего и принимающего правила корпоративной культуры академии, осознающего уникальность своего учебного заведения;
- сформированная мотивационная основа учебной деятельности как основа механизма саморазвития;
- осознанное стремление продолжить обучение на следующей ступени СЭПШ, оставить свой след в истории школы;
- понимание причин успеха в учебной деятельности;
- способность к адекватной самооценке на основании понимания причин успеха;
- осознание гражданской идентичности личности в форме осознания «Я» как гражданина Украины, испытывающего чувство гордости за свою Родину, народ и историю;
- переживание чувства гордости и благодарности своей семье, учебному заведению, своему городу, желание быть им полезными;

- понимание содержания и смысла в нравственно-духовном содержании и ориентация на них в своем поведении;
- способность испытывать этические чувства стыда, вины, совести как регуляторов морального поведения;
- установка на здоровый образ жизни, базирующаяся на понимании здоровья как ценности;
- способность к эмпатии как пониманию чувств других людей и сопереживанию им;
- способность выполнять социальные роли гражданина, члена семьи, достойного представителя Народной украинской академии;
- демонстрация культуры поведения на уроках, во внеурочной деятельности, культуры внешнего вида ученика академии.

Межпредметные требования к выпускнику начальной школы:

- способность принимать и сохранять учебную задачу;
- умение планировать, контролировать и оценивать свои действия в соответствии с поставленной задачей и условиями ее реализации, в том числе во внутреннем плане;
- умение вносить необходимые коррективы в действие после его завершения на основе его оценки и учета характера сделанных ошибок;
- способность в сотрудничестве с учителем ставить новые учебные задачи; преобразовывать практическую задачу в учебную;
- осуществлять поиск необходимой информации для выполнения учебных заданий с использованием учебной литературы;
- понимание возможности существования у людей различных точек зрения, в том числе не совпадающих с собственной, и ориентироваться на позицию партнера в общении и взаимодействии;
- наличие стремления к координации различных позиций в сотрудничестве;
- умение формулировать собственное мнение и позицию;
- сформированность первичных навыков работы с информацией: осуществление ее поиска, выделение и фиксирование нужной информации, систематизация, сопоставление, анализ и обобщение информации.

Предметные требования к выпускнику начальной школы -

овладение базовым уровнем, предусмотренным Государственным стандартом начального общего образования.

Среди теоретических моделей образовательной среды можно выделить:

1. Эколого-личностная модель образовательной среды В. А. Ясвина [8].

2. Коммуникативно-ориентированная модель образовательной среды В. В. Рубцова [4].

3. Антрополого-психологическая модель образовательной среды В.И. Слободчикова [5].

4. Экопсихологическая модель образовательной среды В.И. Панова [2].

Признавая глубокую теоретическую разработанность вышеприведенных моделей образовательной среды на основе их анализа и с целью максимальной концентрации внимания на поиске путей реализации модели выпускника начальной школы СЭПШ ХГУ НУА, мы посчитали необходимым выделить и рассмотреть те компоненты образовательной среды, которые в наибольшей степени влияют на эффективность поиска (рис.1).

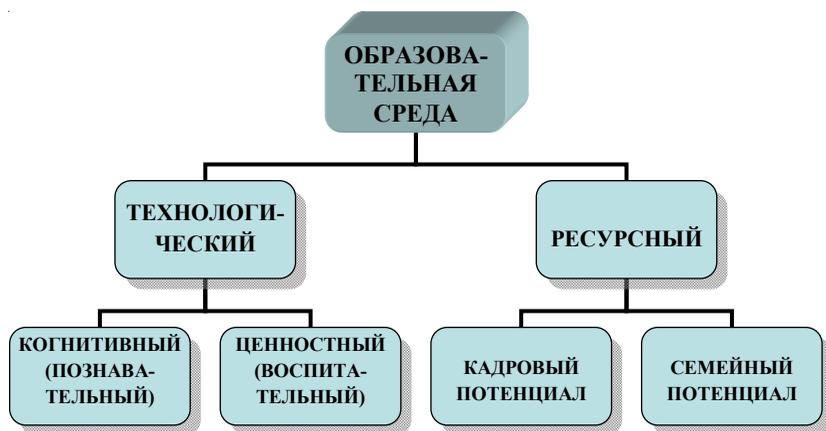

Рис. 1. Модель образовательной среды, целью функционирования которой является реализация модели выпускника

С нашей точки зрения формирование модели выпускника лежит в плоскости пересечения способа обучения (когнитивный аспект), способа трансляции духовно-нравственных и культурных ценностей (воспитательный аспект); способа функционирования и развития кадрового потенциала (кадровый ресурс); способа взаимодействия школы с семьей учащегося (семейный ресурс).

Реализация модели выпускника начальной школы предполагает следующее содержание выделенных компонентов культурно-образовательной среды школы.

Технологический компонент. Способ обучения. Разделение технологического компонента на познавательный и воспитательный аспекты довольно условно, поскольку, как справедливо отметил Дусавицкий А. К. «любое обучение есть одновременно и воспитание определенного типа личности. Но эта органическая связь раскрывается лишь через анализ способа обучения, под которым понимается единство содержания и метода его преподнесения» [1]. Однако целенаправленная воспитательная работа выходит за пределы учебной и имеет целый ряд специфических моментов организации.

Результатом реализации задач познавательного аспекта на предметном уровне являются система знаний, специальных, предметных умений и навыков, на межпредметном уровне – способы организации собственной познавательной деятельности; на надпредметном уровне – образ мышления.

Концепция способа обучения должна быть основана на трех понятиях, которые легли в одноименное название великой книги А. Н. Леонтьева – «деятельность», «сознание», «личность» в тесном единстве с воспитательной концепцией, базирующейся на понятиях «самостоятельность», «ответственность», «свобода». Именно личность, способная осознанно, ответственно и свободно действовать может стать ресурсом развития города, страны, мира.

С нашей точки зрения системой обучения, наиболее соответствующей реализации модели выпускника начальной школы является система развивающего обучения Д. Б. Эльконина – В. В. Давыдова, поскольку является именно системой со своими целями, задачами, средствами, которыми являются специально разработанное содер-

жание, типология уроков, методы, формы работы, критерии эффективности.

Развивающее обучение – это обучение, которое создает условия для возникновения деятельности и для становления ее субъекта. «Характер взаимодействия педагога и учащихся» может быть только «субъект-субъектным», а «их позиции в ходе обучения» – только позициями исследователей [3].

В таблице 1 раскрыты ресурсы системы РО для работы в рамках компетентностного образования и дает основания считать, что реали-

Таблица 1

Компетентностные эффекты РО

№ п/п	Принципиальные позиции РО	Действия учащихся	Образовательный эффект	Компетентность
1	Знания не даются в готовом виде	Высказывают предположения, строят гипотезы, анализируют предложения других детей и учителя, спорят, обосновывают, доказывают	Учебная мотивация, целеполагание, планирование, контроль и оценка открытого способа действия и своего овладения этим способом, умение слышать другого, формулировать мысль, аргументировать, работать с противоречиями в неоднозначных, недоопределенных ситуациях	Умение учиться, социальная, коммуникативная, предметные.
2	Моделирование как способ познания	Выделяют существенные признаки понятия, фиксируют их в модели	Анализ, синтез, целеполагание, планирование, рефлексия	Умение учиться, коммуникативная.
3	Рефлексивный характер обучения	Доказывают основания «ловушки» и определяют границы применения имеющегося способа действия	Рефлексия, как основа деятельности	Умение учиться, социальная, коммуникативная, предметные

зация модели выпускника наиболее эффективно может быть осуществлена при ее внедрении в деятельность школы.

Способ воспитания. Мощный воспитательный потенциал системы РО, способствующий становлению субъекта деятельности, способного на самостоятельные, ответственные действия (в рамках возраста) имеет свое развитие в систематической целенаправленной воспитательной работе. От того, каким способом осуществляется воспитание, зависит процесс интериоризации у учащихся духовно-нравственных ценностей. От способа зависит, останутся ли транслируемые образовательной средой ценности во внешнем для ученика пространстве или станут его личным приобретением, установкой, механизмом самоорганизации и саморегуляции.

Способом организации воспитания для достижения обозначенных выше целей является деятельностный подход, продолжающий и развивающий в воспитательной работе концептуальные моменты развивающего обучения.

Суть воспитания с точки зрения деятельностного подхода заключается в том, что в центре внимания стоит совместная деятельность детей и взрослых по реализации вместе выработанных целей и задач. Совместный поиск ценностей, норм, правил в процессе деятельности и жизнь в соответствии с ними составляют содержание воспитательного процесса, реализуемого в контексте деятельностного подхода.

Инициатива, как проявление свободы, а ее реализация в деятельности как волевой и ответственный акт – основные составляющие способа трансляции культурных и духовно-нравственных ценностей, ведущие к их присвоению учащимися.

Мощным ресурсом воспитательной системы в начальной школе является академическая среда НУА, целевой ориентир которой выражен в девизе «Образование. Интеллигентность. Культура», когда культура понимается, как «вторая природа» (К. Леви-Стросс). Тесная связь коллективных творческих дел начальной школы с общеакадемическими мероприятиями является и условием, и ресурсом воспитательной работы. С одной стороны, она способствует формированию единого академического сообщества вокруг общих целей и ценностей, а с другой – обеспечивает трансляцию этих

ценностей. Организация взаимодействия разновозрастной академической семьи, взаимопроникновение интересов, возрастов, совместных дел закладывают фундамент непрерывности образования.

Способ функционирования и развития кадрового потенциала. Наличие учителя – субъекта образовательной деятельности является ключевым для реализации модели выпускника, поскольку становление детской субъектности возможно только в субъект-субъектных отношениях.

Способствовать развитию личности ученика в соответствии с моделью выпускника может только тот учитель, который сам является носителем характеристик, отраженных в модели.

Влияние среды на личность и личности на среду взаимообусловлены. И создаваемая среда начальной школы, как часть среды НУА, и формирование личности учителя являются одновременно и целью, и средством, и результатом этого взаимовлияния.

Способ развития кадрового потенциала школы осуществляется с использованием внутренних, внешних, смешанных обучающих ресурсов.

Внутренними обучающими ресурсами являются:

- организация и проведение кафедральных семинаров по проблемам образования младших школьников;
- организация межкафедрального взаимодействия в НУА;
- организация работы педагогической мастерской на кафедре;
- совместная разработка уроков, проведение их одним из учителей, а затем глубокий детальный анализ планируемого и реализованного;
- участие в академических семинарах;
- обобщение кафедрального опыта в рамках организации районных семинаров и творческих мастерских;
- разработка и проведение стажировок для учителей района, города, Украины по актуальным проблемам образования;
- создание банка видеуроков (фрагментов уроков) с целью использования их в процессе обмена опытом;
- проведение творческих конкурсов учителей (написание сочинений, эссе по проблемам образования и развития).

Внешними обучающими ресурсами выступают:

- государственные формы повышения квалификации учителей;
- организация семинаров, «круглых столов» с привлечением специалистов в области образования, психологии, медицины, информационных технологий;
- посещение лекций, семинаров, вебинаров, творческих встреч, кино клубов, проходящих в городе.

К смешанным обучающим ресурсам следует отнести:

- создание творческих площадок учителей-единомышленников из разных школ (в том числе онлайн общение);
- реализация грантовых программ, включающих организацию обучающих проектов с привлечением специалистов в области образования и развития;
- создание творческих объединений стейкхолдеров (учителей, партнеров, выступающих субъектами дополнительного образования детей, родителей).

Творческий поиск, в который включаются учителя, ведет к серьезным позитивным изменениям, как в мотивационной, так и в инструментальной сфере их профессиональной деятельности.

Способ взаимодействия школы с семьей учащегося. Одной из задач культурно-образовательной среды НУА является задача становления родителя как субъекта нашей общей деятельности – образования ребенка. Система взаимодействия школы и семьи, трансляция ценностей академии через совместную с родителями деятельность – это путь становления родителя-союзника и единомышленника.

Перспективным для организации взаимодействия с родителями является понимание их как стейкхолдеров образовательного процесса. В переводе с английского (stakeholder) слово буквально обозначает «владелец доли». Доли материальной и доли моральной. Родитель – это не заказчик и контролер работы учебного заведения. Он – владелец доли ответственности за то, что происходит с ребенком в образовательном процессе. Деятельный, активный и инициативный член команды, без которого невозможно получение желаемого образовательного эффекта.

Создание со-бытийной общности [6] учеников, учителей и родителей, которая объединяет множественные связи и отношения в целостное единство – важное условие создания культурно-образовательной среды школы. При этом детско-взрослое сообщество выступает в качестве необходимого условия развития, как субъектной позиции ребенка, так и процесса самосовершенствования взрослого.

Понимание вышесказанного требует способа взаимодействия с родителями, основанного на следующих основных принципах:

- ориентация в работе с семьей не на ребенка или одного из родителей, а на семейную общность;
- формирование ценностей и смысловых ориентиров, общих для семьи и НУА;
- обеспечение со-бытийности, поля совместных переживаний для семьи и школы.

Данные принципы лежат в основе направлений взаимодействия начальной школы с семьей, представленных на рис. 2.

Семья и школа – два субъекта созидания настоящего и будущего

Рис. 2. Основные направления взаимодействия начальной школы с семьей учащихся

ребенка. И их эффективное взаимодействие – это партнерство ради будущего.

Обобщением вышесказанного может стать описание концептуальных положений программы реализации портрета выпускника, которая включает следующее:

1. Формирование модели выпускника лежит в плоскости пересечения способа обучения, способа трансляции духовно-нравственных и культурных ценностей; способа функционирования и развития кадрового потенциала; способа взаимодействия школы с семьей учащегося.

2. Концепция способа обучения должна быть основана на понятиях, «деятельность», «сознание», «личность» в тесном единстве с воспитательной концепцией, базирующейся на понятиях «самостоятельность», «ответственность», «свобода».

3. Способ обучения должен быть направлен на формирование субъекта учебной деятельности. Знания не даются в готовом виде, а открываются детьми. Обучение носит рефлексивный характер.

4. Совместный поиск ценностей, норм, законов жизни в процессе деятельности составляет содержание воспитательного процесса, реализуемого в контексте деятельностного подхода.

5. Тесная связь коллективных творческих дел начальной школы с общеакадемическими мероприятиями является и условием, и ресурсом воспитательной работы.

6. Важной составляющей воспитательной работы являются трудовые усилия учащихся (а не родительские материальные ресурсы).

7. Понимание теории деятельности в целом, и учебной, в частности, взаимосвязи понятий «деятельность», «субъект», «личность» лежат в основе способа функционирования и развития кадрового потенциала школы.

8. Учитель как субъект образовательной деятельности существует только тогда, когда функционирует в режиме исследовательского поиска реализации личностно-значимых целей. Способствовать развитию личности ученика в соответствии с моделью выпускника может только тот учитель, который сам является носителем характеристик, отраженных в модели.

9. Развитие кадрового потенциала осуществляется с использованием внутренних, внешних и смешанных ресурсов.

10. Понимание родителя как равноправного субъекта образовательного процесса, как его участника и организатора, как человека, способного к саморазвитию в рамках этого процесса.

11. Организация взаимодействия с родителями осуществляется по следующим направлениям: трансляция ценностей НУА, просвещение родителей, изучение запросов родителей, создание условия для возникновения родительских инициатив, совместные детско-родительско-учительские мероприятия, взаимодействие с помощью социальных сетей.

Становление личности выпускника начальной школы в соответствии с разработанной моделью является показателем эффективности созданной культурно-образовательной среды учебного заведения и гарантом успешности дальнейшего развития учащихся в средней и старшей школе.

Список литературы

1. Дусавицкий А. К. Концепция школы развития личности / А. К. Дусавицкий // Феникс : инф.-метод. журнал. – М., 2004. – № 1. – С. 16–21.
2. Панов В. И. Психодидактика образовательных систем: теория и практика / В. И. Панов. – СПб. : Питер, 2007. — 352 с. – (Сер. «Практическая психология»).
3. Репкин В.В. Развивающее обучение и учебная деятельность [Электронный ресурс] / В.В. Репкин – Режим доступа: http://www.experiment.lv/rus/biblio/el_biblio/repkin_ro_ud.htm.
4. Рубцов В. В. Психологический климат как характеристика образовательной среды школы / В. В. Рубцов, И. М. Уланская, О. В. Яркина // Экспериментальные площадки в московском образовании. – М. : МИПКРО, 1998. – 56 с.
5. Слободчиков В. И. Образовательная среда / В.И. Слободчиков. – М. : Просвещение, 1997. – 181 с.
6. Слободчиков В. И. Новое образование как путь к новому сообществу / В. И. Слободчиков // Новые ценности образования. – Вып. 5. – М. : Инноватор, 1996. – С. 24-28.
7. Шилкунова З. И. Интегрированная модель выпускника НУА: обобщенный результат образовательной деятельности вуза в условиях непрерывного

образования / Т. И. Бондарь, В. В. Ильченко, З. И. Шилкунова // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2015. – Т. 21. – С. 17–28.

8. Ясвин В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию / В. А. Ясвин. – М. : Смысл, 2001. – 365 с. – С. 12.

References

1. Dusavitskiy A. K. Kontsepsiya shkoly razvitiya lichnosti [The concept of the school of personality development]. Feniks – Phoenix, Moscow, 2004, no. 1, pp. 16-21.

2. Panov V. I. Psikhodidaktika obrazovatel'nykh sistem: teoriya i praktika [Psychodidactics of educational systems: theory and practice]. Moscow, Piter Publ., 2007, 352 p.

3. Repkin V. V. Razvivayushcheye obucheniye i uchebnaya deyatelnost [Developmental learning and learning activities]. Available at: http://www.experiment.lv/rus/biblio/el_biblio/repkin_ro_ud.htm.

4. Rubtsov V. V., Ulanskaya I. M., Yarkina O. V. Psikhologicheskiy klimat kak kharakteristika obrazovatel'noy sredy shkoly [Psychological climate as a characteristic of the educational environment of the school]. Eksperimental'nyye ploshchadki v moskovskom obrazovanii – Experimental sites in Moscow education, Moscow, 1988, 56 p.

5. Slobodchikov V. I. Obrazovatel'naya sreda [The educational environment]. Moscow, Prosveshcheniye – Education, 1997, 181 p.

6. Slobodchikov V. I. Novoye obrazovaniye kak put k novomu soobshchestvu [New education as a way to a new community]. Novyye tsennosti obrazovaniya – New values of education, Vol. 5, Moscow, Innovator, 1996, pp. 24-28.

7. Bondar T. I., Il'chenko V. V., Shilkunova Z.I. Integrirovannaya model' vypusknika NUA: obobshchenny rezul'tat obrazovatel'noy deyatelnosti vuza v usloviyakh nepreryvnogo obrazovaniya [Integrated model of the PUA graduate: generalized result of educational activity of the university in conditions of continuing education]. Vcheni zapysky Kharkivskoho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrainska akademiia» – Collection of scientific papers of Kharkiv University of Humanities “People’s Ukrainian Academy”, Vol. 21, Kharkiv, PUA Publ., 2015, pp. 17-28.

8. Yasvin V. A. Obrazovatel'naya sreda: ot modelirovaniya k proyektirovaniyu [Educational environment: from modeling to designing]. Moscow, Smysl – Meaning, 2001, 365 p.

Г. Б. Тимохова, А. Е. Ильченко

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ К РЕФОРМАМ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

В статье представлены результаты исследования особенностей реформирования институциональной структуры образования. Проанализированы особенности формирования факторов институционального доверия к реформам системы образования в Украине. Опираясь на междисциплинарный подход, авторы рассматривают причины возникновения институциональных разрывов. Выделены институциональные конфликты, которые связаны с различиями в уровне сложности вводимого института и общей структуры институциональной среды образования. Выделены институциональные конфликты, которые связаны с различиями в уровне сложности вводимого института и общей структуры институциональной среды образования. Сделан вывод, что противоречия между европеизацией украинского общества и устаревшей институциональной матрицей украинской системы образования, порождает обострение общественных процессов, снижение институционального доверия к реформам системы образования, укреплению институциональных мутантов образования. Проработаны вопросы разработки показатели качества образования, которые должны демонстрировать положительный для общества результат, а также свидетельствовать, насколько успешно реализуется образовательная политика.

Ключевые слова: человеческий капитал, экономический рост, доверие, институциональный конфликт, институциональный мутант, компетенции, образование, занятость.

Тимохова Г. Б., Ильченко А. Е. Передумови формування інституційної довіри до реформ у сфері освіти

У статті представлені результати дослідження особливостей реформування інституційної структури освіти. Проаналізовано особливості формування факторів інституційного довіри до реформ системи освіти в Україні. Спираючись на міждисциплінарний підхід, автори розглядають причини виникнення інституційних розривів. Виділено інституційні конфлікти, які пов'язані з відмінностями в рівні складності вводиться інституту і загальної структури інституційного середовища освіти. Виділено інституційні конфлікти,

які пов'язані з відмінностями в рівні складності вводиться інституту і загальної структури інституційного середовища освіти. Зроблено висновок, що протиріччя між європеїзацією українського суспільства і застарілою інституційної матрицею української системи освіти, породжує загострення суспільних процесів, зниження інституційного довіри до реформ системи освіти, зміцнення інституційних мутантів освіти. Опрацьовані питання розробки показники якості освіти, які повинні показувати позитивний для суспільства результат, а також свідчити, наскільки успішно реалізується освітня політика.

Ключові слова: людський капітал, економічне зростання, компетенції, освіта, оцінювання, зайнятість.

Тумокхова Г., Печенко А. Background for institutional prevention of education reforms

The article presents the results of a specific study reforming the institutional structure of education. The peculiarities of forming the factors of institutional confidence in the reforms of the education system in Ukraine are analyzed. Relying on the interdisciplinary approach, the authors consider the reasons for the emergence of institutional gaps. Institutional conflicts are identified, which are related to differences in the level of complexity of the institution being introduced and the general structure of the institutional education environment. Institutional conflicts are identified, which are related to differences in the level of complexity of the institution being introduced and the general structure of the institutional education environment. It is concluded that the contradictions between the europeanization of Ukrainian society and the outdated institutional matrix of the Ukrainian education system, creates an aggravation of social processes, a decrease in institutional confidence in the reforms of the education system, and the strengthening of institutional mutants of education. The issues of developing indicators of the quality of education have been worked out, which should demonstrate a positive result for society, and also testify to the success of educational policy.

Key words: human capital, economic growth, competences, education, evaluation, employment.

Постановка проблеми. В качестве предпосылок устойчивого экономического роста и стабильности исследователи рассматривают, существование современных и эффективных институтов. Однако ограничения, возникающие при попытке утвердить такие институты

в тех странах, где они отсутствовали в силу разного рода экономические, правовые и политические причины, часто заканчивались неудачей. И возникал вопрос о том, что же, кроме институтов, необходимо для того, чтобы обеспечить устойчивое развитие экономики. Разницу в уровне развития и темпах роста различных стран объясняют не только производственными мощностями и наличием технологий, но и культура, ценности и предпочтения. Механизм, на котором основана гипотеза развития, сводится к тому, что у более благополучных обществ выше требования к качеству своих институтов, в этих обществах происходят культурные сдвиги, обеспечивающие более активное участие граждан в принятии общественных решений. Рост образования, доходов, урбанизация и укрепление среднего класса повышают востребованность в обществе демократии и готовность осознанно участвовать в демократическом процессе. Образовательный комплекс общества как опосредованный структурный компонент экономической системы обуславливает экономическую эффективность последнего и в свою очередь, сам зависит от этой эффективности. Важным фактором является доверие к образовательной системе и институциональным изменениям, различным институциональным практикам и процедурам. Согласно гипотезе Дж. Коулмана., доверие приобретает статус «социального капитала», то есть укоренение таких отношений, которые связаны с ожиданиями того, что «другие агенты будут выполнять свои обязательства без применения санкций» [5, с. 126]. В контексте реформ образования, происходящих в украинском обществе, именно наличие института доверия, как социального капитала, является системообразующим фактором дальнейшего устойчивого экономического роста.

Систематически обращаясь к институциональным изменениям системы образования, государство стремится достичь общественно важных результатов, которые могут быть получены благодаря институциональному доверию. Поэтому *целью исследования* является анализ развития факторов институционального доверия к реформам системы образования в Украине.

Основные результаты исследования. Важной предпосылкой разработки эффективных моделей и стратегий обеспечения формирова-

ния институционального доверия, как фактора экономического роста, следует рассматривать регулирование процесса инвестирования в человеческий капитал.

Человек является главной движущей силой развития экономики, концентрированным выражением национального и государственного могущества. Поэтому все инвестиции в человека, его интеллект и здоровье – физическое и духовное – становятся заранее выгодными для государства и общества. Соответственно инвестиции в культуру, образование, духовную сферу следует рассматривать, как высокоэффективные, экономические инвестиции, как инвестиции в человеческий капитал [3, с. 175].

Если говорить об образовании в целом, то имеет место институциональный конфликт. Успешное внедрение в практику, или усвоение нового института, начинается с появлением силы его поддержки. Активные социальные слои или группы, заинтересованные в применении данного института формируют «фундамент эффективности» реформирования – доверие к изменениям. Однако одновременно существуют влиятельные силы противодействия, опирающиеся на старые институты. Возможность предвидеть институциональный конфликт при разработке реформ, повышает эффективность государственных преобразований и снижает вероятность проявления институциональных разрывов. Институциональные разрывы нередко становятся прямым следствием институциональных реформ, особенно если при подготовке их проведения не были учтены сложность и многоуровневость институциональной системы.

Возникновение разрывов между институтами не является необратимым, поскольку предусмотреть все заранее нельзя, а осуществить комплексные изменения сразу на всех уровнях невозможно. Но если не предпринимаются усилия по устранению этих разрывов, то можно попасть в институциональную ловушку, когда издержки для общества начинают превышать выгоды

К институциональным конфликтам сферы образования Украины следует отнести несколько факторов. Среди них – историческая составляющая: много лет при определении расходов на высшее образование не принимались во внимание демографические тренды,

снижение рождаемости, урбанизация городов, а также реальные требования рынка труда [8]. Из-за отсутствия гибкой реакции на демографические изменения в сфере высшего образования сформировался ряд диспропорций. Так, например, количество детей в возрасте 15–19 лет сократилось в течение 2000–2015 годов на 41%, а количество студентов – на 8%. Постепенное сокращение количества абитуриентов началось с опозданием и было очень медленным. Таким образом, за последним имеющимся данным по состоянию на 2013 год высшее образование получало 4/5 украинской молодежи. В 2016 году ситуация не изменилась, поскольку по статистике поступления в вузы попали 80% выпускников школ (по сравнению с 50% в 2000 году). Еще одна диспропорция – в течение 2010–2015 годов общее количество студентов сократилось на 33%, а количество обучающихся за счет средств государственного бюджета – на 19%. В 2016 году большая часть зачисленных абитуриентов – 51% от общего объема – учились за счет государства по сравнению с 38% в 2010 году. Количество студентов на одного преподавателя (не считая дневную, вечернюю и заочную формы обучения) составляла около 11 человек в 2015 (средний показатель для стран Европы в 2013 – 15,4 человека) [8].

Если этого не учитывать перечисленные факторы, то инертная масса комплементарных институтов не позволит трансформировать институциональную структуру и новый институт не сможет функционировать, либо будет извращен, и никаких положительных изменений не произойдет. Более того, после такого рода трансформации самого института он обретет инертную массу комплементарных институтов и изменение данного искаженного правила станет весьма сложной задачей.

Так, авторы проекта концепции реформирования высшего образования отмечают, что в сегодняшних условиях техникумы и колледжи, в большинстве не ориентированы на фундаментальные научные исследования и академическую свободу участников образовательного процесса, не могут обеспечить выпускникам присущего высшему образованию уровню трудовой адаптивности и социальной мобильности. «Находясь на протяжении более 20 лет в системе высшего образования большинство техникумов и колледжей постепенно

теряют высокий уровень профессиональной подготовки в пользу незавершенного и не всегда системного освоения компетенциями высшего образования. Следует признать, что без развития широкого спектра реальных научных исследований их превращения в университеты прикладных наук невозможно», – говорится в проекте документа [8].

Важной задачей этапа разработки модели нового института образования является проработка комплементарных институтов необходимых для того, чтобы вводимая норма могла в полной мере функционировать в рамках исторически сложившейся институциональной структуры. По определению авторов Концепции, государственная политика в отношении деятельности этих учебных заведений должна основываться на принципах удовлетворения образовательных потребностей граждан, в получении основательного образования с ориентацией на практическую деятельность и качественного профильного полного общего среднего образования с перспективой дальнейшего получения степени высшего образования и возможностью выбирать различные траектории обучения и т.д.

Противоречия между европеизацией украинского общества и устаревшей институциональной матрицей украинской системы образования, порождает обострение общественных процессов, снижение институционального доверия к реформам системы образования, укреплению институциональных мутантов образования. К образовательным мутантам можно отнести «работу» системы образования в разную историческую эпоху, влияние современных течений и все то, что не приживается в украинских реалиях.

Бытует мнение, что успехи советской науки достигались не благодаря системе образования, а вопреки ей: чтобы чего-то добиться, людям приходилось преодолевать огромное количество сложностей и преград совершенно не академического свойства.

Идеология была одним из главных негативных факторов, она влияла на все сферы образования – на содержание учебных программ, на прививаемые в школе ценности, на критерии отбора и т. д. Иностранные языки преподавались поверхностно, если не считать специализированные вузы и элитные школы. Естественнонаучным

предметам отдавалось явное предпочтение, потому что это соответствовало государственным интересам. В школе и вузах не изучали творчество выдающихся поэтов, писателей и художников, которые тогда не соответствовали советским представлениям о прекрасном и идеологически правильном (например, идеологически неправильными оказались поэты Серебряного века: Ахматова, Цветаева, Пастернак, Мандельштам, Гумилев и др.) [9].

Надежный способ противодействия образовательным мутантам – это реформирования сферы, методом проб и ошибок с установкой на минимизацию институциональных разрывов. Г. Б. Клейнер отмечает, что «...технология создания нового института может иметь достаточно изощренный характер, быть стохастической и занимать длительное время, подобно технологии выращивания кристалла с заданными свойствами»[4, с. 410]. Окончательный выбор в пользу новых институтов, их усвоение становятся возможными в случае преодоления барьера большинства, когда основная масса экономических и социальных актеров, по инерции использующих старые институты, осознают возможности и преимущества, новых правил игры.

В этом процессе социального обучения большую роль играют позитивные прецеденты использования новых институтов, или истории успеха, которые значительно повышают уровень доверия к реформам. Такие прецеденты обеспечивают демонстрационный эффект, позволяют преодолевать негативные ожидания и формировать доверие к новым институтам.

Возрастает важность выявления таких прецедентов и тиражированию, в том числе с привлечением СМИ. По этой причине новые институты (или проекты, лежащие в их основе) предпочтительнее запускать в тех секторах, где провалы и неэффективность старых институтов наиболее очевидны, начиная движение в режиме серии экспериментов при одновременном сохранении старых институтов, поддерживающих институциональное равновесие. Закон является основой упорядоченного взаимодействия государства, общества и каждого его члена. Новый закон «О высшем образовании» имеет целью изменить парадигму образования в Украине [6, с. 87]. В течение определенного в законопроекте переходного периода из системы

высшего образования изъято уровень младшего специалиста и введен степень младшего бакалавра как сокращенный цикл подготовки бакалавров.

Вводятся такие степени высшего образования: младший бакалавр, бакалавр, магистр, доктор философии, доктор наук. Согласно части 6 и части 7 статьи 5 Закона, научными степенями является доктор философии и доктор наук.

Как вывод, необходимо отметить, что с внедрением Болонского процесса в Украине происходит воздействие на все уровни образования. Эффект от изменений сможем увидеть через какой-то промежуток времени, после того как все составляющие пройдут весь жизненный цикл. Конечной целью является повышение качества образования в Украине приведет к усилению конкурентоспособности наших выпускников на европейском рынке труда, а облегчение трудоустройства, как отмечалось, является одной из задач Болонского процесса.

На сегодняшний день выпускники университетов и соискатели вакансий находятся в условиях институционального конфликта между сферой высшего образования и рынком труда, между учебой и работой. Новые технологии, высокий уровень безработицы в экономике делают необходимым способность претендента к позиционированию себя на должность конкурентоспособным относительно других претендентов. Поэтому экономически выгодные учебные программы должны разрабатываться с учетом компетенций будущего. Всемирный экономический форум, определив ключевые компетенции, необходимые в XXI веке (табл. 1, версии по состоянию на 2015 и 2020 годы). Очевидно, что именно в таком направлении должно развиваться современное украинское образование.

Разрабатывая планы структурной образовательной реформы, следует ориентироваться на показатели качества образования, доступные для понимания обществу. Данные показатель должны демонстрировать положительный для общества результат, а также свидетельствовать, насколько успешно реализуется образовательная политика. Такое укоренение новых институтов предполагает

Таблиця 1

Ключевые компетенции, необходимые у XXI столетии [2]

в 2015 году	в 2020 году
1. Комплексное решение проблем	1. Комплексное решение проблем
2. Координация с другими	2. Критическое мышление
3. Управление людьми	3. Креативность
4. Критическое мышление	4. Управление людьми
5. Способность к переговорам	5. Координация с другими
6. Контроль качества	6. Эмоциональный интеллект
7. Ориентация на предоставление услуг другим	7. Способность оценивать ситуацию и принимать решения
8. Способность оценивать ситуацию и принимать решения	8. Ориентация на предоставление услуг другим
9. Активное слушание	9. Способность к переговорам
10. Креативность	10. Когнитивная гибкость

достаточно длительный процесс адаптации, в ходе которой они начинают воспроизводиться в деловых практиках и проникать на все более глубокие уровни институциональной системы. Например, ступенька страны в рейтингах PISA, популярность выпускников вузов на рынке труда и соответствие количества и квалификации выпускников требованиям рынка, место Украины в глобальном рейтинге конкурентоспособности по образовательным показателям. Данные показатели позволяют сравнивать эффективность продуктивных образовательных технологий – исследовательского обучения, научно-практического образования, проектной деятельности, STEM/STEAM-образования, конструирования инновационные модели и передовые практики образования в общемировых трендах.

Многие эксперты соглашались, что одна из причин успеха восточноазиатских стран в PISA – особое отношение к образованию. Страны Восточной Азии – сфокусированы на достижении высоких образовательных результатов, это признанной целью для отдельных

семей и для стран в целом. Педагоги Сингапура говорят даже о «образовательной гонке вооружений» [7].

Таким образом, на реформы в сфере образования влияют предпосылки. К ним можно отнести исторический опыт, систему оценивания, ошибки предыдущих реформ и институциональных разрывов. Все эти факторы важно включать в долгосрочную политику планирования развития сферы образования Украины.

Список литературы

1. Dоеpke M., Zilibotti F. Culture, Entrepreneurship, and Growth. Handbook of Economic Growth, no. 2, C. 1–48
2. WorldBank. (2016). The Future of Jobs, Employment, Skills and Workforce Strategy for the Fourth Industrial Revolution [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/WEF_FOJ_Executive_Summary_Jobs.pdf.
3. Аузан А. А. Социокультурные коды в экономическом анализе // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2013. – № 1(17). – С.173–176.
4. Клейнер Г.Б. Институциональные изменения: селекция, проектирование или протезирование? // Постсоветский институционализм. Под ред. Р. М. Нуреева, В. В. Дементьева. – Донецк: Каштан, 2005 – С.408–433
5. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Журнал Общественные науки и современность. – М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2001. – № 3. – С. 122-139.
6. Поведенческие институты рыночной экономики: к постановке проблемы / В. С. Автономов, А. В. Белянин, В. М. Кудров // Общественные науки и современность. – М. : ИМЭМО РАН. – 2016. – 161 с.
7. Результаты PISA за 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/education/singapore-tops-latest-oecd-pisa-global-education-survey.htm>
8. Сайт Медуза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2016/12/09/v-sssr-vse-bylo-samoe-luchshee-na-samom-dele-net5>.
9. Человеческий капитал как фактор социально-экономического развития. Краткая версия доклада [Текст]: докл. К XVII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 19–22 апр. 2016 г. / отв. ред. Я.И. Кузьминов, Л.Н. Овчарова, Л.И. Якобсон; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016. – 76 с.

References

1. Doepke M., Zilibotti F. Culture, Entrepreneurship, and Growth. Handbook of Economic Growth, no. 2, pp. 1-48.
2. WorldBank: The Future of Jobs, Employment, Skills and Workforce Strategy for the Fourth Industrial Revolution. Global Challenge Insight Report – Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_FOJ_Executive_Summary_Jobs.pdf (Accessed 10 September 2017).
3. Auzan A. A. Sosyokulturniy kody v ekonomycheskom analyze [Socio-cultural codes in economic analysis]. Zhurnal Novoy ekonomycheskoy assotsyatsyy – Journal of the New Economic Association, 2013, no. 1(17), pp. 173-176.
4. Kleyner H.B. Ynstytuzionalniye yzmenenyya: selektsyya, proektyrovanye yly protezyrovanye? [Institutional changes: selection, design or prosthetics?] Post-sovet-skiyy ynstytutsyonalizm, Donetsk: Kashtan – Chestnut, 2005, pp. 408-433.
5. Koulman Dzh. Kapytal sotsyalniy y chelovecheskiy [Capital, social and human], Obshchestvennie nauki y sovremennost – Social sciences and modernity, Moscow, Dom Vysshey shkoly ekonomyky, 2001, no. 3, pp. 122-139.
6. Avtonomov V. S., Belyanyn A.V., Kudrov V.M. Povedencheskiye instituty rynochnoi ekonomiki: k postanovke problem [Behavioral institutions of market economy: to the formulation of the problem]. Obshchestvennye nauki y sovremennost – Social Sciences and Modernity, Moscow, IMEMO RAN, 2016, 161 p.
7. Rezultaty PISA za 2015 h. [Results of PISA for 2015]. Available at: <https://www.oecd.org/education/singapore-tops-latest-oecd-pisa-global-education-survey.htm> (Accessed 20 September 2017).
8. Sayt Meduza [The site of Medusa] – Available at: <https://meduza.io/feature/2016/12/09/v-sssr-vse-bylo-samoe-luchshee-na-samom-dele-net5> (Accessed 28 September 2017).
9. Chelovecheskiy kapytal kak faktor sotsyalno-ekonomycheskoho razvytya. Kratkaya versyya doklada [Human capital as a factor of socio-economic development. Short version of the report]. dokl. K XVII Apr. mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvytya ekonomyky y obshchestva, Moscow, April 19-22, 2016, University Higher School of Economics, Moscow, 2016, 76 p.

Н. П. Гога

НЕКОТОРЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПОДХОДА В ОБУЧЕНИИ

В статье рассматриваются психологические особенности индивидуального подхода в обучении, нормативный понятийный аппарат. Дается характеристика и описание различных индивидуальных стилей педагогической деятельности как интегральной динамической характеристики индивидуальности в зависимости от соотношения актуальности процесса и результата обучения, степени планирования учебно-образовательного процесса, системы профессиональной и личностной рефлексии, профессионально-личностной позиции, а также составляющих творческой индивидуальности педагога (интеллектуальной, мотивационной, эмоциональной, волевой, регуляционной). Выделяются особенности инклюзивного обучения как составной части индивидуализации, понятие особенности инклюзивной образовательной среды и возможности ее адаптации при функционировании различных моделей восприятия учащихся с особыми потребностями.

Ключевые слова: индивидуализация обучения, индивидуальный стиль педагогической деятельности, образовательная среда, инклюзивное обучение, индивидуальная программа развития, творческая индивидуальность педагога.

Гога Н. П. Деякі психологічні особливості застосування індивідуального підходу в навчанні

У статті розглядаються психологічні особливості індивідуального підходу в навчанні, нормативний понятийний апарат. Дається характеристика та опис різних індивідуальних стилів педагогічної діяльності як інтегральної динамічної характеристики індивідуальності в залежності від співвідношення актуальності процесу та результату навчання, ступеня планування навчально-виховного процесу, системи професійної та особистісної рефлексії, професійно-особистісної позиції, а також складових творчої індивідуальності педагога (інтелектуальної, мотиваційної, емоційної, волевої, регуляційної). Виділяються особливості інклюзивного навчання як складової частини індивідуалізації, поняття особливості інклюзивної освітньої середовища та можливості її адаптації при функціонуванні різних моделей сприйняття учнів з особливими потребами.

Ключові слова: індивідуалізація навчання, індивідуальний стиль педагогічної діяльності, освітнє середовище, інклюзивне навчання, індивідуальна програма розвитку, творча індивідуальність педагога.

Нова N. Some psychological peculiarities of application of the individual approach in learning process.

In the article psychological peculiarities of the individual approach in learning process, the standard conceptual frameworks have been considered. Characteristics and description of various individual styles of pedagogical activity as an integral dynamic characteristic of identity have been given depending on relations between urgency of the process and the result of learning process, the degree of planning of educational process, the system of professional and personal reflection, the professional and personal position, and also components of creative manner of the teacher (intellectual, motivational, emotional, will, regulatory). Peculiarities of inclusive education as an integral part of individualization, the term of peculiarities of inclusive educational environment and the possibility of its adaptation within different perception models of students with special needs have been determined.

Key words: individualization of learning process, individual style of pedagogical activity, educational environment, inclusive education, individual development program, creative manner of the teacher.

Реформирование системы образование Украины направленно на ее интеграцию с общеевропейским образовательным пространством, развитие межвузовской мобильности для студентов и преподавателей и повышение уровня конкурентоспособности украинских выпускников на рынке труда, особенно в наукоемких областях занятости, что требует от системы подготовки как среднего, так и высшего образования усиление индивидуального подхода в обучении. Причем можно утверждать, что при анализе процесса индивидуализации в обучении речь должна идти как о личности ученика или студента, так и учителя /преподавателя.

В последней редакции Закона «Об образовании» выделены следующие понятия, связанные с индивидуализацией обучения [1]:

– «индивидуальная образовательная траектория» - персональный путь реализации личностного потенциала соискателя образования,

формируется с учетом его способностей, интересов, потребностей, мотивации, возможностей и опыта, основывается на выборе соискателем образования видов, форм и темпа получения образования, субъектов образовательной деятельности и предлагаемых ими образовательных программ, учебных дисциплин и уровня их сложности, методов и средств обучения. Образовательная траектория требует от учащегося понимания своих будущих профессиональных целей и знание возможных путей их достижения.

Индивидуальная образовательная траектория в учебном заведении может быть реализована через понятие «индивидуальный учебный план».

Наиболее частыми причинами оформления учебного плана большинством студентов является: трудоустройство, стажировки, рождение ребенка, проблемы со здоровьем и предлагает заполнения совместно с преподавателем утвержденной формы. В новой трактовке предполагается, что это документ, определяющий последовательность, форму и темп усвоения соискателем образования образовательных компонентов образовательной программы с целью реализации его индивидуальной образовательной траектории и разрабатывается учебным заведением во взаимодействии с соискателем образования при наличии необходимых для этого ресурсов.

Дискуссионным вопросом остается процесс реализации учащимся индивидуальной образовательной траектории и индивидуального плана. Могут ли они быть реализованы в условиях классического процесса преподавания в средней и высшей школе. Во многом это связано с готовностью преподавателей к разработке разноуровневых заданий, использования современных методов контроля и оценки, с индивидуальным стилем педагогической деятельности.

Индивидуальный стиль педагогической деятельности преподавателя определяется как интегральную динамическую характеристику индивидуальности, представляющую собой относительно устойчивую открытую саморегулируемую систему взаимосвязанных индивидуально-своеобразных действий и характеризующих специфику взаимодействия преподавателя со студентами в процессе педагогической деятельности [6].

В структуре ИСПД выделяется [4]: субъект с его индивидуальными особенностями; педагогическая деятельность и предъявляемые к ней требования; система саморегуляции, основывающаяся на личностно-деятельностной рефлексии; профессионально-личностная позиция учителя, его творческой индивидуальности.

Структура творческой индивидуальности педагога, представляющей основу его индивидуального стиля деятельности, характеризуется рядом элементов, каждый из которых имеет определенные составляющие [6]:

1. интеллектуальная (педагогическое мышление (способность анализировать педагогические факты, явления, процессы), педагогические эрудиция, интуиция, импровизация, воображение);

2. мотивационная (потребность в овладении новыми идеями, концепциями, методиками, технологиями; стремление добиться признания в педагогическом и ученическом коллективах; желание достичь высокого уровня профессионального мастерства);

3. эмоциональная (проявление эмпатии в общении; умение управлять своими эмоциями; эстетика проявляемых чувств);

4. волевая (целеустремленность в осуществлении педагогических целей и задач; стремление к самореализации; проявление терпения и выдержки);

5. регуляционная (наличие педагогической рефлексии, самоанализ и самооценка деятельности; умения определять перспективы в своем профессиональном росте, видеть достоинства и недостатки в развитии собственной индивидуальности).

Развитие представленных сфер творческой индивидуальности педагога является в рамках современной гуманистической парадигмы образования необходимым условием формирования индивидуального стиля деятельности.

Среди многообразия типологий, можно выделить следующие стили педагогической деятельности в зависимости от ориентации на процесс и результат обучения [4]:

1. Эмоционально-импровизационный индивидуальный стиль: ориентация на процесс обучения. Преподаватель логично и интересно выстраивает ознакомление с новым материалом, иногда увлекается,

что ведёт за собой потерю обратной связи с учениками, не прерывается и не уточняет, понятно ли изложение нового материала. При проведении опроса чаще обращается к сильным учащимся, опрос проводится в быстром темпе, поэтому не опрашиваются слабые студенты, у преподавателя может не хватить терпения дождаться конца самостоятельных рассуждений учащихся. Для данного стиля характерны трудности с планированием образовательно-воспитательного процесса. При данном стиле педагогической деятельности недостаточно представлены этапы закрепления учебного материала, а также осуществление контроля знаний учащихся. Его достоинствами является высокая оперативность, использование разнообразных методов обучения.

При планировании индивидуальной образовательной траектории преподаватель с таким стилем деятельности будет успешно работать с сильными школьниками и студентами.

2. Эмоционально-методичный индивидуальный стиль: ориентация в равных долях на процесс и результат обучения. Планирование учебного процесса адекватно, характерна поэтапная отработка всего учебного материала и у сильных, и у слабых учащихся. Преподаватели с данным стилем педагогической деятельности отличает высокая оперативность, частая смена видов работ на уроке, использование коллективных обсуждений. Во время опроса происходит максимальный охват учащихся, даются индивидуальные задания. В деятельности постоянно присутствует закрепление материала и контроль результатов обучения. При индивидуальной образовательной траектории преподаватель успешно работает со студентами с разной успеваемостью.

3. Рассуждающе-импровизационный индивидуальный стиль: педагог равнозначно ориентируется на процесс и результат обучения, адекватно планирует образовательно-воспитательный процесс. Использует небольшое количество методов обучения, они однотипны, темп работы средний или низкий, не практикуются коллективные обсуждения. При опросе даёт возможность всем учащимся детально сформулировать ответ, мало говорит сам, воздействует косвенно (наводящие вопросы, требования уточнить сказанное). При объясне-

нии нового материала преподаватель, повторяет и контролирует результат обучения. Успешно работает даже с учащимися со слабой подготовкой.

4. Рассуждающе-методичный индивидуальный стиль: ориентирован на результаты обучения, адекватно планирует образовательно-воспитательный процесс. Консервативен в отборе средств и способов педагогической деятельности, использует малый стандартный набор методов обучения, на первое место ставит воспроизведение изученного материала, практически не использует индивидуальные творческие задания и коллективные рассуждения. Опрос проводится с привлечением большого количества учащихся, особое внимание уделяется слабым студентам. Преподаватель может успешно реализовывать индивидуальную образовательную траекторию со студентами разного уровня, особенно успешен при работе слабыми студентами.

Современная гуманистическая парадигма образования также ориентирует учителя на развитие личности каждого учащегося, всестороннее изучение и учет его индивидуальных особенностей, на содействие формированию у каждого ученика индивидуального стиля учебной деятельности.

Изотова Е. Г. отмечает, что основными способами изучения индивидуальных особенностей школьников являются планомерные систематические наблюдения за учеником, индивидуальные и групповые беседы на заранее намеченную тему, дополнительные учебные задачи и анализ способов рассуждений ученика, специальные задачи, связанные с положением ребенка в коллективе, с отношением к товарищам, его позицией в группе. Главное заключается в том, чтобы всесторонне изучить ребенка и опираться на его положительные качества в преодолении имеющихся недостатков. В этом, как мы уже говорили, и состоит понимание «индивидуального подхода» в общем смысле этого выражения [2].

Особенную актуальность индивидуальный подход имеет в условиях малокомплектности групп, индивидуального учебного плана и инклюзивного обучения.

Согласно последним тенденциям, Украина предпринимает

активные шаги в законодательном закреплении индивидуальных форм образования с одной и стороны, и включения в учебный процесс различных категорий лиц, с другой. Речь идет об инклюзивном образовании, однако отношение к нему у каждого субъекта образовательного процесса различно. У самих студентов и школьников, их родителей, научно-педагогического коллектива. Однако, в большинстве учебных заведений слабо сформирована психологическая культура инклюзивного обучения. Инклюзивное обучение определяется как система образовательных услуг, гарантированных государством, основанный на принципах недискриминации, учета многообразия человека, эффективного привлечения и включение в образовательный процесс всех его участников. Наиболее часто инклюзивная среда связана с обеспечением доступа к образовательным услугам лицам с особыми потребностями.

В зависимости от самовосприятия и общественного восприятия лиц с особыми потребностями (инвалидностью) М. А. Гулина описывает 4 модели инвалидности [5]:

1) Медицинская модель определяет инвалидность как патологию. Главный недостаток действий в рамках этой программы заключается в том, что все программы имеют специализированный характер. Учеба происходит в домах-интернатах, техникумах в отрыве от семьи. Наиболее сложно воспринимают инклюзивное обучение, требуется длительная квалифицированная помощь социального педагога или психолога для трансформации представлений о перспективах и возможностях лиц с особыми потребностями;

2) Социальная модель, прежде всего, предусматривает возможность для инвалида социально функционировать. С этой целью различными государственными структурами создаются социальные службы, разрабатываются целенаправленные программы. Минус этой модели в том, что ребенок и члены его семьи становятся пассивным объектом для патронажа и защиты и системы инклюзивного обучения.

3) Политическая модель ориентирована на то, что дети-инвалиды, рассматривается как меньшинство, права и свободы которых незаслуженно ограничивают в этом. Эта модель послужила толчком для

расширения движения за равенство прав всех граждан. Сторонки этой модели являются активными участниками формирования «инклюзивной образовательной среды» не только для себя и своих семей, но и для других.

4) «Культурный плюрализм» – характеризует инвалидность не как медицинскую проблему, а как проблему неравных возможностей. Данная модель рассматривает ребенка с позиции гражданских прав, а не патологии. Этот подход ценен тем, что он предлагает альтернативу и возможность выбора, который человек может сделать самостоятельно при поддержке социальных служб. Они активно включены в общественную дискуссию по широкому кругу проблем, не всегда напрямую относящиеся в проблемам лиц с ограниченными возможностями.

Главной позицией в украинском социуме являются гуманистической характер отношений к лицу с ограниченными возможностями и лично-деятельностный подход, который ставит личность с особыми потребностями в обязательную деятельность позицию, которая не позволяет ей ощутить себя неполноценным. Именно для таких лиц может быть разработана индивидуальная программа развития в рамках инклюзивного обучения – документ, обеспечивающий индивидуализацию обучения лица с особыми образовательными потребностями, закрепляет перечень необходимых психолого-педагогических, коррекционных потребностей / услуг для развития ребенка и разрабатывается группой специалистов с обязательным привлечением родителей ребенка с целью определения конкретных учебных стратегий и подходов к обучению.

Таким образом, можно сделать вывод, что использование индивидуального подхода в обучении, с одной стороны демонстрирует квалификационный уровень педагога, с учетом требований современной системы образования и нормативных документов, в другой стороны позволяет выстроить индивидуальную образовательную траекторию учащегося с различными психологическими, личностными и физическими особенностями.

Список литературы

1. Закон України «Про освіту» № 1558-18 от 05.07.2017. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2145-19>. – Загол. з екрану.
2. Изотова Е.Г. Проблемы индивидуального подхода в обучении как средство повышения эффективности образовательного процесса [Электронный ресурс] / Е. Г. Изотова // Реализация стандартов 2-го поколения в школе: проблемы и перспективы. Всероссийская научно-практическая заочная Интернет-конференция. – Режим доступа к документу: http://yspu.org/conferences/Realizaciya_standartov_2-go_pokoleniya_v_shkole/Problemy_individual%27nogo_podhoda_v_obuchenii.pdf / – Загл. с экрана.
3. Лаврентьев Г.В. Инновационные обучающие технологии в профессиональной подготовке специалистов / Г. В. Лаврентьев, Н. Б. Лаврентьева. – Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2002. – 146 с.
4. Макарова Л. Н. Индивидуальный стиль педагогической деятельности: проблемы соотношения / Л. Н. Макарова // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус» – 2014. – № 1 (23). – С. 14–22.
5. Психология социальной работы / под. ред. М. А. Гулиной. – СПб. : Питер, 2016. – 384 с.
6. Торхова А. В. Формирование индивидуального стиля педагогической деятельности будущего учителя: теоретический аспект / А. В. Торхова. – Минск : БГПУ им. М. Танка, 2004. – 143 с.
7. Унт И.Э. Индивидуализация и дифференциация обучения / И. Э. Унт. – М. : Педагогика, 1990. – 192 с.

References

1. Zakon Ukrainu «Pro osvitu» № 1558-18 vid 05.07.2017 [A law of Ukraine “On education”]. Available at: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2145-19>. (in Ukrainian).
2. Izotova Ye. H. Problemy indyvidualnoho pidkhodu v navchanni yak zasib pidvyshchennya efektyvnosti navchalnoho protsesu [Problems of individual approach in training as means of increase in efficiency of educational process]. Implementation of standards of the 2nd generation at school: problems and prospects. All-Russian scientific and practical correspondence Internet conference. Available at: http://yspu.org/conferences/Realizaciya_standartov_2-go_pokoleniya_v_shkole/Problemy_individualnogo_podhoda_v_obuchenii.pdf. (in Russian).

3. Lavrent'ev H.V., Lavrenteva N.B. Innovatsionnyye obuchayushchiye tekhnologii v professional'noy podgotovke spetsialistov. [The innovative training technologies in vocational training of experts]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta, 2002. 146 p.

4. Makarova L.N. Individual'nyy stil' pedagogicheskoy deyatel'nosti: problemy sootnosheniya [Individual style of pedagogical activity: correlation problems]. Psikhologo-pedagogicheskiy zhurnal «Gaudeamus» - Psychology and pedagogical magazine «Gaudeamus», 2014, no 1 (23), pp. 14-22

5. Hulina M. A. (Eds.). Psychology of social work. St-Petersburg : Piter, 2016, 384 p.

6. Torhova A. V. Formirovaniye individual'nogo stilya pedagogicheskoy deyatel'nosti budushchego uchitelya: teoreticheskiy aspekt [Formation of individual style of pedagogical activity of future teacher: theoretical aspect], Minsk : BGPU im M. Tanka., 2004. 143 p.

7. Unt I.E. Individualizatsiya i differentsiatsiya obucheniya [Individualization and differentiation of training], Moscow : Pedagogika., 1990. 192 p.

С. Б. Данилевич

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ ДИСТАНЦИОННОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ

Дистанционная форма получения образования открывает доступ к обучению широкому кругу людей, которые по каким-либо причинам не могут обучаться традиционно. Однако при обучении на расстоянии существует проблема дефицита общения с преподавателями и сокурсниками, которое является важнейшим информационным каналом в процессе обучения.

В статье приводится аналитический обзор функциональных особенностей наиболее популярных образовательных инструментов (образовательная сеть Edmodo, онлайн среда Google Classroom и др.), которые используют мощности социальных медиа для помощи учащимся в процессе учебы, а преподавателям для взаимодействия между собой и обучаемыми, которые частично способны минимизировать дефицит непосредственной коммуникации со своей социальной группой.

Приведена статистика посещаемости сайтов, пригодных для эффективного использования в дистанционном обучении, косвенно оценивающая их популярность. Освоение подобного инструментария позволит обучаемым в дальнейшем легче находить единомышленников, создавать совместные проекты, трудоустроиться и т.п.

Ключевые слова: непрерывное образование, социальные инструменты, социальные медиа, LMS Moodle, Edmodo, Google Classroom, веб-сайт.

Данилевич С. Б. Використання соціальних медіа у навчальному процесі дистанційної форми навчання

Дистанційна форма отримання освіти відкриває доступ до навчання широкого кола людей, які з яких-небудь причин не можуть навчатися традиційно. Однак при навчанні на відстані існує проблема дефіциту спілкування з викладачами та однокурсниками, що є найважливішим інформаційним каналом в процесі навчання.

У статті наводиться аналітичний огляд функціональних особливостей найбільш популярних освітніх інструментів (освітня мережа Edmodo, онлайн среда Google Classroom та ін.), що використовують потужності соціальних

медіа для допомоги учням у процесі навчання, а викладачам для взаємодії між собою і учнями, що частково зменшує дефіцит безпосередньої комунікації зі своєю соціальною групою.

Наведена статистика відвідуваності сайтів, придатних для ефективного використання в дистанційному навчанні, що побічно дає оцінку їхньої популярності. Освоєння подібного інструментарію дозволить учням в подальшому легше знаходити однодумців, створювати спільні проекти, працювати разом і т.п.

Ключові слова: дистанційне навчання, навчальний процес, соціальні інструменти, соціальні медіа, LMS Moodle, Edmodo, Google Classroom, веб-сайт.

Danylevych S. The use of social media in the teaching process of the distant educational form

Distance form of education provides access to training for a wide range of people who for some reason can not be trained traditionally. However, when learning from a distance, there is a lack of communication with teachers and fellow students, which is the most important information channel in the learning process.

The article provides an analytical overview of the functional features of the most popular educational tools (Edmodo educational network, Google Classroom online environment, etc.) that use the power of social media to help students in the learning process, and teachers to interact with each other and learners who are partially able to minimize lack of direct communication with their social group.

The statistics of attendance of sites, suitable for effective use in distance learning, is given, which indirectly estimates their popularity. The development of such tools will make it easier for trainees to find like-minded people in the future, create joint projects, find employment, etc.

Key words: distance education, educational process, social tools, social media, LMS Moodle, Edmodo, Google Classroom, Web site.

Дистанционная форма получения образования предназначена прежде всего для людей, которые по каким-либо причинам не могут обучаться традиционно. В то же время развитие социальные навыки общения, умение работать в коллективе возможно только при непосредственном контакте студентов и преподавателей, т.е. в соответствующей социальной группе, объединенной едиными целями и общими интересами. Любое обучение является социальным процессом, т.к. оно происходит в социальной среде или контексте. Отсюда

возникает потребность восполнения дефицита общения с преподавателями и сокурсниками при обучении на расстоянии. Социальные медиа – это средства социального взаимодействия. Социальные сети – распространенное средство коммуникации, которое в какой-то мере может восполнить недостаток живого общения участников учебно-педагогического процесса. Сотрудничество в виртуальных сообществах снимает ограничения места и времени общения, если есть необходимое устройство с доступом в Интернет.

Для полноценного получения необходимых компетенций наравне с очной формой обучения к обучаемому предъявляются повышенные требования: умение самостоятельно осваивать эффективные способы познания, самодисциплина, сильная мотивация. Одновременно и от преподавателей требуется умение оптимально организовать обучение, владение соответствующим инструментарием и умение целесообразно его использовать. Кроме того, постоянное совершенствование и расширение возможностей средств коммуникационных и информационных технологий обуславливает противоречие между потенциальными дидактическими возможностями и ограниченными знаниями, умениями участников педагогического процесса их использовать.

Целью данной работы является обзор функциональных особенностей педагогических медиаресурсов, позволяющих повысить эффективность учебно-педагогического процесса дистанционной формы получения образования.

В связи с динамическим ростом количества таких ресурсов и усовершенствованием существующих подобные исследования представляются актуальными. Объектом здесь выступают педагогические веб-сервисы, а предметом – их интеграция в практику дистанционной формы получения образования.

В работах В. М. Кухаренко, Н. Г. Сиротенко и др. [1] даны определение системы дистанционного обучения и ее составляющих, рассмотрен вопрос структуры дистанционного курса, сформулированы требования к дистанционному курсу и тьюторам. Состояние и перспективы внедрения дистанционного образования в вузах Украины, анализ преимуществ и недостатков дистанционной формы

обучения проводился многими исследователями. Из последних публикаций можно отметить работы Е. В. Крайнюк, Ю. В. Буц [2]. Особенности сети Интернет как фактора трансформации образовательных систем и социальных функций образования были рассмотрены В. П. Козыренко [3].

Виртуальные сообщества как особая форма социальной интеграции, а также их структура и особенности взаимодействия пользователей в них исследует А. П. Соловей [4].

Интернет-коммуникации оказывают существенное влияние на формирование ценностных ориентаций студенческой молодежи [5; 6].

В работах Е. Ю. Усик социальная сеть рассмотрена как результат самоорганизации социальной системы, как особая форма социальной интеграции, главную роль в которых играет доверие, общие ценности и нормы [7]. Опыт США свидетельствует, что внедрение и использование инструментов образовательных технологий с учетом социальных аспектов обучения, повышает качество предоставления образовательных услуг, а также мотивацию их получения [8].

Современные технологии позволяют не только передать большой объем учебной информации на расстояние, но и обеспечить прямое общение обучающего и обучаемого [9]. Современные дистанционные курсы предлагают студентам модель взаимодействия с преподавателями и между собой через Интернет-странички, посещать которые можно с различных устройств. Международная образовательная платформа онлайн-курсов COURSERA (<https://www.coursera.org/>) охватывает около 6,5 миллионов зарегистрированных студентов по всему миру и содержит 626 курсов от 108 ведущих университетов. Здесь предлагаются готовые полноценные курсы, тесты и материалы к итоговым экзаменам. Обучение проводится бесплатно (преимущественно на английском языке).

Украинский общественный проект массовых открытых онлайн-курсов Prometheus (www.prometheus.org.ua) имеет целью бесплатно предоставить лучшие учебные возможности каждому гражданину Украины. Преподаватели Киевского национального университета, Киевского политехнического института, Киево-Могилянської академії ведут видео-лекции, организуют интерактивные тесты, форумы.

Одной из крупнейших модульной объектно-ориентированной динамической учебной средой с открытым программным кодом является LMS Moodle (<https://moodle.org/>). Она насчитывает около 90 млн. пользователей [10] и позволяет: создавать и управлять учебными курсами; определять доступ к элементам курса; отслеживать выполнение заданий; использовать контент различного формата, устанавливать плагины: массовая рассылка уведомлений; видеоконференции; видео и аудио чаты; средства проектного обучения; электронный портфолио. Достоинства Moodle: бесплатная основа; развитая система тестирования; разнообразие учебных элементов; возможность дифференцировать обучение; поддержка разнообразных сценариев.

В качестве альтернативы большое распространение получила защищенная бесплатная образовательная сеть для педагогов и учащихся Edmodo (<https://www.edmodo.com/>) (см. табл.). Она представляет собой социальную среду похожую на Facebook, где есть возможность общаться участникам образовательного процесса, делать записи (в том числе и на русском языке).

Эта платформа используется для преподавания самых разных предметов в различных образовательных заведениях. Участники условно делятся на три группы: учителя, учащиеся, родители. Учителя должны зарегистрироваться на сайте и создать свою учетную запись, так они получают доступ к вступлению в различные профессиональные сообщества и коды для создания своих групп, добавления учащихся в сообщество. Окно Edmodo состоит из трех составляющих. В левой части работают непосредственно с учебными курсами (группами). Центральная часть служит для добавления записей, заданий, тестов, опросов и т.п. Справа представлен ряд дополнительных опций: обновить профиль, обратиться в Help-центр, пригласить коллегу и др. Есть возможность пригласить в группу педагогов, обучающихся, родителей (Who Would You Like to Invite), записать адрес их электронной почты, обращение.

Добавить в курс Edmodo учебный элемент можно вставив готовый текст Word, файл (например, PDF) или установив ссылку на ресурс в Интернете (например, ссылку из облачного хранилища OneDrive).

Schoology (<https://www.schoology.com/>) во многом аналогична Edmodo, она также бесплатна для студентов, учителей и родителей. Преподаватели могут обсудить интересные их темы, обменяться опытом в открытых группах, создаваемых по принципу социальных сетей. В разделе публичные ресурсы можно выбрать учебные материалы (пока только на английском языке).

Большими возможностями для организации дистанционного обучения обладает Google Classroom [11] – универсальное средство, своеобразный центр управления, онлайн среда, в которой могут взаимодействовать пользователи (школьники, студенты, коллеги, заинтересованные лица и т.п.) и которая позволяет контролировать процесс взаимодействия. Участвовать можно в двух режимах: организатора (учителя, преподавателя, администратора, координатора проекта и т.п.) и участника (ученика, студента и т.п.). Только организатор имеет возможность добавить себе на страницу объекты: использовать имеющееся сообщение; создать вопрос, задания, объявление. Задание можно запланировать, сохранить как черновик для дальнейшей доработки, установить сроки выполнения, использовать файлы с компьютера, Google диска, давать ссылки на учебное видео, любые ссылки в Интернет. После выставления оценок в среде Google Classroom можно получить онлайн общую ведомость, в которой будут зафиксированы все оценки всех участников, их адреса, процент выполненных работ.

Работая в Google Classroom, организатор получает непосредственный доступ ко всем сервисам Google: электронной почте, облачному хранилищу, социальной сети Google+, созданию канала на YouTube и др.

Classroom постоянно развивается, совершенствуется, дополняется новыми приложениями. Например, расширение Classroom Split упрощает использование Google Classroom для студентов, разделяя их экран, так, что указания к заданию располагаются на одной стороне экрана, а работа выполняется на другой. Дополнение к GoogleForms инструмент Quizzes позволяет проводить оценку уровня знаний.

Основная цель Classroom Bridges (www.classroombridges.com/) – помочь педагогам найти коллег по всему миру для сотрудничества

с ними и их учениками, знакомству с разными системами образования, предоставить студентам больше возможностей для общения и сотрудничества со студентами из других стран, представителями иных культур. Международное общество «Технологии в Образовании» (ISTE) (<https://www.iste.org/>) подчёркивает необходимость совместной работы учащихся и педагогов с людьми из других частей мира для реализации глобальных перспектив, в том числе и для трудоустройства [12].

Чтобы воспользоваться Classroom Bridges нужно только заполнить форму регистрации и выполнить поиск с помощью карты и фильтров на странице «Найти класс». В результате поиска на сайте предоставляется информация для связи с нужным классом или преподавателями. По мере развития проекта на сайт подключается все больше ресурсов.

Средства для дистанционного получения образования, использующие социальные медиа, востребованы. Об этом свидетельствуют данные (ноябрь 2017 г.), приведенные в таблице.

Таблица

Посещаемость сайтов для дистанционного получения образования

URL	Просмотров за год
classroom.google.com	1022000000
www.quora.com	287188935
www.coursera.org	84272295
www.edmodo.com	44573800
www.crunchbase.com	40302570
www.wikispaces.com	37396440
www.schoolology.com	28977715
www.ning.com	19148630
moodle.org	12169830
edublogs.org	8156290
openstudy.com	5921030
www.prometheus.org.ua	3432825
universarium.org	1953845
www.epals.com	736935
classmill.com	521220

Таким образом, в распоряжении организаторов дистанционной формы получения образования есть обширный, постоянно развивающийся инструментарий: использование преимуществ социальных медиа позволит в какой-то мере восполнить дефицит общения со своей социальной группой, сделать образование доступным для каждого, познакомиться с разными системами образования, повысить осведомлённость об информационных технологиях, получить нужные навыки. Основываясь на вышеуказанных аргументах, можно сделать вывод, что использование онлайн сервисов может способствовать улучшению качества образования студентов. И в дальнейшем полученные навыки позволят находить единомышленников, создавать совместные проекты, трудоустроится независимо от местонахождения участников.

Список литературы

1. Теорія та практика змішаного навчання [Електронний ресурс] : монографія / Кухаренко В. М. [та ін.]. – 2016. – Режим доступу: http://repository.kpi.kharkov.ua/bitstream/KhPIPress/23536/3/Kukharenko_Teoriia_ta_praktyka_2016.pdf (дата звернення: 17.10.2017). – Загол. з екрану.
2. Простакова Ю. В. Дистанційне навчання у вищих навчальних закладах: сучасний стан та перспективи розвитку [Електронний ресурс] / Юлія Вікторівна Простакова // Інформаційно-комунікаційні технології в освіті. – 2017. – № 4. – Режим доступу: <http://e-journals.npu.edu.ua/index.php/ikt/article/view/116> (дата звернення: 17.10.2017). – Загол. з екрану.
3. Козыренко В. П. Информационные образовательные технологии в условиях социальных трансформаций // В. П. Козыренко // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2016. – Т. 22. – С. 241–248.
4. Соловей А.П. Виртуальные сообщества как особая форма социальной интеграции [Электронный ресурс] / Алеся Петровна Соловей // Психология, социология и педагогика : электрон. науч.-практ. журн. – 2014. – № 6. – Режим доступа: <http://psychology.snauka.ru/2014/06/3341> (дата обращения: 28.09.2017). – Загл. с экрана.
5. Горбулин О. С Современная цифровая педагогика: проблематика и перспективы / О. С Горбулин // Дистанційне навчання – старт із сьогодення в майбутнє : Матеріали III Всеукр. наук.-практ. конф. з міжнар. участю. – Харків, 2017. – С. 75–78.
6. Шипко О. Інтернет-комунікації як чинник формування ціннісних

орієнтацій сучасної студентської молоді / О. Шипко // Особистість студента і соціокультурне середовище університету в суспільному контексті : Матеріали Всеукр. наук.-практ. конф., 2 червня 2017 р. – Київ, 2017. – С. 68–72.

7. Усик Е. Ю. Социальные сети как инструмент развития корпоративной культуры вуза / Е. Ю. Усик // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2016. – Т. 22. – С. 231–241.

8. Muthler S. The Best Interactive Web Tools for Educators [Electronic resource] / Sarah Muthler. – URL: <http://www.edudemic.com/best-web-tools/> (access date: 25.11.2017). – Title on screen.

9. Кислова О.Н. Опыт преподавания с использованием возможностей Google Класса // Инновационные технологии в современном образовании : сб. тр. по материалам III Междунар. науч.-практ. Интернет-конференции. – М. : Изд-во «Научный консультант», 2016. – С. 279–284.

10. Петренко С. В. Оптимізація й аналіз результатів використання LMS Moodle у системі змішаного навчання в університеті [Електронний ресурс] / С.В. Петренко // Інформаційні технології і засоби навчання. 2017. – Том 61, № 5. – С 140–150. – Режим доступу: <http://journal.iitta.gov.ua/index.php/itlt/article/view> (дата звернення: 23.10.2017). – Загол з екрану.

11. Електронний освітній ресурс “Про сервіси Google” [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://sites.google.com/site/edugservis/home> (дата звернення: 23.10.2017). – Загол з екрану.

12. Future Work Skills 2020 [Electronic resource]. – URL: [доступа: http://www.iftf.org/futureworkskills/](http://www.iftf.org/futureworkskills/) access date: 25.11.2017). – Title on screen.

References

1. Kukhareno V.M. et al. Teorija ta praktyka zmishanogho navchannja : monohrafija [Theory and Practice of Mixed Learning: Monograph]. URL: http://repository.kpi.kharkov.ua/bitstream/KhPI-Press/23536/3/Kukhareno_Teorija_ta_praktyka_2016.pdf (Accessed 17 October 2017).

2. Prostakova Yu. V. Dystantsiynе navchannya u vyshchykh navchal'nykh zakladakh: suchasnyy stan ta perspektyvy rozvytku [Distance education in higher educational institutions: current state and development prospects]. Informatsiynо-komunikatsiyni tekhnolohiyi v osviti [Informational-communicational technology in education]. 2017, vol. 4. Available at: <http://e-journals.npu.edu.ua/index.php/ikt/article/view/116> (Accessed 17 October 2017).

3. Kozyrenko V. P. Information Technologies in the context of social transformations (in Russian). Vcheni Zapusky Kharkivskogo Gumanitarnogo Universitetu “Narodna Ukrainska Akademiya [Scientists Launch of the Kharkiv Humanitarian University “People’s Ukrainian Academy], 2016, no. 22, pp. 241–248.

4. Solovej A.P. Vyrtual'nye soobshchestva kak osobaya formasotsyal'noy yntehratsyy[Virtual communities as a special form of social integration]. *Psykholohyya, sotsyolohyya y pedahohyka* [Psychology, sociology and pedagogy]. 2014, vol. 6. URL: <http://psychology.snauka.ru/2014/06/3341> (Accessed 28 September 2017).

5. Gorbulin O.S. *Sovremennayatsifrovayapedagogika: problematika i perspektivy*[Modern digital pedagogy: problems and perspectives]. *Dystantsiynе navchannya – start iz sohodennya v maybutnye* [Distance learning – start from the present to the future]. [Material III all-ukrainian scientific and practical conference in the international forum]. Kharkiv, 2017, pp. 75–78.

6. Shipko O. *Internet-komunikatsiyi yak chynnyk formuvannya tsinnisnykh oriyentatsiy suchasnoyi students'koyi molodi* [Internet communication as a factor in the formation of value orientations of modern student youth]. *Specialty of the student and the socio-cultural center of the university in the contextual context*. [Materials of the All-Ukrainian Scientific and Practical Conference. – 2 June 2017]. Kiev, 2017, pp. 68–72.

7. Usik E. Yu. *Sotsialnyie seti kak instrument razvitiya korporativnoy kulturyi vuza* [Social networks as a tool for the development of the corporate culture of the university]. *Vcheni Zapusky Kharkivskogo Gumanitarnogo Universitetu “Narodna Ukrainaska Akademiya”* [Scientists Launch of the Kharkiv Humanitarian University “People’s Ukrainian Academy”]. 2016, no. 22, pp. 231–241.

8. Muthler S. *The Best Interactive Web Tools for Educators*. Available at: <http://www.edudemic.com/best-web-tools/> (Accessed 25 November 2017).

9. Kislova O. N. *Opyit prepodavaniya s ispolzovaniem vozmozhnostey Google Klasya* [Experience of teaching using Google Class]. *Materials of the III International Scientific and Practical Internet Conference “Innovative Technologies in Modern Education (in Russian)*. Moscow, 2016, pp. 279–284.

10. Petrenko S. V. *Optyimizatsiya y analiz rezul'tativ vykorystannya LMS Moodle u systemi zmishanogo navchannya v universyteti* [Optimization and analysis of the results of using LMS Moodle in the system of mixed learning at the university]. *Information technology and teaching aids (in Ukrainian)*. 2017, Vol.61, #5, pp. 140–150. Available at: <http://journal.iitta.gov.ua/index.php/itlt/article/view> (Accessed 23 October 2017).

11. *Elektronniy osvitniy resurs “Pro servisy Google”* [Electronic resource “About Google services”]. Available at: <https://sites.google.com/site/edugservis/home> (Accessed 23 October 2017).

12. *Future Work Skills 2020*. Available at: <http://www.ifff.org/futureworkskills/> (Accessed 25 November 2017).

Д. В. Подлесный

ПРОБЛЕМА УНИВЕРСИТЕТСКОЙ АВТОНОМИИ В УКРАИНЕ ПЕРИОДА 1917–1921 гг.

Целью статьи является анализ государственной политики по отношению к университетской автономии в период 1917–1921 гг. Автор приходит к выводу, что правительства революционного периода использовали разные подходы к реформированию системы управления университетами. В период Временного правительства университетское образование развивалось в рамках либеральной модели, которая проявилась в максимальном расширении автономии высших учебных заведений. Принципы университетской автономии сохранялись и в период национальных правительств Украины. В свою очередь, большевики, целью которой было установление контроля над деятельностью высшей школы, пошли по пути полной ликвидации университетской автономии.

Ключевые слова: высшее образование, университеты, автономия, революция 1917–1921.

Підлісний Д. В. Проблема університетської автономії в Україні в період 1917–1921 рр.

Метою статті є аналіз державної політики відносно університетської автономії в період 1917–1921 рр. Автор доходить висновку, що урядові структури революційної доби використовували різні підходи до реформування системи управління університетами. За часів Тимчасового уряду університетська освіта розвивалася в рамках ліберальної моделі, яка знайшла прояв у максимальному розширенні автономії вищих навчальних закладів. Принципи університетської автономії зберігались і за періоду національних урядів України. У свою чергу, більшовики, метою яких було встановлення контролю над діяльністю вищої школи, пішли шляхом повної ліквідації університетської автономії.

Ключові слова: вища освіта, университети, автономія, революція 1917–1921 рр.

Podlesnyi D. The problem of the university autonomy in Ukraine in the period of 1917–1921

The purpose of the article is to analyze the state policy in relation to the university autonomy in the period of 1917–1921. The author comes to the

conclusion that governments of the period of the Revolution used different approaches to the reform of the system management of universities. During the period of the Provisional Government, university education developed in the framework of the liberal model, which is primarily manifested in the maximum expansion of university autonomy. The principles of university autonomy persisted even during the period of the national governments of Ukraine. During the period of the establishment of Soviet power, which pursued the goal of establishing full control over the activities of higher school, the University autonomy was eliminated.

Key words: higher education, universities, autonomy, revolution of 1917–1921.

Тема автономии высшего учебного заведения сегодня имеет ключевое значение с точки зрения реформирования отечественной системы высшего образования. Положение относительно развития автономии высшей школы как одного из ключевых принципов государственной политики в соответствующей сфере стало одной из главных новаций принятого в 2014 г. Закона Украины «О высшем образовании». В таких условиях особое значение приобретает исторический опыт становления и развития университетской автономии, тем более что старейшие отечественные университеты (Львовский, Харьковский, Киевский, Одесский) имеют давние традиции самоуправления и академической свободы, которые были заложены еще в конце XVIII–XIX вв.

Целью данной статьи является анализ государственной политики по отношению к университетской автономии в период революционных событий 1917–1921 гг., когда высшая школа Украины подверглась беспрецедентным трансформациям, происходившим по инициативе как национальных, так и общероссийских правительств. Следует отметить, что проблема трансформаций университетского образования в период Революции и Гражданской войны заслуженно пользуется повышенным вниманием со стороны научного сообщества. В частности, данной проблеме посвящены труды А. И. Авруса [1], А. М. Завальнюка [2] и других авторитетных исследователей. В то же время, следует отметить, что тема развития университетской автономии в период 1917–1921 гг. до сих пор не была предметом

специального рассмотрения в отечественной и зарубежной историографии.

По состоянию на начало XX в. вопрос университетской автономии крайне остро стоял в академическом сообществе Российской империи. Большинство профессорско-преподавательской корпорации, которое демонстрировало приверженность так называемой Гумбольдтовской модели университета, основанной на принципах академической свободы, жестко критиковало университетский устав 1884 г., который ограничивал университетскую автономию по сравнению с уставами 1804 г. и 1863 г. В 1901 г. в своей докладной записке о реформе высшей школы В. И. Вернадский отмечал: «Задача реформы заключается в том, чтобы дать им [университетам] известную опору и устойчивость для продолжения непрерывной энергичной научной работы. Но для этого есть всего один путь, а не несколько различных. Таким путем является восстановление нарушенных основ университетской жизни. В числе таких основ важнейшей можно считать автономию университетской корпорации» [3]. На волне революции 1905–1907 гг. (активное участие в которой принимало и академическое сообщество), правительство пошло на уступки, приняв Временные правила об управлении высшими учебными заведениями, которые вернули профессорским советам право избирать ректоров и координировать все направления университетской жизни. Однако эта мера не сняла напряженности в сфере взаимоотношений профессорской корпорации и государства, которое пыталось вернуть контроль над высшей школой. Так, волну недовольства в академическом сообществе вызвала практика административного назначения профессоров (монопольное право на избрание которых было закреплено за университетскими советами), которая использовалась в период пребывания на посту министра образования Л. А. Кассо (1911–1914 гг.).

Революционные события февраля 1917 г. открыли путь к либерально-демократическим трансформациям всех сфер общественной жизни, в том числе и высшего образования. При этом ведущие посты в Министерстве образования Временного правительства и созданной при нем комиссии по реформе высшей школы заняли представители

либерального крыла академической элиты (А. А. Мануйлов, В. И. Вернадский, С. Ф. Ольденбург, М. М. Новиков и др.), которые выступали за максимальное расширение академической свободы. Поэтому неудивительно, что в марте-октябре 1917 г. университетская автономия была кардинально расширена по сравнению с дореволюционным периодом. Уже в июне 1917 г. вышел циркуляр Министерства народного просвещения, согласно которому все подведомственные ему вузы исключались из сферы компетенции попечителей учебных округов и должны были подчиняться непосредственно министерству [4]. Одновременно были максимально расширены права университетских советов. Последним было предоставлено право самостоятельно решать практически все вопросы жизнедеятельности учебного заведения, в том числе, утверждать учебные планы и самостоятельно разрабатывать методику преподавания. При этом был существенно расширен перечень лиц, которые имели право участвовать в университетском самоуправлении. Кроме профессоров в факультетские собрания и университетские советы были допущены приват-доценты, ассистенты и лаборанты (с оговоркой, что в университетских советах младшие преподаватели имеют право только совещательного голоса) [5].

Университетская автономия сохранялась и в период национальных правительств УНР и Гетьманата П. Скоропадского. Более того, принцип автономности был распространен и на новые университеты, основанные в 1918 г. (украинские государственные университеты в Киеве и Каменец-Подольском, Екатеринославский приватный университет). В то же время, университетская автономия по-разному оценивалась представителями национального движения, некоторые из которых видели в ней препятствие для украинизации учебного процесса в дореволюционных университетах. В условиях, когда большинство академической элиты выступало против перехода на украинский язык преподавания, университетская автономия, действительно, ограничивала возможность национальных правительств влиять на учебный процесс. Так, на первом всеукраинском съезде представителей высших учебных заведений, который состоялся в мае 1918 г., профессор Одесского университета И. А. Линниченко прямо

заявлял, что вопрос о языке преподавания должен решаться самими автономными вузами, а не Министерством образования [6].

В таких условиях в радикальных кругах национального движения сформировался запрос на установление контроля над университетской жизнью и даже ликвидации дореволюционных университетов, которые рассматривались в качестве очагов реакции и украинофобии. Впервые данный вопрос был поставлен на повестку дня в августе 1917 г., когда на заседании Малой рады рассматривалось обращение коалиционного совета киевского студенчества, в котором подчеркивалась «невозможность оставлять далее киевские высшие школы неприкосновенными в их позициях, где они, забаррикадившись академической автономией, могли группировать... антиукраинскую контрреволюцию» [7, с. 70]. В то же время, члены Малой Рады не пришли к общему решению о политике по отношению к дореволюционным университетам. Если С. В. Петлюра призвал применить к Киевскому университету «революционные меры», то большинство участников заседания акцентировали внимание на необходимости осторожного отношения к данному вопросу. Среди них был и Генеральный секретарь народного образования И. М. Стешенко, который отметил, что «с взглядами реакционной группы мы должны считаться, поскольку это дело науки, а не политики» [8, с. 262–263]. Ситуация, характеризовавшаяся отсутствием четкой политики по отношению к автономии дореволюционных вузов, сохранялась на протяжении всего периода существования Центральной Рады. В своих воспоминаниях М. С. Грушевский отмечал: «Я думаю, что наша украинская власть так и не сумела бы провести украинизацию высшей школы. Слишком много было все-таки страха перед разными фетишами старого строя» [7, с. 70].

В дальнейшем вопрос относительно судьбы дореволюционных университетов был поставлен в период установления власти Директории УНР, который охарактеризовался наибольшей радикализацией национального движения. 27 декабря 1918 г. данный вопрос рассматривался на заседании Совета министров УНР. В ходе обсуждения были высказаны мнения относительно необходимости ограничить автономию высшей школы с целью нейтрализации влияния российской профессуры. В частности, предлагалось пересмотреть состав профес-

сорской коллегии, закрепить монопольное право избрания профессоров за Украинским научным товариществом и переименовать дореволюционные университеты [9, с. 124]. В то же время, данные планы не были реализованы как в силу разногласий в среде национальной интеллигенции, так и вследствие скорой потери Директорией контроля над большей частью территории Украины.

Наиболее радикальное отношение к университетской автономии было присуще для большевиков. В условиях формирования советской политической системы, для которой изначально был присущ целый ряд недемократических атрибутов (в том числе, склонность к однопартийности, единой официальной идеологии и централизации управления всеми сферами общественной жизни), широкая автономия высшей школы, которая, к тому же, была оппозиционна к советской идеологии, вызывала неприятие со стороны большевистского руководства. Так, В. И. Ленин характеризовал университетскую автономию как буржуазный пережиток, недопустимый в условиях диктатуры пролетариата [1, с. 109].

Вопрос относительно автономии высшей школы был одним из ключевых при обсуждении базовых принципов университетской реформы в РСФСР. В 1918 г. в советскую комиссию по реформе высшего образования поступило несколько проектов университетской реформы, среди которых выделялся достаточно компромиссный проект М. Н. Покровского, который, среди прочего, сохранял автономный статус университетов [11]. Однако на этапе обсуждения из него убрали пункт относительно университетской автономии, который был ключевым для академической элиты. На основании тезисов М. Н. Покровского комиссия по реформе высшей школы разработала проект «Положения о российских университетах», в котором управление вузами предполагалось осуществлять на основе коллегиального принципа, но с преобладанием неуниверситетских сил [1, с. 23].

Именно вопрос относительно университетской автономии стал ключевым на созванном 8 июля 1918 г. Всероссийском совещании деятелей высшей школы, которое, по замыслу советского руководства, должно было утвердить проект «Положения о российских университетах» и, таким образом, дополнительно легитимизировать

его в глазах вузовской общественности. Как отмечает В. И. Аврус, совещание прошло в острой полемике авторов проекта и их защитников с большинством представителей профессуры [1, с. 110]. По ряду положений проекта власть и академическая элита нашли компромисс. Так, были признаны принцип бесплатности высшего образования, необходимость демократизации социального состава студенчества, допустимость создания кафедр по изучению социализма. Однако по вопросу относительно университетской автономии позиция профессуры оставалась неизменной. Аналогичная ситуация наблюдалась и на втором съезде, который состоялся 4-8 сентября 1918 г. [11].

Второй съезд представителей высшей школы поставил точку в попытках советской власти найти компромисс с академической общественностью. Все последующие меры по реформированию высшей школы проводились без публичного обсуждения путем принятия декретов Совнаркома и постановлений Наркомата просвещения. Одним из важнейших решений в сфере реформирования системы высшего образования стало учреждение института правительственных комиссаров, которые обладали правом накладывать вето или приостанавливать решения ректора, совета и других органов университетского самоуправления [1, с. 111]. Данное решение, фактически, вводило административное управление высшей школой и, таким образом, ликвидировало университетскую автономию.

В Украине аналогичные меры были приняты в период второго установления власти большевиков. 11 марта 1919 г. было издано постановление Наркомата просвещения «Об организации управления высшими учебными заведениями», которое передавала ключевые полномочия в области управления вузом в руки назначаемого в административном порядке комиссара. Комиссар вуза, который назначался лично Народным комиссаром просвещения, имел право разрабатывать внутривузовские инструкции, следить за исполнением правительственных распоряжений и декретов, рассматривать и утверждать отчеты о научной и учебной работе, утверждать проекты вузовского бюджета. Должность ректора и проректора, согласно данному постановлению, подлежала ликвидации, тогда как работа вуза должна была четко разделяться на научную, учебную и просве-

тительскую. Для руководства этими направлениями создавались соответствующие советы. Также в структуру управления вузом входили хозяйственный комитет и факультетские советы. Новацией в системе управления высшей школой стало формирование в университетских центрах (Киеве, Харькове и Одессе) Советов комиссаров высших учебных заведений, которые были призваны осуществлять управление высшими школами в рамках определенного города [11, с. 428]. Создание данного органа, который выступал посредником между вузами и Наркоматом просвещения, стало дополнительным ударом по университетской автономии. В ноябре 1920 г. должность ректора (который делил полномочия с комиссаром) была восстановлена, однако государственный контроль над деятельностью высшей школы сохранялся и в дальнейшем.

Таким образом, в период 1917–1921 гг. проблема университетской автономии имела статус одного из ключевых вопросов реформирования высшей школы. При этом решение данного вопроса конкретными правительствами во многом определялось характером их взаимоотношений с академической корпорацией, которая настаивала на минимизации вмешательства государства в университетскую жизнь. Временное правительство, образовательную политику которого определяла либеральная профессура, вполне логично пошло по пути децентрализации, максимально расширив автономию высших учебных заведений. Попытки поставить под сомнение целесообразность существования университетской автономии в отношении дореволюционных высших учебных заведений предпринимались в период Центральной Рады и Директории, когда наметился конфликт между радикально настроенными представителями национального движения и частью академической элиты, идентифицировавшей себя с великорусской этнической группой. В то же время, ликвидация университетской автономии произошла лишь в период установления советской власти. Последнее объясняется как спецификой советской системы, для которой были изначально присущи тоталитарные тенденции, так и стремлением советского руководства отстранить от управления высшей школой академическую элиту, в большинстве своем оппозиционную к власти большевиков.

Список літератури

1. Аврус А. И. История российских университетов / А. И. Аврус. – М. : Московский общественный научный фонд, 2001. – 85 с.
2. Завальнюк О. М. Утворення і діяльність українських державних університетів : автореф. дис. ... докт. истор. наук: 07.00.01 / Завальнюк Олександр Михайлович. – Київ, 2011. – 37 с.
3. Вернадский В. И. Об основаниях университетской реформы / В. И. Вернадский // Ноосферные исследования. – 2013. – Вып. 2 (4). – С. 7-38.
4. Сизова А. Ю. Российское высшее образование при Временном правительстве: замысел и начало демократической реформы / А. Ю. Сизова // Вестник РГГУ. – 2009. – № 17. – С. 70-83.
5. Университетская и современная жизнь // Речь. – Петроград, 1917. – 25 июня.
6. Мельник Е. М. Проблема українізації вищої школи в Україні в добу Центральної Ради (березень-квітень 1918 р.) / Е. М. Мельник // Етнічна історія народів Європи : зб. наук. пр. – Київ, 2003. – Вип. 16. – С. 37-44.
7. Грушевський М. С. Зі споминів / М. С. Грушевський // ALMA MATER: Університет св. Володимира напередодні та в добу Української революції 1917-1920. Матеріали, документи, спогади: у 3 кн. / упоряд. В.А. Короткий, В.І. Ульяновський. – Київ: Прайм, 2001. – Кн.3. – С. 62-70.
8. Українська Центральна Рада : документи і матеріали. – Київ : Наукова думка, 1996. – Т. 1. – 589 с.
9. Директорія, Рада Народних Міністрів Української Народної Республіки : док. і матеріали. У 2-х томах, 3-х частинах. – Т. 1 / Упоряд.: В. Верстюк (керівник) та ін. – Київ : Видавництво імені Олени Теліги, 2006. – 687 с.
10. Лагно А.Р. Институт ректорства в Московском университете 1920-х – 1930-х гг. / А. Р. Лагно // Государственное управление. Электронный вестник. – 2011. – Вып. № 29.
11. Мазуренок М. В. Фонди ЦДАВО України як джерело дослідження діяльності Наркомосу УРСР / М. В. Мазуренок // Педагогічний дискурс. – 2013. – Вип. 15. – С. 427 – 431.

References

1. Avrus A. I. Istoriya rossiyskih universitetov [History of Russian Universities], Moscow, Moskovskiy obschestvennyiy nauchnyiy fond – Moscow Public Scientific Foundation, 2001, 85 p.
2. Zavalnyuk O. M. Utvorenniya i diyal'nist' ukraïns'kykh derzhavnykh

universytetiv [Formation and activity of Ukrainian state universities] : avtoref. dys... dokt. istor. nauk: 07.00.01, Kiev, 2011, 37 p.

3. Vernadskiy V. I. Ob osnovaniyah universitetskoy reformyi [On the basis of the university reform]. Noosfernyie issledovaniya – Noospheric studies, 2013, no. 2 (4), pp. 7-38.

4. Sizova A. Yu. Rossiyskoe vyisshее obrazovanie pri Vremennom pravitelstve: zamyisel i nachalo demokraticheskoy reformyi [Russian higher education under the Provisional Government: the plan and the beginning of a democratic reform], Vestnik RGGU, 2009, no 17, pp. 70-83.

5. Universitetskaya i sovremennaya zhizn [University and modern life]. Rech – Speech, Petrograd, 1917, 25 June.

6. Melnik E. M. Problema ukrayinizatsiyi vischoyi shkoli v Ukrayini v dobu Tsentralnoyi Radi (berezen-kvIten 1918 r.) [The Problem of Ukrainianization of Higher Education in Ukraine in the Central Council (March-April 1918)]. Etnichna Istoriya narodiv Evropi – Ethnic history of the peoples of Europe, Kiev, 2003, Vol. 16, pp. 37-44.

7. Grushevskiy M. S. Zi spominiv [From memories]. Korotkiy V. A., Ulyanovskiy V. I. (Eds.) ALMA MATER: Universitet sv. Volodimira naperedodni ta v dobu Ukrayinskoyi revolyutsiyi 1917–1920. Materiali, dokumenti, spogad [University of St. Volodymyr on the eve and in the day of the Ukrainian Revolution of 1917-1920. Materials, documents, memoirs], Kiev, Praym, 2001, P.3, pp. 62-70.

8. Ukrayinska Centralna Rada : dokumenti i materialy [Ukrainian Central Rada: documents and materials], Kiev, Naukova dumka – Scientific thought, 1996, P. 1, 589 p.

9. Direktoriya, Rada Narodnih Ministriv Ukrayinskoyi Narodnoyi Respubliki : dok i materialy [Directory, Council of People's Ministers of the Ukrainian People's Republic: documents and materials], P. 1, V. Verstyuk (Eds.), Kiev, Olena Teliga Publ., 2006, 687 p.

10. Lagno A.R. Institut rektorstva v Moskovskom universitete 1920-h – 1930-h gg. [Institute of Rectorship at the Moscow University of the 1920s – 1930s.]. Gosudarstvennoe upravlenie – Public administration, 2011, Vol. 29.

11. Mazurenok M. V. Fondi CDAVO Ukrayini yak dzherelo doslidzhennya diyalnosti Narkomosu URSR [Funds of the Central Executive Committee of Ukraine as a source of research on the activities of the People's Commissariat of the Ukrainian SSR]. Pedagogichniy diskurs – Pedagogical discourse, 2013, Vol. 15, pp. 427–431.

P. Basse, I. Anufriieva

SPECIAL FEATURES OF THE AFFECTIVE METHODS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING BY

The object of this research is to study the educational system in France, its structure, uptodating under modern conditions. The characteristic features of the above structure have been distinguished and described in the article. The special attention has been paid to the development of inclusive education trends relating to children with special needs and groups of influence in educational institutions in France. In addition, the linguistic competences of native speakers teaching has been considered in the context of cooperation with the lecturer Pierre Basset (Normandy, Colville).

Key words: education, inclusive groups, native speaker, groups of influence.

Бассэ П., Ануфриева И. Л. Особенности эффективной методики преподавания иностранного языка его носителями (на примере французского языка)

Объектом исследования в данной статье является изучение системы образования во Франции и его структуры, модернизация в условиях современности, выделены и описаны характерные особенности вышеназванной структуры. Особое внимание уделено тенденциям развития инклюзивного образования детей с ограниченными возможностями и группам влияния в образовательных учреждениях Франции. Также в статье рассмотрены лингвистические компетентности преподавания его носителями на примере сотрудничества с преподавателем Пьером Бассэ (Нормандия, г. Кольвилль).

Ключевые слова: образование, инклюзивные группы, носитель языка, группы влияния.

Басе П., Ануфрієва І. Л. Особливості ефективної методики викладання іноземної мови його носіями (на прикладі французької мови)

Об'єктом дослідження в даній статті є вивчення системи освіти у Франції та його структури, модернізація в умовах сучасності, виділені і описані характерні особливості вищеназваної структури. Особливу увагу приділено тенденціям розвитку інклюзивної освіти дітей з обмеженими можливостями

та груп впливу в освітніх установах Франції. Також в статті розглянуті лінгвістичні компетентності викладання його носіями на прикладі співпраці з викладачем П'єром Бассе (Нормандія, м. Кольвілль).

Ключові слова: освіта, інклюзивні групи, носій мови, групи впливу.

MES INTERVENTIONS AUPRÈS DES ÉTUDIANTS FRANCOPHILES

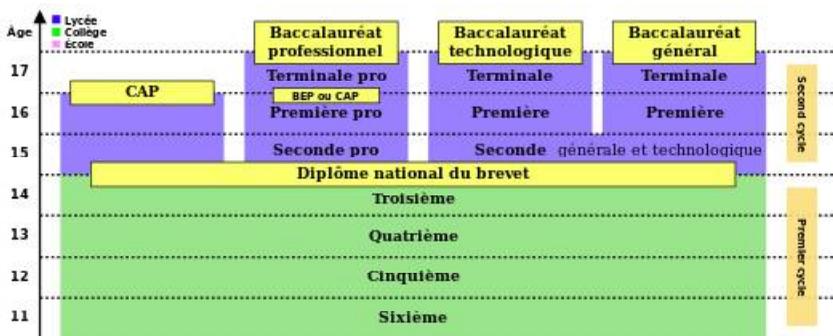
En France, l'organisation et la gestion de l'enseignement sont confiées au ministère chargé de l'Éducation nationale, de l'Enseignement supérieur et de la Recherche. Il a la responsabilité de l'organisation et de l'administration de l'ensemble du système éducatif, et ce, de l'école maternelle à l'enseignement supérieur.

Enseignement primaire:	Maternelle 3 à 5 ans	Petite section Moyenne section Grande section	Directrice ou directeur chargé de classe	A la charge de la commune
	Elémentaire 6 à 10 ans	Cours préparatoire Cours élémentaire 1 ^{ère} année Cours élémentaire 2 ^{ème} année Cours moyen 1 ^{ère} année Cours moyen 2 ^{ème} année	Directrice ou directeur souvent chargé de classe	A la charge de la commune
Enseignement secondaire:	Collège 11 à 14 ans	6 ^{ème} 5 ^{ème} 4 ^{ème} 3 ^{ème} Brevet national des collèges	Principal de collège	A la charge du département
	Lycée 15 à 18 ans Enseignement général Enseignement technologique Enseignement professionnel	Seconde 1 ^{ère} Terminale Baccalauréat	Proviseur	A la charge de la région
Enseignement supérieur:	Université	Licence 3 ans Master 2 ans Doctorat 3 ans		A la charge de l'état et de la région.
	Grandes écoles			

Après les lois de décentralisation de 1980, L'État a conservé les compétences liées à l'enseignement (programmes, calendrier scolaire, recrutement et paye des enseignants...) et délégué les fonctions matérielles (bâtiments, cantine, transport scolaire...)

- les **communes** sont chargées des écoles maternelles et primaires ;
- les **départements** des collèges ;
- les **régions** des lycées et de l'enseignement professionnel.

L'enseignement secondaire

Représentation des parents le Conseil d'école, les parents élisent en début d'année scolaire, un parent par classe. Le conseil d'école est composé des enseignants, des parents élus et de représentants de la municipalité. Il se réunit chaque trimestre pour discuter de la vie de l'école (horaires, sorties éducatives, manifestations diverses). Le conseil d'école est souvent un appui pour négocier des améliorations avec la municipalité.

La carte scolaire.

Les parents doivent inscrire leurs enfants dans le secteur géographique retenu par la municipalité.

Parfois, des enfants d'une même rue sont dirigés vers des écoles différentes.

Comment choisir son école?

Comment choisir un lycée?

L'enseignement privé. (20 pour cent des élèves).

Il est facile de créer une école privée en France. Les écoles privées passent la plupart du temps un contrat avec l'Etat. L'école s'engage à respecter les programmes et les valeurs de l'Education Nationale, les enseignants sont alors rémunérés par l'Etat.

Souvent confessionnelles, elles sont payantes, ce qui fait une discrimination au niveau de l'accès.

De tradition catholique, notre pays possède de nombreuses écoles catholiques, maintenant, il existe des écoles musulmanes.

D'autres écoles privées sont hors contrat, elles doivent financer totalement les dépenses de l'école.

Le handicap

- La scolarisation en milieu ordinaire, avec ou sans aménagement (matériel, auxiliaire de vie scolaire).

- La scolarisation dans un dispositif d'intégration collective au collège : l'ULIS (Unité Localisée pour l'Inclusion Scolaire). Celle-ci fonctionne comme une CLIS au collège. Des ULIS en lycée professionnel commencent à voir le jour.

- La scolarisation au sein d'un établissement spécialisé (de type IME, ITEP) permettant une prise en charge globale. Dans ces établissements, une pré-professionnalisation peut avoir lieu.

Le redoublement

Le redoublement se raréfie, si bien que dans les études du second degré et dans celles qui les précèdent, on constate une baisse du pourcentage de redoublants. Effectivement, en 2015, un décret stipule l'interdiction de redoublement en maternelle mais l'autorise pour l'école élémentaire, collège et lycée, dans de cas extrêmes, c'est-à-dire une impossibilité totale de se rendre à l'école. Pour le premier cycle du second degré, le nombre de redoublant est passé de 181 000 à 70 000 entre 2005 et 2013, parallèlement, le nombre de redoublants en classe de seconde est passé de 15% à 8% durant la même période.

L'échec scolaire

Un grand nombre d'enfants (4 sur 10) quittent l'enseignement primaire sans avoir acquis les bases nécessaires (lire , écrire , compter.)

Le collège unique ne répond pas ensuite aux attentes. Les élèves en

échec ne peuvent suivre et les excellents élèves s'ennuient, ce qui entraîne des problèmes de discipline.

Un grand nombre d'étudiants échouent à l'université, les enfants des classes sociales aisées ont plus de chances de réussir.

Le taux de réussite des élèves français a beaucoup baissé. Le niveau d'exigence également.

L'ascenseur social est en panne. Pourquoi?

La formation des enseignants?

Ils sont recrutés après le master mais ne sont pas bien formés à la pédagogie.

La place sociale des enseignants a régressé. Il n'est plus valorisé dans la société.

A niveau universitaire égal, le salaire est plus modeste.

Plus assez de candidats aux concours de l'enseignement, on fait appel à des intérimaires recrutés par pôle emploi.

Le budget consacré à l'éducation nationale reste important mais il régresse en pourcentage.

La politique scolaire manque d'ambition?

Depuis 6 ans, je rencontre assez régulièrement, des étudiants de l'Académie Populaire de Kharkov, qui étudient le français. Ces rencontres me permettent de compléter mon expérience d'enseignant puisque j'ai exercé cette profession pendant une quarantaine d'années auprès d'enfants de l'école élémentaire.

Mon rôle est très modeste car les enseignants en français de l'Académie sont de très bon niveau et leur niveau de français très proche de celui des locuteurs natifs.

Je n'apporte un plus qu'à travers de ma culture, de la connaissance de ma région d'origine; avec un accent particulier, un vocabulaire particulier.

Voici quelques objectifs que je me fixe pendant mes interventions.

Faire mettre en application les acquis grammaticaux

Je n'enseigne pas les particularités grammaticales du français, je les utilise, je les précise de temps en temps, en fonction de la demande des apprenants et des circonstances du discours.

Faire écouter

Des locuteurs natifs

Des chanteurs français , des chanteurs actuels et des chanteurs des années 1950 à 1980. Les étudiants connaissent de nombreux chanteurs français, j'essaie de leur faire connaître certains nouveaux artistes ou des chanteurs plus anciens.

On ne se contente pas d'écouter, on étudie la construction, le texte de ces chansons et on s'arrête aux textes poétiques mis en musique.

Faire parler les étudiants par

La lecture d'extraits de romans

Faire écrire

Des lettres diverses

Des poèmes

Faire découvrir par divers exposés

Le système scolaire français

La géographie de la France

L'histoire de France

La gastronomie.

Faire découvrir la Normandie

Grâce à ces rencontres régulières et grâce à la volonté de la municipalité, des liens d'amitiés se sont créés et nous avons pu organiser des échanges entre les étudiants et le village de Colleville sur Mer. Ce lieu est chargé d'histoire puisqu'il est situé sur les plages du débarquement du 6 juin 1944.

Certains étudiants ont participé à des cérémonies commémoratives. L'accueil dans les familles du village a été très apprécié par les habitants.

Le contact a toujours été de grande qualité.

Ces contacts directs permettent une découverte de la façon de vivre dans cette région rurale.

Les séjours des étudiants ont également permis une découverte géographique , historique de la Normandie .

Le Mont Saint Michel n'a plus de secrets pour ces étudiants.

Comment évaluer les résultats de mes interventions et des échanges ?

Il n'est pas question, bien sûr, de noter les acquis. Les professeurs de langue font cela très bien .

Je peux seulement constater l'enthousiasme des étudiants pendant ces temps de rencontres. Une étudiante très impliquée il y a quelques années,

a terminé des études dans une université parisienne. Elle travaille maintenant à Paris. Elle a gardé des contacts positifs avec des habitants de Colleville. Lors du dernier séjour en octobre 2017, j'ai eu le plaisir d'entendre des étudiants réinvestir des notions que nous avons abordées ensemble, il y a trois ans. L'évaluation la plus agréable pour moi est l'accueil que me réservent les étudiants et l'attention qu'ils portent à mes interventions.

References

1. Website about the education system in France. Available at: <http://www.education.gouv.fr/pid13/plan-dusite.html> (accessed at 10.01.2018).
2. Kananykina E. S. Sistema frantsuzskogo vysshego obrazovaniya [French Higher Education System]. Administrativnoye pravo i praktika administrirovaniya – Administrative Law and Administrative Practice, 2013, no. 8, pp. 57-81.
3. Sistema vysshego obrazovaniya vo Frantsii [The system of higher education in France], Problemy sovremennogo obrazovaniya – Problems of modern education, 2011, no. 4, available at: www.pmedu.ru.

А. Б. Артеменко

ІНТЕГРАЦІЯ ВІЙСЬКОВОСЛУЖБОВЦІВ З ІНВАЛІДНІСТЮ ПІСЛЯ ПОВЕРНЕННЯ ІЗ ЗОНИ БОЙОВИХ ДІЙ В ОСВІТНЄ СЕРЕДОВИЩЕ ВИЩОГО НАВЧАЛЬНОГО ЗАКЛАДУ

У статті розкрито теоретико-методологічний потенціал поняття «інтеграція», стосовно військовослужбовців з інвалідністю до освітнього середовища вищого навчального закладу. Висвітлені основні проблеми інтеграції та соціалізації учасників бойових дій з інвалідністю, які повертаються до цивільного життя, шляхи вирішення ризиків для подальшої швидкої та безболісної інтеграції військовослужбовців. Висвітлено що інтеграція та супутня їй адаптація являються одним із центральних фактів, явищ в житті і розвитку суспільства і об'єктом вивчення різних галузей знання.

Ключові слова: інтеграція, соціалізація, адаптація, особа з обмеженими можливостями, учасники бойових дій.

Артеменко А. Б. Интеграция военнослужащих с инвалидностью после возвращения из зоны боевых действий в образовательную среду высшего учебного заведения

В статье раскрыто теоретико-методологический потенциал понятия «интеграция», относительно военнослужащих с инвалидностью к образовательной среде высшего учебного заведения. Отражены основные проблемы интеграции и социализации участников боевых действий с инвалидностью, которые возвращаются к гражданской жизни, пути решения рисков для дальнейшей скорой и безболезненной интеграции военнослужащих. Отражено что интеграция и сопутствующая ей адаптация являются одним из центральных фактов, явлений в жизни и развитии общества и объектом изучения разных отраслей знания.

Ключевые слова: интеграция, социализация, адаптация, лицо с ограниченными возможностями, участники боевых действий.

Artemenko A. Integration of servicemen with disability after a return from the zone of battle actions in the educational environment of higher educational establishment

In the article theoretical and methodological potential of concept “is exposed

integration”, in relation to servicemen with disability to the educational environment of higher educational establishment. The basic problems of integration and socialization of participants of battle actions with disability, that go back to civil life, way of decision of risks for a further ambulance and painless integration of servicemen, are reflected. It is reflected that integration and concomitant to her adaptation are one of central facts, phenomena in life and development of society and by the object of study of different industries of knowledge.

It is described that the problem of integration of servicemen with disabilities into peaceful life is a challenge to the Ukrainian civil society and the state, which proved to be largely unprepared to ensure the successful social integration of servicemen, including in the educational environment. It is determined that under current conditions the organizational principles of the educational process in a higher educational institution are oriented towards students who are developing normally, without taking into account the peculiarities of the mental state of servicemen with disabilities after returning from the zone of combat operations. It is disclosed that education as a social institution is responsible for timely and adequate training of people, including servicemen, for the full functioning of society. The education system is not the only, but extremely important factor in the socialization of combatants with disabilities.

Key words: integration, socialization, adaptation, person with limit possibilities, participants of battle actions.

Актуальність теми визначається потужним процесом інтеграції учасників бойових дій з інвалідністю до освітнього процесу шляхом адаптації та соціалізації. Проблема інтеграції військовослужбовців з інвалідністю до мирного життя – це виклик перед українським громадянським суспільством та державою, які виявились в значній мірі неготовими належним чином забезпечити успішну соціальну інтеграцію військовослужбовців в тому числі й в освітнє середовище. Створення оптимальних умов успішної інтеграції військовослужбовців з інвалідністю в освітнє середовище вищого навчального закладу, відноситься до числа важливих соціальних завдань. Актуальність дослідження посилюється у зв'язку з потребою отримання цими особами освіти після демобілізації, необхідністю постійного оновлення знань і технологій, що дозволить їм успішно адаптуватися та самореалізуватися у суспільстві.

Проблемі надання освітніх послуг у вищих навчальних закладах особам з обмеженими функціональними можливостями в умовах навчального закладу присвячено праці багатьох вітчизняних і зарубіжних учених.

Так, проблема інтеграції осіб з обмеженими функціональними можливостями засобами освіти та можливості доступу їх до освіти, зокрема числі вищої, досліджувалися у працях Ф. Амстронга, Г. Беккера, Дж. Девіса, В. Ільїна, Х. Кербо, А. Колупасової, Є. Мартинова, В. Синьова, П. Таланчука, Є. Тарасенка, Н. Шаповала, О. Ярської-Смірнкової та ін. Такі вчені, як В. П. Андрущенко, В. І. Астахова, В. С. Бакіров, М. Б. Євтух, В. Г. Кремінь та ін. розглядають соціалізації та адаптації осіб з особливими потребами. В якості найважливішого фактору соціалізації та адаптації осіб з особливими потребами розглядають освіту І. Ветрова, М. С. Гончаренко, Є. А. Подольська, П. М., Таланчук, О. М. Фудорова та ін. Проте, за рамками наукового аналізу залишаються проблеми інтеграції військовослужбовців з інвалідністю саме після повернення із зони бойових дій в освітнє середовище вищого навчального закладу.

Метою даної статті є визначити сутність інтеграції військовослужбовців з інвалідністю до освітнього середовища вищого навчального закладу.

На даний час наше суспільство переживає непрості процеси, що пов'язано з євроінтеграцією і потребує проведення відповідних реформ у різних сферах в тому числі і освіті. Це значно ускладнено умовами воєнного конфлікту, який вносить корективи в наше життя, породжуючи нові поняття та їх назви. Навіть освітній простір країни, покликаний збагачувати громадян новими знаннями, готувати їх до життя, в умовах сьогодення набуває додаткових характеристик.

Освіта як соціальний інститут відповідає за своєчасну та адекватну підготовку людей, в тому числі і військовослужбовців до повноцінного функціонування в суспільстві. Система освіти не єдиний, але надзвичайно важливий чинник соціалізації учасників бойових дій з інвалідністю.

Доступність отримання вищої освіти для учасників бойових дій з інвалідністю є важливою соціальною проблемою.

Безболісна та швидка інтеграція військовослужбовців з інвалідністю у суспільство можлива завдяки їхньому становленню та розвитку в інститутах соціалізації, зокрема під час навчання у вищих навчальних закладах.

Інтеграцію, або «включення», учасників бойових дій до освітнього середовища вищого навчального закладу розглядатимемо в контексті процесу соціалізації. Ця позиція ґрунтується на визнанні того, що освітнє середовище є частиною соціального, процес входження до якого позначається поняттям «соціалізація» та відбиває всю його складність.

Проблему соціалізації вивчає багато наук, зокрема соціологія, філософія, педагогіка та ін. У зв'язку з цим різноманітність методологічних підходів до вивчення зазначеного поняття призвела до появи неоднозначності в його трактуванні.

Мартинюк та співавтори подають найбільш поширені визначення, за якими соціалізація – це: [4, с. 6]

- розвиток людини як соціальної істоти, становлення її як особистості;
- процес входження індивіда в суспільство через різні спільноти, колективи, групи, завдяки засвоєнню норм, цінностей, ідеалів за допомогою виховання;
- процеси, завдяки яким люди навчаються жити сумісно й ефективно взаємодіяти один з одним, а також якості, яких людина набуває сьогодні.

Т. Б. Буяльською й співавторами розроблено теоретичну модель адаптації студентів в умовах вищих навчальних закладів, яка ґрунтується на врахуванні зовнішніх і внутрішніх видів адаптації. [2, с. 58]

Зовнішня включає професійну й соціальну, внутрішня – біологічну та соціальну адаптації. Цю систему автори визначають як «соціально-психологічну адаптацію» й включають до зазначених видів такі складники, як:

- професійний (профорієнтаційна адаптація; адаптація до умов навчального процесу);
- соціальний (призвичаювання студента до групи, усього студентського колективу; прийняття нормативно – правових норм вищого

навчального закладу; засвоєння наукових та культурних традицій вищого навчального закладу; збагачення власного духовного досвіду новими формами моральної й культурної практики);

– біологічний (адаптація організму до нових умов (кліматичних, санітарних, побутових), режиму праці, сну, фізичних і нервових навантажень; режим та якість харчування).

Якісне навчання військовослужбовців з інвалідністю потребує створення необхідних умов. Одним з найважливіших аспектів забезпечення успішної діяльності учасників бойових дій з інвалідністю є вивчення питання пошуків шляхів вирішення їх успішної адаптації до умов навчального процесу.

В сучасних умовах організаційні засади освітнього процесу у вищому навчальному закладі орієнтовані на студентів, які нормально розвиваються, без урахування особливостей психічного стану військовослужбовців з інвалідністю після повернення із зони бойових дій [5, с. 180].

Недостатня відповідність форм і методів навчального процесу на таких студентів може створювати передумови для формування в них негативного ставлення до навчання та негативного відношення до навколишнього середовища.

Під інтеграцією розуміється залучення учасників бойових дій з інвалідністю в суспільство як повноправних його членів, залучення до всіх сфер життєдіяльності для успішної адаптації не тільки до освітнього процесу але й до адаптації в суспільстві [3, с. 28].

Підводячи підсумок, можна зазначити, що сутність інтеграції військовослужбовців з інвалідністю до освітнього середовища вищого навчального закладу розкрито за допомогою соціалізації. Провідником цього процесу виступає адаптація, яка найінтенсивніше розгортається саме на початку навчального процесу та протягом першого року навчання.

Військовослужбовці з інвалідністю які повернулися після зони бойових дій – це невід’ємна частина нашого суспільства, тому вони мають право отримати якісну освіту, яка в подальшому надасть змогу реалізуватися у суспільстві.

Список літератури

1. Бартків О. С. Теоретичні аспекти інтеграції студентів з обмеженими можливостями у навчально-виховному середовищі навчального закладу / О. С. Бартків, О. Л. Дурманенко // Соціально-психологічні проблеми тифлопедагогіки : зб. наук. пр. – Київ : НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2012. – Вип. 7 (15). – С. 13–20
2. Буяльська Т. Б. Робота кураторів академічних груп у вищому навчальному закладі : метод. посіб. // Т. Б. Буяльська, М. Д. Прищак, Л. А. Мацко. – Вінниця : ВНТУ, 2010. – 154 с.
3. Іванюк І. Я. Адаптація студентів з обмеженими можливостями в умовах інтегрованого навчання / І. Я. Іванюк // Актуальні проблеми навчання та виховання людей з особливими проблемами : зб. наукових праць. – Київ : Університет «Україна», 2009. – №6 (8). – С.24–32
4. Мартинюк І. А. Основи соціалізації особистості в схемах, тезах і таблицях : навч. посіб. [для студ. вищ. навч. закл.] / І. А. Мартинюк, Л. М. Омельченко. – Київ : АграрМедіаГруп, 2012. – 404 с.
5. Плахова Е. Н. Услови́я интеграции людей с особыми потребностями в сферу высшего образования / Е. Н. Плахова // Вісник Харківського національного університету. Серія: Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи. – 2010. – Вип. 26. – С. 180–184.

References

1. Bartkiv O. S. Teoretichni aspekti integracii studentiv z обмеjenimi mojlivostyami u navchalno-vihovnomu seredovitshi navchalnogo zakladu [Theoretical Aspects of Integration of Students with Disabilities in the Educational Institution of Educational Institutions], Socialno-psihologichni problemi tiflopedagogiki – Socio-psychological problems of tiflopedagogics, Kiev, NPU im. M. P. Dragomanova, 2012, Vol. 7 (15). – pp. 13–20.
2. Buyalska T. B., Pritshak M. D., Macko L. A. Robota kuratoriv akademichnih grup u vitshomu navchal'nomu zakladi [The work of curators of academic groups in higher educational institutions], Vinnitsa, VNTU, 2010, 154 p.
3. Ivanyuk I. YA. Adaptaciya studentiv z обмеjenimi mojlivostyami v umovah integrovanogo navchannya [Adapting students with disabilities in an integrated learning environment]. Aktualni problemi navchannya ta vihovannya lyudei z osoblivimi problemami – Actual problems of training and education of people with special problems, Kiev, Universitety «Ukraine», 2009, no. 6 (8), pp. 24–32.
4. Martinyuk I. A., Omelchenko L. M. Osнови socializacii osobistosti v shemah,

tezah i tablicyah [Basics of socialization of personality in schemes, theses and tables], Kiev, AgrarMediaGrup, 2012, 404 p.

5. Plahova E. N. Usloviya integracii lyudei s osobymi potrebnostyami v sferu vyswego obrazovaniya [Conditions for the Integration of People with Special Needs into Higher Education], Visnik Harkivs'kogo nacional'nogo universitetu. Seriya: Sociologichni doslidjennya suchasnogo suspil'stva: metodologiya, teoriya, metodi – Bulletin of Kharkiv National University. Series: Sociological researches of modern society: methodology, theory, methods, 2010, Vol. 26, pp. 180–184.

О. А. Назаркін

ПРОЕКТНО-КОНСТРУКТОРСЬКА КОМПЕТЕНТНІСТЬ МАЙБУТНІХ ІНЖЕНЕРІВ: СТРУКТУРА І ПРОБЛЕМИ ФОРМУВАННЯ

Розкрито сутність проектно-конструкторської компетентності й надано характеристику її основних компонентів. Визначено умови запровадження компетентнісного підходу при підготовці інженерів. Виявлено специфіку інженерної освіти. Виявлено сенс та основні принципи, предмет і центральну проблему освітніх технологій. Визначеність цілей дозволяє перейти до суворой технології навчально-виховного процесу. Обґрунтовано, що спосіб постановки цілей, який передбачає освітня технологія, відрізняється підвищеною інструментальністю, оскільки цілі навчання формулюються через його результати, що знайшли своє виявлення у діях учнів.

Підкреслено зв'язок освітньої технології з загальною методологією, цілями і змістом навчального процесу. Технологія розглядається як засіб реалізації певної освітньої парадигми, як концентрований вираз колективної майстерності. Виділено основні ознаки освітніх технологій: діагностичне цілеутворення і результативність, економічність, коректованість. Виділено загальні принципи освітніх технологій, описані правила технології викладання, охарактеризовані різні види освітніх технологій.

Виявлено відмінності сучасного підходу до освіти в Україні. Описано нові вимоги до підготовки кадрів. Сучасні університети розглядаються як носії європейської свідомості. Визначено місце та роль вищого навчального закладу в системі «інститут – студент – роботодавець». Виявлено ризики некритичного прийняття ринкової ідеології, розуміння освіти як послуги, а не як соціальної місії. Запропоновано освітні механізми створення умов для творчої самореалізації кожного громадянина України. На основі виділення основних тенденцій у сфері освіти описується сучасна освітня парадигма і напрями модернізації освіти у Харківському регіоні.

Ключові слова: інженер, інженерна освіта, компетентнісний підхід, проектно-конструкторська компетентність, функція освіти.

***Назаркин А. А. Проектно-конструкторская компетентность
будущих инженеров: структура и проблемы формирования***

Раскрыта сущность проектно-конструкторской компетентности и дана

характеристика ее основных компонентов. Определены условия внедрения компетентностного подхода при подготовке инженеров. Выявлена специфика инженерного образования. Выявлен смысл и основные принципы, предмет и центральная проблема образовательных технологий. Определённость целей позволяет перейти к строгой технологии учебно-воспитательного процесса. Обосновано, что способ постановки целей, который предлагает образовательная технология, отличается повышенной инструментальностью, поскольку цели обучения формулируются через его результаты, выраженные в действиях учащихся. Подчеркнута связь образовательной технологии с общей методологией, целями и содержанием учебного процесса. Технология рассматривается как средство реализации определенной образовательной парадигмы, как концентрированное выражение коллективного мастерства. Выделены основные признаки образовательных технологий: диагностичное целеобразование и результативность, экономичность, корректируемость. Выделены общие принципы образовательных технологий, описаны правила технологии преподавания. Дана характеристика различных видов образовательных технологий. Выявлены отличия современного подхода к образованию в Украине. Описаны новые требования к подготовке кадров. Современные университеты рассматриваются как носители европейского сознания. Определено место и роль высшего учебного заведения в системе «институт – студент – работодатель». Выявлены риски некритического принятия рыночной идеологии, понимания образования как услуги, а не как социальной миссии. Предложены образовательные механизмы создания условий для творческой самореализации каждого гражданина Украины. На основе выделения основных тенденций в сфере образования описывается современная образовательная парадигма и направления модернизации образования в Харьковском регионе.

Ключевые слова: *инженер*, инженерное образование, компетентностный подход, проектно-конструкторская компетентность, функция образования.

Nazarkin O. Future engineers' project and design competence: problems of structure and formation

The essence of the project and design competence has been revealed, its main components are characterized. Conditions of introducing a competence-based approach in training engineers have been determined. Specific features of training engineers are described. The essence, main principles and the central of problem of educational technologies are explicated. Defining goals leads to the introduction of a strict educational technology. It has been proved that the goal-

setting technology is characterized by a higher instrumental capacity, as educational aims are formulated through its results manifested in learners' activities. A connection of an educational technology with general methodology, aims and content of the teaching process is also underlined. Educational technology is regarded as a means of realizing a certain educational paradigm, a concentrated manifestation of collective mastery. The main principles of educational technologies, such as diagnostic goal formation and result orientation, efficiency, possibility of correction, i.e. operative feedback, consistently oriented at clearly defined goals are considered. It is proved that due to those characteristics, an educational technology is perceived as both a complex of activities and a mechanism of involving a personality into activities. Distinctions of modern approach to education in Ukraine are revealed. New requirements to training are described. Modern universities are considered as carriers of the European consciousness. The place and role of a higher educational institution in «university – student – employer» system is defined. Risks of noncritical acceptance of market ideology, understanding of education as a service rather than a social mission are revealed. The educational mechanisms of creation of conditions for self-realization of every citizen of Ukraine. Modern educational paradigm and directions for modernization of education in Kharkov Region are described on the basis of the outlined main tendencies in the educational sphere.

Key words: engineer, engineering education, competence-based approach, project and design competence, function of education.

Недостатня ефективність вітчизняної освіти обумовлюється наразі багатьма факторами, серед яких: слабка компетентісна спрямованість освіти; проблеми невідповідності змісту освіти принципам орієнтації на майбутню професію і потребам ринку праці; перевантаженість навчальних програм фактичним матеріалом; відсутність вибору програм; низька якість підручників; неефективність впровадження освітніх інновацій; низька мотивуюча і мобілізуюча роль методів викладання, які застосовуються в українських вищих навчальних закладах [2; 3]. У зв'язку з цим зростає актуальність проблеми модернізації професійно-технічної освіти, оскільки саме в цій сфері діяльності можливо виховувати майбутніх фахівців у дусі пріоритету інноваційного аспекту розвитку, де може здійснюватися трансформація суспільних цінностей у напрямі пріоритетності творчої роботи.

Віддаючи належне науковій і практичній значущості праць з проблем

формування професійної культури майбутнього фахівця (І. Зязюна, В. Кременя, О. Коваленко, М. Лазарева, І. Мачуліної, Є. Подольської та ін.), слід зазначити відсутність виявлення специфіки інженерної освіти і висерпного аналізу формування професійної компетентності інженера.

Мета статті – визначення умов запровадження компетентнісного підходу у підготовці інженерних кадрів.

Головним критерієм оцінки функціонування системи освіти є затребуваність випускників ринком праці та їх висока конкурентоспроможність при оцінюванні рівня кваліфікації роботодавцями. Поняттям, що підкреслює єдність теоретичних знань і практичної діяльності на ринку праці і дозволяє адекватно і зрозуміло описувати результати освіти, виступає «компетентність». Компетентнісний підхід в освіті являє собою приведення її у відповідність з новими умовами і перспективами – це виникнення стратегічної установки освіти на адекватність, на здатність застосовувати набуті знання для реконструювання тих умов і об'єктів, які створюють напруженість у соціальній системі.

Поняття «компетентність» виявляється значне ширшим за поняття «знання», «уміння», навички», оскільки охоплює ще й такі властивості особистості, як спрямованість (мотивація, ціннісні орієнтації); здатність долати стереотипи, відчувати проблеми; проникливість, гнучкість мислення; характер (самостійність, цілеспрямованість вольові якості) та ін. [4].

У сучасних умовах вищій навчальний заклад може закріпити своє положення в системі «інститут – студент – роботодавець» лише за рахунок виявлення реальних складових попиту потенційних споживачів-роботодавців, щодо підготовки конкурентоспроможних на ринку праці спеціалістів. У ході опитування 500 роботодавців Харківського регіону в 2010 році було виявлено, що найбільш значущою компетенцією з 12, що були запропоновані, 85,5% респондентів вважають здатність випускника знаходити необхідну і достатню інформацію. Здатність випускника раціонально розподіляти власні зусилля для самостійного вирішення конкретних завдань важливою і дуже важливою вважає 80,7% респондентів. Експерти відзначають слабку компетентнісну спрямованість професійно-технічної освіти, а також невідповідність змісту освіти засадам орієнтації на майбутню професію та потребам ринку праці. Навчальні програми перевантажені

фактичним матеріалом. Відсутній вибір програм, низька якість підручників, неефективно відбуваються процеси освітніх інновацій, потребують вдосконалення методи викладання [1, с. 49–50].

Інженерна діяльність тісно пов'язана з технікою і технологією, розробкою і безпосереднім створенням технічних систем, їх функціонуванням і керуванням. Винятковою функцією інженера є інтелектуальне забезпечення процесу створення техніки, на основі застосування наукових знань у технічній практиці. На цій підставі, по-перше, спеціальна інженерна освіта визначається як сутнісна характеристика інженерної діяльності і, по-друге, пред'являються високі вимоги до інженерної освіти, у тому числі й у частині формування проектно-конструкторської компетентності у процесі навчання у вищому навчальному закладі.

Загальноосвітні програми передбачають готовність випускників до професійної діяльності відповідно до рівня набутих компетенцій. Згідно з класифікацією кваліфікацій інженерної діяльності, від інженера потрібна готовність до ведення комплексної інженерної діяльності, проектування і розв'язування складних інженерних завдань, тому проектно-конструкторська компетентність покликана стати необхідним компонентом результату навчання професії.

Інженерна освіта, що реалізує компетентнісний підхід, передбачає таку організацію структури і усього навчального процесу, які націлені на кінцевий результат – якість діяльності випускників, що вимірюється у компетенціях. Проектно-конструкторська компетенція майбутнього інженера – одна зі складових у структурі діяльності фахівця, де закладається здатність до професійної діяльності, спрямованої на формування інженерного мислення. Саме такою діяльністю і є інженерне проектування.

Реалізація інженерного проектування у вищому навчальному закладі наближає студента до реальної професійної діяльності, робить знання активними, учить не тільки використовувати наявні, але й шукати необхідні для вирішення завдання знання.

Проектно-конструкторська компетентність розуміється нами як особистісна, інтегративна, сформована характеристика здатності та готовності випускника (фахівця), що проявляється у проектуванні,

на основі володіння спеціальними проектно-конструкторськими знаннями і уміннями, використання сучасних технологій і засобів проектування, обґрунтованого вибору і оптимізації у випадку багатоміжваріантності рішень; врахування швидкої зміни технологій. Діяльна структура проектно-конструкторської компетентності визначається як єдність компонентів: мотиваційно-ціннісного, когнітивного, діяльнісного і рефлексивно-оціночного [4].

1) *мотиваційно-ціннісного компонента*, що проявляється у позитивному відношенні до проектування і конструювання у професійній діяльності, на основі чого надалі формується стійкий інтерес до проектування і конструювання у професійній галузі, а також відбувається формування загальних професійних компетенцій;

2) *когнітивного компонента* заснований на знанні теоретичних основ побудови зображень просторових форм на площини, придбанні умінь і навичок, необхідних для професійного виконання проектно-конструкторської діяльності;

3) *діяльнісного компонента*, що заснований на комплексі навичок організації проектно-конструкторської діяльності, що включає способи проектно-діяльності, спеціальні конструкторські вміння, що відбиває можливість інженера в створенні нових систем і технологій;

4) *рефлексивно-оціночного компонента*, що включає самоаналіз і самооцінку інженером своєї проектно-конструкторської діяльності та її результатів, дозволяє осмислити і оцінити ступінь реалізації бажаних цілей проектно-конструкторської діяльності, спрямованої на розкриття професійно-значимих знань, умінь і навичок.

Реалізацією проектно-конструкторської компетентності через перераховані компоненти діяльності стає не передача інформації, а розвиток здібностей у студентів компетентно вирішувати проблеми і завдання, опановувати, інакше кажучи, цілісною професійною діяльністю. У зв'язку з цим досить продуктивним виявляється створення мережі експериментальних педагогічних майданчиків на базі професійно-технічних навчальних закладів за відповідними галузевими напрямками у рамках роботи з розробки і впровадження державних стандартів робітничих професій.

Доцільним вважається також розширення практики соціального

партнерства вищих навчальних закладів з роботодавцями, громадянами та їх об'єднаннями і залучення їх до процесу вироблення і прийняття рішень з проблем вищої освіти; оптимізація обсягів підготовки та перепідготовки кадрів з вищою освітою в контексті інноваційного розвитку національної економіки; надання державної підтримки для підготовки фахівців за напрямками, що стимулюють розвиток пріоритетних базових галузей економіки у форматі «наука – освіта – технології» шляхом інтеграції з науковими установами та виробництвом.

Список літератури

1. Выпускник вуза в современном социокультурном пространстве / под общ. ред. Е. А. Подольской. – Харьков : Изд-во «НУА», 2010. – 532 с.
2. Мачуліна І.І. Методологічні засади інноваційного розвитку вищої освіти в Україні / І.І. Мачуліна // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2011. – Т. 17. – С. 59–64.
3. Подольська Є. А. Децентралізація освіти: нові виклики, ризики й регіональні виміри / Єлизавета Подольська, Олександр Назаркін // Вища освіта України. – 2016. – № 2(61). – С. 25–30.
4. Соціальні технології: заради чого? яким чином? з яким результатом? : монографія / кол. авторів, наук. ред. В.І. Подшивалкіна. – Одеса : Одеський національний університет імені І.І. Мечникова, 2015. – 546 с.

References

1. Podolskaya Y. A. (eds.) Vypusknik vuza v sovremenom sociokulturnom prostranstve [A higher school graduate in modern socio-cultural space], Kharkiv, PUA, 2010, 532 p.
2. Machulina I. I. Metodologichni zasady innivatsiynogo rozvytku vysthoj osvity v Ukraini [Methodological fundamentals of higher education innovative development in Ukraine]. Vcheni zap. Hark. gumanit. un-tu «Nar. ukr. akad.» [Collection of scientific works «PUA»], 2011, Vol. 17, pp. 59–64.
3. Podolska Y. A., Nazarkin O. A. Detsentralizatsiya osvity: novi vyklyky, ryzyky j regionalni vymiry [Education decentralization: new challenges, risks and regional peculiarities]. Vystha osvita Ukrainy [Higher Education of Ukraine], 2016, № 2(61), pp. 25–30.
4. Podshivalkina V.I., eds. Sotsialni tehnologij: zarady chogo? yakym chynom? z yakym rezultatom? [Social technologies: what for? in what way? with what results?]. Odesa, Odeskiy national university named after I. I. Mechnikov, 2015, 546 p.

И. Б. Кравчина

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ НЕЮРИДИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

В статье аргументируется необходимость и достаточность изучения студентами неюридических специальностей вводного в юридическую науку учебного курса «Теория права». Предложенный подход основан на учете современных тенденций возрастающей роли и значения школы естественного права в современной юриспруденции, историческом и зарубежном опыте преподавания права в высших учебных заведениях, доктринальном обосновании раздельного от государства изучения права и позволит обеспечить более высокое качество правовой подготовки специалистов, эффективную реализацию модели формирования их правовой компетентности.

Ключевые слова: право, государство, теория государства и права, теория права, естественное правопонимание, правовая компетентность.

Кравчина І. Б. Особливості формування правової компетентності студентів неюридичних спеціальностей

У статті аргументується необхідність і достатність вивчення студентами неюридичних спеціальностей вступного в юридичну науку навчального курсу «Теорія права». Запропонований підхід заснований на врахуванні сучасних тенденцій зростання ролі та значення школи природного права в сучасній юриспруденції, історичному та зарубіжному досвіді викладання права в вищих навчальних закладах, доктринальному обґрунтуванні окремого від держави вивчення права і дозволить забезпечити більш високу якість правової підготовки фахівців, ефективну реалізацію моделі формування їх правової компетентності.

Ключові слова: право, держава, теорія держави і права, теорія права, природне праворозуміння, права компетентність.

Kravchyna I. Features of non-law students' legal competence formation

The article argues the necessity and sufficiency of taking by non-law students a course of “Theory of Law”, an introduction to juridical sciences. The proposed

approach is based on taking into account the current trends of the increasing role and importance of the natural law school in modern jurisprudence, historical and foreign experience of teaching law in higher educational institutions, and doctrinal grounding of law studies separate from the state. It will provide a higher quality of specialists' legal training as well as effective implementation of the model of legal competence formation.

Key words: law, state, theory of state and law, theory of law, natural legal understanding, legal competence.

Изучение права в большинстве высших учебных заведений, как правило, начинается с учебного курса «Теория государства и права». Традиционно считается, что теория государства и права – это фундамент отечественной юриспруденции, система знаний, направленная на формирование исходных для всей юридической науки понятий и категорий. Это наука и учебная дисциплина, обладающие высокой степенью абстракции, но нацеленные на практический результат – формирование у студентов правосознания, объективно отражающего государственно-правовую действительность.

Тем не менее, в последние годы все чаще ведущие отечественные и зарубежные ученые проявляют озабоченность современным состоянием данной науки, переживающей если ни кризисный, то непростой и противоречивый период своей истории.

Действительно, произошедшие в Украине за годы независимости колоссальные перемены в политической, социально-экономической и правовой жизни общества, изменившие систему ценностей и основы мировоззрения, с одной стороны, обеспечили свободу научного творчества, выразившегося в плюрализме суждений и методологий, а с другой, породили немало проблем, подлежащих безотлагательному разрешению. К их числу, в первую очередь, относится переосмысление объектно-предметной сферы теории государства и права и, как следствие, уточнение ее названия.

Исследованиями, в которых дан анализ современных проблем развития теории государства и права и очерчены пути ее модернизации, активно занимаются ведущие отечественные теоретики М. Козюбра, Ю. Оборотов, П. Рабинович, О. Скакун и ряд других. Предлагаемые авторами обобщения, выводы и рекомендации пред-

ставляють существенный интерес для совершенствования общетеоретической юриспруденции. Однако научно-методические основы преподавания теории государства и права, в том числе и в неюридических вузах, остаются практически неразработанными. Это, безусловно, сказывается на уровне правосознания молодежной аудитории, низкой способности к усвоению студентами столь необходимых им в профессиональной деятельности отраслевых дисциплин.

Вышеизложенное определяет необходимость научного исследования проблем преподавания общетеоретической юриспруденции в неюридических вузах, возможность и целесообразность раздельного изучения права и государства на современном этапе развития отечественной научной мысли, что и будет *целью* настоящей статьи.

В течение многих десятилетий среди ученых-юристов превалирует мнение, что теории государства и права присущ двуединый характер, проявляющийся в исследовании государства и права в рамках одной науки в их единстве, взаимосвязи и взаимодействии [1, с. 17; 2, с. 18]. Главный аргумент в пользу двойственности объекта юридической науки – неразрывное существование государства и права в реальной жизни: во-первых, государство и право возникают в силу одних и тех же причин; во-вторых, по своей сущности и типу они соответствуют друг другу; в-третьих, тесно связаны между собой в процессе функционирования, не могут существовать раздельно [3, с. 15].

Очевидно, что объективные связи государства и права не подлежат сомнению. С одной стороны, государство не может выполнять свои функции без того, чтобы не диктовать субъектам общественных отношений определенные нормы поведения. При этом право есть тем ограничителем, выход за который лишает государство его истинной сущности и предназначения. С другой стороны, правовые нормы создаются государством и обеспечиваются его принудительной силой.

Однако указанные соображения не исключают того, что государство и право представляют собой особые, достаточно автономные и крайне разноплановые общественные явления, имеющие собственное содержание, собственные специфические закономерности становления и развития.

В связи с этим в отечественной и зарубежной юриспруденции все прочнее утверждаются позиции, согласно которым первоначальный генезис права коренится не в государстве, а в реальной жизни, в естественных, неотчуждаемых правах человека, являющихся основой, первоисточником права; право возникает не одновременно с государством, а предшествует ему; при определенных социальных предпосылках оно может существовать без государства и вне государства [4, с. 16–17]. Такой подход к правопониманию наиболее востребован в рамках международного права в области прав человека, во многом определяющего характер и направления наднационального правового регулирования. Для правового пространства Совета Европы, 37-м членом которого является и Украина, эти ценности и принципы предстают в интерпретации Европейского Суда по правам человека и в значительной мере являются результатом европейского консенсуса в вопросах о том, что есть право человека в современном мире.

Изменения в мировоззренческих подходах к взаимосвязям государства и права позволили некоторым ученым (М. Козюбра, Д. Керимов, В. Козлов, В. Нерсисянц, А. Пиголкин и др.) ставить под сомнение существование теории государства и права как единой науки и единой учебной дисциплины и поднимать вопрос о целесообразности отделения теории права от теории государства. Однако несмотря на доминирующую в отечественной науке либеральную версию естественно-правовой доктрины, трактующей право как систему прав человека, основанных на установленных и общепризнанных международным сообществом ценностях, принципах и нормах, указанная точка зрения однозначно не воспринимается отечественным научным сообществом.

Следует отметить, что раздельное от государства изучение права было характерно для дореволюционного периода, в котором подавляющее число научных и учебных курсов, а также лежащих в их основе наук называлось «теорией права» либо «энциклопедией права». По этому предмету неоднократно переиздавались «Лекции по общей теории права» Н. М. Коркунова, Г. Ф. Шершеневича, «Общая теория права» В. М. Хвостова и других выдающихся правоведов.

В 20-е годы XX века общетеоретическая правовая дисциплина

преподалась в різноманітних курсах под різними назвами, в том числі як «Введение в изучение наук о праве и государстве», «Общее учение о праве, государстве и Советской Конституции» [5, с. 49]. С кінця 1930-х гг. (важливіший рубіж – Сесія по питанням науки радянського державства і права 16–19 липня 1938 г.) в Радянському Союзі утвердилась єдиний загальнотеоретична юридична дисципліна – теорія державства і права, в межах якої етатистський (от фр. *État* – «державство») тип правопонимання утверджується як єдиний правильний і неоспоримий. Далішня політизація радянської юридичної науки привела і до закріпленню назви курсу «Теорія державства і права» з зайняттям «державством» йому подібного першого місця, що відображало реальне співвідношення даних категорій в офіційній ідеологічній доктрині [5, с. 49–50]. В останні роки радянської влади і в початку 90-х років ХХ століття в її назві вносились іноді несуттєві зміни – вводилось слово «общая», на перше місце ставилось слово «право», а не «государство» і т. д.

Для західноєвропейської історико-правової науки і відповідної навчальної дисципліни не характерно включення в її предмет вивчення державства поряд з правом. Це взагалі не означає повної уніфікації загальнотеоретичних правових дисциплін. Вони існують в різних варіантах. В Франції, наприклад, загальнотеоретична дисципліна викладається під назвою «Общая теория права», якою охоплюються всі її аспекти: від юридичної антропології до теорії управління правосуддя. В ФРН базові загальнотеоретичні аспекти права зосереджені в декількох курсах – філософії права, соціології права, теорії права, юридичній методології, предмет якої складають переважно методи застосування законодавства, його тлумачення, правила і прийоми юридичної аргументації і т. п. В Великій Британії загальна наука про право традиційно позначається терміном «юриспруденція» (*jurisprudence*), яка часто перекладається як «теорія права», хоча фактично включає елементи філософії права, оскільки дає уявлення об ученні, пояснює природу права, і др. [4, с. 17–18].

Радикальне змінення основ сучасного виховання, содер-

жания, форм и методов образовательного процесса, заложенные законами Украины «Об образовании» и «О высшем образовании», предполагает переход на принципиально новую систему профессионального обучения, предполагающую сокращение бюджета времени аудиторных занятий и увеличение объема самостоятельной работы студентов, что неминуемо приводит к «экономности» образовательных программ, концентрации усилий студентов на основополагающих темах дисциплины. При этом следует учитывать, что теория государства и права преподается на первом курсе студентам, к сожалению, как правило, мало знакомым с основными общетеоретическими понятиями и категориями юриспруденции, которые в основном представляют собой абстракции высокого уровня обобщения, и требуют для усвоения значительного напряжения мышления.

В связи с этим нельзя не согласиться с М. Козюброй, утверждающим, что приоритетное положение государственной тематики в общетеоретической юриспруденции не только приводит к ее перегрузке материалом, составляющим предмет других наук, дублирование, размывание границ их предметов в этой части, но и не способствует формированию мировоззренческих позиций у студентов, которые продолжают воспринимать право как продукт деятельности государства, а не как самостоятельную историческую, социальную и культурную ценность [4, с. 9].

Изучение дисциплины «Теория права» не означает полный отказ от государствоведческой проблематики, ибо в рамках курса освещение некоторых проблем теории государства осуществляется хотя и не самостоятельно, но в тесной связи с вопросами права, для иллюстрации органической взаимозависимости этих самостоятельных социальных явлений. Более того, теория государства в содержательном плане вполне вписывается в политологию, которая преподается студентам на старших курсах.

Таким образом, учитывая современные тенденции постоянного возрастания роли и значения естественной школы права в регулятивном механизме, исторический и зарубежный опыт преподавания права в высших учебных заведениях, доктринальные обоснования раздельного от государства изучения права, полагаем, что необходимым

и достаточным для студентов неюридических специальностей будет изучение вводного в юридическую науку курса «Теория права». Успешное изучение теории права даст возможность студентам усвоить категориальный аппарат юриспруденции, овладеть методологией научного анализа правовых явлений, выявлять закономерности их развития и в известной степени прогнозировать их, формировать теоретическую позицию, которая должна быть направлена на эффективное решение практических задач в сфере будущей профессиональной деятельности. Преподавание указанной дисциплины поможет решить возникающие противоречия между необходимостью формирования у будущих специалистов активной жизненной позиции и неразвитостью их правового сознания, высокими требованиями к правовой подготовленности и возможностями курсов правовых дисциплин в неюридических вузах. Предложенный подход позволит обеспечить более высокое качество правовой подготовки специалистов, эффективную реализацию модели формирования их правовой компетентности.

Список литературы

1. Цвік М. В. Загальна теорія держави і права: [Підручник для студентів юридичних вищих навчальних закладів] / М. В. Цвік, О. В. Петришин, Л. В. Авраменко та ін.; За ред. М. В. Цвіка, О. В. Петришина. – Харків : Право, 2009. – 584 с.
2. Білозьоров С. В. Теорія держави та права : навч. посіб. / [С. В. Білозьоров, В. П. Власенко, О. Б. Горова, А. М. Завальний, Н. В. Заяць та ін.] ; за заг. ред. С. Д. Гусарева, О. Д. Тихомирова. – Київ : НАВС, Освіта України, 2017. – 320 с.
3. Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Российское юридическое образование, 2010. – 384 с.
4. Козюбра М. І. Загальна теорія права : підруч. / [М. І. Козюбра, С. П. Погребняк, О. В. Цельєв та ін.] ; за заг. ред. М. І. Козюбри. – Київ : Ваіте, 2015. – 392 с.
5. Теория государства и права в науке, образовании, практике: монография / Ю. Г. Арзамасов, В. М. Баранов, Н. В. Варламова и др. ; пред. ред. совета Т. Я. Хабриева. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – Москва : ИД Юриспруденция, 2016. – 480 с.

References

1. Tsvik M. V., Petryshyn O. V. (eds.) *Zahalna teoriya derzhavy i prava* [General Theory of Law and State], Kharkiv: Pravo, 2009. 584 p.
2. Ghusharjeva S. D., Tykhomyrova O. D. (eds.) *Teoriya derzhavy ta prava* [Theory of Law and State], NAVS, Osvita Ukrainy – Education of Ukraine, 2017, 320 p.
3. Morozova L.A. *Teoriya gosudarstva y prava* [Theory of Law and State], Moscow, Rossyiskoe yurydycheskoe obrazovanye – Russian legal education, 2010, 384 p.
4. Koziubra M. I. (eds.) *Zahalna teoriia prava* [General Theory of Law], Kiev, Vaite, 2015, 392 p.
5. Khabrieva T.Y. (eds.) *Teoriya gosudarstva i prava v nauke, obrazovanii, praktike* [Theory of State and Law in Science, Education, and Practice], Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2016, 480 p.

Д. Ф. Кулякин

КОНКУРЕНЦИЯ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассмотрена связь между конкуренцией и конкурентоспособностью, выделены виды конкуренции и их влияние на формирование уровня конкурентоспособности в системе образования.

Проанализированы подходы к трактовке понятия конкурентоспособность в современных условиях хозяйствования и функционирования образовательных учреждений. Выделено комплексное определение, которое характеризует конкурентоспособность образовательного учреждения с учетом факторов внешней среды. Отмечены основные тенденции при раскрытии характеристики конкурентоспособности образовательных учреждений. Выделены факторы, влияющие на формирование конкурентоспособности образовательных учреждений. Сделан вывод о необходимости комплексного системного подхода при исследовании конкурентоспособности образовательных услуг и выборе стратегии повышения конкурентных преимуществ вузов.

Ключевые слова: конкуренция, конкурентоспособность, факторы, образование, образовательные учреждения, образовательные услуги, стратегия.

Кулякин Д. Ф. Конкуренція та конкурентоспроможність в системі освіти

У статті розглянутий зв'язок між конкуренцією та конкурентоспроможністю, виділені види конкуренції та їх вплив на формування рівня конкурентоспроможності в системі освіти.

Проаналізовані підходи до трактування поняття конкурентоспроможність в сучасних умовах господарювання і функціонування освітніх установ. Виділено комплексне визначення, яке характеризує конкурентоспроможність освітньої установи з урахуванням чинників зовнішнього середовища. Відмічені основні тенденції при розкритті характеристики конкурентоспроможності освітніх установ. Виділені чинники, що впливають на формування конкурентоспроможності освітніх установ. Зроблений висновок про необхідність комплексного системного підходу при дослідженні конкурентоспроможності освітніх послуг і виборі стратегії підвищення конкурентних переваг ВНЗ.

Ключові слова: конкуренція, конкурентоспроможність, чинники, освіта, освітні установи, освітні послуги, стратегія.

Kulyakin D. Competition and competitiveness in the educational system

The article examines the relationship between competition and competitiveness, identifies the types of competition and their impact on the level of competitiveness in the education system.

The approaches to the interpretation of the notion of competitiveness in the current conditions of management and the functioning of educational institutions have been analyzed. A comprehensive definition that characterizes the competitiveness of an educational institution with regard to environmental factors has been singled out. The main trends in the disclosure of the characteristics of the competitiveness of educational institutions have been noted. Factors influencing the formation of competitiveness of educational institutions have been singled out. The conclusion about the need for an integrated system approach in the study of the competitiveness of educational services and the choice of strategies to enhance the competitive advantages of higher education institutions has been made.

Key words: competition, competitiveness, factors, education, educational institutions, educational services, strategy.

В современных условиях хозяйствования, в условиях рыночных отношений обязательным условием функционирования хозяйствующих субъектов и в целом любых процессов, в том числе и образовательных, является наличие конкуренции. Термин «конкуренция» означает соперничество между отдельными лицами, хозяйственными единицами на каком-либо поприще, заинтересованными в достижении одной и той же цели [1]. Конкуренция выступает основной движущей силой товарного хозяйства и способствует производству конкурентоспособной продукции, работы, услуги. В ходе конкуренции выявляется общественная необходимость в данном виде продукции или услугах и осуществляется их оценка.

В настоящее время повышается число участников конкурентной борьбы, а конкуренция становится все более динамичной и острой. Именно конкуренция заставляет хозяйствующие субъекты работать

ефективно и качественно, вводит в производство и сферу услуг новшества. Тем самым в условиях рыночной системы конкуренция представляет собой главный рычаг научно-технического прогресса, инноваций. Конкуренция существует лишь в мире конкурентов. Существенное внимание и значение все больше стало уделяться исследованию условий конкуренции и конкурентоспособности образовательных услуг. Это связано с тем, что в условиях рыночных отношений образовательные учреждения участвуют в конкурентной борьбе, а природа конкуренции в системе образовательных услуг стала носить коммерческий акцент. Конкуренция на рынке образовательных услуг характеризуется соперничеством образовательных учреждений за привлечение потенциальных клиентов. Понятие конкурентоспособности является многогранным и отражает не только различные аспекты деятельности образовательного учреждения и качество оказываемой им образовательной услуги. Все это требует рассмотрения различных подходов и характеристик понятия конкурентоспособности образовательных услуг, образовательного учреждения, а также выявления связи между понятиями конкуренция и конкурентоспособность в системе образования, что и является целью данной статьи.

Все виды конкурентного соперничества условно можно разделить на те, в которых соревнуются между собой производители, хозяйствующие субъекты и те, где главным действующим звеном является потребитель, клиент. Значение конкуренции потребителей при развитом рыночном хозяйстве не столь велико, поскольку обычное состояние рыночной экономики – это когда между собой соревнуются производители товаров, услуг. В настоящее время выделяется ряд авторов, которые в полном объеме отождествляют указанный подход к трактовке конкуренции и конкурентоспособности в том числе и в сфере образовательных услуг. С целью системной характеристики данных категорий применительно к системе образования проанализируем те основные виды конкурентной борьбы, где в противоборство вступают производители товаров и услуг. В этой связи следует выделить такие формы конкуренции, как функциональная (межотраслевая),

видовая (внутриотраслевая) и предметная (межфирменная). При функциональной форме конкуренции в конкурентную борьбу включаются товары различных отраслей, удовлетворяющие различные потребности населения и производства. Видовая конкуренция – следствие того, что имеются товары, предназначенные для одной и той же цели, но различающиеся каким-то существенно важным параметром. Предметная форма конкуренции предполагает конкуренцию одной и той же потребности, но различающимися по цене, уровню качества. В основе этой формы лежит дифференциация продукции, которая нашла широкое распространение на рынке высоко-развитых стран.

Немаловажное значение имеет и конкуренция различных территорий, местностей, также выступающих в качестве производителя товаров, имеющих различия в силу определенных географических, государственных и административных границ. Данный вид конкуренции бесспорно характерен при оценке уровня конкурентоспособности образовательной услуги. Территориальная принадлежность вуза порой определяет его преимущества на рынке образовательных услуг. Еще один ключевой вид конкуренции, распадающийся на целый ряд подвидов, – это борьба производителей в различных секторах рынка. По состоянию рынка конкуренция классифицируется на регулирующую, свободную (совершенную), среди монополий (несовершенную).

В экономической литературе принято разделять конкуренцию по ее методам осуществления на ценовую и неценовую, или конкуренцию на основе цены и конкуренцию на основе качества (потребительской стоимости). Для предприятий, производящих продукцию ценовая конкуренция применяется главным образом фирмами - аутсайдерами в их борьбе с монополиями. При прямой ценовой конкуренции фирмы широко оповещают о снижении цен на выпускаемые и имеющиеся на рынке товары. Как отмечают современные специалисты ценовые методы строятся на извлечении дополнительной прибыли путем уменьшения издержек и реализации, снижения цен без изменения ассортимента и качества продукции. При скрытой ценовой конкуренции вводят новый товар с существенно улучшенными потребительскими свойствами, а цену поднимают непропорционально. К пока-

зателям скрытой ценовой конкуренции следует отнести: сокращение издержек потребления за счет повышения экономичности товара в силу уменьшения энергопотребления, увеличение срока службы изделия, более широкого объема бесплатного послепродажного сервиса по доставке, сборке, наладке, обслуживанию и т.д. Сравнительная оценка данного подхода по отношению к образовательной услуге, позволяет констатировать, что стоимость обучения и качество, а следовательно и конкурентоспособность имеют прямую зависимость. По данному критерию зачастую принимается решения по предпочтениям и выбору образовательной услуги. Вместе с тем, ценовой показатель в данной сфере часто отражает спектр разнообразия услуг по тому либо иному направлению, условия ее реализации.

Неценовая конкуренция базируется на оптимальных особенностях товаров по сравнению с конкурентами. В последнее время, внимание уделяется неценовым методам конкуренции.

Предметом конкуренции является товар или услуга, посредством которого фирмы-конкуренты стремятся завоевать признание на рынке и получить прибыль. Объектом же конкуренции выступает потребитель и покупатель, которые могут решить судьбу того или иного товара, либо услуги. Целью конкурентной борьбы является закономерная, достойная победа за счет высокой оценки потребителем конкурентоспособности предложенного товара или услуги.

В этой связи, в зависимости от того, о какой разновидности конкуренции идет речь, существуют различные составляющие, критерии и оценка конкурентоспособности. В зависимости от объекта применения термина «конкурентоспособность» следует разделять КС продукции (товара), КС предприятия (или производителя) и КС национальной (региональной) экономики. Каждая из этих трех категорий имеет существенные особенности и характерные черты, что подтверждает правомерность и целесообразность их дифференциации. КС традиционно рассматривается с позиции товара, то есть речь идет о КС продукции. Особенности образовательной услуги предусматривают необходимость особого выделения составляющих ее конкурентоспособности. Конкурентоспособность образовательного учреждения – это способность учебного заведения конкурировать

на рынке образовательных услуг посредством обеспечения более высокого качества, доступности (бесплатности) образования [2]. Понятие конкурентоспособности является многогранным и отражает различные аспекты деятельности образовательного учреждения и качество образовательных услуг. Все это требует определенного методологического подхода, а также разработки конкретных оценочных индикаторов.

Список литературы

1. Иванова О. А. Определение уровня конкурентоспособности предприятия при разработке его стратегии / О. А. Иванова // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харьков : Изд-во НУА, 2009. – Т. 15. – С. 292–298.
2. Маркетинговые решения в управлении конкурентоспособностью : монография / под. общ. ред. В.А. Бондаренко . – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. – 160 с.
3. Фатхутдинов Р.А. Управление конкурентоспособностью организации / Р.А. Фатхутдинов. – М. : Изд-во Эксмо, 2015. – 544с.

References

1. Ivanova O. A. Opredeleniye urovnya konkurentosposobnosti predpriyatiya pri razrabotke yego strategii [Determination of the level of enterprise competitiveness in developing its strategy], Scientific notes of the Kharkiv Humanitarian University «People's Ukrainian Academy», Kharkiv, PUA Publ., 2009, P. 15, pp. 292-298.
2. Bondarenko V. A. (eds.) Marketingovyye resheniya v upravlenii konkurentosposobnostyu [Marketing Solutions in Competitiveness Management], LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016, 160 p.
3. Fathutdinov R. Upravleniye konkurentosposobnostyu organizatsii [Management of competitiveness of the organization], Moscow, Eksmo Publ, 2015, 544 p.

**Сучасне суспільство
в контексті гуманітарного
знання й проблеми
економічного розвитку**

В. Г. Яременко, О. Л. Яременко

ИНФОРМАЦИОННО-СЕТЕВАЯ ЭКОНОМИКА КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Обоснована теоретическая характеристика содержания информационно-сетевой экономики как специфического исторического институционального феномена, обладающего сильным потенциалом воздействия на устоявшиеся институциональные системы. Охарактеризованы долгосрочные преимущества информационно-сетевой экономики. Обоснован вывод, что ценностно-институциональные сдвиги, которые сегодня происходят под влиянием информационно-сетевых методов организации экономической деятельности, противоречат устойчивой природе институтов и усиливают неопределенность экономических субъектов по поводу их статуса.

Ключевые слова: информационно-сетевая экономика, институты, институциональная альтернатива, ценностно-институциональные сдвиги, социально-экономическое развитие, экономические субъекты, неопределенность

Яременко В. Г., Яременко О. Л. Інформаційно-мережева економіка як інституційна альтернатива соціально-економічного розвитку

Обгрунтовано теоретичну характеристику змісту інформаційно-мережевої економіки як специфічного історичного інституційного феномену, що володіє сильним потенціалом впливу на усталені інституційні системи. Охарактеризовані довгострокові переваги інформаційно-мережевої економіки. Обгрунтовано висновок, що ціннісно-інституційні зрушення, які сьогодні відбуваються під впливом інформаційно-мережевих методів організації економічної діяльності, суперечать стійкій природі інститутів і підсилюють невизначеність економічних суб'єктів з приводу їх статусу.

Ключові слова: інформаційно-мережева економіка, інститути, інституціональна альтернатива, ціннісно-інституційні зрушення, соціально-економічний розвиток, економічні суб'єкти, невизначеність

Yaremenko V., Yaremenko O. Information-network economy as an institutional alternative to socio-economic development

The theoretical description of the contents of the information-network economy as a specific historical institutional phenomenon with a strong potential for influencing established institutional systems is substantiated. The long-term advantages of the information and network economy are characterized. The conclusion is substantiated that the value-institutional shifts, which today occur under the influence of information-network methods of organizing economic activity, contradict the stable nature of institutions and increase the uncertainty of economic actors about their status.

Key words: information-network economy, institutions, institutional alternative, value-institutional shifts, socio-economic development, economic actors, uncertainty

Информационно-сетевая экономика является новым явлением, которое получила достаточно широкое распространение в первые десятилетия XXI века. Сама терминология, которая характеризует данное явление, является неустоявшейся, что закономерно для процессов становления новых социально-экономических форм, когда внутренние связи и зависимости еще только формируются, а системный статус участников остается неопределенным. В то же время можно отметить проявившуюся уже сегодня относительно высокую конкурентоспособность информационно-сетевых способов организации хозяйственной деятельности по сравнению с несетевыми способами, и связанный с этим их возможный разрушительный потенциал по отношению к традиционной экономике.

В пользу более высокой текущей конкурентоспособности экономики, основанной не информации и сетях, говорит более низкий (при прочих равных условиях) уровень транзакционных издержек, высокий уровень доверия внутри сетей, присущий сетям принцип ценностно-институциональной нейтральности, что позволяет охватывать глобальные рыночные пространства. Информационно-сетевая экономика наиболее приспособлена для использования цифровых технологий. Опираясь на эти и другие преимущества, она способна угнетать и разрушать несетевые сегменты глобальных и национальных рынков, даже не вступая с ними в прямую конкуренцию. Это дает основания

считать, что информационно-сетевая экономика – это долгосрочный фактор развития хозяйственных систем в XXI веке.

В то же время результаты и социально-экономические последствия распространения информационно-сетевых методов в экономике являются неопределенными – как с точки зрения долгосрочной устойчивости хозяйственных систем, так и с точки зрения социальных эффектов и результатов. Особо критическими выглядят возможные ценностно-институциональные последствия распространения сетевых технологий организации общественной и хозяйственной жизни социума. В связи с этим проблема институциональных альтернатив развития социально-экономических систем под влиянием информационно-сетевой экономики представляется актуальной.

Возникновение информационно-сетевой экономики обычно связывают с информационной революцией в постиндустриальном обществе (Мэлоун, Лаубахер, 1998, Тэпскот, 1996, Олейник, 2003) Существенное внимание институционально-ценностным аспектам информационно-сетевой экономики уделяют представители социальной экономики, такие как М. Кастельс, М. Грановеттер. Серьезным шагом в комплексном междисциплинарном анализе иерархических и сетевых начал в институциональном устройстве экономических систем в украинской науке стала фундаментальная монография «Иерархия и сети в институциональной архитектонике экономических систем» (2013). В монографии были охарактеризованы некоторые сущностные черты феномена сетевой организации экономики, которые ставят его в особое отношение к уже известным историческим формам хозяйственной деятельности. В этих и других исследованиях была раскрыта базовая взаимная обусловленность иерархий и сетей на всех основных уровнях структурирования социума и его экономической сферы. В то же время недостаточно исследованной остается проблема непосредственного воздействия информационно-сетевых структур на ценностно-институциональные устои хозяйственной деятельности.

Целью статьи является теоретическая характеристика содержания информационно-сетевой экономики как специфического исторического институционального феномена, обладающего потенциалом

глубокого воздействия на устоявшиеся институциональные системы, и в силу этого создающего новую альтернативность социально-экономического развития.

Информационно-сетевая экономика представляет собой особый исторический способ организации хозяйственной деятельности людей. Основное родовое отличие от сетевых структур в экономике несетевых (иерархических) форм заключается в преимущественном использовании рядоположных элементов, которые выступают как равноправные субъекты производства и обмена товаров и услуг. В то же время иерархические и сетевые основания не являются абсолютно альтернативными, поскольку они допускают или даже предполагают взаимное проникновение и взаимодействие – как на уровне принципов организации деятельности, так и на уровне практических хозяйственных функций (Нургалева, 2007). Это означает, что любая экономика является одновременно и иерархической, и сетевой системой. Все дело в мере, в соотношении иерархических и сетевых начал. Информационно-сетевая экономика не исключает иерархию, но предполагает преобладающую роль информационно-сетевых взаимодействий между участниками хозяйственной системы.

Если рассматривать стандартные формы институциональной организации хозяйственной жизни, то все они строятся на последовательности фундаментальных социальных механизмов снятия неопределенности: ценности – институты – выбор – риск – инновации [6]. Совокупная мощность этих механизмов всегда меньше совокупной неопределенности жизнедеятельности социальных систем любого уровня. Это означает, что в экономике всегда остается зона неподконтрольных (не выявленных) процессов и явлений, которые существенно влияют на результаты и условия деятельности людей. Эта зона неопределенности – природной, социальной, технологической, рыночной, – является источником инноваций, в том числе, и фундаментальных.

Соотношение роли или «удельной мощности» указанных социальных механизмов может служить основанием для исторической классификации типов организации хозяйственной жизни. Системы с преобладанием ценностной детерминации обычно относят к традиционным

укладам, основаним на натуральному хозяйстві; системи з преобладанням інституціональної детермінації звичайно є етатистичними (наприклад, адміністративно-командна система); системи, що ґрунтуються на механізми вибору і ризику – це ринкове господарство, в основному, індустріального типу; до систем з преобладанням інноваційної діяльності відносять сучасні постіндустріальні економіки. Ні один з цих типів не є чистим, а передбачає певну комбінацію вказаних вище фундаментальних соціальних механізмів.

Інформаційно-мережева економіка виростає безпосередньо з четвертого типу організації – інноваційної і, можливо, представляє собою її імманентну форму. Інакше кажучи, інноваційна економіка може існувати лише як економіка з преобладанням інформаційно-мережових способів організації взаємодій. Формування і панування потужних ієрархій монополістических структур в сфері інформаційних технологій представляє фундаментальне протиріччя сучасного етапу економічної еволюції, оскільки веде до небезпечного обмеженню альтернатив (на основі мотивації посилення інформаційної влади) і виключення з процедур вибору більшості учасників інформаційних мереж.

Безальтернативність технологічних рішень, приймаємих в межах таких структур, протирічить самій соціальній природі технологічного розвитку цивілізації, обов'язково включає в себе ціннісні фільтри і механізм вибору. Ми бачимо, як виправдовується попередження Станіслава Лема, висказане ним більш ніж півстоліття тому: «...технореволюція несе більше зла, ніж добра; людина стає заручником того, що він сам же створив, перетворюється в істоту, яку по мірі збільшення своїх знань все менше може керувати своєю долею» [3]

Соціальна якість господарської системи визначається практичними можливостями реалізації людської свободи. Ці можливості формуються як практичне відображення не тільки пануючих технологій і методів організації, але і ризиків і невизначеності середовища, в якому буде діяти майбутній професіонал. Звичайно ризики як такі існують стимулом

дальнейшей профессионализации целесообразной деятельности. Но в условиях информационно-сетевой экономики некоторые риски могут действовать в противоположном направлении, способствуя фактически депрофессионализации экономики и демонтажу социальных механизмов реализации свободы человека как профессионала.

С приходом информационно-сетевой экономики все больше вырисовывается неизбежность сужения сферы принятия решений – как для отдельного человека, так и для общества в целом. Информационно-сетевая экономика (особенно технологии искусственного интеллекта) несет в себе особый риск – риск сужения сферы принятия решений в ситуациях неопределенности, так как современные информационные технологии довольно часто снимают неопределенность радикально.

В случае реализации этого риска будет происходить сужение сферы ответственности человека, и соответственно – сужение сферы свободы, автоматически будет означать сужение сферы практической актуальности социальных ценностей. Это может быть началом фундаментальной десоциализации общества и экономики в процессе формирования глобального информационно- сетевого функционала с определенными чертами тоталитарной системы.

Современные эксперименты Китая по внедрению индивидуальных рейтингов социального кредитования, которые сконструированы «на вырост» и включают все более широкий круг параметров и характеристик жизнедеятельности конкретного человека, дают возможность эффективно контролировать социальное поведение. Методы психометрии и big data, которые использовали на выборах консультанты команды Д. Трампа, уже показали практическую достижимость такого контроля для решения стратегических задач.

«Расширенный порядок человеческого сотрудничества», основанный на бессознательном следовании моральным практикам, о котором говорил Ф. Хайек, становится архаичным. Потребность в таких практиках снижается. Возникает другое общество, другая экономика, другой человек.

Поэтому современные требования к социальному и профессиональному качеству образования в некоторых параметрах, скорее всего,

на самом деле являются архаичными. Вся проблема в том, каким образом будут взаимодействовать (если это возможно) индустриальные и информационно-сетевые (цифровые) сектора экономики. Возможный спектр такого взаимодействия включает различные варианты – от взаимной аннигиляции через эффективную комплементарность к независимому сосуществованию.

Нарушение меры социальных и экономических критериев технологического развития означает резкий скачок социальной неопределенности, усиление энтропийных процессов в современном обществе, рост социально неприемлемого неравенства. В стабильном состоянии социально-экономической системы общественные представления о допустимой или желаемой степени неравенства являются устойчивыми и вытекают из ценностно-институциональных основ экономики. Благодаря этому взаимно обусловлено воспроизведения системы статусов и структуры общественного производства сопровождается такой динамикой неравенства, которая воспринимается как допустимая или естественная.

Вызванные развитием информационно-сетевых методов изменения и сдвиги ценностно-институциональных и структурно-технологических основ экономической системы снижают уровень управляемости динамики равенства и неравенства и порождают дополнительные измерения неравенства, которые еще не имеют надежных инструментов и критериев оценки.

Ценностно-институциональные сдвиги, которые сегодня происходят под влиянием ряда эндогенных и экзогенных факторов, противоречат устойчивой природе институтов и усиливают неопределенность экономических субъектов по поводу их статуса. Готовность к компромиссам ослабляется, доверие снижается.

Структурно-технологические изменения порождают новое измерение равенства/неравенства через неодинаковый доступ экономических субъектов к новым общественным технологическим активам и влияют на занятость, доходы и фактический статус. Такая динамика воспринимается как социально значимая и несправедливая.

На современном этапе становления информационно-сетевой экономики из-за быстрого роста технологической безработицы

усиливается влияние неопределенности в функционировании рынка труда, что приводит к массовой миграции наиболее квалифицированных работников. Задачей государства в таких условиях является минимизация (оптимизация) общественных потерь и максимизация уровня использования позитивного потенциала институциональных и структурно-технологических сдвигов. Иначе может возникнуть большая и неуклонно растущая группа населения, которой нечего терять, кроме безусловного базового дохода. Без вовлечения основной массы трудоспособного населения в новую структуру экономики невозможно компенсировать общественные потери в ценностно-институциональной сфере.

Информационно-сетевая экономика не может рассматриваться как институционально нейтральный феномен. В силу специфики организации информационно-ресурсных взаимодействий между участниками хозяйственной системы актуальность ценностных критериев и ограничений снижается. Проблема доверия, которая является центральной для рынка как такового и решается путем формирования и развития эффективных институциональных конструкций, во многом снимается. В сетевом обществе, так или иначе, будут сталкиваться две группы людей: ценностно-ограниченные люди, для которых экономическая свобода является, прежде всего, свободой ценностно-детерминированного выбора и профессиональной ответственности, и люди сети, которые достигают личной экономической эффективности, не обращая внимания на ценностные запреты.

К чему приведет сосуществование двух разных исторических программ социально-экономического поведения, сказать трудно. Нельзя исключить возможность их взаимной аннигиляции, которая будет сопровождаться глубоким стиранием социальной информации и фактическим переформатированием современного социума. Риски такой траектории эволюции недопустимо велики. Возобновление адекватных форм социального контроля над технологическими изменениями приобретает характер императива. Поэтому дальнейшие теоретические исследования становления и развития информационно-сетевой экономики и, в особенности, междисциплинарные исследования, являются обязательным условием формирования концеп-

туальных предпосылок более или менее осмысленной государственной политики в этой сфере.

Список литературы

1. Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности / Грановеттер М. // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 680 с. – С. 131–158.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
3. Лем С. Сумма технологии / С. Лем. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Terra Fantastica», 2002. – 608 с.
4. Нургалева Л. Н. Дихотомия статусной и внестатусной структуры в условиях развития сетевого общества [Электронный ресурс] / Л. Н. Нургалева. – Режим доступа: <http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/magazine/1/nurgalieva.htm>
5. Олейник А. Модель сетевого капитализма / А. Олейник // Вопросы экономики. – 2003. – № 8. – С. 132-149.
6. Яременко О. Л. Глобальні дисбаланси та новий протекціонізм: інституційна гіпотеза / О. Л. Яременко // Економіка України. – 2017. – № 5-6. – С. 106-123.
7. Malone T. W. The Dawn of the E-Lance Economy / Malone Thomas W., Laubacher Robert J. // Harvard Business Review – Sept. 1998. – P. 23–34.
8. Tapscott D. The Digital Economy / Donald Tapscott. – McGraw-Hill, 1996. –P. 15, 65.

References

1. Granovetter M. Ekonomicheskoye dejstvije i sozjalnaja struktura [Economic action and social structure: rooting problem]. Zapadnaja ekonomicheskaja sociologija: Hrestomatija sovremennoj klassiki [Western economic sociology: Reader of modern classics]. Moscow, Russian Political Encyclopedia, 2004, pp. 131-158.
2. Castells M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kultura [Information Age: Economics, Society and Culture]. Moscow, 2000, 608 p.
3. Lem S. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kultura [The amount of technology]. Moscow, AST Publ., 2002, 608 p.
4. Nurgalejeva L. N. Dikhotomiya statusnoj i vnestatusnoj struktury v usloviyakh razvitiya setevogo obshchestva [Dichotomy of the status and extra-

status structure in the conditions of the development of the network society]. Available at: <http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/magazine/1/nurgalieva.htm>.

5. Oleynik A. Model setevogo kapitalizma [The model of network capitalism]. Voprosy ekonomiki – Issues of economics, 2003, no. 8, pp. 132-149.

6. Yaremenko O. Hlobalni dysbalansy ta novyy protektsionizm: instytutsiyna hipoteza [Global imbalances and new protectionism: institutional hypothesis]. Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine, 2017, no. 5-6, pp. 106-123.

7. Malone Thomas W., Laubacher Robert J. The Dawn of the E-Lance Economy. Harvard Business Review, 1998, Sept., pp. 23-34.

8. Tapscott D. The Digital Economy. McGraw-Hill, 1996, p. 15, 65.

Е. І. Цибульська

КЛАСИФІКАЦІЯ ТА ТИПОЛОГІЯ ЕКОНОМІЧНИХ ІНСТИТУТІВ

Дається типологія та класифікація економічних інститутів. Обґрунтовується, що українська економіка працює в умовах дії екстрактивних інститутів, які створюють негативні стимули для більшості громадян України в досягненні економічного успіху і підсилюють кризу в країні. Доводиться, що економічне зростання української економіки в умовах екстрактивних інститутів не веде до істотного зростання добробуту більшості населення. Робиться висновок про необхідність поліпшення якості інституційного середовища в Україні шляхом реформування її в сторону створення і розвитку інклюзивних інститутів.

Ключові слова: економічний інститут, класифікація, типологія, інституційна структура, інклюзивний інститут, екстрактивний інститут.

Цыбульская Э. И. Классификация и типология экономических институтов

Дается типология и классификация экономических институтов. Обосновывается, что украинская экономика работает в условиях действия экстрактивных институтов, которые создают негативные стимулы для большинства граждан Украины в достижении экономического успеха и усиливают кризис в стране. Доказывается, что экономический рост украинской экономики в условиях экстрактивных институтов не ведет к существенному росту благосостояния большинства населения. Делается вывод о необходимости улучшения качества институциональной среды в Украине путем реформирования ее в сторону создания и развития инклюзивных институтов.

Ключевые слова: экономический институт, классификация, типология, институциональная структура, инклюзивный институт, экстрактивный институт.

Tsybulska E. Classification and typology of economic institutions

Typology and classification of economic institutions is given. It is substantiated, that the Ukrainian economy operates under the conditions of the action of extractive institutions which create negative incentives for the majority

of Ukrainian citizens to achieve economic success and intensify the crisis in the country. It is proved that economic growth of the Ukrainian economy in conditions of extractive institutions does not lead to a significant increase in the welfare of the majority of the population. The conclusion about the need to improve the quality of the institutional environment in Ukraine by reforming it towards creating and developing inclusive institutions is made.

Key words: economic institution, classification, typology, institutional structure, inclusive institution, extractive institution.

Проблеми, з якими зіткнулась Україна після проголошення незалежності, з усією очевидністю виявили визначальну роль інституційних факторів в економічній сфері. Для створення ефективної ринкової економіки винятково необхідним є відповідний комплекс інститутів. Останній є важливим чинником економічного розвитку, оскільки визначає можливості і обмеження суб'єктів економічної діяльності. Американські економісти Бредфорд де Лонга та Лоуренс Генрі Саммерс стверджують, що головні проблеми, які нас очікують у майбутньому будуть більш за все пов'язані не з мікро-, а з макрорівнем, а саме: як повинен діяти уряд, щоб забезпечити ефективне використання прав власності, інституційного середовища та «правил гри», які є фундаментом ринкової економіки [1].

Сьогодні, коли відбуваються кардинальні зміни в національних економічних системах під впливом процесів глобалізації, є надзвичайно актуальним системний аналіз інституційної структури, яка в загальному вигляді являє собою впорядковане розташування інституційних складових (економічних інститутів), між якими існують тісні взаємозв'язки [2].

В трансформаційних економіках, до яких належить українська, інституційні зміни проходять досить уповільнено, зокрема про це зазначає Гриценко В. В : «...трансформаційні економіки не забезпечують автоматичного, спонтанного і швидкого формування інститутів нової інституціональної системи» [3, с. 3].

Дослідженню сутності інститутів приділяли увагу Д. Нортон, У. Хамільтон, Д. М. Ходжсон, Дж. Коммонс, Т. Веблен, У. Митчелл, А. Р. Редклиф-Браун, Т. Парсонс, П. О. Нікіфорова, В. Д. Якубенко,

А. А. Ткач, М. Є. Горожанкіна, В. В. Гриценко, А. А. Гриценко, О. Л. Яременко та інші.

Як і будь-яка друга складна багаторівнева система, економічні інститути, потребують певної класифікації. Необхідно відзначити, що існує досить багато різних точок зору дослідників на це питання. Окремі спроби класифікації економічних інститутів робили О. В. Іншаков, Н. Н. Лебедева [4] та В. М. Дерев'янку [2], але цілісного уявлення з даного питання немає.

У зв'язку з цим метою дослідження є формування цілісного уявлення про класифікацію і типологізацію економічних інститутів.

Відносна складність класифікації інститутів проявляється в тому, що вона являє собою розподіл з досить великою кількістю членів на всіх рівнях, що дозволяє створювати класифікаційне дерево, а також використовувати формалізацію для зручності аналізу. Природа соціальних і економічних інститутів складна, а «тому виявляється у наявності безліч принципів, з якими вона повинна узгоджуватися» [5, с. 910]. Загальний же підхід полягає в тому, що окремі емпіричні види повинні взагалі відрізнятися один від одного, не будучи при цьому протилежними.

Класифікація інститутів повинна виходити з їх системності, відобразити адекватні їй характеристики: функціональність, структурність і динамічність. «Головне завдання історії економіки та економічного розвитку - врахувати еволюцію економічних і політичних інститутів, що створюють таке економічне середовище, яке стимулює зростання продуктивності» [6, с. 98]. На основі функціонального, структурного і генезисного підходів в рамках кожного типу і підтипу інститутів можна виділити класи і підкласи, що групують їх за ознаками належності до певної сфери, галузі, рівнем господарювання, масштабами поширення, ступеня зрілості, стадіями розвитку, ієрархії.

Б. Шаванс пропонує таке трирівневе бачення структури інститутів в залежності від їх ваги у життєдіяльності суспільства:

- перший рівень: мова, етика, релігія, сім'я, гроші, власність;
- другий рівень: соціальні умови, звичаї, рутини, правові норми, внутрішні правила організації, контракти, конституції, суспільні устрої;

– третій рівень: ієрархії, асоціації, фірми, професійні союзи, організації підприємств, церкви, університети, держави, політичні партії, уряди, адміністративні апарати, міжнародні організації та угоди.

Російський інституціоналіст М. Дерябіна пропонує визначити першочергово такі інститути:

- приватна власність, як найважливіший інститут ринкової економіки;
- правові регулюючі інститути, що забезпечують чітке розмежування майнової відповідальності (кодекси, закони);
- інститути, що відповідають за власність інших осіб (норми бухгалтерського обліку, банківське регулювання, регулювання ринку цінних паперів та інвестиційних посередників);
- інститути, що структурують та роблять передбачливою поведінку партнерів у ринкових відносинах (контрактне право).

Вітчизняний інституціоналіст В. Якубенко з помір'я усіх соціально-економічних інститутів вирізняє три: власність, влада, управління. Ці інститути є базисними, оскільки виступають підставою для отримання «вмінених» доходів, які визнаються суспільством та визначаються у легітимному правовому полі для отримання прибутку, ренти, заробітної плати та підприємницького доходу, а це, за висновком вченого, є головним у правилах ринкової гри.

Щодо формування інституційного середовища, то слід урахувати, що Д. Норт виділяв базові інституції та периферію інституційної системи [7]. С. Кірдіна називає периферію комплементарними інституціями. Базові інституції – це глибинні, історично стійкі соціальні відносини, що постійно відтворюються, а комплементарні мають допоміжний характер, забезпечуючи стійкість інституційного середовища в тій або іншій сфері суспільства [8]. До базових інституцій відносяться категорії власності, влади, управління, праці; до допоміжних – підприємництва, конкуренції, ціноутворення тощо. Таким чином, логічний ланцюг формування інституційного середовища може виглядати так: цінності (особистісні і суспільні) → норми (як настанови для людських дій, завдяки яким формуються відносини) → правила (сукупність настанов, які дозволяють чи забороняють певні дії при взаємодії членів суспільства) → інститути як система правил.

В. Ю. Меліхов класифікує економічні інститути в заяложеності від рівня, який вони займають в інституційній системі [9]. Виділяють п'ять рівнів інституційної системи. До першого рівня інституційної системи відносяться інститути, які безпосередньо впливають на пристосування до певних умов економічних агентів (держава, фірми, домогосподарства).

Другий рівень економічних інститутів утворюють самі домогосподарства, підприємства, фірми, які, в свою чергу, мають складну систему економічних і соціальних цілей (підтримання постійної платоспроможності, підвищення прибутковості капіталу, що використовується; зростання конкурентоспроможності продукції, що випускається; створення нормальних умов праці для працівників; забезпечення сприятливого мікроклімату і ряд інших).

Процес суспільного відтворення забезпечує обмін діловою інформацією між основними суб'єктами економічної діяльності (фірмами, банківським сектором, державними структурами). Їх дії в умовах загальної глобалізації повинні узгоджуватися міжнародними інститутами, які складають третій рівень інституційного середовища.

До четвертого рівня економічних інститутів доцільно відносити олігархічну верхівку, яка лобіює у власних інтересах економічну політику, що проводиться державними органами, і займає панівне становище в багатьох галузях економіки.

У сучасних умовах до останнього п'ятого рівня в основному відносяться органи державного економічного управління, найбільші транснаціональні корпорації, міжнародні економічні та фінансові організації.

Використовуючи галузевий підхід, представляється доцільним диференціювати інститути, що функціонують, наприклад, в будівництві, добувній, харчовій промисловості; за сферами господарювання – промислові, сільськогосподарські, транспортні, фінансові, торговельні і т. д.; за рівнями – мега-, макро-, мезо-, мікро-, міні-, нано-інститути; за масштабами поширення – глобальні, странові, регіональні, локальні і т. п.

Клас ієрархічних видів інститутів дозволяє виділити станово-кастовий, бюрократичний і демократичний види. У реальній господарській

практиці відносини між її суб'єктами ґрунтуються як на патерналізмі, так і на партнерстві і обліку бюрократичного впливу на результативність взаємодій.

Цікавою є класифікація економічних інститутів за ступенем участі громадян в економічних відносинах з метою отримання прибутку, яку приводять Д. Аджемоглу и Дж. Робінсон. Вони поділять економічні інститути на екстрактивні та інклюзивні [10, с. 69].

Екстрактивні економічні інститути дозволяють елітам управляти економікою держави для власної вигоди. Вони перешкоджають іншим групам громадян отримувати для себе вигоду з участі в економічних відносинах. Екстрактивні інститути допускають або встановлюють відчуження власності або доходів на користь вузьких груп.

Інклюзивні економічні інститути дозволяють участь якщо не всіх, то великого числа громадян в економічних відносинах з можливістю отримання прибутку. Недоторканність власності гарантується, відчуження власності або доходів не допускається. Інклюзивні економічні інститути підтримуються інклюзивними політичними інститутами, які перешкоджають вузьким групам громадян регулювати економіку держави в свою користь. Саме такі інститути є основою всіх ліберальних демократій сучасності. Держави з інклюзивними інститутами здатні до стабільного зростання, з якого отримує вигоду більшість населення, що зумовлює зростання рівня життя, добробуту і скорочення бідності. держави з інклюзивними інститутами порівняно легше і успішніше долають внутрішні і зовнішні кризи.

Екстрактивні інститути в довгостроковій перспективі перешкоджають економічному розвитку та зростанню в силу декількох факторів. По-перше, неможливість отримати вигоду і можливість відчуження результатів праці створюють негативні стимули для більшості громадян до досягнення економічного успіху. По-друге, вузькі групи, які контролюють економіку, перешкоджають економічному розвитку, тому що нові технології можуть підірвати сектора економіки, що дають їм прибуток, і створити інші групи, які можуть направити економічні ресурси на підлив влади колишніх еліт. Спроби провести модернізацію вузькими елітами неефективні, оскільки такі зусилля носять наздога-

няючий характер і відчують нестачу в ресурсах. Екстрактивні інститути посилюють кризу в країні.

Таким чином, наведена типологія і класифікація типів і видів економічних інститутів не може охопити всі підстави їх внутрісистемного ділення, тому є відкритою для доповнення, уточнення.

Проведене дослідження дає підставу констатувати, що українська економіка працює в умовах дії екстрактивних інститутів, які створюють негативні стимули для більшості громадян України до досягнення економічного успіху, та посилюють кризу в країні. Економічне зростання української економіки в умовах екстрактивних інститутів не веде до суттєвого зростання добробуту більшості населення. Для поліпшення якості інституційного середовища в Україні потрібно його реформування в бік створення та розвитку інклюзивних економічних інститутів.

Список літератури

1. De Long B. The New Economy: Backgrovnq, Historical Perspective, Qvestions and Speculations / De Long B., Summers L. // Federal Reserve Bank of Kansas City. Economic Review. – 2001. – P. 30.
2. Деревянко В. М. О классификации экономических институтов / В. М. Деревянко // Финансы. Экономика. Стратегия. Сер. Инновационная экономика: человеческое измерение. – 2011. – № 3. – С. 34–41.
3. Гриценко В. В. Сутність і категоріальна відмінність понять «інститут» та «інституція» [Електронний ресурс] / В. В. Гриценко. – Режим доступу: http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/Vdnuet/econ/2009_4/6.pdf.
4. Иншаков О. В. Типология и классификация институциональных механизмов / О. В. Иншаков, Н. Н. Лебедева // Экономика развития региона: проблемы, поиски, перспективы: Ежегодник. – Вып. 1. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2002. – С. 23–37.
5. Гегель Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель – СПб. : Наука, 1997. – 920 с.
6. North D. Institutions / D. North // J. of Economic Perspectives. – 1991. – Vol. 5. – № 1.
7. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. ; пер. с англ. – М. : Начала, 1997. – 180 с.
8. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России / С. Г. Кирдина. – М. : ТЕИС, 2000. – 213 с.

9. Мелихов В. Ю. Экономические институты: сущность, содержание, понятие/ В. Ю. Мелихов // Социально-экономические явления и процессы. – М. – 2011. – №9(031). – С.118–122.

10. Аджемоглу Д., Робінсон Дж. Чому нації занепадають. Походження влади, багатства та бідності / Д. Аджемоглу, Дж. Робінсон ; пер. З англ. Олександра Демянчука. – 2-ге вид. випр. – К. : Наш формат, 2017. – 440 с.

References

1. De Long B., Summers L. The New Economy: Backqrovnoq, Historical Perspective, Questions and Speculations. Federal Reserve Bank of Kansas City. Economic Review, 2001, pp. 30.

2. Derevyanko V. M. About the classification of economic institutions. J. Finance. Economy. Strategy. Ser. Innovative economy: the human dimension, 2011, no. 3, pp. 34–41 (in Russian).

3. Hrytsenko V. V. Sutnist' i katehorial'na vidminnost' ponyat' «instytut» ta «instytutsiya» [The essence and categorical difference between the concepts of «institute» and «institution»] Available at: http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/Vdnuet/econ/2009_4/6.pdf (Accessed 1 October 2017).

4. Inshakov O. V., Lebedeva N. N. Tipologiya i klassifikatsiya institutsionalnyh mehanizmov [Typology and classification of institutional mechanisms]. Ekonomika razvitiya regiona: problemy, poiski, perspektivy: Ezhegodnik – The economy of the region's development: problems, searches, perspectives: Yearbook, Issue 1, Volgograd, VolGU Publ., 2002, pp. 23–37 (in Russian).

5. Gegel G.V. F. Nauka logiki [Science of logic]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997. 920 p.

6. North D. Institutions. J. of Economic Perspectives, 1991, Vol. 5, no. 1.

7. Nort D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge, 1990. (Russ. ed.: Institutyi, institutsionalnyie izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki, Moscow, Nachala Publ., 1997. 180 p.).

8. Kirdina S. G. Institutsionalnyie matritsyi i razvitie Rossii [Institutional matrices and the development of Russia]. Moscow, TEIS Publ., 2000. 213 p.

9. Melihov V. Yu. Economic institutions: essence, content, concept. Sotsialno-ekonomicheskie yavlenii ya i protsessyi. – Socio-economic phenomena and processes, 2011, no.9(031), pp.118–122 (in Russian).

10. Adzhemohlu D., Robinson J. A. Why nations fail. The origins of power, prosperity, and poverty. Crown Business. N. Y., 2012. 693 (Russ. ed.: Chomu natsiyi zanepadayut'. Pokhodzhennya vlady, bahat'stva ta bidnosti. Kiev, Nash format Publ., 2017. 440 p.).

М. А. Марченков

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ

Раскрыто содержание понятия финансово-экономическая устойчивость предприятия. Рассмотрен механизм формирования финансово-экономической устойчивости предприятия на основе общей теории систем. Исследованы факторы, оказывающие влияние на порог сопротивляемости предприятия негативным факторам кризиса. Сделан вывод о том, что уровень финансово-экономической устойчивости определяется порогом сопротивляемости предприятия негативным факторам кризиса.

Ключевые слова: финансово-экономическая устойчивость, механизм, кризис, порог сопротивляемости, финансовые ресурсы.

Марченков М. О. Теоретичні аспекти фінансово-економічної стійкості підприємств

Розкрито зміст поняття фінансово-економічна стійкість підприємства. Розглянуто механізм формування фінансово-економічної стійкості підприємства на основі загальної теорії систем. Досліджено фактори, що впливають на поріг опірності підприємства негативним факторам кризи. Зроблено висновок про те, що рівень фінансово-економічної стійкості визначається порогом опірності підприємства негативних факторам кризи.

Ключові слова: фінансово-економічна стійкість, механізм, криза, поріг опірності, фінансові ресурси.

Marchenkov M. The theoretical aspects of the financial and economic stability of enterprises

The concept of financial and economic sustainability of the enterprise is defined. The mechanism of formation of financial and economic stability of the enterprise on the basis of the general theory of systems is considered. Factors influencing the threshold of the enterprise's resistance to the negative factors of the crisis are investigated. It was concluded that the level of financial and economic sustainability is determined by the threshold of the enterprise's resistance to the negative factors of the crisis.

Key words: financial and economic stability, mechanism, crisis, threshold of resilience, financial resources.

Реализация рыночных отношений хозяйствования предоставила отечественным предприятиям возможность самостоятельно планировать производственные и финансовые ресурсы, проводить анализ и делать оценки финансового состояния как собственного предприятия, так и своих партнеров по бизнесу. Многие предприятия в этих условиях столкнулись с острой проблемой обеспечения финансовой устойчивости в целях уменьшения вероятности попадания в область финансовой несостоятельности (банкротства). Значимость исследования и решения этой проблемы существенно возросла в связи с финансовым кризисом 2008 года и его последствиями. Падение спроса на товары, дефицит финансовых ресурсов, нарастание инфляционных процессов поставили предприятия в условия выживания при сокращении объёмов производства и вынужденном уменьшении численности работников предприятий. Ряд крупных предприятий и организаций не смогли бы выжить без государственной поддержки в форме целевого финансирования, а также государственного регулирования отрицательного воздействия внешних факторов.

Решение обозначенной проблемы, связанной с укреплением финансового состояния и повышением финансовой устойчивости предприятий, следует искать в развитии и практическом применении теоретических положений и методов финансового менеджмента, построении системы показателей и критериев для адекватной оценки финансовой состоятельности, нахождении эффективных способов повышения финансовой устойчивости и стабильности финансового состояния предприятий. Всё это предопределяет актуальность и практическую значимость исследования.

Исследованию основных положений теории и практики финансового менеджмента, решению проблемы финансовой устойчивости предприятий как одного из основных разделов финансового менеджмента, посвящено значительное количество трудов отечественных и зарубежных ученых.

Среди исследований зарубежных учёных в рассматриваемой сфере

следует отметить работы Д. Ван Хорне и Д. Вашовиц, Р. Брейли, Л. Бернштейна, С. Майерса, П. Уитман, Р. Холта и Э. Хелфберга и др.

Исследованию различных аспектов финансово – экономической деятельности предприятий и организаций, в том числе поиску способов, форм и методов повышения финансовой устойчивости, посвящены работы отечественных ученых и стран СНГ: Артеменко В. Г., Беллендира М. В., Бланка И. А., Белотеловой Н. П., Гейца И. В., Ефимовой О. В., Кондракова Н. П., Ковалёва А. И., Кошевой И. П., Крейниной М. Н., Куликова А. Г., Лавреченко В. П., Лимитовского М. А., Лисициной Е. В., Лобановой Е. Н, Ломакина А. Л., Лукаевича И. Я., Максимцова М. М., Мерзликиной Г. С., Никифоровой Н. А., Новиковой В., Новичковой В.И., Павловой Л. П., Паляя В. В., Пенькова Б. Е., Панченко А. И., Родионовой В. М., Румянцевой Е. Е., Руднева В. Д., Савицкой Г. В., Стояновой Е. С., Федотовой М. А., Хруцкого В. Е. и др.

Вместе с тем, несмотря на значительное число фундаментальных исследований отечественных и зарубежных финансистов в сфере формирования и развития финансовых отношений в деятельности предприятий, многие аспекты данной проблемы продолжают оставаться дискуссионными и нерешенными до сих пор. Недостаточно внимания уделяется, в частности, исследованию теоретических аспектов механизма формирования финансово-экономической устойчивости предприятия, факторам, оказывающим влияние на порог сопротивляемости предприятия негативным факторам кризиса.

Цель исследования – исследовать теоретические аспекты механизма формирования финансово-экономической устойчивости предприятия.

В соответствии с общей теорией систем устойчивость системы – это свойство системы совпадать по признакам до и после изменений, вызванных действием факторов [1, с. 86–98]. Из этого определения следует, что может существовать множество комбинаций признаков и факторов систем, поэтому для каждого рода систем не существует единой, «универсальной» устойчивости. Она определяется в зависимости от вида признаков и факторов кризиса. В качестве признаков должны учитываться те, которые являются всеобщими для данных

систем и относятся к системообразующим факторам – первичным элементам. Первичными элементами предприятия являются ее подсистемы, а в системе финансово-экономических отношений главные подсистемы – экономическая и финансовая. Остальные подсистемы (информационная, организационно-управленческая, экологическая и др.) рассматриваются в качестве вспомогательных и обслуживающих [2, с. 199–210].

Согласно общей теории систем, любая устойчивая система имеет некоторый порог сопротивляемости, который не могут преодолеть негативные факторы [1, с. 240–243]. В случае финансово-экономической устойчивости система способна сопротивляться финансово-экономическим факторам кризиса. Порог сопротивляемости – предельная величина, преодоление которой приводит к утрате устойчивости. Таким образом, финансово-экономическая устойчивость – свойство организации оказывать сопротивление негативному воздействию финансово-экономических факторов кризиса в ходе функционирования и развития за счет сохранения удовлетворительного финансово-экономического состояния, благодаря которому обеспечиваются ее структурная целостность и возможность продолжения основной деятельности [3, с. 176]. Следствием из этого определения являются возможность сохранения бизнеса (системы) от разрушения и рост его стоимости, так как наращивать стоимость и продолжать основную деятельность при неудовлетворительном финансово-экономическом состоянии (ФЭС) невозможно по причине высокого риска разрушения бизнеса при банкротстве организации. В соответствии с нашими рассуждениями фактором финансово-экономической устойчивости (ФЭУ) предприятия является ФЭС предприятия, удовлетворительное состояние которого обеспечивает сопротивляемость негативным факторам кризиса, что, в свою очередь, способствует сохранению бизнеса от разрушения и росту его стоимости.

Исследуем факторы, оказывающие влияние на порог сопротивляемости предприятия негативным факторам кризиса. Уровень устойчивости определяется порогом сопротивляемости, поэтому для оценки первого необходимо знать второе. Объективную количественную

оценку порога сопротивляемости можно получить благодаря использованию аналогии из термодинамики, изучающей макроскопические системы, потому что инструменты термодинамики пригодны для любых систем [1, с. 132–139]. Наша задача – использовать эти инструменты при описании финансово-экономических аспектов деятельности предприятия.

В обозначениях термодинамики сопротивляемость макроскопической системы описывается с помощью неравенства:

$$E_{\phi} \leq E_c, \quad (1.1)$$

где E_{ϕ} – энергия возмущений факторов;

E_c – энергия системы.

Для предприятия это неравенство означает, что оно имеет порог сопротивляемости, который не могут преодолеть негативные факторы кризиса, так как их мощность воздействия существенно ниже некоторого порогового значения системы. Энергетическая модель позволяет количественно оценить порог сопротивляемости предприятия, если перевести энергетические потоки в ресурсные [4, с. 68–74]. Действительно, для ликвидации негативных последствий финансово-экономических факторов кризиса необходимы финансовые ресурсы, поэтому принимается следующая аналогия: энергия в макроскопических системах – финансовые ресурсы в социально-экономических системах. Тогда неравенство (1.1) можно представить как:

$$\sum_{i=1}^m \Phi P_i \leq \Phi P_p, \quad (1.2)$$

где ΦP_i – сумма финансовых ресурсов, необходимая для компенсации негативного i -го фактора кризиса;

ΦP_p – сумма финансовых ресурсов, которыми располагает организация для устранения негативных последствий факторов кризисов,

n – общее количество факторов финансово-экономического кризиса.

Так как ΦP_p определяет порог сопротивляемости, то для его количественного выражения необходимо оценить данную величину финансовых ресурсов. Это можно сделать по упомянутой выше аналогии. Общая энергия системы, которую не превышает энергия

факторов кризиса [формула (1.1)], определяется на основе термодинамического закона сохранения энергии: с системной точки зрения общая энергия системы представляет собой сумму внутренней энергии и свободной энергии:

$$E_c = U + F, \quad (1.3)$$

где E_c – общая энергия системы, имеющая предельное значение, обеспечивающее сопротивляемость;

U – внутренняя энергия системы, энергия первичных элементов системы;

F – свободная энергия, которая может быть высвобождена от воздействия негативных факторов.

Таким образом, для устойчивой социально-экономической системы порог сопротивляемости E_c определяется внутренней и свободной энергией, которые, в свою очередь, могут быть выражены через финансовые ресурсы, необходимые для компенсации негативных последствий факторов кризиса. Можно предположить, что внутренняя энергия U – внутренний финансовый запас прочности предприятия, определяемый величиной накопленной нераспределенной прибыли. Свободная энергия F – внешний финансовый запас – свободные финансовые ресурсы (платежные средства), которые могут быть направлены на компенсацию негативного воздействия факторов кризиса [4, с. 97–112].

Внутренняя энергия предприятия объясняется существующими финансовыми (с точки зрения капитала) взаимосвязями между активами и пассивами (экономической и финансовой подсистемами). Накопленная прибыль не является платежным ресурсом, который может быть использован для предотвращения негативных последствий факторов кризиса «снаружи». Данная величина лишь отражает накопленный потенциал организации, поэтому ее можно сопоставить с внутренней энергией. Об этом же свидетельствует ее способность компенсировать полученные убытки организации, что отражается на изменении структуры баланса (на внутреннем структурном уровне), так как ухудшается соотношение между активами и обязательствами, а внешне этот процесс никак не проявляется.

Свободную энергию системы легче трансформировать в ресурсы. Ее можно сопоставить с тем количеством финансовых ресурсов, которое можно высвободить для противостояния воздействию негативных факторов кризиса и которое необходимо для дальнейшего развития организации. К упомянутым финансовым ресурсам относятся: избыточные активы, которые организация может реализовать в целях погашения долгов для минимизации риска банкротства без ущерба для своей финансово-хозяйственной деятельности; свободный денежный поток, доступный для распределения между инвесторами, в том числе и кредиторами; внешняя финансовая помощь [5, с. 211].

Средства высвобождаются прежде всего для погашения обязательств, просрочка которых создает угрозу целостности организации в случае банкротства. Это позволяет утверждать, что с системной точки зрения платежеспособность организации является одним из аспектов сопротивляемости.

Свободный денежный поток отражает способность бизнеса генерировать денежные средства после необходимых инвестиций для развития, характеризует его возможность обслуживать заемный капитал. В то же время он отражает взаимосвязь между ФЭУ организации и стоимостью ее бизнеса, которая определяется денежными потоками, поэтому разрушение стоимости бизнеса можно рассматривать как признак утраты ФЭУ [6, с. 210].

Превышение порога сопротивляемости означает, что организация самостоятельно уже не в силах справиться с масштабами кризиса – для сохранения организации от разрушения требуется внешнее воздействие. Таким внешним воздействием может быть помощь третьих лиц или государства, переход в иное правовое состояние – в реабилитационные процедуры банкротства. В связи с этим проведение указанных мероприятий, в том числе и процедуры банкротства, можно трактовать как преодоление, как инструменты восстановления ФЭУ организации.

Таким образом, в системе финансово-экономических отношений предприятия ведущая роль отводится такому системному свойству, как ФЭУ, которая позволяет минимизировать риск угрозы разрушения бизнеса вследствие банкротства организации, обеспечивая сохране-

ние бизнеса. Это становится возможным благодаря сохранению удовлетворительного ФЭС и, как следствие, наличию сопротивляемости финансово-экономическим факторам кризиса в ходе развития организации. Сопротивляемость предприятия имеет порог, количественная оценка которого определяется посредством величины финансовых ресурсов, которые могут быть направлены на погашение обязательств и развитие. Сопротивляемость определяет уровень устойчивости. В случае превышения порога сопротивляемости реабилитационные процедуры банкротства могут рассматриваться как инструменты восстановления ФЭУ предприятия.

Список литературы

1. Артюхов В. В. Общая теория систем: Самоорганизация, устойчивость, разнообразие, кризисы / В. В. Артюхов. – М. : Книжный дом «Либроком», 2012. – 224 с.
2. Крейнина М. Н. Финансовое состояние предприятия / М. Н. Крейнина. – М. : ДИС, 1997. – 113 с.
3. Балабанов И. А. Основы финансового менеджмента : учеб. пособ. / И. А. Балабанов. – М.: Финансы и статистика, 2013. – 342 с.
4. Краснов А. А. Термодинамический подход к анализу затрат в концепции разработки стратегии развития экономических систем / А. А. Краснов, Г. А. Краснов // Экономический анализ: теория и практика. – 2010. – № 4. – С. 68–74.
5. Количественные методы финансового анализа / пер. с англ. ; под ред. С. Дж. Брауна и М. П. Крицмана. – М. : ИНФРА – М, 1996. – 269 с.
6. Шеремет А.Д., Методика финансового анализа / А. Д. Шеремет, Р. С. Сайфулин. – М. : ИНФРА – М, 1996. – 90 с.

References

1. Artyuhov V. V. Obschaya teoriya sistem: Samoorganizatsiya, ustoychivost, raznoobrazie, krizisy [General theory of systems: Self-organization, sustainability, diversity, crises]. Moscow, Knizhnyiy dom «Librokom», 2012, 224 p.
2. Kreynina M. N. Finansovoe sostoyanie predpriyatiya [Financial condition of the enterprise] Moscow, DIS, 1997. 113 p.
3. Balabanov I. A. Osnovy finansovogo menedzhmenta [Fundamentals of financial management], Moscow, Finance and Statistics, 2013, 342 p.

4. Krasnov A. A. Termodinamicheskiy podhod k analizu zatrat v kontseptsii razrabotki strategii razvitiya ekonomicheskikh sistem [The thermodynamic approach to cost analysis in the concept of developing a strategy for the development of economic systems]. *Ekonomicheskiy analiz: teoriya i praktika – Economic Analysis: Theory and Practice*, 2010, no. 4, pp. 68–74.

5. Brown Stephen J., Kritisman Mark P. *Quantitative Methods for Financial Analysis* Irwin Professional Publishing; ICFA Special edition, February 1, 1987 (Russ. ed.: *Kolichestvennyie metody finansovogo analiza*. Moscow, INFRA Publ., 1996. 269 p.).

6. Sheremet A. D., Sayfulin R. S. *Metodika finansovogo analiza* [Methods of financial analysis], Moscow, INFRA Publ., 1996, 90 p.

О. М. Сумець, С. В. Веретенников

ВАРТІСНИЙ ПОКАЗНИК ОЦІНКИ ЕКОНОМІЧНОЇ СТІЙКОСТІ ЛОГІСТИЧНОЇ СИСТЕМИ ВИРОБНИЧОГО ПІДПРИЄМСТВА

У статті обґрунтована актуальність розробки переліку показників для оцінки економічної стійкості логістичних систем виробничих підприємств. Наведено авторське визначення поняття «економічна стійкість логістичної системи». Обґрунтовано, що економічна стійкість логістичної системи повинна оцінюватися на основі використання загальних показників її функціонування.

Запропоновано для оцінки економічної стійкості логістичних систем виробничих підприємств використовувати узагальнений показник. Даний показник враховує чистий прибуток від логістичної діяльності та логістичні витрати. Транспортні витрати рекомендовано розраховувати як суму загальних поточних витрат і відповідних амортизаційних відрахувань.

Констатовано, що показник економічної стійкості може бути використаний для оцінки та аналізу ефективності функціонування логістичних каналів розподілу продукції, розробки заходів щодо зміни їх структури і конфігурації.

Сформульовано обмеження на використання узагальненого показника економічної стійкості в практичних розрахунках.

Ключові слова: логістична система, підприємство, економічна стійкість, вартісний показник, оцінка.

Сумець А. М., Веретенников С. В. Оценка экономической стойкости логистической системы производственного пред- приятия

В статье обоснована актуальность разработки перечня показателей для оценки экономической стойкости логистических систем производственных предприятий. Приведено авторское определение понятия «экономическая стойкость логистической системы». Обосновано, что экономическая стойкость логистической системы должна оцениваться на основе использования общих показателей ее функционирования.

Предложено для оценки экономической стойкости логистических систем производственных предприятий использовать обобщенный показатель. Данный показатель учитывает чистую прибыль от логистической деятельности

и логистические затраты. Логистические затраты рекомендовано рассчитывать как сумму общих текущих затрат и соответствующих амортизационных отчислений.

Констатировано, что показатель экономической стойкости может быть использован для оценки и анализа эффективности функционирования логистических каналов распределения продукции, разработки мероприятий по изменению их структуры и конфигурации.

Сформулированы ограничения на использование обобщенного показателя экономической стойкости в практических расчетах.

Ключевые слова: логистическая система, предприятие, экономическая стойкость, стоимостной показатель, оценка.

Sumets A. M., Veretenikov S. V. Evaluation of the economic stability of manufacturing logistics system

The article proves the necessity of developing a list of indicators for assessing an economic stability of logistics system of a production enterprise. The author's definition of "economic stability of logistics system" is given. It suggests that the economic stability of logistics system should be estimated on the basis of general indicators of its functioning.

The generalized indicator to evaluate the economic stability of logistics system of a production enterprise is suggested. The indicator considers net profit from logistics activities and logistics costs. We recommend that logistics costs should be calculated as the sum of total current costs and depreciation.

We prove that the indicator of economic stability can be employed to evaluate and analyze the efficiency of functioning of distribution channels, to develop measures to change their structure and configuration. Restrictions on the use of the generalized indicator of economic stability in practical calculations are given.

Key words: logistics system, enterprise, economic stability, value indicator, valuation.

Постановка проблеми у загальному вигляді. Нині фахівцями остаточно визнано той факт, що логістична система (ЛС) виробничого підприємства є належною платформою для забезпечення економічної ефективності й результативності його господарювання [1; 2]. Тому дослідникам слід спрямувати свої зусилля для вирішення завдання забезпечення сталої надійності функціонування ЛС виробничих підприємств. Надійність є комплексною властивістю систем, яка

поєднує у собі довговічність, безвідмовність, ремонтпридатність (відновлюваність) [3]. Проте, на нашу думку, для виконання повноцінного комплексного аналізу ЛС будь-яких підприємств до вказаного переліку властивостей слід додати ще одну – стійкість, яка на цей момент часу потребує значної уваги дослідників. Це є закономірним, бо дослідження стійкості ЛС вітчизняних підприємств викликано потребою суспільства в підвищенні ефективності функціонування народного господарства в умовах товарно-грошових, ринкових відносин [4–6]. Вказане надає підстави констатувати актуальність питання розробки системи показників і процедури оцінки економічної стійкості логістичної системи (ЕСЛС) підприємств, зокрема виробничих.

Аналіз останніх досягнень і публікацій. Незважаючи на чисельну кількість наукових статей, монографій і дисертаційних робіт, де оприлюднені результати дослідження ЛС, на цей момент часу є лише поодинокі публікації, що присвячені вирішенню проблеми формування, аналізу та оцінки економічної стійкості ЛС [1; 2; 5; 6]. Автори цих публікацій пропонують оцінювати вказаний показник за загальними правилами, тобто по співвідношенню результатів і витрат, що пов'язані з їхнім створенням і забезпеченням належного рівня функціонування ЛС. У цьому аспекті дослідники однозначно дотримуються думки, що основним критеріальним показником оцінки ЕСЛС повинне бути співвідношення «якість/витрати» або «витрати/якість». Причому в якості витрат треба приймати або сукупні витрати, що агрегуються за методом розрахунку приведених витрат з урахуванням норми повернення на інвестиції, або поточні логістичні витрати, що мають місце у процесі господарювання виробничого підприємства. Однак ґрунтовний аналіз вказаних підходів надав можливість встановити, що практичне застосування вказаних підходів не завжди можливе, бо є певні труднощі оцінки якості ЛС. Крім того, для економічної оцінки, на нашу думку, визначати відношення двох за різним змістом показників є не коректним. І такий підхід є дещо еклектичним. Отже, на цей момент часу ще не вирішене остаточно питання вибору узагальнювального показника для оцінки економічної стійкості логістичних систем виробничих підприємств.

Мета статті: надати визначення дефініції «економічна стійкість

логістичної системи», обґрунтувати показник для оцінки економічної стійкості ЛС підприємства.

Викладення основного матеріалу дослідження. Дослідження економічної стійкості логістичних систем потребує пояснення даної дефініції. То ж розглянемо визначення терміну «економічна стійкість логістичної системи».

У загальному випадку під стійкістю системи розуміють стабільну наявність ресурсів, достатніх для виконання обов'язків, що надають можливість нормально функціонувати і протистояти різним неминучим діям. Стан системи вважають стійким, якщо відхилення від заданих параметрів залишається невеликим за будь-яких досить малих змін вхідних сигналів [5].

З огляду на вищевказане загальне визначення стійкості системи надамо трактування дефініції «економічна стійкість логістичної системи». З нашого погляду, економічна стійкість логістичної системи визначає такий її стан, при якому остання зберігає встановлені (нормативні) показники економічної ефективності й результативності функціонування у межах визначеного терміну часу і належним чином протистоїть негативному впливу оточуючого середовища. Встановлено, що результатом функціонування ЛС є продукована нею логістична діяльність [7, с. 112]. Отже, оцінювання ЕСЛС повинне здійснюватись через систему часткових показників оцінки економічної ефективності логістичної діяльності або ж з використанням загальних показників, якими є загальні логістичні витрати на здійснення логістичної діяльності за визначений період часу та чистий прибуток від здійснення у межах логістичної системи підприємства логістичної діяльності за визначений період часу [7; 8]. Вважаємо, що використання як часткових так і загальних показників для оцінки ЕСЛС виробничого підприємства є правомірним. Проте, застосування системи часткових показників оцінки економічної ефективності логістичної діяльності для оцінювання ЕСЛС вимагає значних трудовитрат. А тому фахівці будуть віддавати перевагу такому підходу, який забезпечить більшу оперативність процесу оцінювання ЕСЛС. Зважаючи на це та враховуючи результати власних досліджень [7: 8], ми вважаємо, що оцінку ЕСЛС з прийнятним рівнем достовірності

можливо виконати з використанням узагальнювального показника, який визначається як відношення чистого прибутку від здійснення логістичної діяльності до загальних логістичних витрат (ЛВ) на неї:

$$ЕСЛС = Пр_{ч.л\ddot{d}} / ЛВ_{з\ddot{a}г}, \quad (1)$$

де $Пр_{ч.л\ddot{d}}$ – чистий прибуток від здійснення у межах логістичної системи підприємства логістичної діяльності за визначений період часу, грн;

$ЛВ_{з\ddot{a}г}$ – загальні логістичні витрати на здійснення логістичної діяльності за визначений період часу, грн.

Наведена формула (1) придатна для умов, коли розглядається показник економічної стійкості логістичної системи у цілому, або структурно логістична система підприємства являє собою сукупність бізнес-ліній, для яких у розрахунковому періоді відомі як показник чистого прибутку, так і показник загальних логістичних витрат.

Проте варто вказати, що на практиці визначення таких показників як і є досить складним завданням і вимагає додаткових досліджень, результатом яких повинні стати рекомендації і методики обчислення останніх.

Загальні логістичні витрати ($ЛВ_{з\ddot{a}г}$) слід обчислювати як суму загальних поточних логістичних витрат ($ЛВ_{з\ddot{a}г.п\ddot{o}т}$) на здійснення підприємством ЛД і відповідних амортизаційних відрахувань (A):

$$ЛВ_{з\ddot{a}г} = ЛВ_{з\ddot{a}г.п\ddot{o}т} + A. \quad (2)$$

Величина амортизаційних відрахувань визначається відповідно до нормативних документів, а поточні загальні логістичні витрати обчислюються за методикою, що наведена в монографіях [7; 8].

Із формули (1) випливає, що функціонування ЛС підприємства в значній мірі пов'язане з поточними загальними ЛВ. На нашу думку, коректна оцінка ЕСЛС підприємства потребує використання ще й допоміжного часткового показника, а саме показника оцінки питомих загальних поточних ЛВ, що припадають на одиницю товарообігу:

$$ЛВ_{п\ddot{i}т.з\ddot{a}г} = \frac{ЛВ_{з\ddot{a}г}}{O_t}, \quad (3)$$

де O_t – річний товарообіг, грн.

Зростання цього показника вказує на падіння економічної ефективності функціонування ЛС. Порівняння фактичного значення загальних питомих логістичних витрат із плановими (розрахунковими) слугує певним індикатором стану ЛС підприємства й може бути підставою для ухвалення подальших рішень щодо підвищення рівня ефективності її функціонування.

Цей показник є корисним при здійсненні аналізу ефективності функціонування логістичних каналів розподілу продукції і розробки заходів щодо зміни їхньої структури і конфігурації. Загальні питомі логістичні витрати також дають змогу оцінювати технології, що використовують під час функціонування ЛС, зокрема у процесі складування, зберігання, транспортування й переміщення продукції на визначеному логістичному полігоні.

Висновок. Наведені в статті результати дослідження поглиблюють і розвивають теоретико-методичні основи оцінки й аналізу економічної стійкості логістичних систем виробничих підприємств. Запропонований показник може бути рекомендований до практичного використання на означених підприємствах різних галузей для оцінки чи проміжного контролю рівня економічної ефективності функціонування ЛС та обґрунтування заходів, спрямованих на підтримання сталої їх економічної стійкості.

Список літератури

1. Економіка логістичних систем : монографія ; за ред. Є. Крикавського та С. Кубіва. – Львів : Вид-во Нац. ун-ту «Львівська політехніка», 2008. – 596 с.
2. Эффективность логистического управления : учебник ; под общ. ред. Л. Б. Сиротина. – М. : Экзамен, 2004. – 448 с.
3. ДСТУ 2860-94. Надійність техніки. Терміни і визначення. – Київ : Держстандарт України, 1994. – 92 с.
4. Буторина И. В. Основы устойчивого развития металлургического производства / И. В. Буторина. – Донецк : Каштан, 2005. – 332 с.
5. Свиридко С. В. Формирование устойчивой логистической системы металлургических предприятий : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.04 / Светлана Васильевна Свиридко. – Донецк, 2009. – 214 с.
6. Стратегическое управление организационно-экономической устойчивостью фирмы: логистикоориентированное проектирование бизнеса /

А. Д. Кансавели, А. А. Колобов, И. Н. Омельченко и др. – М. : Изд-во МГТУ им. Баумана, 2001. – 600 с.

7. Сумець О. М. Теоретико-методологічні засади логістичної діяльності підприємств агропромислового комплексу : монографія / О. М. Сумець. – Харків : Друкарня Мадрид, 2015. – 544 с.

8. Сумець О. М. Логістичні витрати підприємств олійно-жирової галузі : формування та оцінювання : монографія / О. М. Сумець. – Харків : Вид-во НУА, 2017. – 243 с.

References

1. Krykavskiy Ye., Kubiva S. ed. *Ekonomika logistychnykh system* [Economics of logistics systems]. Lviv, publishing house Natsionalnogo universitetu «Lvivska politekhika», 2008, 596 p.

2. Sirotin L. B. ed. *Efektivnost logisticheskogo upravleniia* [The effectiveness of logistics management], Moscow, ekzamen, 2004, 448 p.

3. DSTU 2860-94. *Nadiynist tekhniky. Terminy i vyznachenia* [State Standart 2860-94. Reliability of technology. Terms and definitions]. Kiev, Derzhstandart Ukraine, 1994, 92 p.

4. Butorina I. V. *Osnovy ustoychivogo razvitiia metalurgicheskogo proizvodstva* [Fundamentals of sustainable development of metallurgical production]. Donetsk, Kashtan, 2005, 332 p.

5. Sviridko S. V. *Formirovanie ustoychyvoi logistychnoi systemy metalurgicheskikh predpriatii*. Dis. kand. ekon. nauk [Formation of a sustainable logistic system of metallurgical enterprises. Dr. ekon. sci. diss]. Donetsk, 2009, 214 p.

6. Kansaveli A. D., Kolobov A. A., Omelchenko I. N. *Strategicheskoe upravlenie organizatsyono-yekonomicheskoy ustoychyvosti firmy : logistikoorientirovanoe proektirovanie biznesa* [Strategic management of the organizational and economic sustainability of the firm: logistics-oriented business design]. Moscow, publishing house MGTU im. Baumana, 2001, 600 p.

7. Sumets A. M. *Teoretuko-metodologichni zasadu logistychnoi diyalnosti pidpryyemstv agroprodovolchogo kompleksa* [Theoretical and methodological foundations of logistics enterprises agroindustrial complex]. Kharkiv, Madrid, 2015, 544 p.

8. Sumets A. M. *Logistychni vytraty pidpryyemstv oliynozhyrovoyi galuzi : formvanya ta otsinuvania* [Logistychny vitrati pidpriemstv oliyno-zhirovoi galuzi: formvaniya ta otsinuvannya]. Kharkiv, publishing house NUA, 2017, 243 p.

О. І. Решетняк, Р. О. Лободін

СУТНІСТЬ ТА ЧИННИКИ ЕКОНОМІЧНОЇ БЕЗПЕКИ УКРАЇНИ В СУЧАСНИХ УМОВАХ

В даний час дослідження проблем економічної безпеки є дуже актуальними. В статті наведено основні визначення сутності дефініції «економічна безпека», розглянуто основні підходи до дослідження впливу соціально-економічних чинників на економічну безпеку України. Метою статті є вивчення сутності економічної безпеки країни та дослідження динаміки показників економічної безпеки України. Досліджено, що економічна безпека є синтетичною категорією макроекономіки, політекономії та політології, тісно пов'язана з такими категоріями як «економічна незалежність і залежність», «стабільність і уразливість», «економічний тиск», «економічний суверенітет». На підставі методу логічного аналізу в статті визначено основні підходи щодо природи категорії «економічна безпека». Визначено основні загрози економічної безпеки України. Проаналізовано історико-економічні передумови забезпечення економічної безпеки. Наведено динаміку основних факторів, що визначають економічну безпеку України, та охарактеризовано їх вплив на економічну безпеку країни. Доведено, що підвищення економічної безпеки України визначається можливостями реалізації принципово нових економічних моделей розвитку, однією з яких може стати кластеризація економіки.

Ключові слова: економічна безпека, загрози, чинники, історико-економічні передумови, кластеризація економіки

Решетняк Е. И., Лободин Р. А. Сущность и факторы экономической безопасности Украины в современных условиях

В настоящее время исследование проблем экономической безопасности являются очень актуальными. В статье приведены основные определения сущности дефиниции «экономическая безопасность», рассмотрены основные подходы к исследованию влияния социально-экономических факторов на экономическую безопасность Украины. Целью статьи является изучение сущности экономической безопасности страны и исследование динамики показателей экономической безопасности Украины. Исследовано, что экономическая безопасность является синтетической категорией макроекономики, политэкономии и политологии, тесно связана с такими категориями как «экономическая независимость и зависимость», «стабиль-

ность и уязвимость», «экономическое давление», «экономический суверенитет». На основании метода логического анализа в статье определены основные подходы относительно природы категории «экономическая безопасность». Определены основные угрозы экономической безопасности Украины. Проанализированы историко-экономические предпосылки обеспечения экономической безопасности. Приведена динамика основных факторов, определяющих экономическую безопасность Украины, и охарактеризовано их влияние на экономическую безопасность страны. Доказано, что повышение экономической безопасности Украины определяется возможностями реализации принципиально новых экономических моделей развития, одной из которых может стать кластеризация экономики.

Ключевые слова: экономическая безопасность, угрозы, факторы, историко-экономические предпосылки, кластеризация экономики.

Reshetnyak Ye., Lobodin R. The essence and factors of economic security of Ukraine in modern conditions

Currently, the study of problems of economic security are very important. In the article the main definitions of the essence of the definition of “economic security”, considers the main approaches to the study of the influence of socio-economic factors on the economic security of Ukraine. The purpose of this article is to study the essence of economic security of the country and the study of dynamics of indicators of economic security of Ukraine. Studied that economic security is a synthetic category of macroeconomics, of Economics and political science, is closely connected with such categories as “economic independence and dependence”, “stability and vulnerability”, the “economic pressures”, “economic sovereignty”. On the basis of the method of logical analysis in the article the main approaches to the nature of the category “economic security”. Identifies the main threats to the economic security of Ukraine. Analyzed historical and economic preconditions of economic security. Given the dynamics of the main factors determining economic security of Ukraine, and characterized their impact on the economic security of the country. It is proved that increase of economic security of Ukraine is the implementation of a fundamentally new economic development models, one of which may be the clustering of the economy.

Key words: economic security, threats, factors, historical and economic background, clustering of the economy

Постановка проблеми. Необхідність забезпечення економічної безпеки країни є основним завданням держави, вирішення якої передбачає

розробку політики управління і підтримки необхідного стану національної безпеки та комплексу заходів по її забезпеченню. В даний час дослідження проблем економічної безпеки пов'язано зі становленням теорії безпечного функціонування економічних систем. Потреба забезпечення економічної безпеки існує при виробленні стратегії сталого розвитку країни в умовах наростання диференціації між окремими державами. У зв'язку з цим особливу актуальність має дослідження та моніторинг динаміки процесів у соціально-економічній середовища з метою коригування на цій основі стратегії економічної безпеки держави. Забезпечення економічної безпеки України є основним фактором економічної незалежності країни. В сучасних умовах функціонування економіки країни безпосередньо пов'язане з рівнем захищеності держави від загроз різного характеру. У зв'язку з чим, оцінювання та прогнозування основних показників економічної безпеки, що є обов'язковою умовою визначення актуальних проблем економічної безпеки України та формування заходів щодо їх нівелювання.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Дослідження проблем економічної безпеки знаходяться в центрі уваги багатьох вітчизняних і зарубіжних вчених: Л. Абалкіна, І. Богданова, З. Варналія, О. Власюка, А. Гальчинського, В. Гейця, Б. Губського, О. Жаліло, С. Лекаря, Ст. Лукашина, А. Олейнікова, В. Панькова, В. Пономаренко, О. Шайдорова та ін.. Незважаючи на те, що дана проблематика є злободенною і розглядається багатьма вченими, дослідження її сутності та показників не припиняється і не втрачає актуальності.

Метою статті є вивчення сутності економічної безпеки країни та дослідження динаміки показників економічної безпеки України.

Основні результати дослідження. В даний час в Україні не існує законодавчо закріпленої дефініції «економічна безпека», що припускає досить широку його інтерпретацію в науковій літературі. Економічна безпека є синтетичною категорією макроекономіки, політекономії та політології, тісно пов'язана з такими категоріями як «економічна незалежність і залежність», «стабільність і уразливість», «економічний тиск», «економічний суверенітет» та інш. В зарубіжній літературі сутність поняття «економічна безпека» розглядається з 1934 р., коли

Ф. Рузвельт застосував цей термін при підготовці заходів з виведення економіки зі стану депресії.

Вивчення природи «економічної безпеки» дозволило різним ученим виділити основні характеристики даної категорії. Так, у «Методиці розрахунку рівня економічної безпеки України», що була затверджена наказом Міністерства економіки України від 2 березня 2007 р. № 60 визначено, що «економічна безпека – це такий стан національної економіки, який дає змогу зберігати стійкість до внутрішніх та зовнішніх загроз і здатний задовольняти потреби особи, сім'ї, суспільства та держави» [1]. Варналій З. пропонує під економічною безпекою держави розуміти сукупність загальнонаціональних заходів, які спрямовані на сталий розвиток і вдосконалення економіки країни, а також розроблення механізму протидії загрозам і ризикам внутрішнього і зовнішнього характеру [2]. М. Єрмошенко також визначає економічну безпеку як здатність держави здійснювати економічну політику і забезпечувати захист національних економічних інтересів від зовнішніх та внутрішніх загроз [3]. В роботі О. Шайдорова економічна безпека розглядається як «стан економіки держави та інститутів влади, при якому забезпечується військова, соціально-політична, економічна стабільність і захист національних інтересів» [4].

Таким чином, можна відзначити неоднозначність трактування дефініції «економічна безпека» в сучасній літературі. Так, в результаті аналізу дефініції економічної безпеки, які були запропоновані американськими, французькими, російськими і українськими вченими О. Власюком виділено два підходи до тлумачення поняття «економічна безпека». Перший підхід розглядає економічну безпеку як домінують або найважливішу характеристику економіки, як одне з проявів самої економіки. Метою розвитку економіки в цьому випадку є забезпечення її безпеки [5, с. 29]. Однак даний підхід не враховує основні закони суспільного розвитку держави, так як пояснює безпеку тільки в аспекті захищеності, з чого випливає, що розвиток економічних процесів не є нескінченним і має свою межу, тобто будь-яка господарська система в підсумку є збитковою, а тому міжнародні економічні відносини будуть складатися між тими, хто зміг забезпечити економічну безпеку або припиняться.

Другий підхід полягає в тому, що забезпечення економічної безпеки країни є найважливішою умовою для стрімкого розвитку та її прогресу. Економічна безпека в цьому випадку стає необхідною рисою економічно розвинених країн. Однак даний підхід не враховує взаємозв'язку економічної безпеки країни з іншими складовими національної безпеки (політичної, екологічної, політичної тощо).

Економічна безпека може бути розглянута з точки зору існування загроз економічної безпеки держави, які являють собою «...явища і процеси, що роблять негативний вплив на господарство країни, що зачіпають економічні інтереси особистості, суспільства і держави» [6].

Загрозами економічній безпеці можуть бути названі явища і процеси, які чинять негативний вплив на економіку країни, а також обмежують її економічні інтереси. Можуть бути виділені такі загрози економічної безпеки України: виснаження природно-ресурсного потенціалу країни; зниження виробничо-технічного, трудового та інтелектуального потенціалу; неадекватність нормативно-законодавчої бази; дестабілізація у фінансовому секторі країни; скорочення міжрегіональних фінансових потоків; втрата ринків збуту і порушення систем транспортно-комунікативного та інфраструктурного забезпечення; погіршення екологічного стану; погіршення рівня життя населення; зростання безробіття і зниження трудової мотивації; криміногенна зупинка; загострення міжетнічних, межконфесійних протиріч та ін [6].

Історико-економічними передумовами забезпечення економічної безпеки є науково-технічний прогрес та інформатизація економічних систем в умовах глобалізації економіки [7, с. 10]. У таблиці 1 представлена динаміка основних факторів, що визначають економічну безпеку України [8].

Висновки. Підводячи підсумок, можуть бути виділені наступні заходи по нівелюванню загроз зовнішнього і внутрішнього характеру економічної безпеки України: скорочення надмірної імпортозалежності економіки; збільшення резервування та формування запасів основних видів економічних ресурсів, для забезпечення діяльності суб'єктів господарювання в надзвичайних ситуаціях; скорочення рівня безро-

Таблиця 1

Динаміка основних факторів, що визначають економічну безпеку України

Показник	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
ВВП (в USD) на душу населення	2974	3570,8	3856,8	4030,3	3014,6	2115,4	2185,9
Темп зростання ВВП на душу населення, %	116,8	120,1	108	104,5	84,8	70,2	103,3
Індекс інфляції, %	109,1	104,6	99,8	100,5	124,9	143,3	112,4
Індекс виробництва, %	112,2	103,4	94,4	99	82,8	98,4	103,1
Індекс цін виробника, %	118,8	114,1	100,4	101,7	131,7	125,5	135,8
Індекс реальної заробітної плати, %	110,5	111	111	106,8	86,5	90,1	106,5
Рівень безробіття, %	8,8	8,6	8,1	7,7	9,7	9,5	9,7
Співвідношення (валовий зовнішній борг/ валовий внутрішній продукт), %	88,2	86	77,4	76,8	77,5	95,8	131,1
Співвідношення (Експорт/Імпорт), %	220,16	228,19	211,97	189,19	180,77	176,29	185,26

біття; запобігання надмірного фізичного і морального зносу основних фондів підприємств, комунікацій і об'єктів житла; стимулювання зростання відтворення трудових ресурсів і підвищення науково-технічного потенціалу країни; створення сприятливих умов для конкурентоспроможності вітчизняної продукції та товаровиробників на внутрішніх та світових ринках; створення конкурентоспроможних об'єднань підприємств; розвиток кластеризації економіки.

Таким чином, підвищення економічної безпеки України визначається можливостями реалізації принципово нових економічних моделей розвитку, однією з яких може стати кластеризація економіки.

Список літератури

1. Методика розрахунку рівня економічної безпеки України : наказ Міністерства економіки України від 2.03.2007 р. № 60 станом на 01.09.2010 р. [Електронний ресурс] // Міністерство економіки України. Розділ “Методичні рекомендації”. – Режим доступу : www.rada.gov.ua. (дата звернення: 28.09.2017).

2. Варналий З. С. Экономическая безопасность Украины: проблемы и приоритеты укрепления: Монография / З. С. Варналий, Д. Д. Буркальцева, А. С. Наенко – Киев : Знание Украины, 2011. – 299 с.

3. Шайдаров О. Экономическая безопасность в системе национальной безопасности / О. Шайдаров // Университетские научные записки. – 2011. – № 4 (40). – С. 395–400.
4. Ермошенко М. М. Финансовая безопасность государства: национальные интересы, реальные угрозы, стратегия обеспечения. / М. М. Ермошенко. – Киев : Киев. нац. торг. екон. ун-т, 2001. – 309 с.
5. Власюк О. С. Теория и практика экономической безопасности в системе науки об экономике: научный доклад / О. С. Власюк. – М. : Нац. ин-т пробл. междунар. безопасности при Совете нац. безопасности и обороны Украины, 2008. – 48 с.
6. Бобров Є. Сучасні підходи до дослідження економічної безпеки / Є. Бобров // Економіка України: політико-економічний журнал. – 2012. – № 4. – С. 80–85.
7. Заяц Ю.О. Особенности и угрозы обеспечения экономической безопасности Украины // Экономика и менеджмент инновационных технологий. – 2016. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ekonomika.snauka.ru/2016/03/11078> (дата звернення: 28.09.2017).
8. Офіційний сайт Державної служби статистики України. – Режим доступу: <http://www.ukrstat.gov.ua>. (дата звернення: 28.09.2017).

References

1. Metodika rozrahunku rІvnya ekonomІchnoYi bezpeki UkraYini : nakaz MInIsterstva ekonomІki UkraYini vІd 2.03.2007 r. [The method of calculating the level of economic security of Ukraine : order of Ministry of economy of Ukraine dated 2.03.2007, No. 60 as of 01.09.2010] [Electronic resource]. Ministry of economy of Ukraine. Section “guidelines”. Available at: www.rada.gov.ua. (Accessed 28 September 2017).
2. Varnaly Z. S., Burkalev D. D., Saenko A. S. Ekonomicheskaya bezopasnost Ukrainyi: problemy i priorityti ukrepleniya: Monografiya [Economic security of Ukraine: problems and priorities strengthening: Monograph]. Under the General editorship Of prof. S. Varnaliy. Kiev : Knowledge Of Ukraine, 2011, 299 p.
3. Shaidarov, A. Ekonomicheskaya bezopasnost v sisteme natsionalnoy bezopasnosti [Economic security in the system of national safety]. *Universitetskie nauchnyie zapiski – University research note*, 2011, № 4 (40), pp. 395-400.
4. Ermachenko, N. M. Finansovaya bezopasnost gosudarstva: natsionalnyie interesyi, realnyie ugrozyi, strategiya obespecheniya [Financial security of the state: national interests, the real threat, the strategy of providing]. Kiev. NAT. Torg.Ekon. CNTs, 2001, 309 p.

5. Vlasyuk A. S. Teoriya i praktika ekonomicheskoy bezopasnosti v sisteme nauki ob ekonomike: nauchniy doklad [Theory and practice of economic security in the system of science on the economy: research report]. Moscow, NAT. In-t problem. Intern. security Council NAT. security and defence of Ukraine, 2008, 48 p.

6. Beavers E. Suchasni pidhodi do doslidzhennya ekonomichnoyi bezpeki [Modern approaches to the study of economic security]. *Ekonomika Ukrainy: polityko-ekonomichniy zhurnal – Economy of Ukraine: political and economic journal*, 2012, No. 4, pp. 80-85.

7. Zayats, Yu. Osobennosti i ugrozyi obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti Ukrainyi [Peculiarities and threats of economic security of Ukraine]. *Ekonomika i menedzhment innovatsionnyih tehnologiy – Economics and innovations management*. 2016, No. 3. Available at.: <http://ekonomika.snauka.ru/2016/03/11078> (Accessed 28 September 2017).

8. The official website of the State statistics service of Ukraine. Available at.: <http://www.ukrstat.gov.ua>. (Accessed 28 September 2017).

А. А. Клочко

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА БЛАГОСОСТОЯНИЯ

В статье обоснованы причины и формы кризиса современной социальной политики. Показано, что после окончания так называемого «золотого тридцатилетия» государства благосостояния промышленно развитые страны столкнулись с необходимостью трансформации социальной политики. Эта необходимость вызвана экономическими, демографическими, политическими, социально-психологическими факторами, влиянием глобализации и социально-экономическими условиями перехода к постиндустриальному обществу. Такая ситуация требует перманентного взаимного приспособления экономики, политики и социальной сферы к происходящим социально-экономическим изменениям, отражающим новое, переходное состояние государства благосостояния. Трансформация всех сфер жизнедеятельности общества под влиянием происшедших за последние годы социально-экономических изменений проанализирована в качестве структурного кризиса государства благосостояния на трех уровнях: отдельного индивидуума, общества и государства. В качестве отдельной угрозы современной социальной политики представлена глобализация. Доказана необходимость усиления социальных функций государства в условиях нарастания социальных издержек глобализации.

Ключевые слова: социальная политика, государство благосостояния, социальная рыночная экономика, кризис государства благосостояния, отчуждение.

Клочко Г. А. Актуальні проблеми сучасного розвитку держави добробуту

У статті обґрунтовано причини і форми кризи сучасної соціальної політики. Показано, що після закінчення так званого «золотого тридцятиріччя» держави добробуту промислово розвинені країни зіткнулися з необхідністю трансформації соціальної політики. Ця необхідність викликана економічними, демографічними, політичними, соціально-психологічними факторами, впливом глобалізації та соціально-економічними умовами переходу до постіндустриального суспільства. Така ситуація вимагає перманентного взаємного пристосування економіки, політики та соціальної сфери до змін,

що відбуваються у соціально-економічному житті суспільства та відображають новий, перехідний стан держави добробуту. Трансформація всіх сфер життєдіяльності суспільства під впливом соціально-економічних змін, які відбулися в останні роки, проаналізована як структурна криза держави загального добробуту на трьох рівнях: окремого індивідууму, суспільства та держави. В якості окремої загрози сучасної соціальної політики представлена глобалізація. Доведено необхідність посилення соціальних функцій держави в умовах наростання негативних соціальних наслідків глобалізації.

Ключові слова: соціальна політика, держава добробуту, соціальна ринкова економіка, криза держави добробут, відчуження.

Klochko A. A. Actual problems of modern development of the state of welfare

Annotation. The reasons and forms of the crisis of modern social policy are substantiated in the article. It is shown that after the end of the so-called “golden age” of the welfare state, industrialized countries faced the need to transform social policies. This need is caused by economic, demographic, political, socio-psychological factors, the impact of globalization and the socio-economic conditions of transition to a postindustrial society. This situation requires a permanent mutual adaptation of the economy, politics and the social sphere to the ongoing socio-economic changes that reflect the new, transitional state of the welfare state. The transformation of all spheres of the life activity of society under the influence of the socioeconomic changes that have taken place in recent years has been analyzed as a structural crisis of the welfare state at three levels: an individual, society and state. Globalization is presented as a separate threat to modern social policy. The need to strengthen the social functions of the state in conditions of increasing social costs of globalization is proved.

Key words: social policy, welfare state, social market economy, state crisis of statehood, alienation.

Становление социального рыночного хозяйства и государства благосостояния, его основные характеристики рассмотрены в работах Л. Эрхарда, В. Ойкена, Х. Ламперта, К. Стейна, В. Гутника, А. Мюллера-Армака, Ф. Опенгеймера, В. Милецкого, Е. Платоновой, О. Цымлянкой, В. Новикова и других исследователей.

Более конкретно социальные функции государства анализируются в работах таких авторов, как Е. Неретина, В. Соколинский, В. Кураков,

Г. Бурджалов. Вопросы эволюции государства благосостояния рассмотрены в работах К. Стейна, В. Милецкого, П. Розанваллона.

В западной научной литературе объяснение нового социального состояния общества после кризиса государства благосостояния нашло отражение в теориях постиндустриального общества Дж. К. Гелбрейта, Д. Белла, информационного общества (Д. Белл, Е. Масуда). Философское обоснование фундаментального преобразования современного общества под влиянием глобальных экономических изменений представлено в теории постмодерна (П. Козловски, Д. Силичев).

Экономические причины перехода к эффективному государству рассмотрены в трудах П. Розанваллона, Е. Н. Ведута, Отчете Мирового Банка «Государство в меняющемся мире» (1997 г.).

Необходимость теоретического обоснования причин и форм проявления кризиса социального государства обусловлена следующими обстоятельствами: кризис легитимности государства наблюдается не только в развитых странах, но и с 80-х годов – в странах бывшего социалистического лагеря; процессы глобализации приводят к распространению проблем, с которыми столкнулись в первую очередь развитые страны, на большинство стран мирового сообщества в разной мере; происходящие последние годы в развитых странах социально-экономические процессы свидетельствуют о пределах развития индустриальной цивилизации, основанной на ничем не ограничиваемом и неконтролируемом научно-техническом прогрессе. Об этом свидетельствуют крайнее загрязнение окружающей среды, горы мусора и не утилизируемые отходы, истощение ресурсов, демографический взрыв, эпидемические болезни типа СПИДа, международная финансовая задолженность, гонка вооружений, угроза ядерной катастрофы и реальная возможность самоуничтожения человечества.

Таким образом, государство благосостояния не только не устранило проблему бедности, но в последние годы столкнулось с новыми ее формами в виде роста безработицы, нищеты, преступности, эрозии социальных ценностей, что требует поиска новых оснований жизнедеятельности человечества в непрерывно изменяющихся социально-экономических условиях, в которых человечество оказалось в последние десятилетия.

Общепризнанным остается факт, что государство благосостояния в промышленно развитых странах достигло своего расцвета в послевоенный период законодательно закрепленному компромиссу между трудом и капиталом, выражающемуся в идеологии социального партнерства: организации трудящихся (профсоюзы, партии) не нарушают социальный мир в обмен на признание профсоюзных прав и государственные социальные гарантии. Экономическое процветание после войны («золотое тридцатилетие»), закончившееся только с экономическим кризисом 70–80 годов, позволило реализовать эту модель [1, с. 75].

Но уже в конце 70-х годов развитые страны столкнулись с такими серьезными экономическими проблемами, как резкое снижение производительности труда, экономическая стагфляция, что повлекло за собой изменение стратегии государства и нарушение баланса социальных интересов.

Трансформация всех сфер жизнедеятельности общества под влиянием происшедших за последние годы социально-экономических изменений вызывает необходимость структурного анализа кризиса государства благосостояния на трех уровнях: отдельного индивидуума, общества и государства.

Так, со стороны государства чрезмерно широкие социальные гарантии, предоставляемые государством благосостояния своим гражданам в предыдущий период, высокая безработица, постарение населения требовали непрерывного увеличения расходов на государственные социальные программы. Но баланс социальных интересов к этому времени изменился в пользу капитала, поскольку результатом деполитизации профсоюзного движения в период 1950–1980-х годов стала неподготовленность его руководящих кадров и пассивность рядовых членов. Единственным способом выражения населением растущих социальных требований остались выборы. В то же время изменение классового состава электората за счет формирования широкого среднего слоя противодействовало победе левых социал-демократических сил, а реализация их программ затруднялась усугубляющимся экономическим положением [2, с. 175].

Такое соотношение сил позволило государству сократить социаль-

ные расходы до политически безопасного уровня, а практически – снять с себя ответственность за социальное обеспечение наиболее беднейших слоев населения, что вместе с «забюрократизированностью» государственного аппарата и закрытым характером принятия решений на государственном уровне привело к кризису его легитимности «изнутри». Формирование сетевой структуры организации под влиянием развития информационных технологий вызвало к жизни тенденцию децентрализации власти на всех уровнях за счет свертывания иерархических структур и как результат – размывание государства «снизу». А усиление зависимости государства от международных финансовых организаций под влиянием процессов глобализации привело к размыванию его функций «сверху» [3, с. 17].

В то же время изменение демографической ситуации (падение рождаемости и старение населения), а также появление новых форм бедности и маргинализации (рост преступности, распад семей, международные конфликты) демонстрирует неизбежный распад прежних механизмов общественной солидарности, опирающихся на систему социального страхования, основанную на взаимности социальных рисков. Усиливающееся несовпадение интересов плательщиков взносов и тех, кто имеет право на пособие, растущее понимание различий, существующих между индивидуумами и социальными группами, расшатывают концепцию солидарности, основанную на системе страхования. Все эти сдвиги свидетельствуют о разрушении социальной ткани общества, что требует установления нового типа взаимоотношений между гражданами и государством. На смену «невидимой руке» социального страхования должен прийти прямой социальный контракт между сторонами [4, с. 117].

Со стороны индивидуума кризис государства благосостояния проявляется в нарастании процессов отчуждения. В современных условиях массового производства и передовых технологий разделение труда достигло уровня, когда люди оказываются все меньше связанными друг с другом и с конечным продуктом. В результате чрезмерной бюрократизации общества процесс отчуждения индивидуума распространился на те социальные силы, которые формируют его жизнь и определяют перспективы на будущее. Отсутствие контроля

за условиями и результатами современного производства уже привело к неожиданным последствиям и природным катаклизмам и угрожает деградацией окружающей природной и социальной среды [5, с. 47]. Оформившееся отчуждение непосредственного участника производства от средств производства и его результатов, отдельной личности – от условий принятия решений по жизненно важным вопросам – характеризуется нарастанием настроений равнодушия, неуверенности, что в целом ведет к потере смысла жизни. Как показали исследования, средства массовой информации с помощью специальных психологических приемов оказывают влияние на формирование потребностей индивида, а, следовательно, спроса на продукцию корпораций, что в конечном итоге приводит к окончательному отчуждению личности – отчуждению индивидуума от самого себя, то есть к потере самоидентификации.

Таким образом, основное противоречие современной социальной политики – противоречие между нормативной и позитивной социальной политикой: необходимость усиления социальных функций государства в условиях нарастания социальных издержек глобализации, с одной стороны, и ограниченность этих действий, обусловленная идеологическим давлением неолиберализма и сокращением базы налогообложения.

Поэтому в практике функционирования развитых стран происходит перманентное взаимное приспособление экономики, политики и социальной сферы к происходящим социально-экономическим изменениям, отражающим новое, переходное состояние государства благосостояния.

Список литература

1. Розанваллон П. Новый социальный вопрос: Переосмысливая государство всеобщего благосостояния / П. Розанваллон. – М. : Ad Marginem, Б.Г., 1997. – 221 с.

2. Флекснер К. Просвещенное общество: экономика с человеческим лицом / К. Флекснер. – М.: Международные отношения, 1994. – 318 с.

3. Михенко А., Щур Н. Світові моделі соціальної політики: уроки для України [Електронний ресурс] / А. Михенко, Н. Щур. – Режим доступу: <http://visnyk.academy.gov.ua/wpcontent/uploads/2013/11/2011-2-31.pdf>.

4. Шутаєва О. О. Моделі соціальної політики ЄС: основні напрямки трансформації [Електронний ресурс] / О. О. Шутаєва, В. В. Побірченко. – Режим доступу: http://sn-econmanag. crimea.edu/arhiv/2013/ uch_26_1econ/shut.pdf.

5. Квист Дж. Социальные реформы в скандинавских странах в 1990-е годы: использование теории нечеткого набора для оценки соответствия идеальным типам [Электронный ресурс] / Джон Квист. – Режим доступа: <http://spero.socpol.ru>.

References

1. Rozanvallon P. Novyj socialnyj vopros: Pereosmyslivaja gosudarstvo blagosostojaniija [A New Social Issue: Rethinking the Welfare State], Moscow, Ad Marginem, B. G., 1997, 221 p.

2. Fleksner K. Prosveshchennoe obshchestvo: ekonomika s chelovecheskim licom [Enlightened society: an economy with a human face], Moscow, International relationships, 1994, 318 p.

3. Mykhenko A., Shchur N. Svitovi modeli sotsialnoyi polityky: uroky dlya Ukrainy [World Models of Social Policy: Lessons for Ukraine]. Available at: <http://visnyk. academy.gov.ua/wp-content/uploads/2013/11/2011-2-31.pdf>.

4. Shutayeva O. O., Pobirchenko V. V. Modeli sotsial'noyi polityky EU: osnovni napryamky transformatsiyi [Models of the EU social policy: the main directions of transformation]. Available at: http://sn-econmanag. crimea.edu/arhiv/2013/ uch_26_1econ/shut.pdf.

5. Kvyst Dzh. (n. d.). Sotsialnye reformy v skandinavskikh stranakh v 1990-e gody: ispol'zovanie teorii nechetkoho nabora dlya otsenky sootvetstviya idealnym tipam [Social reforms in Scandinavian countries in the 1990s: the use of the fuzzy set theory to assess conformity to ideal types]. Available at: <http://spero.socpol.ru>.

А. М. Петрова

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ЭКОНОМИКЕ КАК ФАКТОР ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Сложность социально-экономического взаимодействия неуклонно возрастает. Это приводит к тому, что в организационно-экономических и социально-экономических системах пропорционально возрастает неопределенность. Особое место в данном контексте занимает вопрос принятия управленческих решений в системе, когда в качестве взаимодействующих субъектов выступают сложные организационно-экономические структуры. При этом существенной проблемой является оценка неопределенности, ее использование для целей управления. И главным препятствием здесь выступает субъективно-объективная природа неопределенности, которая ставит под вопрос принципиальную природу такого управления.

Масштаб неопределенности экономических процессов выходит на качественно новый уровень и делает неопределенность существенным фактором, влияющим на решения экономических субъектов.

Исследованием природы неопределенности, ее типизации, проблем принятия управленческих решений в условиях неопределенности занимаются многие зарубежные и отечественные специалисты. Суть сложившейся научной парадигмы по теме неопределенность сводится к ряду положений о неопределенности в управлении организационно-экономической системой. В систематизированном виде положения о неопределенности в организационно-экономической системе подразделяются на семь групп. Уровень неопределенности внутренней и внешней среды функционирования организации в значительной степени влияет на эффективность и конкурентоспособность фирмы, рациональное использование национальных ресурсов, конкурентоспособность государства в целом. Приспособления к современным условиям функционирования требуют все элементы систем управления. Адаптация классических компонентов управления позволит решить ряд научных задач в области теории принятия управленческих решений.

Ключевые слова: неопределенность в экономике, принятие управленческих решений

Петрова А. М. Невизначеність в економіці як фактор прийняття управлінських рішень

Складність соціально-економічної взаємодії неухильно зростає. Це призводить до того, що в організаційно-економічних та соціально-економічних системах пропорційно зростає невизначеність. Особливе місце в даному контексті займає питання прийняття управлінських рішень в системі, коли в якості взаємодіючих суб'єктів виступають складні організаційно-економічні структури. При цьому суттєвою проблемою є оцінка невизначеності, її застосування для цілей управління. І головною перешкодою тут виступає суб'єктивно-об'єктивна природа невизначеності, яка ставить під питання принципову можливість такого управління. Масштаб невизначеності економічних процесів виходить на якісно новий рівень та робить невизначеність суттєвим фактором, що впливає на рішення економічних суб'єктів.

Дослідженням природи невизначеності, її типізації, проблем прийняття управлінських рішень в умовах невизначеності займаються багато закордонних та вітчизняних спеціалістів. Сутність наукової парадигми, що склалася по темі невизначеності, зводиться до ряду положень про невизначеність в управлінні організаційно-економічною системою. В систематизованому вигляді положення про невизначеність в організаційно-економічній системі підрозділяються на сім груп. Рівень невизначеності внутрішньої та зонішньої середі функціонування організації в значній мірі впливає на ефективність та конкурентоспроможність фірми, раціональне використання національних ресурсів, конкурентоспроможність держави в цілому. Пристосування до сучасних умов функціонування потребують усі елементи систем управління. Адаптація класичних компонентів управління дозволить вирішити ряд наукових задач в сфері прийняття управлінських рішень.

Ключові слова: невизначеність в економіці, прийняття управлінських рішень.

Petrova Anna. Uncertainty in economics as a factor in managerial decisions making

The complexity of the socio-economic interaction keeps growing steadily. This leads to proportionally increasing uncertainty in business and socio-economic systems. In this context, managerial decision-making holds a special place in the

systems, that involve interaction of complex organizational and economic institutions (businesses). At the same time, uncertainty evaluation and its use for management purposes pose a major problem. The main stumbling block in this respect is a subjective-objective nature of uncertainty, which challenges the very nature of such management. The magnitude of uncertainty of economic processes gets to a whole new level, making it a key factor that affects decisions of economic entities.

Many Ukrainian and foreign specialists are studying the nature of uncertainty, its types, managerial decision-making against the its backdrop. The crux of the existing scientific paradigm on the uncertainty comprises of a range of provisions on the uncertainty in managing an organizational and economic (business) system. The provisions on the uncertainty in business systems may be systematically are divided into seven groups. The level of uncertainty in internal and external environment of an company's operation significantly impacts its efficiency and competitiveness, the sustainable use of national resources, and the competitiveness of the state as a whole. All elements of management systems should adapt to present-day operating conditions. Adaptation of classical components of management will allow to tackle a number of scientific challenges in the field of the managerial decision-making.

Key words: uncertainty in economics, managerial decisions making.

Анализируя и характеризуюя современное развитие общества, можно говорить о том, что сложность социально-экономического взаимодействия неуклонно возрастает. Благодаря глобальным рынкам, информационным системам, либерализации условий международной торговли и движения капитала, а также рыночным трансформациям в странах государственного социализма, количество взаимодействующих субъектов за последние 25 лет увеличилось на порядок (в 10 раз), одновременно сложность системы могла возрасти на несколько порядков (в 100 или больше раз) [6].

Априорно сложность приводит к тому, что в организационно-экономических и социально-экономических системах пропорционально возрастает неопределенность, способная повлиять на механизм реализации взаимодействия между субъектами систем. Впоследствии, рост неопределенности, достигая некоторого критического уровня, может повлиять не только на механизм взаимодействия в системе, но и поставить вопрос о дальнейшем ее существовании как целостной

структуры. При этом, одновременное увеличение масштабов данного взаимодействия и сложности приводит к тому, что социально-экономическая система развивается по экспонентному закону.

При этом, необходимость принятия экономических решений и управления субъектами хозяйствования не отменяется, а наоборот, количество таких решений и действий по управлению возрастает при одновременном уменьшении времени на принятие каждого отдельного решения либо совершение действия.

Особое место в данном контексте занимает вопрос принятия управленческих решений в социально-экономической системе, когда в качестве взаимодействующих субъектов выступают сложные организационно-экономические структуры. Очевидным и логичным является то, что с ростом сложности структуры, появлением новых институтов возрастает неопределенность среды и, как следствие, неопределенность принятия решений и их последствий.

Исследованием природы неопределенности, ее типизации, проблем принятия управленческих решений в условиях неопределенности занимаются многие зарубежные и отечественные специалисты. Наиболее значимые результаты исследований для теории и методологии неопределенности представлены в работах F.H. Knight [3], Ross [14], T.E. Cliffe Leslie [8], F. Lavington, A.C. Pigou, J. Haynes [9], J. Long, P.G. Moore и H. Thomas [12], J. McCall [11], J.F. Traub, G.W. Wasilkowski [5] и многих других. Современные представления зарубежных авторов о неопределенности в экономике прослеживаются в трудах K.H. Borch [7], N.J. Smith [15], C.C. Jaeger [10], T. Webler, E.A. Rosa и O.Renn, L.Oxelheim и C. Wihlberg [13] и др.

Целью данной статьи является обоснование необходимости принятия неопределенности как неотъемлемой составляющей внешней и внутренней среды функционирования экономических субъектов и фактора принятия управленческих решений.

Суть сложившейся научной парадигмы по теме неопределенность сводится к ряду положений о неопределенности в управлении организационно-экономической системой. В систематизированном виде положения о неопределенности в организационно-экономической

системе подразделяются на семь групп [2]. Итак, в настоящее время неопределенность рассматривается:

- как мера информации;
- как характеристика качества информации (достоверность, полнота, ценность, актуальность, ясность);
- как отражение состояния системы по отношению к идеальным условиям, когда знание полностью детерминировано;
- как возможность выбора альтернатив, вариативность выбора, неоднозначность критериев оптимальности и эффективности;
- как атрибутивный источник риска;
- как неоднозначность исходов событий, порождаемая факторами неизвестной природы;
- как естественный ограничитель управляемости и стабильности организационно-экономической системы.

При этом существенной проблемой является оценка неопределенности, ее использование для целей управления. И главным препятствием здесь выступает субъективно-объективная природа неопределенности, которая ставит под вопрос принципиальную природу такого управления.

Для целей оценки неопределенности и принятия экономических решений неопределенность может быть классифицирована по источникам ее возникновения.

1. Внешняя неопределенность (объективная, неопределенность внешней среды)

1.1. Рыночная неопределенность – истинная, естественная неопределенность рыночной экономики, является источником как предпринимательского риска, так и предпринимательского дохода.

1.2. Институциональная неопределенность – сложность, запутанность, несбалансированность и нестабильность институциональной среды экономической деятельности.

2. Внутренняя неопределенность (субъективная, неопределенность внутренней среды организации)

2.1. Неопределенность управления – в данном случае снижение эффективности работы сложного экономического субъекта снижена по вине центра управляющего воздействия.

2.2. Неопределенность исполнения – неоднозначность результата управляющего воздействия по вине агента управления.

Адаптация классических компонентов управления позволит решить ряд научных задач в области теории принятия управленческих решений.

При этом стоит учесть, что неопределенность сама по себе многолика, поэтому требует применения различных мер для ее оптимизации в процессе управления экономическими субъектами [4].

При планировании деятельности фирмы в условиях неопределенности на первый план выходит принцип гибкости. Для осуществления принципа гибкости планы должны составляться так, чтобы в них можно было вносить изменения, увязывая их с изменяющимися внутренними и внешними условиями. Такие планы должны содержать достаточный уровень резервов, также весьма актуальным в неопределенных, нестабильных условиях является разработка нескольких сценариев развития событий и плана деятельности фирмы для каждого из них, разработка дерева решений.

Для успешного взаимодействия со сложной изменчивой внешней средой, структура организационной системы должна быть с одной стороны четкой, понятной для всех ее участников, с другой стороны – достаточно гибкой и способной быстро изменяться в зависимости от требований внешней среды. С решением таких задач успешно справляются проектные и матричные организационные структуры, либо различные их вариации.

Снизить уровень внутренней неопределенности организационной системы возможно при помощи различных методов мотивации, например, в современных условиях широкое распространение получили механизмы индивидуального и проектного стимулирования.

Главными критериями выбора методов контроля в контексте управления неопределенностью должны являться его адаптивность и оптимальность. В данном случае критичным является своевременное переключение между различными сценариями и вариантами планов.

Выводы. В условиях экспоненциального роста сложности социально-экономических систем, масштаб неопределенности

экономических процессов выходит на качественно новый уровень и делает неопределенность существенным фактором, влияющим на решения экономических субъектов. Приспособления к современным условиям функционирования требуют все элементы систем управления. При этом, неопределенность является многогранным междисциплинарным понятием, характеризующим как состояние среды и отдельных объектов в настоящем, так и их динамику в будущем времени. Следует понимать, что уровень неопределенности внутренней и внешней среды функционирования организации в значительной степени влияет на эффективность и конкурентоспособность фирмы, рациональное использование национальных ресурсов, конкурентоспособность государства в целом.

Список литературы

1. Алчиан А. Производство, информационные издержки и экономическая организация : пер. с англ. / А. Алчиан, Г Демсец // Истоки: Экономика в контексте истории и культуры / под ред. Я. И. Кузьминова. – М. : Гос. ун-т Высш. шк. экономики, 2004. – 584 с.
2. Кузьмин Е. А. Неопределенность и определенность в управлении организационно-экономическими системами : [монография] / Кузьмин Е. А. – Екатеринбург : Ин-т экономики Урал. От-я РАН, 2012. – 184 с.
3. Найт Ф. Х. Риск, неопределенность и прибыль : пер. с англ. / Найт Ф. Х. – М. : Дело, 2003. - 360 с.
4. Новиков Д. А. Теория управления организационными системами / Д. А. Новиков. – 3-е изд., испр. и дополн. – М. : Изд-во физ.-мат. лит., 2012. – 604 с.
5. Трауб Дж. Информация, неопределенность, сложность : [пер. с англ.] / Трауб Дж., Васильковский Г., Вожняковский Х. – М. : Мир, 1988. – 322 с.
6. Яременко О. Л. Глобальні дисбаланси та новий протекціонізм: інституційна гіпотеза / Яременко О. Л. // Економіка України. – 2017. – №5-6. – С. 106–122.
7. Borch K. H. The economics of Uncertainty / Borch K. H. – Princeton : Princeton University Press, 1968. – Vol. 56. – P. 117–134.
8. Cliffe Leslie T. E. The Known and the Unknown in the Economic World / Cliffe Leslie T. E // Essays in political economy. – London , 1888. – Vol 25, № 7. – P. 221–242.
9. Haynes J. Risk as an Economic Factor. The Quarterly Journal of Economics.

– 1895. – Vol. 9, № 4. – P. 409–449.

10. Risk, Uncertainty, and Rational Action. / Jaeger C. C., Webler T., Rosa E. A., Renn O. – London : Earthscan, 2001. – 519 p.

11. McCall J. The economics of Information and Uncertainty / McCall J. // National Bureau of Economic Research Books – 1982. – Vol. 82, №. 1. – P. 318–343.

12. Moore P. G. Measuring Uncertainty / Moore P. G., Thomas H. // Omega. – 1975. – Vol. 3, №. 6. – P. 657–672.

13. Oxelheim L. Corporate decision-making with macroeconomic uncertainty : performance and risk management. / Oxelheim L., Wihlborg C. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – 607 p.

14. Ross E. A. Uncertainty as a Factor in Production / Ross E.A. // Annals, American Academy. – 1896. – Vol. 8. – P. 304–325.

15. Smith N. J. Appraisal, Risk and Uncertainty. / Smith N. J. – London : Thomas Telford, 2003. – 475 p.

References

1. Alchian A., Demsetz H., *Proizvodstvo, informacionnie izderzhki i ekonomicheskaya organizacia* [Production, information costs and economic organization]. Istoki: Ekonomika v kontekste istorii i kultury, Moscow, 2004, 584p.

2. Kuzmin E.A. *Neopredelenost i opredelennost v upravlenii organizatsionno-ekonomicheskimi sistemami* [monografia]. [Uncertainty and certainty in the management of organizational and economic systems : monograph], Ekaterinburg, Institut ekonomiki Publ., 2012, 184 p.

3. Knight F. H. *Risk, Uncertainty and Profit* [in Russian], Moscow, Delo Publ., 2003, 360p.

4. Novikov D.A. *Teoria upravlenia organizatsionnimi sistemami*. [Theory of Organizational Systems Management], 3-rd ed., Moscow, Fiziko-Matematicheskoi literature Publ., 2012, 604 p.

5. Traub J. F., *Information, Uncertainty, Complexity* [in Russian], Moscow, Mir Publ., 1988, 322p.

6. Yaremenko O.L., Global Imbalances and New Protectionism: Institutional Hypothesis[in Ukrainian] *Economic of Ukraine*, 2017, no 5-6, pp 106–122.

7. Borch K. H. *The Economics of Uncertainty*. Princeton University Press, 1968. P. 117–134.

8. Cliffe Leslie T. E. The Known and the Unknown in the Economic World. *Essays in political economy*. London, Longmans, 1888. P. 221–242.

9. Haynes J. Risk as an Economic Factor. *The Quarterly Journal of Economics*, Vol. 9, Issue 4, 1 July 1895, Pages 409–449.

10. Jaeger C. C., Webler T., Rosa E. A., Renn O. *Risk, Uncertainty, and Rational Action*. Earthscan, 2001, 519 p.

11. McCall J. *The Economics of Information and Uncertainty*. National Bureau of Economic Research Books. 1982. Vol. 82, no. 1. P. 318-343.

12. Moore P. G., Thomas H. Measuring Uncertainty. *Omega*. 1975. Vol. 3, no. 6. P. 657–672.

13. Oxelheim L., Wihlborg C. *Corporate Decision-making with Macroeconomic Uncertainty : Performance and Risk Management*. Oxford, Oxford University Press, 2008, 607 p.

14. Ross E.A. Uncertainty as a Factor in Production. *Annals. American Academy*. 1896. Vol. VIII. P. 304 - 325.

15. Smith N. J. *Appraisal, Risk and Uncertainty*. Thomas Telford, 2003, 475 p.

О. М. Сумець, О. І. Грушко

ІНФОРМАЦІЙНО-АНАЛІТИЧНЕ ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ В СИСТЕМІ ЕКОНОМІЧНОЇ БЕЗПЕКИ: ТРАНСПАРЕНТНІСТЬ ТА ДЖЕРЕЛА ІНФОРМАЦІЇ В МЕРЕЖІ ІНТЕРНЕТ

Визначено суть інформаційно-аналітичного забезпечення та уточнено зміст його трактування. Обґрунтовано необхідність доповнення трактування інформаційно-аналітичного забезпечення даними щодо рівня відкритості інформації, тобто транспарентності. Наведено приблизний алгоритм пошуку інформації в мережі інтернет для зовнішніх фахівців, що не мають доступу до внутрішніх документів суб'єктів господарювання, стосовно питань економічної безпеки. Вказано на перелік джерел у мережі Інтернет для отримання транспарентної інформації стосовно діяльності суб'єкта господарювання.

Ключові слова: аналіз, інформаційно-аналітичне забезпечення, транспарентність, інформація, економічна безпека.

Сумець А. М., Грушко А. И. Информационно-аналитическое обеспечение в системе экономической безопасности: транспарентность и источники информации в сети Интернет

Определена суть информационно-аналитического обеспечения и уточнено содержание её трактовки. Обоснована необходимость дополнения определения информационно-аналитического обеспечения данными связанными с уровнем открытости информации (транспарентности). Приведен примерный алгоритм поиска информации в сети интернет для внешних специалистов. Указан перечень источников в сети Интернет для получения транспарентной информации, касающейся деятельности субъекта хозяйствования.

Ключевые слова: анализ, информационно-аналитическое обеспечение, транспарентность, информация, экономическая безопасность.

Sumets A., Hrushko A. Information and analytical providing in the system of economic security: transparency and sources of information in the Internet

Overwhelming time material values considered as the main criterion of economic durability the government and subject of economic activity. But now information

resource a decisive factor for ensuring effective and productive activity of subject of economic activity. However, existence of information resources is not the basis for adoption of the adequate administrative decision yet. Complex of problems of forming of an economic safety are formulated and researched at the sufficient level, questions of information and analytical ensuring activities require a further detailed research. The purpose of work is refining of the conceptual and categorical device of information and analytical providing, determination of sources of receipt of information on the Internet on activities of the entity from the point of view of an economic safety. In the result of analysis of scientific publications it is established that authors described various approaches to determination of a definition “information and analytical providing”. However authors don’t provide information and requirements concerning sources of receipt of information and their openness, and first of all qualities, that is transparencies. The need is stressed to employ addition of definition of information and analytical providing with the level of openness of information (transparency). Attention is drawn to the approximate algorithm of information search in the Internet which consists: general search, search on social networks and dark web search. The list of sources in the Internet for obtaining the transparent information concerning activity of the subject of managing are specified. Recommendations are given for the external specialists who don’t have access to the internal documents of the subject of managing concerning an economic safety.

Key words: analysis, information and analytical providing, transparency, information, economic security.

Постановка проблеми. Переважний час в історії людства основним об’єктом для досліджень були матеріальні цінності. Саме вони і вважались основним критерієм економічної міцності як держави, так і суб’єктів господарювання.

Наприкінці 80-х років минулого століття провідні західні вчені почали звертати увагу на інформаційні ресурси. Так, на той момент часу, голова американської програми по формуванню політики в області інформаційних ресурсів професор Гарвардського університету А. Осттінгер указував на те, що настав час, коли інформація стає таким же основним ресурсом, як матеріали й енергія. Отже, по відношенню до цього ресурсу повинні бути сформульовані ті ж критичні питання, що й для матеріальних ресурсів, а саме: 1) хто ним володіє? 2) хто у ньому зацікавлений? 3) наскільки він доступний? 4) чи можливо

його комерційне використання? [1, с. 191]. Своєю чергою, президент Академії наук США Ф. Хендлер зазначив, що в даний час йде боротьба за контроль над найбільш цінними з усіх, відомих до теперішнього часу ресурсів - національними інформаційними ресурсами [2, с. 19]. Вищенаведене надає можливість констатувати, що ще на той час інформаційний ресурс вже став вирішальним фактором для забезпечення ефективної і результативної діяльності суб'єктів господарювання. Проте наявність інформаційних ще не є підставою для прийняття адекватного управлінського рішення. Тому головним тут є організація процесу перевірки, обробки, аналізу, збереження та нормування доступу до інформації. Вказане повинно передувати розробці якісного управлінського рішення. Отже, саме це обґрунтовує необхідність належного інформаційно-аналітичного забезпечення діяльності підприємства з високим рівнем захищеності й безпеки. На нашу думку, фахове вирішення такого завдання можливе за умови створення суб'єктами господарювання досконалої системи економічної безпеки.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Дослідженню проблем економічної безпеки суб'єктів господарювання нині приділяють велику увагу чисельна кількість вітчизняних та закордонних науковців. Зокрема, ці питання висвітлені у працях В. Алькеми, О. Бандурки, І. Мачкура, Є. Позднишева та інш. Незважаючи на те, що в загальному плані комплекс проблем формування економічної безпеки сформульовано та досліджено на достатньому рівні, питання інформаційно-аналітичного забезпечення діяльності, як і її компоненти, потребують подальшого ґрунтового дослідження.

Метою роботи є уточнення понятійно-категоріального апарату інформаційно-аналітичного забезпечення та визначення основних джерел отримання інформації в мережі Інтернет стосовно діяльності суб'єкта господарювання з точки зору економічної безпеки.

Основні результати дослідження. Рейтинги України за окремими індексами міжнародних досліджень, що стосуються впровадження інформаційно-комунікаційних технологій, не викликають оптимізму. Так, наша країна займає 81 місце серед 137 держав за глобальним індексом конкурентоспроможності 2017-2018 (WEF Global Competitiveness Index)[3], 64 місце з 139 держав – за індексом техно-

логічної готовності 2016 (WEF Technological Readiness Index) [4], 76 місце з 175 держав – за індексом розвитку інформаційно-комунікаційних технологій 2016 (ICT Development Index) [5].

Вищенаведені індекси – це комбіновані показники, що характеризують досягнення країн з точки зору розвитку інформаційних технологій. Автори досліджень зазначають, що індекс розвитку інформаційно-комунікаційних технологій є одним з найбільш важливих показників економічного та соціального благополуччя держави, а отже й суб'єктів господарювання та населення. Підтримують цю точку зору Т. Калінеску та О. Кирилов [6, с. 84], які стверджують, що наявність у суб'єктів господарювання якісного інформаційного-аналітичного забезпечення на 50 % спрощує виконання організаційно-управлінських та технологічно-контрольних функцій і на 70 % ведення обліково-звітної діяльності, що безумовно відображається на кінцевому фінансовому результаті діяльності підприємства.

У численних публікаціях, зокрема в [7–15], описані різноманітні підходи до визначення дефініції «інформаційно-аналітичне забезпечення» (табл.).

З наведених в таблиці визначень дефініції «інформаційно-аналітичне забезпечення» стає зрозумілим, що це системне поняття, яке утворюється двома взаємопов'язаними складовими – інформаційною та аналітичною. Але жодне з наведених визначень не дає відповіді щодо джерел отримання інформації та їх відкритості, і насамперед якості, тобто транспарентності.

У сучасних тлумачних словниках транспарентність розглядається як якість чогось, наприклад, ситуації або аргументу, яка робить його легко зрозумілим [16]; якість, яка робить щось очевидним або легко зрозумілим, прозорість мотивів [17]; ситуація, в якій фінансово-господарська діяльність здійснюється відкрито, без секретів, отже користувачі можуть довіряти тому, що діяльність справедлива і чесна [18]. Своєю чергою, науковець Ігумнов В. М. наводить таке визначення: транспарентність – це комплексний (інтегральний) показник відкритості суб'єкта економіки, який відображає адекватний вимогам користувачів рівень повноти розкриття та доступності звітної інформації про його поточний стан і перспективи діяльності [19, с. 7–8].

Таблиця

**Визначення дефініції «інформаційно-аналітичне
забезпечення»**

Визначення	Автор (колектив авторів)	Джерело
Сукупність технологій, методів збору та обробки інформації, що характеризує об'єкт управлінського впливу (соціальні, політичні, економічні й інші процеси), специфічних прийомів їхньої діагностики, аналізу й синтезу, а також оцінки наслідків прийняття різних варіантів політичних рішень	С. Телешун, С. Ситник, І. Рейтерович, О. Титаренко	[7]
Органічна сукупність даних та методів їх визначення і аналітичної оцінки, що може бути науково-методичною основою для прийняття органами управління відповідних рішень при визначенні ефективних напрямів розвитку цих процесів	О. Козловська	[8]
Сукупність збору, обліку, накопичення, розподілу, переробки (аналізу), збереження, пошуку і передачі відомостей та даних щодо різних аспектів діяльності суб'єкта господарювання, а також поточного та ретроспективного стану захищеності корпоративних ресурсів від зовнішніх та внутрішніх небезпек і загроз	Н. Зачосова І. Горячківська	[9]
Система взаємодії суб'єктів та застосування ними спеціальних методів, засобів та форм отримання, накопичення та аналізу інформації, формування прогнозів, розробки інформаційно-аналітичних документів та безпосередньої участі в створенні банківських продуктів	І. Мойсесенко, О. Мартинюк	[10]
Визначення такого обсягу інформації з її подальшим аналізом, який є необхідним для здійснення управління на певному ієрархічному рівні в конкретний період часу для досягнення цілей і завдань, що стоять перед керованою системою	П. Пуцентейло	[11]
Наявність інформації, необхідної для управління економічними процесами, що міститься в базах даних інформаційних систем	В. Зянько	[12]
Забезпеченість підприємства якісною аналітичною інформацією та захист його інформаційного середовища завдяки збору та аналізу зовнішньої та внутрішньої інформації, розробки на її основі планів та прогнозів розвитку підприємства	С. Приходько	[13]
Цілеспрямована взаємодія людського інтелекту (аналітика) і наявної вихідної інформації (відкритої та / або конфіденційної) з метою отримання споживачем інформації нового вивідного знання, що сприяє прийняттю оптимальних управлінських рішень	Е. Чергенець	[14]
Сукупність організаційних, методичних та інтелектуальних видів діяльності зі збору, систематизації, аналізу, зберігання, використання та поширення інформації щодо різних аспектів функціонування системи	Є. Михайлова, Н. Бусигіна	[15]

З огляду на вказане, ми вважаємо за доцільне додати корекцію у визначення поняття «інформаційно-аналітичне забезпечення». На нашу думку, його варто розуміти як збір, облік, накопичення, розподіл, переробку (аналіз), збереження, пошук, передачу й відбір відомостей та даних для оприлюднення з метою підтримки достатнього рівня транспарентності, що стосується різних аспектів діяльності суб'єкта господарювання, стану захищеності його корпоративних ресурсів від негативного впливу зовнішніх та внутрішніх небезпек і загроз.

В інформаційно-аналітичному забезпеченні діяльності суб'єктів господарювання і, зокрема їх економічної безпеки, ключову роль відіграють джерела інформації. То ж визначимо та конкретизуємо перелік первинних джерел інформації, які можуть використовуватись зовнішніми фахівцями-аналітиками для формування масиву даних для оцінювання функціонування системи економічної безпеки суб'єктів господарювання. Всі ці джерела можна поділити на відкриті та закриті, платні й безкоштовні. Паралельне використання усіх доступних джерел інформації є найбільш ефективним і більш того, результативним.

Для зовнішніх фахівців, що не мають доступу до внутрішніх документів оцінюваного суб'єкта господарювання, основним джерелом отримання відомостей та даних нині стала мережа Інтернет. Робота з нею повинна проводитись за визначеним алгоритмом, а саме: на першому етапі збору даних про діяльність суб'єкта господарювання слід проводити загальний пошук у найбільш популярних пошукових системах Google й Bing з одночасним використанням пошуку на сайтах: інформаційних агенцій, як місцевого рівня, так і державного рівня (Уніан, Укрінформ, ЗІК та ін.); державних установ (відповідні міністерства Кабінету міністрів України, Держстат та ін.); органів місцевого самоврядування; систем державних закупівель Prozorro та її майданчиків (brizor.net, Tendermaster, Public bid та ін.); місцям розміщення інформаційних баз стосовно діяльності суб'єктів господарювання (youcontrol.com.ua, spark-interfax.ru та ін.); відеохостінгів з метою пошуку вебінарів, кейсів та мастеркласів, де можливі згадки про досліджуваний суб'єкт господарювання (Youtube, Vimeo та ін.); учбових закладів (наукові збірки, дипломні та магістерські роботи, автореферати та тексти дисертацій, де досліджуваний

суб'єкт господарювання можливо виступав базою дослідження); презентацій (Slide share, Google Slide та ін.).

На другому етапі стає важливим використання складних пошукових запитів на різних мовах (українська, російська та англійська) у мережах всього пулу пошукових систем, у тому числі й заборонених в Україні (Yandex та Mail.ru), як в ручному режимі, так і за допомогою спеціалізованих програм, парсерів. Проведення таких пошукових дій викликано різними алгоритмами представлення релевантної інформації не тільки в залежності від пошукової системи, а й різницею, що викликана застосуванням мови пошукового запиту. Також фахівцю необхідно володіти прийомами пошуку та механізмами вилучення інформації з глибинного (невидимого) Інтернету («даркнету»).

Третій етап поєднує у собі дії з використання можливостей Інтернет для збору отримання необхідної інформації у соціальних мережах. Нині такою можливістю активно користуються банківські установи у випадку, коли необхідно знайти особу, що не розраховується по своїм кредитним зобов'язанням.

Вибір того чи іншого інформаційного ресурсу залежить від методичного підходу оцінювання рівня системи економічної безпеки суб'єкта господарювання, наявності фахівців-аналітиків, а також технічних можливостей.

Висновки. З огляду на викладений матеріал, ми вважаємо, що під поняттям інформаційно-аналітичного забезпечення варто розуміти сукупність процесів збору, обліку, накопичення, розподілу, переробки (аналізу), збереження, пошуку, передачі й відбору відомостей та даних для оприлюднення з метою підтримки достатнього рівня транспарентності, що стосуються різних аспектів діяльності суб'єкта господарювання, стану захищеності корпоративних ресурсів від негативного впливу зовнішніх та внутрішніх небезпек і загроз.

Пошук інформації стосовно діяльності суб'єкта господарювання зовнішніми фахівцями-аналітиками в мережі Інтернет повинен здійснюватись з використанням існуючих сайтів інформаційних агенцій, державних установ, органів місцевого самоврядування, системи державних закупівель Prozorro, відео-хостінгів, учбових закладів, сайти презентацій, соціальних мереж та доступних сайтів у даркнеті.

Перспектива подальших досліджень зазначеної проблематики полягає в обґрунтуванні методології забезпечення належного рівня інформаційно-аналітичного забезпечення та транспарентності в рамках системи економічної безпеки суб'єкта господарювання.

Список літератури

1. Oettinger A. Information Resources: Knowledge and Power In the 21st Century / A. Oettinger // Science. – 1980. – Vol. 209, № 47. – P. 191–198.
2. Кудров В. М. Научно-технический прогресс и структурные сдвиги в экономике США / В. М. Кудров. // США: ЭПИ. – 1980. – №11. – С. 15–28.
3. Schwab K. The Global Competitiveness Report 2017–2018 [Електронний ресурс] / Klaus Schwab. – 2017. – Режим доступу до ресурсу: <http://www3.weforum.org/docs/GCR2017-2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2017%E2%80%932018.pdf>.
4. Baller S. The Global Information Technology Report 2016 [Електронний ресурс] / S. Baller, S. Dutta, B. Lanvin. – 2016. – Режим доступу до ресурсу: http://www3.weforum.org/docs/GITR2016/WEF_GITR_Full_Report.pdf.
5. Measuring the Information Society Report 2016 [Електронний ресурс]. – 2016. – Режим доступу до ресурсу: <http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2016/MISR2016-w4.pdf>.
6. Пригожин А. Нововведения. Стимулы и препятствия: социальные проблемы инноватики / Аркадий Пригожин. – Москва: Политиздат, 1989. – 272 с.
7. Основи публічної політики та управління : навч. посіб. / авт. кол.: С. О. Телешун, С. В. Ситник, І. В. Рейтерович, О. Р. Титаренко, С. І. Вировий. – Київ : НАДУ, 2011. – 312 с.
8. Козловська О. С. Удосконалення інформаційно-аналітичного забезпечення державних органів управління [Електронний ресурс] / О. С. Козловська. – Режим доступу : http://www.confcontact.com/20101224/5_kozlov.php.
9. Зачосова Н. Інформаційно-аналітичне забезпечення оцінювання функціонування системи економічної безпеки підприємств та фінансових установ [Електронний ресурс] / Н. Зачосова, І. Горячківська. – 2016. – Режим доступу до ресурсу: <http://global-national.in.ua/archive/10-2016/71.pdf>.
10. Мойсеєнко І. П. Особливості формування інформаційно-аналітичного забезпечення економічної безпеки банку / І. П. Мойсеєнко, О. А. Мартинюк // Науковий вісник Львівського державного університету внутрішніх справ : зб. наук.-техн. праць. – Сер.: Економічна. – 2011. – № 2. – С. 203–210.

11. Пуцентейло П. Інформаційне забезпечення аналітичної діяльності в управлінні підприємством [Електронний ресурс] / Петро Пуцентейло. – 2015. – Режим доступу до ресурсу: <http://visnyk.iful.edu.ua/wp-content/uploads/2015/10/34-11-15.pdf>.
12. Зянько В. Інноваційне підприємництво : сутність, механізми і форми розвитку. Монографія / В. Зянько. – Вінниця : УНІВЕРСУМ – Вінниця, 2008. – 397 с.
13. Приходько С. Формування адекватного реальним виробничо-господарським процесам комплексу заходів реагування на загрози економічній безпеці / С. Приходько // Інвестиції : практика та досвід. – 2011. – № 4. – С. 52–56.
14. Чергенець Е. Інформаційно-аналітичне забезпечення безпеки підприємництва (збір та пошук інформації) : навч. посіб. / Е. Чергенець, А. Зайцев, Є. Позднишев ; за заг. ред. Є. Позднишева. – Кн. 2. – Київ : Вид-во «Позднишев», 2007. – 74 с.
15. Единое информационное пространство: информационно-аналитическое обеспечение управления образованием / под ред. Е. Михайловой, Н. Бусыгиной. – СПб. : ГОУ ДПО ЦПКС СПб «Региональный центр оценки качества образования и информационных технологий», 2010. – 50 с.
16. Oxford Learner's Dictionaries [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/transparency>.
17. Merriam-Webster learner's Dictionary [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.learnersdictionary.com/search/transparency>.
18. Cambridge Free English Dictionary and Thesaurus [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/business-english/transparency>.
19. Игумнов В. М. Методика формирования транспарентной финансовой отчетности организации: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. экон. наук: спец. 08.00.12 – Бухгалтерский учет, статистика / В. М. Игумнов. – М., 2013. – 23 с.

References

1. Oettinger A. Information resources: knowledge and power in the 21st century. *Science*, 1980, 209(4452), pp.191-198.
2. Kudrov B. M. Nauchno-tekhnicheskii progress i strukturnye sdvigi v ekonomike SShA [Scientific and technological progress and structural changes in the US economy], SShA: EPI, 1980, Vol. 11, pp.15-28.
3. Global Competitiveness Index 2017-2018. Country/Economy Profiles, 2017.

Available at: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-index-2017-2018/countryeconomy-profiles/#economy=UKR> [Accessed 1 Oct. 2017].

4. Global Information Technology Report 2016. Economies. Available at: <http://reports.weforum.org/global-information-technology-report-2016/economies/#economy=UKR> [Accessed 1 Oct. 2017].

5. Itu.int. ITU, 2016 Global ICT Development Index. Available at: <http://www.itu.int/net4/ITU-D/idi/2016/> [Accessed 1 Oct. 2017].

6. Prigozhin, A. Novovvedeniia [Innovations. Incentives and Obstacles: Social Problems of Innovation]. Moscow, Izd-vo polit. lit-ry, 1989, p.84.

7. Teleshun S. O. Osnovi publichnoï politiki ta upravlinnia [Basis of publicity and management], Nats. akad. derzh. upr. pri Prezidentovi Ukraini, 2011, p. 312.

8. Confcontact.com. Udoskonalennja informacijno-analitychnogo zabezpechennja derzhavnyh organiv upravlinnja [Improvement of informational and analytical support of state authorities]. Available at: http://www.confcontact.com/20101224/5_kozlov.php [Accessed 1 Oct. 2017].

9. Zachosova N. V., Gorjachkivs'ka I. V. Information and analytical support of the enterprises and financial institutions economic security system functioning evaluation, 2017, pp.339-344. Available at: <http://global-national.in.ua/archive/10-2016/71.pdf> [Accessed 1 Oct. 2017].

10. Mojsejenko I. P., Martynjuk O. A. Osoblyvosti formuvannja informacijno-analitychnogo zabezpechennja ekonomichnoi' bezpeky banku [Features of the formation of information and analytical support of the bank's economic security], *Lvivskyy derzhavnyy universytet vnurishnikh sprav – the Scientific Journal of Lviv State University of Internal Affairs*, 2011, no. 2, pp. 203-210.

11. Putsenteilo P. Informatsionnoe obespechenie analiticheskoi deiatelnosti v upravlenii predpriiatiem [Information support of analytical in business management]. Available at: <http://visnyk.iful.edu.ua/wp-content/uploads/2015/10/34-11-15.pdf> [Accessed 1 Oct. 2017].

12. Zjan'ko V. Innovacijne pidpryjemnyctvo : sutnist', mehanizmy i formy rozvytku. [Innovative entrepreneurship: the essence, mechanisms and forms of development. Monograph], Vinnytsia, 2008, p. 397.

13. Pryhod'ko S. Formuvannja adekvatnogo real'nym vyrobnycho-gospodars'kym procesam kompleksu zahodiv reaguvannia na zagrozy ekonomichnii bezpetsi [Formation of a complex of measures to respond to threats to economic security adequate to real production and economic processes], *Investyicii' : praktyka ta dosvid – Investment : Practice and Experience*, 2011, no.4, pp.52-56.

14. Chergenec E. Informaciino-analitychne zabezpechennia bezpeky pidpryjemnytsva (zbir ta poshuk informacii?) [Information and analytical security of entrepreneurship (information gathering and search)], «Pozdnyshch», Vol.2., 2007.

15. Mihailova E., Busygina N. Edinoe informacionnoe prostranstvo: informacionno-analiticheskoe obespechenie upravlenija obrazovaniem [Unified Information Space: Information and Analytical Support for Education Management], GOU DPO CPKS SPb «Regional'nyj centr ocenki kachestva obrazovanija i informacionnyh tehnologij», 2010

16. Oxfordlearnersdictionaries.com. transparency noun - Definition, pictures, pronunciation and usage notes, Oxford Advanced Learner's Dictionary at OxfordLearnersDictionaries.com. Available at: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/transparency> [Accessed 1 Oct. 2017].

17. Learnersdictionary.com.. Transparency - Definition for English-Language Learners from Merriam-Webster's Learner's Dictionary. Available at: <http://www.learnersdictionary.com/search/transparency> [Accessed 1 Oct. 2017].

18. Dictionary, t. (transparency Meaning in the Cambridge English Dictionary. Dictionary.cambridge.org. Available at: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/business-english/transparency> [Accessed 1 Oct. 2017].

19. Igumnov, V. Metodika formirovanija transparentnoj finansovoj otchetnosti organizacii [Methodology of formation of transparent financial reporting of the organization]. Ph. D. Moscow State Machine-Building University "MAMI", 2013, 23 p.

**Проблеми лінгвістики,
лінгводидактики,
літературознавства
та перекладу**

О. В. Тарасова

ТЕОРІЯ МОВЛЕННЕВОЇ АКОМОДАЦІЇ ТА ПРОБЛЕМИ КЕРУВАННЯ ДИСКУРСОМ

Стаття присвячена комунікативному феномену керування дискурсом (КД), що розглядається з точки зору теорії мовленнєвої акомодациї (ТМА), яка моделює і прогнозує сценарії комунікативної поведінки людини. Згідно цієї теорії, індивіди використовують мову для виконання мовленнєвих дій – досить складних, порівняно із традиційними мовленнєвими актами, фрагментів мовленнєво-мисленнєвої діяльності, що включає низку кроків, стратегій і тактик, до яких вдається мовець для досягнення певної мети. Мовленнєві дії слід аналізувати у більш широкому комунікативному контексті як інструменти керування дискурсом відповідно до попередньо складеного плану, який визначає доречне в даній ситуації лексико-семантичне наповнення висловлювань, їх форму, послідовність тощо. КД розглядається як механізм модифікації ілокутивної сили висловлювання шляхом її мітгації та інтенсифікації. Обидві стратегії є рівнозначними, бо в однаковій мірі сприяють взаємному зберіганню «лиця» комунікантів і є ефективними засобами маніпулювання дискурсом.

Ключові слова: мовленнєва дія, керування дискурсом, мітгація та інтенсифікація висловлювання, маніпулятивні комунікативні стратегії.

Тарасова Е. В. Теория речевой аккомодации и проблемы управления дискурсом

Статья посвящена коммуникативному феномену управления дискурсом (УП), рассматриваемому в свете теории речевой аккомодации (ТРА), моделирующей и прогнозирующей сценарии коммуникативного поведения индивидов. Согласно последней, говорящие используют язык для совершения речевых действий – достаточно сложных, по сравнению с традиционными речевыми актами, фрагментов речемыслительной деятельности, включающих ряд шагов, стратегий и тактик, к которым прибегает говорящий для достижения поставленной цели. Речевые действия необходимо анализировать в более широком коммуникативном контексте как инструменты управления говорящим дискурсом в соответствии с составленным заранее планом, который определяет предпочтительное в данной коммуникативной ситуации лексико-синтаксическое наполнение высказываний, их форму, последователь-

ность и т.п. УП рассматривается как механизм модификации иллокутивной силы высказывания путем ее митигации или интенсификации. Обе стратегии являются равноправными, т.к. в равной мере способствуют взаимному сохранению «лица» коммуникантов и выступают эффективными средствами манипуляции дискурсом.

Ключевые слова: речевое действие, управление дискурсом, митигация высказывания, интенсификация высказывания, манипулятивные коммуникативные стратегии.

Tarasova O. Speech accommodation theory and the problems of discourse management

The focus of the article is on the communicative phenomenon of discourse management (DM), viewed in the light of the speech accommodation theory (SAT), which models and predicts scripts of individuals' communicative behavior. In conformity with this theory, speakers use language in order to perform speech actions – more complex, compared to traditional speech acts, fragments of speech activities, which include sets of steps, strategies and tactics the speaker resorts to achieve a set goal. Speech actions are to be analyzed in a broader communicative context as instruments of managing discourse by the speaker according to a previously drafted plan, which determines lexical and syntactic structure of the utterances preferred in the given situation, their form, sequence, etc. DM is regarded as a mechanism of modifying the illocutionary force of an utterance by mitigation or intensification. Both strategies are equal in that they both to an equal degree contribute to interactants' mutual maintenance of 'face' and act as effective means of discourse manipulation.

Key words: speech action, discourse management, mitigation and intensification of an utterance, manipulative communicative strategies.

В основе современной синергетической научной парадигмы лежит, как известно, теория систем [4], выражающая суть природных и социальных явлений как кооперативность действий изолированных объектов, спонтанно организующихся в некую систему, функционирующую в определенной среде [2]. Основным принципом жизнедеятельности систем является **самоорганизация**, которую можно определить как «система в действии» [1, с. 145].

Исходя из синергетической идеологии, индивида как языковую личность также можно рассматривать как подвижную сложнооргани-

зованную саморегулируемую систему, связанную многообразными отношениями с окружающей средой, которая, собственно, и служит источником мотивации его действий, в том числе речевых.

В лингвосинергетике и теории коммуникации идеи самоорганизации речевых систем и взаимодействия системы и среды все более прочно связываются с известной **теорией речевого приспособления (аккомодации) (ТРА) (Speech accommodation theory – SAT)**. Последняя является показательным примером применения синергетической методологии к анализу стимулов, управляющих процессом коммуникации и ставит своей целью «выявлять используемые говорящим в различных ситуациях стратегии кодирования и интерпретации сообщений и **исследовать их взаимосвязь**» [18, с. 5. – перевод мой – Е.Т.].

ТРП – это теория системного социо-психолингвистического взаимодействия, моделирующая и прогнозирующая сценарии коммуникативного поведения индивидов. Согласно этой теории, говорящий всегда сознательно или бессознательно «приспосабливается» к своему партнеру по коммуникации, настраиваясь на его речевое поведение. Подобные стратегии «настройки» (attuning strategies – [7]) бывают трех типов:

1) стратегии *речевой конвергенции* (слияния) (speech convergence strategies), используемые коммуникантами для максимального уподобления своей речи речи партнера.

2) стратегии *речевой дивергенции* (размежевания) (speech divergence strategies), используемые с целью подчеркнуть различия в коммуникативном поведении партнеров;

3) стратегии *поддержания коммуникативного равновесия* (speech maintenance strategies), посредством которых говорящий дает понять, что по тем или иным причинам он не считает нужным изменять свое речевое поведение в угоду партнеру.

Исследования в области ТРП [2; 6; 10; 18 и др.] показывают, что использование стратегии речевой конвергенции (их называют еще «стратегиями сближения» – approximation strategies) способствует созданию психологического комфорта, соблюдению принятых в данной ситуации социолингвистических норм и социальной дистанции

между коммуникантами, а потому обычно оценивается реципиентами положительно. Дивергентное же речевое поведение и «поддержание коммуникативного равновесия» – напротив, вызывают негативную реакцию, приводят к психологической диссоциации коммуникантов.

В синергетических терминах ТРП получает удовлетворительное объяснение и такое активно обсуждаемое сегодня явление, как «управление дискурсом» (ДМ) (discourse management) [5; 6; 7;]. В основе данного явления лежит предположение, что в каждой конкретной ситуации общения коммуниканты не только обмениваются информацией и выражают эмоции с помощью языка, но и используют язык для *совершения действий*. Высказывания в теории дискурса рассматриваются как *речевые действия*, предпринимаемые говорящим для достижения определенных целей.

Понятие речевого действия нельзя свести к понятию речевого акта (РА). Речевые действия представляют собой более сложные образования и являются по сути фрагментами более крупных социальных взаимодействий, осуществляемых говорящим посредством выстраивания цепочки коммуникативных шагов и тактик. Иначе говоря, высказывания, представляющие собой речевые действия, следует рассматривать в более широком лингвопрагматическом контексте как стратегические продукты / результаты управления говорящими дискурсом. Когда речевые действия и их последовательность должным образом спланированы и организованы, они составляют курс действий говорящего – своего рода когнитивный план / программу [7, с. 233] речевых действий, призванных обеспечить говорящему реализацию его цели [3]. Подобный план / программа регулирует выбор говорящим соответствующих коммуникативных стратегий и тактик.

Управление дискурсом предполагает также, что коммуникация – это, как правило, двухсторонний (а часто и многосторонний) процесс, и что каждый раз, когда двое (или более) говорящих вступают в коммуникативное взаимодействие, они заключают нечто вроде «коммуникативного контракта». Последний предполагает, что обе стороны понимают и принимают «правила игры», т.е. наличие определенных прав и обязательств по отношению к партнеру» [6]. При этом пред-

полагается, что каждая из сторон понимает и принимает «правила игры», т.е. осознает свои «права и обязанности» по отношению к партнеру. Это может быть необходимость соблюдения церемониальных ритуалов и условностей, (например, обмен формулами вежливости при первой встрече) или следование сценариям поведения, предписанным профессиональным этикетом или корпоративной культурой. Так или иначе, понятие коммуникативного контракта предполагает интерактивное взаимодействие участников, чьи коммуникативные шаги, предпринимаемые ими в процессе целенаправленного взаимодействия, можно рассматривать как спланированные совместные усилия по управлению дискурсом, психологически направленные на взаимную поддержку, солидарность, общительность и пр. Управление дискурсом (УП), таким образом, представляет собой лингвопрагматический феномен, который следует рассматривать как часть общей коммуникативной стратегии, направленной на модификацию иллокутивной силы высказывания. Регулируя иллокутивную силу речевого акта, говорящий может выражать различную степень уверенности в своих утверждениях, эмоций, желаний и т.п.

Существует целый ряд способов управления дискурсом путем манипулирования иллокутивной силой высказывания, основными среди них считаются *митигация* и *интенсификация* (attenuation and boosting – [9]). Митигаторы и интенсификаторы высказывания воздействуют на «лицо» в виде соответственно ликоповышающих и ликопонижающих РА [6]. Использование митигаторов (downtoners) свидетельствует о стремлении говорящего смягчить иллокуцию высказывания путем выражения неуверенности, сомнения, дистанцирования (невмешательства в личностное пространство собеседника), избегания авторитарных и безапелляционных заявлений и других подобных тактик.

Интенсификаторы (accentuators, boosters) высказывания усиливают его смысловой «фокус», акцентируя его посредством самых разнообразных тактик – просодических (манипулирование громкостью речи, высотой тона, ударением и пр.), синтаксическими средствами (вопросительные структуры, восклицания, эмфатическая инверсия и т.п.), лексическими единицами (модальными, стилистически

окрашенными и пр.), а также дискурсивными приемами (повторы, парентеза, хеджи и т.п.).

Как митигаторы, так и интенсификаторы высказывания выступают компонентами богатого арсенала манипуляторов дискурсом, регулярно используемыми говорящими с целью поддержания дистанции статуса и власти между коммуникантами, выражения отношения, аффективных оттенков смысла и пр.

Митигаторы и интенсификаторы являются эффективным инструментами управления дискурсом в силу трех обстоятельств. И те, и другие:

1) основаны на контрасте, а контраст всегда более информативен и эмотивно заряжен.

2) являются контекстно зависимыми: одна и та же единица может выступать усилителем в одном контексте и митигатором в другом в зависимости от лексического или синтаксического оформления высказывания, иллокуции РА, социальных факторов (различные формы обращений, принятые в общении между разностатусными собеседниками, предмет обсуждения и т.п.).

3) игнорируют максимы кооперации Грайса, т.к. нарушают требования рациональности, лаконичности и эффективности коммуникации, делая высказывание сверхинформативным, нерелевантным, имплицитным или неопределенным, часто привнося в него аффективный компонент, отражающий отношение адресанта к адресату.

Манипуляторы обоих типов включаются говорящим в составленный заранее план управления дискурсом в той или иной ситуации и интерактивно используются в процессе реализации этого плана, т.е. достижения коммуникантом поставленной цели. Говорящий контролирует дискурс, критически оценивая результаты своих речевых ходов и реагирует целенаправленными речевыми действиями, отбирая из своего коммуникативного репертуара те из них, которые, как показывает ему прошлый коммуникативный опыт, с наибольшей вероятностью принесут ожидаемые результаты. Если цель не достигнута, коммуникант реагирует на это либо изменением цели высказывания, либо изменением стратегий и тактик ее достижения. Способность индивида модифицировать как собственное речевое

поведение, так и воздействовать на речевую деятельность других участников общения определяет степень его коммуникативной свободы. В этом, собственно, и состоит суть речевой аккомодации.

Можно заключить, таким образом, что ТРА, в фокусе которой находится непосредственная «экология» межличностной коммуникации, включающая ситуацию общения и характер отношений между коммуникантами, является естественной теоретико-методологической базой для исследования инструментов и механизмов управления интерактивным дискурсом в ситуациях, когда адресат и адресант взаимно влияют друг на друга. Особая методологическая ценность ТРА состоит, по нашему мнению, в том, что она иллюстрирует эвристический и прагматический потенциал синергетического подхода к речевой коммуникации, основанного на самоорганизации (саморегуляции) коммуникативных (под)систем, под воздействием своей «экологии», т.е. функциональной адаптации к изменяющимся условиям окружающей коммуникативной среды.

Список литературы

1. Пушкин В. Г. Кибернетический принцип саморегуляции / В. Г. Пушкин. – Л. : Наука, 1974. – 245 с.
2. Тарасова Е. В. Проблемы развития языка в терминах синергетики / Е. В. Тарасова // Вісник ХДУ. – № 390. – Харьков : Константа. – 1997. – С. 5–11.
3. Ableson R. P. Concepts for representing mundane reality in plans / R. P. Ableson // Representation and Understanding: Studies in Cognitive Science. – New York : Academic Press, 1975. – P. 273–309.
4. Bertalanfy. General System Theory. – George Brill, 1968. – 375 p.
5. Coupland N. Accommodating the elderly: invoking and extending a theory / Coupland N., Coupland J., Giles H., P.Henwood K. // Language Society. – Vol. 17. – 1988. – P. 1–41.
6. Fraser B. Conversational mitigation / B. Fraser // Journal of Pragmatics. – Vol. 4. – 1980. – P. 341–350.
7. Giles H. Language: Context and Consequences / H. Giles, N. Coupland. – Open University Press, 1991. – 287 p.
8. Hayashi T. Politeness in conflict management: a conversation analysis of dispreferred message form from a cognitive perspective / T. Hayashi // Journal of Pragmatics – 1996. – № 25. – P. 227–255.

9. Holmes J. An introduction to sociolinguistics / J. Holmes // Textbooks in Linguistics. Blackwell Textbooks in Linguistics – Blackwell Publisher, 1984. – P. 13–25.

10. Verschueren J. Pragmatics as a theory of linguistic adaptation / J. Verschueren // IPrA Working document, 1987. – P. 23–37.

References

1. Pushkin V.G. Kyberneticheskiy printsip samoregulyatsii [The cybernetic principle of self-regulation], 1974, 245 p.

2. Tarasova Ye.V. Problemy razvitiya yazyka v terminah synergetiki [Problems of language development in synergistic terms]. Visnyk KhDU – Bulletin KhSU, Kharkov, 1997, no. 390, pp. 5-11.

3. Ableson R. P. Concepts for representing mundane reality in plans. Representation and Understanding: Studies in Cognitive Science. New York Academic Press, 1975, pp. 273–309.

4. Bertalanfy. General System Theory. George Brill, 1968, 375 p.

5. Coupland N., Coupland J., Giles H., P. Henwood K. Accommodating the elderly: invoking and extending a theory. Language Society, 1988, no. 17, pp. 1 – 41.

6. Fraser B. Conversational mitigation. Journal of Pragmatics, 1980, no. 4, pp. 341-350.

7. Giles H., Coupland N. Language: Context and Consequences. Open University Press, 1991. 287 p.

8. Hayashi T. Politeness in conflict management: a conversation analysis of dispreferred message form from a cognitive perspective. Journal of Pragmatic, 1996, no. 25, pp. 227-255.

9. Holmes J. An introduction to sociolinguistics Textbooks in Linguistics. Blackwell Textbooks in Linguistics, 1984, pp. 13-25.

10. Verschueren J. Pragmatics as a theory of linguistic adaptation. IPrA Working document, 1987, pp. 23-37.

А. А. Хильковская

ТИПОЛОГИЯ И ГРАНИЦЫ АГРЕССИВНОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена анализу термина «агрессивный дискурс» и терминов, которые употребляются как синонимичные: «конфликтный дискурс», «конфронтационный дискурс». Объектом исследования являются речевые стратегии, традиционно относящиеся к агрессивному дискурсу. Цель исследования – более точно определить границы агрессивного дискурса, описать и систематизировать признаки одного из его типов: «языка ненависти» (Hate Speech). Автор дает определение агрессивного дискурса и описывает типы речевого поведения, к нему относящиеся. Автор обращает внимание на все большее распространение социально-политических текстов, обладающих повышенной «агональностью» и, как результат, большей «суггестией», силой речевого воздействия. Автор утверждает, что многие из этих текстов имеют признаки «Hate Speech». В статье рассматривается используемая в таких текстах система стратегий речевого воздействия. Результаты исследования позволяют не только очертить границы агрессивного дискурса, но и предложить типологию текстов агрессивного дискурса в зависимости от коммуникативной цели и использованных стратегий.

Ключевые слова: агрессивный дискурс, суперстратегии вежливости, агональность, понятийная категоризация, образная категоризация.

Хильковська А. О. Типологія та межі агресивного дискурсу

Стаття розглядає термін «агресивний дискурс», а також терміни, що зазвичай вживають як синонімічні: «конфліктний дискурс» та «конфронтаційний дискурс». Об'єктом дослідження є мовленнєві стратегії, що традиційно відносять до агресивного дискурсу. Ціль дослідження полягає в більш чіткому визначенні меж агресивного дискурсу і ознак одного з його типів: «мови ненависті» (Hate Speech). Стаття дає визначення терміну «агресивний / конфліктний дискурс» та розглядає певні типи мовленнєвої поведінки, що відносяться до нього. Автор звертає увагу на поширення в соціально-політичному дискурсі текстів, яким притаманна агональність і, як наслідок, суггестія, велика сила впливу. Автор стверджує, що деякі з них мають ознаки «Hate Speech». В статті розглядається система мовленнєвих стратегій, яка застосовується в текстах цього типу. Результати дослідження

дозволяють не тільки визначити межі агресивного дискурса, а й запропонувати типологію текстів, що належать до нього, в залежності від їх комунікативної цілі та стратегій, що в них використовуються.

Ключові слова: агресивний дискурс, суперстратегії ввічливості, агональність. понятійна категоризація, образна категоризація.

Khilkovska A. Typology and aggressive discourse limits

The article deals with aggressive discourse and the use of similar terms synonymic, such as “discourse of conflict” and “confrontational discourse”. The object of the research is communicative strategies traditionally viewed as belonging to aggressive discourse. The purpose of the research is to define less ambiguously the limits of aggressive discourse and identify the features of the so-called Hate Speech as one of its types. The author gives a definition of aggressive or confrontational discourse and reviews the types of communicative behaviour pertaining to it. The author also speaks about the emergence of a relatively new type of social and political discourse classified as “Hate Speech” and characterized by a highly agonistic language and, therefore, a strong power of suggestion. The article examines the terms “agonism” and “agonistic language” and considers a system of strategies it is realized by, such as labeling, intense repetition, using dehumanizing attributes and metaphors. The article also describes a mechanism of turning nominations into labels by means of two different tactics.

The performed analysis makes it possible to define the scope of aggressive discourse and suggest a typology of aggressive texts based on their communicative purpose, as well as the range of strategies applied.

Key words: aggressive discourse, politeness super-strategies, agonistic language, notional categorization, figurative categorization.

Исследование коммуникативных стратегий выражения критики и неодобрения в современном англоязычном дискурсе, что является темой нашего исследования, естественно, предполагает рассмотрение таких понятий, как «агрессивный» или «конфликтный» дискурс, и требует их более точного определения.

В научных источниках как агрессивный, так и конфликтный (или конфронтационный) дискурс описываются как тип такого речевого поведения коммуникантов, который вызывает конфронтацию между ними и осложняет или делает невозможной кооперацию, как «результат вербального взаимодействия, в котором конструируются негатив-

ные и недружественные отношения между участниками» [2;193]. Термины «агрессивный», «конфликтный» или «конфронтационный» дискурс используются как понятия синонимичные, а в определении дискурса как конфронтационного ключевую роль играет соблюдение/несоблюдение говорящим кооперативного принципа Грайса [7] (который предполагает выбор коммуникантом наиболее эффективных стратегий для достижения его коммуникативных целей, а значит, предполагает, что сознательно или бессознательно коммуниканты могут избрать стратегии, неминуемо ведущие к конфронтации или агрессивным действиям участников коммуникации [1]), в рамках теории вежливости П. Браун и С. Левинсона [4] и максим Дж. Лича (применившего теорию вежливости к отдельным видам речевых актов и сформулировавшего пары максим) [9]. В основе теории вежливости лежит предложенное еще в 1967 году Гофманом [6] понятие социального лица коммуниканта – его позитивного социального имиджа, который, предполагается, он стремится сохранить. При этом теория вежливости различает негативное лицо (Negative face) и позитивное лицо (Positive Face) коммуниканта. Позитивное лицо сохраняется и поддерживается одобрением окружающих, их поддержкой, симпатией, уважением и принятием, а негативное лицо – предоставлением свободного выбора, уважением независимости и самостоятельности собеседника, посягательства же на эти права коммуниканта несет угрозу его лицу. Коммуникативные ситуации, грозящие потерей лица в теории Браун и Левинсона названы FTA (Face Threatening Acts – акты, угрожающие лицу собеседника), их еще называют ликопо-нижающими РА (речевыми актами), при этом авторами однозначно делается вывод о том, что такие действия (а речь является деятельностью) могут привести к возникновению конфликта, спровоцировать проявление агрессии, т.е. находятся в плоскости конфликтного речевого поведения, иными словами, агрессивного или конфликтного дискурса.

П. Браун и С. Левинсон [4] выделяют четыре суперстратегии вежливости: стратегия «bald on record» (отсутствие всяких попыток минимизировать угрозу «лицу» собеседника), позитивная вежливость (вежливость сближения, выраженная забота о позитивном «лице»

собеседника, дружелюбность, солидарность, принятие), негативная вежливость (вежливость дистанцирования, минимизация угроз негативному «лицу», демонстрация нежелания ограничить свободу собеседника), стратегия «off-record» (использование намеков и импликаций с целью избежать возможных угроз «лицу» собеседника). Некоторые авторы, анализирующие теорию вежливости Браун и Левинсона считают, что принцип «Своди к минимуму угрозу потери лица» [4] сам по себе и есть глобальная стратегия вежливости [1], тем самым предполагая, что угроза потери «лица» в коммуникации является наиболее конфликтогенным фактором.

Модель невежливости Калпепера [5], включающая пять суперстратегий невежливости, построена как зеркальное отражение суперстратегий вежливости Браун и Левинсона, но в отличие от них, суперстратегии невежливости несут угрозу «лицу» собеседника [5]. Калпепер выделяет следующие суперстратегии: невежливость «bald on-record» (эксплицитная невежливость, открытая и недвусмысленная угроза «лицу» собеседника), позитивная невежливость (угроза позитивному «лицу» собеседника, оскорбления, негативные оценки, пренебрежительное отношение), негативная невежливость (нанесение ущерба негативному «лицу» адресата, посягательство на его свободу действий, унижение, вторжение в личное пространство), сарказм (притворная или преувеличенная вежливость), игнорирование общепринятых в данной лингвокультуре формул вежливости и невежливость «off-record» (намекы и импликации, угрожающие «лицу» собеседника).

Тексты, которые реализуют вышеназванные стратегии невежливости и составляют агрессивный или конфликтный дискурс. Можно ли утверждать, что таким образом границы агрессивного дискурса строго очерчены?

В последние годы в условиях нарастания агрессии и нетерпимости в обществе, многими публицистами отмечается заметная роль, которую играют в этом процессе средства массовой информации. Публицистические тексты демонстрируют свои суггестивные возможности, вербуя сторонников или формируя оппозицию той или иной политике, идее, взглядам, побуждая целые группы людей к действиям,

протестам и даже вооруженной конфронтации. Многие лингвисты, в частности, Е. И. Шейгал, считают, что любые тексты, принадлежащие к политическому дискурсу, вне зависимости от их жанра, обладают какой-то степенью агональности [3]. Термин «агональность» происходит от греческого слова агон – соревнование, спор, конфликт. Когда об агональности говорится как о неотъемлемой черте политического дискурса, подразумевается, что одной из функций любого текста политического дискурса есть функция разделять, противопоставлять НАС и ИХ, маргинализировать противников и вербовать сторонников. Однако эта функция в разной степени реализуется разными жанрами политического дискурса, она является ведущей в лозунгах, плакатах и политических дебатах, тогда как в прочих жанрах ведущими являются совершенно другие функции: потребитель информации предполагает, что выпуски новостей информируют, редакционные статьи дают глубокий анализ, авторские колонки предлагают собственный взгляд автора колонки на события. Жанровый сдвиг текстов, призванных анализировать и информировать, сопоставлять точки зрения и сообщать фактическую информацию, в сторону чрезвычайно высокой агональности усиливает их суггестивное воздействие и позволяет отнести такого рода тексты к агрессивному (конфликтному) дискурсу. Агональность этих жанров поддерживается системой стратегий речевого воздействия, реализуемой авторами [3]. Одной из наиболее часто и весьма эффективно используемых стратегий является стратегия «labelling» (присвоение, «наклеивание» отрицательных ярлыков), которая направлена на изменение знаний и представлений получателя информации о мире путем модификации структуры концептов. Эта стратегия реализуется в двух тактиках, в зависимости от того, какой компонент концепта модифицируется. Предложившая данную классификацию тактик Е. Шагал исходит из того, что концепт обладает понятийной, образной и ценностной составляющими. Понятийная составляющая концепта может быть модифицирована путем отождествления объектов одного уровня и категоризации. Например, смена власти в стране начинает устойчиво именоваться *переворотом*, властные структуры – *хунтой*, последователи одной из религий – *религиозными фанатиками*. Е. Шагал

называет это «тактикой понятийной категоризации» [3]. Эта тактика является эффективной за счет того, что в каждом из приведенных выше примеров отрицательный ярлык находится в пределах концепта, подвергающегося модификации, и актуализирует определенные его слоты, не обязательно отражающие реальную ситуацию. Еще одну тактику Е. Шейгал определяет как образную категоризацию, «эта тактика направлена на модификацию образных составляющих отдельных концептов в сознании реципиента при помощи присвоения им метафорических номинаций, а также построения развернутых метафор» [3]: *кровавый режим, пятая колонна, сапог НАТО*. Удачная метафора усиливает эмоциональное воздействие публицистического текста и его возможность моделировать поведение читателя.

И понятийная, и образная категоризация напрямую влияют на ценностную составляющую модифицируемых концептов (*правительство* – нейтрально, *хунта* – отрицательный ярлык), таким образом происходит ценностная переориентация потребителя информации.

На наш взгляд, те жанры публицистического и общественно-политического дискурса, основной функцией которых является привлечение сторонников и одержание победы над оппонентом в споре как, например, вышеупомянутые политические дебаты или предвыборные лозунги, не могут быть отнесены к конфликтному дискурсу. Конфликтность или агональность данных текстов – это результат соблюдения участниками правил игры, политические дебаты не предполагают компромиссов, но не ведут к конфронтации, наоборот, их результатом являются честные выборы и согласие общества с результатом этих выборов. И, наоборот, агональность иных публицистических жанров может быть определена термином HATE SPEECH и позволяет отнести подобные тексты к агрессивному (конфликтному) дискурсу.

Для HATE SPEECH (или языка ненависти) помимо наклеивания ярлыков, характерен еще ряд стратегий речевого воздействия, таких как: интенсивное повторение (отрицательные ярлыки с момента их вхождения в оборот широко и интенсивно используются, так что, спустя какое-то время воспринимаются как норма, как нечто обще-

известное), использование «дегуманизирующих» эпитетов и метафор по отношению к большим группам людей, к народам или целым странам («агрессивный блок НАТО»), «разделяющий язык», противопоставляющий «Мы против Них» (где «Они» – виновники всех бед, а «Мы» – носители всяческих добродетелей), деметафоризация метафоры, т. е. использование ее в прямом значении как факт и реальный аргумент («*приезжие отнимают наши рабочие места*»). Воздействуя на эмоции, HATE SPEECH побуждает реципиентов к конфронтации, это инструмент, который всегда используется намеренно, конфронтация является его целью.

С развитием Интернет коммуникации тексты, обладающие признаками HATE SPEECH, все шире и активнее распространяются и на этой территории, тем более, что она дает возможность скрывать авторство.

Таким образом, представляется возможным предложить следующую типологию агрессивного (или конфликтного) дискурса:

– прямое выражение критики и неодобрения, пренебрегающее Принципом Кооперации Грайса и Суперстратегиями вежливости П. Браун и С. Левинсона, реализующее суперстратегии невежливости можно отнести к **агрессивно-конфликтному дискурсу**;

– к этому же типу дискурса можно отнести тексты, имеющие признаки «языка ненависти» (Hate Speech), так как их целью является побуждение к конфронтации людей, не находившихся до того, как подверглись воздействию подобными текстами, в состоянии конфликта;

– митигированная критика и неодобрение, выраженная в форме, максимально сохраняющей «Лицо» критикуемого, может быть отнесена к **митигированно-конфликтному дискурсу**, который нельзя определять как агрессивный или конфронтационный;

– **агональный (сопоставительный) дискурс**, имеющий все признаки конфликтного дискурса, в тех ситуациях, когда агональность – есть правило поведения (т. е. является «ритуальной»), например, политические дебаты или рэп-батл, несмотря на наличие реальных разногласий и противоречий, неправомерно приравнивать к агрессивному или конфронтационному.

Это позволяет сделать вывод о том, что выражение критики

и неодобрения не обязательно принадлежит к конфликтному дискурсу, несмотря на тот факт, что сама ситуация, которая провоцирует критику и неодобрение, предполагает наличие разногласия и противоположности взглядов по какому-либо поводу, конфликта мнений, т. е. является потенциально конфликтной;

Список литературы

1. Давыденко Л. Г. Реализация постулатов речевого общения в коммуникации в рамках теории вежливости П. Браун и С. Левинсона [Электронный ресурс] / Л. Г. Давыденко, Р. Я. Гаспарян, А. Б. Музыченко // Современные наукоемкие технологии. – 2014. – №2. – С.96-100. – Режим доступа: www.rae.ru/snt/?section=content&op=show_article&article_id=10002269.

2. Как нарисовать портрет птицы: методология когнитивно-коммуникативного анализа языка: кол. монография / [Бондаренко Е. В., Мартынюк А. П., Фролова И. Е., Шевченко И. С.] ; под. ред. И. С. Шевченко. – Харків : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2017. – 246 с.

3. Шейгал Е. И. Агональность в коммуникации: структура понятия / Е. И. Шейгал, В. В. Дешевова // Вестник Челябинского университета. Филология. Искусствоведение. – 2009. – Вып. 36. – С. 145–148.

4. Brown P., Levinson, S.C. Universals in language usage: politeness phenomena / P. Brown, S.C. Levinson // Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction. – N.Y.: Cambridge University Press, 1978. – P. 56–289.

5. Culpeper J. Towards an anatomy of impoliteness/ Journal of Pragmatics. – 1996. – № 25. – P. 349–367.

6. Goffman E. Interaction Ritual: essays in face-to-face behavior / E. Goffman. – New York: Garden City, 1967. – 271 p.

7. Grice P. Logic and Conversation / P. Grice // Syntax and Semantics. Speech Acts. – N.Y.: Academic Press, 1975. – P. 41–58.

8. Grice P. Further Notes on Logic and Conversation / P. Grice // Pragmatics – vol. 4. – London: Routledge, 1998. – P. 162–178.

9. Leech G. N. Explorations in Semantics and Pragmatics / G. N. Leech. – Amsterdam, Philadelphia : Benjamins, 1980. – 133 p.

References

1. Davyidenko L. G., Gasparyan R. Ya., Muzyichenko A. B. Realizatsiya postulatov rechevogo obscheniya v kommunikatsii v ramkah teorii vezhливosti P. Braun i S. Levinsona [Realization of the main communication principles in the

framework of P. Brawn and S. Levinson's Politeness Theory]. *Sovremennyye naukoemkie tehnologii – Contemporary science intensive operation practices*. 2014. no 2. p. 96-100. Available at: www.rae.ru/snt/?section=content&op=show_article&article_id=10002269

2. Bondarenko E. V., Martynyuk A. P., Frolova I. E., Shevchenko I. S.; edited by Shevchenko I. S. *Kak narisovat portret ptitsyi: metodologiya kognitivno-kommunikativnogo analiza yazyka: kol. monografiya* [How to draw the portrait of a bird: cognitive and communicative analyses methodology]. Kharkiv, Karazin university, 2017, 246 p.

3. Sheygal E. I., Deshevova V. V. *Agonalnost v kommunikatsii: struktura ponyatiya* [The idea of agonism in communication: the concept structure]. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie. – Herald of the Chelyabink University. Philology. study of Art.*, 2009, no.36. pp. 145-148.

4. Brown P., Levinson, S.C. *Universals in language usage: politeness phenomena. Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction*. N.Y.: Cambridge University Press, 1978., pp. 56-289.

5. Culpeper J. *Towards an anatomy of impoliteness*. *Journal of Pragmatics*. 1996. №25. pp. 349-367.

6. Goffman E. *Interaction Ritual: essays in face-to-face behaviour*. New York: Garden City, 1967. 271 p.

7. Grice P. *Logic and Conversation. Syntax and Semantics. Speech Acts*. N.Y., Academic Press, 1975. pp. 41-58.

8. Grice P. *Further Notes on Logic and Conversation Pragmatics*. vol. 4, London. Routledge, 1998. pp. 162-178.

9. Leech G. N. *Explorations in Semantics and Pragmatics*. Amsterdam, Philadelphia : Benjamins, 1980. 133 p.

Н. И. Закриничная

ФОРМИРОВАНИЕ И ПОВЫШЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПЕРЕВОДЧИКА В КОНТЕКСТЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена проблеме формирования и повышения социокультурной компетенции будущих переводчиков. Отмечено что, разработка её методики, отвечающей требованиям времени, является актуальной для специалистов в сфере языкового образования. Объектом исследования являются социокультурные компетенции и способы их улучшения.

В статье освещаются существующие способы повышения квалификации специалистов и поиск новых.

Автором предложены методики обновления теоретических и практических основ компетенции переводчика, которые необходимы для современного межкультурного взаимодействия.

Как показывает опыт, при подготовке специалистов следует уделять особое внимание социокультурному компоненту, ознакомлению с реалиями и культурой страны изучаемого языка.

Основное внимание автор акцентирует на необходимости формирования у студентов навыков социокультурной компетенции как одной из важных составляющих профессиональной компетентности будущих переводчиков.

Сделан вывод что, благодаря использованию современных технологий происходит интенсификация профессиональной деятельности переводчиков, повышается эффективность процесса коммуникации.

Ключевые слова: социокультурная компетенция, формирование навыков, обучение переводчиков, коммуникация, профессиональная деятельность, непрерывное образование, современные технологии, повышение квалификации.

Закринична Н. І. Формування та підвищення соціокультурної компетенції перекладача в контексті безперервної освіти

Стаття присвячена проблемі формування та підвищення соціокультурної компетенції майбутніх перекладачів. Відзначено що, розробка її методики, що відповідає вимогам часу, є актуальною для фахівців в сфері мовної освіти. Об'єктом дослідження є соціокультурні компетенції та способи їх поліпшення.

У статті висвітлюються існуючі способи підвищення кваліфікації фахівців та пошук нових.

Автором запропоновані методики оновлення теоретичних та практичних основ компетенції перекладача, які необхідні для сучасної міжкультурної взаємодії.

Як свідчить досвід, при підготовці фахівців слід приділяти особливу увагу соціокультурному компоненту, ознайомленню з реаліями та культурою країни, мова якої вивчається.

Зроблено висновок що, завдяки використанню сучасних технологій відбувається інтенсифікація професійної діяльності перекладачів, підвищується ефективність процесу комунікації.

Ключові слова: соціокультурна компетенція, формування навичок, навчання перекладачів, комунікація, професійна діяльність, безперервна освіта, сучасні технології, підвищення кваліфікації.

Zakrinichnaya N. Development and increase of a translator's social and cultural competence within the context of lifelong education

The article is dedicated to the problem of developing and increasing future translators' social and cultural competence. It has been noted that the development of up-to-date methods is actual for specialists in the area of language education. The object of this research lies in social and cultural competences and means of improving them.

The article also deals with the existing ways of increasing the specialists' qualification and with the search for the new ones.

The author has offered methods of updating theoretical and practical bases of a translator's competence, which are necessary for modern crosscultural interaction.

The experience shows that special attention should be paid to the social and cultural component, to acquisition of the realia and culture of the target-language country while teaching specialists.

The author concluded that translators' professional activity has been intensified, the effectiveness of communication process has risen due to the use of modern technologies.

Key words: social and cultural competence, skills development, translators' teaching, communication, professional activity, lifelong education, modern technologies, skills upgrade.

В межкультурной коммуникации огромная роль принадлежит переводчику. В последние десятилетия в связи с расширением политических, социально-экономических и социокультурных контактов эта роль стала еще весомее и ответственной. Следовательно, становится актуальным вопрос подготовки специалистов-переводчиков, отвечающих требованиям современности.

Обучение переводчиков предполагает развитие у них коммуникативных компетенций, которые включают лингвистическую, дискурсивную, социокультурную, социальную, социолингвистическую, учебную и компенсаторную компетенции [2, с. 21], т. е. коммуникативная компетенция является составной частью общей профессиональной подготовки будущих переводчиков. Однако методика ее формирования детально не разработана и по сей день. Следовательно, отсутствует методическая база для постоянного поддержания и повышения социокультурной компетенции. И алгоритм поддержания такой компетенции представляет интерес для всех специалистов в сфере языкового образования.

Ниже сделана попытка систематизировать особенности данного вопроса, которые следует учитывать в процессе обучения переводческой профессии.

Социокультурная компетенция подразумевает знание «национально-культурных особенностей социального и речевого поведения носителей языка: их обычаев, этикета, социальных стереотипов, истории и культуры, а также способов пользования этими знаниями в процессе общения» [5, с. 140]. Следовательно, во время обучения необходимо уделять внимание формированию у будущих специалистов способности успешного выполнения переводческой деятельности на основании совокупности профессиональных компетенций, в том числе и социокультурному компоненту.

Владение только лишь иностранным языком без знания культурных реалий и особенностей менталитета не обеспечивает полное понимание переводимого материала.

В процессе обучения особое внимание должно уделяться формированию у студентов страноведческих знаний. Студентам следует научиться:

- выбирать правильные стратегии общения с носителями языка с учетом правил этикета и традиционных норм вежливости;
- уважительно относиться к культуре иноязычной среды;
- знать и правильно оценивать языковые нормы – как своего языка, так и иностранного;
- научиться компетентно представлять культуру собственного народа в иноязычной среде;
- адаптироваться к поведенческим и коммуникативным особенностям носителей языка;
- «выбирать культурно-значимые языковые единицы и правильно передавать их на родном языке» [1, с. 68–71];
- осуществлять правильный выбор языковых единиц с учетом их приемлемости для конкретной ситуации;
- прогнозировать и устранять возможные конфликтные ситуации, возникающие при общении учитывая национальную ментальность;
- расширять непрерывно представление о стране изучаемого языка, её культуре, истории, религии, экономике и пр.

В преподавании иностранных языков важно уделять внимание ознакомлению с реалиями и культурой страны изучаемого языка. С одной стороны, реалии отражают государственный, экономический, географический и культурный уклад страны, с другой стороны, реалии, характерные для жизни одного народа, могут быть совершенно чуждыми и непонятными другому. Принцип обучения иностранным языкам, построенный на диалоге культур является одним из основных принципов обучения.

Использование аутентичных материалов при этом является оптимальным способом для повышения мотивации обучаемых и неиссякаемым источником реалий страны изучаемого языка.

Для повышения уровня социокультурной компетенции и интенсификации профессиональной деятельности переводчикам следует прибегать к использованию современных мультимедийных технологий. Их очевидные преимущества: оперативный доступ к информации, возможность воспроизведения аудио- или видеоматериалов, применение обучающих программ, демонстрация презентаций и др. Должны быть сформированы навыки работы в сети Интернет, в частности,

с электронными словарями и пособиями, которые позволяют быстро находить информацию в необходимой предметной области.

Следует также отметить современные технологии, которые значительно облегчают работу переводчиков: системы автоматизированного перевода, многофункциональные инструменты для перевода, программы для извлечения терминологии и подсчета статистики, переводчики веб-сайтов, редакторы памяти переводов и пр. Технологическая компетентность является ключевой в профессиональной деятельности современного специалиста.

Еще одним важным и доступным способом получения актуальной социокультурной информации об иноязычной стране являются печатные издания, информационные системы, зарубежные СМИ, которые позволяют пополнять словарный запас новой лексикой, обеспечивают эффективность процесса коммуникации и дают представление о происходящих событиях в стране.

Профессиональная деятельность переводчиков предполагает наличие совокупности 3 сформированных компонентов социокультурной компетенции: знаний, умений и навыков.

Под знаниями следует понимать прочные теоретические основы общей подготовки специалистов (которые формируются целым блоком гуманитарных, экономических и юридических дисциплин) и профессиональной подготовки (осведомленность о специфике будущей профессии). Под умениями и навыками рассматривают способность и опыт практического применения полученных знаний в ходе реализаций своих полномочий.

В данном контексте следует подразумевать умения и навыки:

- работы с разными видами учебной и справочной литературы;
- работы с ресурсами сети Интернет, продиктованные профессиональной необходимостью;
- осуществления перевода (как устного, так и письменного) с учетом их специфики;
- реферирования аутентичных материалов;
- пользования средствами мультимедийных технологий и, в том числе, электронными программами и инструментами переводчика;
- адаптации к коммуникативным особенностям носителей языка.

В то же время, необходимо различать понятия «знания, умения, навыки» и «компетенция». Принципиальное отличие состоит в том, что знания, умения, навыки нацелены на процесс, а компетенция на результат. Так как под компетенцией понимают «круг чьих-либо полномочий, прав» [3, с. 288].

Компетенции переводчика – это полномочия, которыми наделен специалист, его способность и готовность к профессиональной адаптации, личностному росту, успешность и востребованность на рынке труда. Следовательно, речь идет о личностной, социальной и профессиональной подготовленности к условиям рынка.

Повышение квалификации переводчика, т.е. обновление теоретических и практических знаний, совершенствование уже существующих умений и навыков возможно путем повышения, среди прочего, также и социокультурной компетенции.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что проблема формирования и повышения социокультурной компетенции переводчика является одной из актуальных проблем, возникающих при обучении профессионалов в данной области. Эффективное решение (т. е. разработка методики повышения компетенции) этой проблемы находится в тесной взаимосвязи с успешной реализацией переводческой деятельности и личностным и профессиональным ростом специалиста. Процесс формирования общих и профессиональных компетенций, в том числе и социокультурной, должен быть непрерывным из-за постоянно меняющихся требований рынка труда в условиях глобализации.

Список литературы

1. Белякова Н. М. Требования к уровню сформированности социокультурной компетенции в современном технологическом обществе / Н. М. Белякова // Изв. Рос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2008. – №73-1. – С. 68–71.
2. Коренева М. Р. Компенсаторная компетенция как цель обучения в языковом вузе / М. Р. Коренева. – Улан-Уде : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. – 187 с.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведов. – М. : Азбуковник, 2002. – 944 с.

4. Онищук В. Г. Теоретические основы непрерывного образования : монография / В. Г. Онищук. – М. : Педагогика, 1987. – 209с.

5. Щукин А. Н. Обучение иностранным языкам. Теория и практика / А. Н. Щукин. – М. : Филоматис, 2004. – 416 с.

References

1. Belyakova N.M. Trebovaniya k urovnyu sformirovannosti sotsiokulturnoy kompetentsii v sovremennom tehnologicheskom obshchestve [Requirements to the level of formedness of the social and cultural competence in the modern technological society]. Izvestiya Rossiyskogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena, 2008, no. 73-1, pp. 68–71.

2. Koreneva M. R. Kompensatornaya kompetentsiya kak tsel obucheniya v yazykovom vuze [Compensatory competence as the goal of teaching in a language-specialized higher educational establishment]. – Ulan-Ude, Buryat State University Publ., 2009, 187 p.

3. Ozhegov S. I., Shvedov N. Yu. Tolkovyy slovar russkogo yazyika [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2002, 944 p.

4. Onischuk V.G. Teoreticheskie osnovyi nepreryivnogo obrazovaniya : monografiya [Theoretical grounds of lifelong education : monograph]. Moscow, Pedagogika Publ., 1987, 209 p.

5. Schukin A.N. Obuchenie inostrannym yazyikam. Teoriya i praktika [Teaching foreign languages. Theory and practice]. Moscow, Filomatis Publ., 2004, 416 p.

Е. М. Яриз

ФОРМИРОВАНИЕ ЗАПАСА ЯЗЫКОВОЙ И КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЮ

Современные концепции обучения иностранному языку рассматривают его как отражение культуры соответствующего народа. Изучая иностранный язык студенты одновременно овладевают культурой и усваивают духовные ценности народа страны изучаемого языка.

Эту задачу успешно решает лингвострановедение, аспект методики преподавания иностранных языков, отражающий национально-культурный компонент языкового материала. На занятиях по лингвострановедению студенты не только изучают иностранный язык, приобретая необходимые практические навыки и умения, но и знакомятся через язык с культурой страны, ее традициями, историей и современностью.

Для успешной реализации учебной цели необходимо тщательно отбирать материал о стране изучаемого языка, и методов его подачи с целью обеспечения его легкого и адекватного усвоения.

Автор статьи, изучив опыт преподавания лингвострановедения, предлагает познакомиться с результатами своего исследования и выводами, к которым он пришел в изучении методов формирования запаса языковой и культуроведческой информации на занятиях по лингвострановедению.

Ключевые слова: интернационализация, общекультурный прогресс, гуманизация образования, иноязычная культура, этнолингвистика, культурно-образовательная среда, приоритет, духовность.

Яриз Е. М. Формування запасу мовної та культурознавчої інформації на заняттях з лінгвокраїнознавства

Сучасні концепції навчання іноземній мові розглядають його як відображення культури відповідного народу. Вивчаючи іноземну мову студенти одночасно опановують культурою і засвоюють духовні цінності народу країни мови, що вивчається.

Це завдання успішно вирішує лінгвокраїнознавчий аспект методики викладання іноземних мов, що відбиває національно-культурний компонент мовного матеріалу. На заняттях з лінгвокраїнознавства студенти не лише вивчають іноземну мову, набуваючи необхідних практичних навичок і умінь,

але і знайомляться через мову з культурою країни, її традиціями, історією і сучасністю.

Для успішної реалізації навчальної мети необхідно ретельно відбирати матеріал про країну мови, що вивчається, і методи його подання з метою забезпечення його легкого і адекватного засвоєння.

Автор статті, вивчивши досвід викладання лінгвокраїнознавства як в Україні, так і закордоном, пропонує познайомитися з результатами свого дослідження та висновками, до яких він прийшов, вивчаючи метод формування запасу мовної та культурологічної інформації на заняттях з лінгвокраїнознавства.

Ключові слова: інтернаціоналізація, загальнокультурний прогрес, гуманізація освіти, іншомовна культура, етнолінгвістики, культурно-освітнє середовище, пріоритет, духовність.

Yariz Ye. Accumulation of language and culture knowledge in the course of linguistic and country studies

Modern conceptions of teaching foreign languages regard a language as a means of reflecting the native speakers' culture. While studying a foreign language students at the same time muster the culture and spiritual values of the foreign language country.

Linguistic and country studies in the aspect that deals with the national cultural component of the language material.

During these classes students both work at the foreign language acquiring necessary knowledge and skills, and gain importation about the country culture, traditions, its history and modern life.

Having analyzed the experience of teaching the course of linguistic and country studies in Ukraine as well as in other counties, the author sums up the results of his analysis and conclusions he has arrived at, concerning the teaching ways, methods and technologies, that ensure the learners, wide range of background culture and language knowledge.

Key words: internationalization, general cultural progress, humanization of education, foreign language culture, ethnolinguistics, cultural and educational environment, priority, spirituality.

С первых дней своего существования независимое украинское государство взяло курс на гуманизацию образования. Это привело к отказу от узких прагматических целей изучения иностранного языка. В современных концепциях обучения иностранный язык

рассматривается как отражение культуры соответствующего народа – как овладение иноязычной культурой и как усвоение мировых духовных ценностей. Таким образом, социальный заказ предусматривает не только формирование у студентов, изучающих иностранный язык, необходимых иностранных навыков и умений, но и ознакомление через язык с культурой страны, ее традициями, историей и современностью. Таковую задачу ставит перед собой лингвострановедение, с целью обеспечения практического владения иностранным языком. Лингвострановедение – это аспект методики преподавания иностранных языков, отражающий национально-культурный компонент языкового материала [1].

Практически лингвострановедение направлено на реализацию конечных целей обучения иностранному языку, а именно, обучению общения. Ведь без привития студентам норм адекватного речевого поведения в отрыве от знаний невозможно подготовить их к иноязычному общению и сформировать их коммуникативную способность. Поэтому разработка лингвострановедческого аспекта в обучении иностранному языку, начиная со средней школы и заканчивая высшим учебным заведением является чрезвычайно актуальной и важной.

Лингвострановедение охватывает два круга вопросов – филологические и лингводидактические. Изначально предметом лингвострановедения является анализ языка с целью выявления его национально-культурной семантики. Кроме того, предметом исследования лингвострановедения является также поиск преподавательских приемов презентации, закрепления и активизации национально-специфических языковых единиц и культурологического прочтения текстов на практических языковых занятиях [3].

В основе лингвострановедения лежат пять методологических принципов.

Первый принцип – это изучение общественной природы языка, выступающей объективной возможностью погружения студентов в новую действительность, целью которой является убедить их в том, что единство языка и национальной культуры реализуется в ряде функций, из которых для лингвострановедения особенно важны три, а именно:

а) коммуникативная функция – быть орудием передачи информации от одного участника акта коммуникации другому;

б) культурологическая функция, связанная со всевозможными явлениями из жизни общества;

в) накопительная, позволяющая создать полное представление о стране изучаемого языка, его народе, традициях и обычаях.

Второй принцип – усвоение студентом-представителем одной национальной культуры, существенных фактов, норм и ценностей другой национальной культуры, отраженной в изучаемом иностранном языке. Важно не только давать студенту информацию о стране изучаемого языка, но и сформировать у него позитивное отношение к этой стране.

Третий принцип – формирование у студентов положительной установки к народу-носителю языка, ведь изучение любого иностранного языка предполагает цель сближение народов.

Четвертый принцип воплощает в себе требования целостности языкового учебного процесса: страноведческая информация подлежит продуманному отбору информации, которая не должна даваться изолированно от собственно языкового.

Наконец, пятый принцип также связан со спецификой преподавания страноведения: страноведческий аспект предусматривает использование методического приема вторичного познания действительности.

Рассмотрим такие лингвострановедческие приемы как: презентация, закрепление и активизация. Их реализация строится на подборе общего лексического или фразеологического запаса языковых единиц, отличающегося национально-культурной семантикой. Фонетический и грамматический строй реализуется с целью выявления в нем потенциальных данных о культуре [1].

Отдельно следует отметить сугубо страноведческие приемы преподавания, такие как:

а) экспликация лексического фона;

б) комбинация зрительного и вербального рядов;

в) выявление страноведческого содержания художественного текста;

г) системное и полное комментирование языковых реалий.

Интернет предоставляет широкий спектр использования и возможностей. Проводя занятия в медиатеке учебного заведения, преподаватель может подобрать те или иные аутентичные материалы для чтения по изучаемой теме устной речи. Если компьютер имеет звуковую плату, можно записать и звуковую информацию (речь политических или государственных деятелей, интересные выступления на различные темы носителей языка по разнообразным вопросам), сократив ее до нужных пределов с помощью компьютерных программ.

Преподаватель может провести устное обсуждение полученных по электронной почте писем от партнеров по проекту, провести в группах сотрудничества обсуждение, дискуссии по той или иной проблемной информации, полученной из ресурсов сети Интернет, а затем организовать общую дискуссию всей группы [4].

В сети Интернет предоставлены материалы, содержащие фразеологизмы, реалии, идиомы, пословицы, поговорки, неологизмы, отражающие специфику функционирования изучаемого языка и культуры народа. В виртуальных библиотеках находятся художественные и публицистические произведения авторов страны изучаемого языка, а также справочники страноведческого характера.

Если студент хочет обменяться мнением по той или иной проблеме с носителем языка, к его услугам есть множество “чатов”, или телеконференций. В формате электронной почты он может обсудить на занятии разные точки зрения на любую проблему. Можно при этом подобрать очень интересные иллюстрации.

Таким образом, использование информационных ресурсов сети Интернет дает возможность более эффективно решать целый ряд задач, среди которых и задачи лингвострановедческого характера, как например, знакомиться с культуроведческими сведениями, включающих в себя речевой этикет, особенности речевого и неречевого поведения носителей языка, особенности культурных традиций страны изучаемого языка.

Все это дает основания для следующих выводов: лингвострановедение – это самостоятельный аспект преподавания иностранных языков, так же как фонетика, лексика, грамматика, стилистика.

Успешная реализация учебных целей и задач безусловно зависит от познавательной активности студентов. Познавательная активность – это желание и готовность студента к изучению нового материала расширенной тематики, касающейся, как изучения иностранного языка, так и особенностей страны изучаемого языка, желание самостоятельно расширять знания по данному предмету, проявление инициативы в поиске интересной информации, желание применить полученные знания в повседневной жизни и при изучении других предметов [5].

Для этого необходимо предлагать студентам такие учебные темы, которые непосредственно касаются страны, изучаемого языка.

Чтение книг, журналов и газет, просмотр телепередач, документальных и художественных фильмов на иностранном языке способствует расширению мировоззрения студентов и повышению их мотивации. При этом у них возникает желание рассказать о прочитанном, увиденном или услышанном, о событиях, происходящих в стране на изучаемом иностранном языке.

Все перечисленные аргументы дают основание для утверждения что, лингвострановедение как самостоятельный учебный аспект способствует:

- а) овладению знаниями о культуре, истории, реалиях и традициях страны изучаемого языка;
- б) привлечению к диалогу культур (иноязычной и родной)
- в) осознанию учащимися сущности языковых явлений, иной ментальности, иного восприятия действительности;
- г) сравнению изучаемого иностранного языка с родным языком;
- д) умению работать с книгой, учебником, справочной литературой, словарями Интернет ресурсами и т.д.

Без стимулирования познавательной деятельности информированность преподавателя и его образовательная деятельность не дадут положительных результатов.

Список литературы

1. Верещагин Е. Н. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. Н. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Рус. язык, 1992. – 234 с.

2. Дусавицкий А. К. Формула интереса / А. К. Дусавицкий. – М. : Педагогика, 1989. – 121 с.
3. Леонтьев А. М. Потребности, мотивы, эмоции / А. М. Леонтьев. – М. : Просвещение, 1971. – 224 с.
4. Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном / Д. С. Лихачев. – М. : Наука, 1989. – 231 с.
5. Мальцева Д. Г. Страноведение через фразеологизмы: пособие по немецкому языку / Д. Г. Мальцева. – М. : Просвещение, 1991. – 187 с.
6. Ощепкова В. В. Культурологические, этнографические и типологические аспекты лингвострановедения / В. В. Ощепкова. – М., 1995. – С. 96
7. Рубинштейн С. Л. Задачи и мотивы деятельности / С. Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1989. – 243 с.
8. Солонович Н. А. Лингвострановедческий подход как средство повышения мотивации при обучении иностранным языкам в старших классах средней школы: автореф. дис... кандит. пед. наук. / Н. А. Солонович. – М., 1995. – 16 с.
9. Страноведение, вариативные программы / [под.ред. Пономаревой В.В.] – М. : Наука, 1998. – 343 с.
10. Фельдштейн Д. И. Особенности стадии развития личности / Д. И. Фельдштейн. – М.: Педагогика, 1989. – 145 с.

References

1. Vereshchagin E. N., Kostomarov V. G. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo [Linguistic and cultural studies in teaching Russian as a foreign language]. Moscow, Russian Language Publ., 1992, 234 p.
2. Dusavickij A. K. Formula interesa [The formula of interest]. Moscow, Pedagogika Publ., 1989, 121 p.
3. Leontev A. M. Potrebnosti, motivy, emotsii [Needs, motives, emotions]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971, 224 p.
4. Lihachev D. S. Pisma o dobrom i prekrasnom [Letters on the good and wonderful]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 231p.
5. Malceva D. G. Stranovedenie cherez frazeologizmy: posobie po nemeckomu yazyku [Cultural studies through phraseological units: Guidelines in German]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1991, 187 p.
6. Oshchepkova V. V. Kulturologicheskie, ehtnograficheskie i tipologicheskie aspekty lingvostranovedeniya [Culturological, ethnographical and typological aspects of linguistic and cultural studies]. Moscow, 1995, 96 p.
7. Rubinshtejn S. L. Zadachi i motivy deyatelnosti [Tasks and motives of activity] Moscow, Pedagogika Publ., 1989, 243 p.

8. Solonovich N. A. Lingvostranovedcheskij podhod kak sredstvo povysheniya motivacii pri obuchenii inostrannym yazykam v starshih klassah srednej shkoly [Linguistics and cultural studies approach as means of increasing motivation in teaching foreign languages in a high school]. Moscow, 1995, 16 p.

9. Ponomareva V.V., eds. Stranovedenie, variativnye programmy. [Linguistic and cultural studies] Moscow, 1998, 343 p.

10. Fel'dshtejn D.I. Osobennosti stadii razvitiya lichnosti [Peculiarities of a personality's development stages] Moscow, Pedagogika Publ., 1989, 145 p.

Л. Н. Шмакова

ОПЫТ КАФЕДРЫ ПО УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ПРЕПОДАВАНИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО НА ЗАОЧНОМ ОТДЕЛЕНИИ

Статья посвящается анализу актуальных проблем обучения немецкому языку как второму иностранному на заочном отделении. Анализируются факторы, влияющие на качество обучения и изучения немецкого языка, связанные с ограниченным количеством времени, неоднородностью групп, мотивацией к изучению второго иностранного языка. Рассматриваются некоторые методические аспекты преподавания немецкого языка как второго иностранного, способствующие индивидуализации учебного процесса. Уточняются понятия «заочное обучение», «дистанционное обучение», «дистанционные образовательные технологии»; обсуждаются проблемы заочного обучения в языковом вузе, возможности индивидуализации процесса обучения в условиях работы с неоднородными группами и особенно актуальный вопрос о качественной организации самостоятельной работы студентов. Предлагается решение проблем обучения на примере кафедры германской и романской филологии путем внедрения электронного дистанционного курса немецкого языка как второго иностранного для студентов заочной формы обучения. Курс разработан в соответствии с программой по иностранным языкам для вузов языковых специальностей и ориентирован на формирование иноязычной коммуникативной компетентности и позволяет эффективно организовать самостоятельную работу студентов заочной формы обучения. Описываемый курс представлен дидактической системой, которая включает в себя следующие функциональные блоки: информационно-содержательный, контрольно-коммуникативный. Структура курса предполагает комплексный и дифференцированный подход к обучению студентов-заочников, при этом реализуется принцип индивидуального подхода.

Ключевые слова: заочная форма обучения; второй иностранный язык, немецкий язык; факторы, влияющие на обучение и изучение немецкого языка как второго иностранного; организация самостоятельной работы студента; принцип индивидуализации обучения; мотивация; дистанционный курс.

Шмакова Л. М. Досвід кафедри з удосконалення викладання німецької мови як другої іноземної на заочному відділенні.

Стаття присвячується аналізу актуальних проблем навчання німецькій мові як другої іноземної на заочному відділенні. Аналізуються чинники, що впливають на якість навчання і вивчення німецької мови, пов'язані з обмеженою кількістю часу, неоднорідністю груп, мотивацією до вивчення другої іноземної мови. Розглядаються деякі методичні аспекти викладання німецької мови як другої іноземної, які сприяють індивідуалізації навчального процесу. Уточнюються поняття «заочне навчання», «дистанційне навчання», «дистанційні освітні технології»; обговорюються проблеми заочного навчання в мовному вищому навчальному закладі, можливості індивідуалізації процесу навчання в умовах роботи з неоднорідними групами і особливо актуальне питання про якісну організацію самостійної роботи студентів. Пропонується рішення проблем навчання на прикладі кафедри германської і романської філології шляхом впровадження електронного дистанційного курсу німецької мови як другої іноземної. Курс розроблений відповідно до програми по іноземним мовам для ВНЗ мовних спеціальностей і орієнтований на формування іншомовної комунікативної компетентності і дозволяє ефективно організувати самостійну роботу студентів заочної форми навчання. Описуваний курс представлений дидактичною системою, яка містить наступні функціональні блоки: інформаційно-змістовний, контрольнo-комунікативний. Структура курсу має комплексний і диференційований підхід до навчання студентів-заочників, при цьому реалізується принцип індивідуального підходу.

Ключові слова: заочна форма навчання; друга іноземна мова, німецька мова; чинники, що впливають на навчання і вивчення німецької мови як другого іноземного; організація самостійної роботи студента; принцип індивідуалізації навчання; дистанційний курс.

Shmakova L. The department experience in the improvement of teaching German as a second foreign language to external students.

The article analyses pressing problems, which external students face while learning German as a second foreign language. The factors that influence the level of teaching and learning German due to time limits, groups non-uniformity, motivation to learn a second foreign language have been analyzed. Certain methodical aspects of teaching German as a second foreign language, which help to make the learning process a student-oriented one, have been considered. Terms «external studies», «extra mural education», «extra mural educational

technologies» have been specified; the problems of extra mural education in language universities have been under discussion as well as a possibility to make the process of education individual-oriented while working with non-uniformed groups and especially urgent issue on effective organizing students' self-study. The ways to solve the above mentioned problems of learning have been provided using the experience of German and Roman Philology Department by introducing an on-line course of German as a second foreign language for external students. The course is developed in accordance with the program of foreign languages for language universities and is oriented to form a foreign communicative competence and allows to organize external students' self-study effectively. The course described above is a didactic system including the following functional modules: information and content-related, control and communicative. The course structure is supposed to have complex and differentiate approach to teach external students as well as to put into practice the student-oriented approach.

Key words: extra mural education; second foreign language, German; factors influencing teaching and learning German as a second foreign language; student's self-study organizing; principle of an individual-oriented education; motivation; on-line course.

Условия быстро меняющегося современного общества предъявляют новые требования к качеству подготовки студентов к их будущей профессиональной деятельности. А к тем, кто уже занимается профессиональной деятельностью, предъявляются необходимо повышать свой профессиональный уровень. Здесь и становится востребованным заочное высшее образование, позволяющее совмещать профессиональную практическую деятельность с получением знаний по выбранной специальности. Большей частью заочная форма обучения привлекательна для специалистов, осознающих необходимость карьерного роста и повышения профессионализма. Эта форма обучения всегда будет востребована профессионалами, которым необходимо совмещать работу и учебу.

На заочном отделении факультета «Референт-переводчик» ХГУ «НУА» немецкий язык преподается как второй иностранный. Под заочной формой обучения мы понимаем обучение, объединяющее в себе черты стационарного обучения и самостоятельного обучения. При этом самостоятельной работе отводится большая часть времени.

Заочное обучение использует единый для всех учащихся учебный план, общие сроки сдачи контрольных работ, учебный год предусматривает две экзаменационные сессии (как правило, зимой и летом). По окончании пятого курса студенты-заочники сдают государственный экзамен, им присваивается квалификация «Бакалавр» и выдается диплом единого образца. Для дневной и заочной формы обучения программы и учебники, как правило, общие. А так как основным отличием от дневного обучения является больший объем самостоятельной работы студентов, то для заочников издаются специальные методические указания для самостоятельной работы по учебным дисциплинам, дополнительный материал к учебникам, а также всё большее применение получают информационно-коммуникационные технологии обучения.

Как показывает практика, существует ряд существенных отличий между стационарной и заочной формой обучения. В особенности это касается обучения второму иностранному языку, поэтому рассмотрим их далее как три определяющих, по нашему мнению, фактора, влияющих на изучение немецкого языка и уточним возможные подходы усовершенствования этого процесса:

1. **Условия обучения и изучения.** При заочной форме обучения количество часов, выделяемое на аудиторные занятия, очень невелико. Сокращение объема изучаемого материала, который рассчитан на значительно большее количество часов на дневном отделении, быстрое и сжатое введение нового материала, ограничение времени на упражнения, сокращение или отсутствие времени на повторение, как показывает практика, часто приводит к демотивации обучающихся. Следовательно, необходимы задания, посильные и в то же время в достаточной степени способствующие приобретению знаний. Самостоятельной работе отводится большее количество времени и соответственно, успешность самостоятельной работы определяется продуктивной учебной деятельностью. «Продуктивная учебная деятельность трактуется как тип учебно-познавательной деятельности созидательного, творческого характера, направленной, в отличие от репродукции готовых, внешне заданных знаний, на самостоятельное «добывание» знаний и умений учащимся, накопление самостоя-

тельного опыта учения, создание нового или усовершенствование известного новыми или уже известными способами» [3, с. 23]. Продуктивная учебная деятельность предполагает развитие у студента учебно-познавательной компетенции. «Под учебно-познавательной компетенцией понимается способность самостоятельно управлять своей учебной деятельностью, универсальная способность, обеспечивающая потребности образовательной деятельности в процессе овладения языком» [4, с. 84]. Из этого следует, что необходимы средства и технологии, которые помогут сделать самостоятельную работу студента в продолжительные периоды между сессиями более эффективной.

2. Особенности целевой группы. Еще одна из основных проблем обучения на заочном отделении связана с неомогенностью групп. Студенты имеют разный базовый уровень владения немецким языком и большее количество студентов в группе являются начинающими изучение этого языка. Студенты заочной формы обучения в среднем значительно старше студентов дневного отделения. При этом если на стационарном отделении в основном учится молодежь не старше 24 лет, то на заочном обучаются люди разных возрастов, и хотя более взрослых студентов меньше, представлены все возрастные группы. В научной литературе, посвященной вопросам работы в условиях неоднородных учебных групп, на первый план выдвигается принцип индивидуализации обучения. Необходимость применения данного принципа при обучении второму иностранному языку доказана в работах С. Э. Бариновой [1], Н. Д. Гальсковой [2], А. В. Щепиловой [4], Г. Нойнера [5] и др.

3. Уровень мотивации и самообразовательной компетенции. Следующая проблема связана с психологическим определением статуса второго иностранного языка в сознании студентов. На практике нередко поверхностное, формальное отношение к изучению немецкого языка, так как он занимает позицию второстепенного, как предусмотрено программой обучения на факультете «Референтов-переводчиков». Иногда студенты не видят его реального применения и не связывают свою дальнейшую профессиональную деятельность с немецким языком. Следовательно, в данных условиях должны

использоваться именно те учебные методы и формы преподавания, применение которых позволит повысить мотивация студентов и уровень языковой подготовки по второму иностранному языку. В условиях постоянного обновления и возрастания объема информации невозможно научить чему-либо на всю жизнь; важно сформировать у учащихся интерес к накоплению знаний, способность поддерживать и повышать в процессе самообразования уровень владения немецким языком, необходимо сформировать самообразовательную компетенцию. Решению этих проблем во многом способствуют дистанционные образовательные технологии.

С целью усовершенствования процесса обучения и изучения немецкого языка как второго иностранного на заочном отделении были поставлены следующие задачи:

– Создать специальный учебно-методический комплекс для заочников, который бы взял бы на себя функции преподавателя и облегчил студентам процесс обучения между сессиями.

– Создать дистанционный курс обучения, чтобы обеспечить учащимся доступ к учебным материалам, возможность работать в удобное время, в удобном режиме; выбор студентом индивидуальной образовательной траектории, что, в свою очередь, способствовало бы положительному влиянию на повышение учебной мотивации.

Учебно-методический комплекс для студентов заочной формы обучения предусмотрен для 2–5 курсов факультета «Референт-переводчик», изучающих немецкий язык в качестве второго иностранного. Структура комплекса предполагает комплексный и дифференцированный подход к обучению и изучению студентами немецкого языка. Выполнение заданий может осуществляться студентами как под руководством преподавателя, так и самостоятельно. При этом реализуется принцип индивидуального подхода. Обучающиеся могут выбрать в зависимости от уровня общей подготовки и согласно индивидуальным способностям тексты и упражнения соответствующего уровня сложности. Материалы учебно-методического комплекса послужили основой для создания дистанционного курса, доступ к которому студенты имеют на сайте вуза.

Внедрение и использование на практике учебно-методического комплекса и дистанционного курса позволяет осуществлять оперативную обратную связь и быстрый доступ к учебным ресурсам, обеспечивать гибкость (обучаемые работают в удобное для них время, удобном для них темпе, месте); развивать самостоятельные навыки работы над языком, умение работать со справочной литературой, самостоятельно оформлять и передавать другим полученную информацию, индивидуализировать учебный процесс, удовлетворять разносторонние образовательные интересы студентов; развивать их интеллектуальный и творческий потенциал, сделать студента активным участником своей познавательной деятельности, обеспечивать усвоение материала на том уровне, который доступен для него в данный момент, что позволяет видеть в перспективе свои задачи на весь период обучения.

Список литературы

1. Барина С. Э. Инновационные технологии в обучении иностранным языкам: принципы построения факультативного курса «Второй иностранный язык в общеобразовательной школе» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://festival.1september.ru/authors/210-482-920/> (дата обращения: 09.09.2017). – Загл. с экрана.
2. Гальскова Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – М. : Академия, 2006. – 336 с.
3. Коряковцева Н. Ф. Теория обучения иностранным языкам: продуктивные образовательные технологии : учеб. пособие для студентов лингв. фак. высш. учеб. заведений / Коряковцева Н. Ф. – М. : Академия, 2010. – 192 с.
4. Щепилова А. В. Когнитивный принцип в обучении второму иностранному языку: к вопросу о теоретическом обосновании / Щепилова А. В. // Иностранные языки в школе. 2003. – № 2. – С. 4–11.
5. Neuner G. Lernerautonomie und Lernstrategien: zu einer weiteren Fernstudieneinheit / G. Neuner // Deutsch als Fremdsprache: Zeitschrift zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer. – 2003. – Heft 4. – S. 240–244.
6. Neuner G. Deutsch als zweite Fremdsprache: Fernstudieneinheit 26 / G. Neuner ; Goethe-Institut. – München : Langenscheidt, 2009. – 240 S.
7. Rampillon U. Aufgabentypologie zum autonomen Lernen / Rampillon U. – Ismaning: Hueber Verlag, 2000. – 136 S.

References

1. Barinova S. E. Innovatsionnyie tehnologii v obuchenii inostrannym yazyikom: printsipyi postroeniya fakultativnogo kursa «Vtoroy inostrannyiy yazyik v obscheobrazovatelnoy shkole» [Innovative technologies in teaching foreign languages: principles of constructing the elective course «The second foreign language at secondary school»]. Available at: <http://festival.1september.ru/authors/210-482-920/> (Accessed: 09.09.2017).
2. Galskova N. D. Teoriya obucheniya inostrannym yazyikom. Lingvodidaktika i metodika [Theory of foreign language teaching: Lingvodidactics and methodology] / N. D. Galskova, N.I. Gez. Moscow, Academy Publ., 2006. 336 p.
3. Koryakovtseva N. F. Teoriya obucheniya inostrannym yazyikom: produktivnyie obrazovatelnyie tehnologii : ucheb. posobie dlya stud. lingv. fak. vyssh. ucheb. zavedeniy [Theory of teaching foreign languages : productive educational technologies]. Moscow, Academy Publ., 2010. 192 p.
4. Schepilova A. V. Kognitivnyiy printsip v obuchenii vtoromu inostrannomu yazyiku: k voprosu o teoreticheskom obosnovanii [Cognitive principle in teaching of second foreign language: to the question about a theoretical ground] // Inostrannyye yazyiki v shkole – Foreign languages at school. 2003, no. 2, pp. 4–11.
5. Neuner G. Lernerautonomie und Lernstrategien: zu einer weiteren Fernstudieneinheit. Deutsch als Fremdsprache: Zeitschrift zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer, 2003, Heft 4. ss. 240–244.
6. Neuner G. Deutsch als zweite Fremdsprache: Fernstudieneinheit 26. München, Langenscheidt. 2009. 240 S.
7. Rampillon U. Aufgabentypologie zum autonomen Lernen. Ismaning, Hueber Verlag, 2000. 136 S.

Л. В. Михайлова

ПРАГМАСЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОМИСИВА В АГЛОЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ 16–20 ВВ.

Данное исследование представляет собой комплексный анализ прагмасемантических характеристик речевого акта промисива в англоязычном дискурсе XVI–XX веков. В статье анализируется историческая динамика различных прагмасемантических характеристик речевого акта промисива, а также историческая вариативность его прагматических разновидностей.

Автор ставит перед собой задачу рассмотреть и проанализировать основные тенденции уменьшения или увеличения частотности той или иной прагмасемантической разновидности промисива.

Речевой акт промисива рассматривается как разновидность комисива. Речевой акт промисива представляет собой такой речевой акт, суть которого заключается в стремлении убедить адресата в искренности своих намерений по отношению к нему. Иллокутивная цель данного речевого акта состоит в принесении говорящим искреннего обязательства выполнить или не выполнить какое-либо действие в пользу адресата.

В английском языке широко представлен промисивный синонимический ряд. Промисивные речевые акты подразделяют на эксплицитные и имплицитные. Перформативные формулы являются достаточно частотными среди эксплицитных речевых актов обещаний. К прагмасемантическим разновидностям промисива относят речевой акт уверения, речевой акт клятвы, речевой акт обязательства.

Обещание может реализовываться в различных типах прагматической ситуации.

С течением времени существенно варьируется набор и частотность перформативных глаголов, выражающих обещание. Многие из перформативных глаголов выходят из употребления.

Прагматические маркеры промисива одновременно являются маркерами той или иной исторической эпохи. Употребление многих маркеров промисива обусловлено экстралингвистическими факторами. С XVI по XX вв. наблюдается тенденция к постепенному снижению частотности употребления промисива в дискурсе. В XIX–XX вв. прослеживаем тенденции к увеличению частотности употребления промисива в англоязычном дискурсе.

Ключевые слова: прагмасемантика, речевой акт, промисив, интенция, ситуация коммуникации.

Михайлова Л. В. Прагмасемантичні аспекти промісива в англomовному дискурсі 16–20 ст.

Це дослідження є комплексним аналізом прагмасемантичних властивостей мовленнєвого акту промісива в англomовному дискурсі XVI–XX ст. У статті аналізується історична динаміка різноманітних прагмасемантичних характеристик мовленнєвого акту промісива, а також історична варіативність прагматичних різновидів промісива.

Автор має на меті розглянути та проаналізувати головні тенденції зменшення та зростання частотності вжитку того чи іншого різновиду.

Мовленнєвий акт промісива розглядається як різновид комісива. Мовленнєвий акт промісива є таким мовленнєвим актом, в основі якого є прагнення переконати співрозмовника у щирості своїх намірів по відношенню до нього. Ілокутивна мета цього мовленнєвого акту полягає у прийнятті комунікантом широкого зобов'язання виконати чи не виконати одну чи іншу дію на користь адресата.

В англійській мові широко представлений промісивний синонімічний ряд. Промісивні мовленнєві акти підрозділяються на експліцитні та імпліцитні. Перформативні формули є достатньо частотними серед експліцитних мовленнєвих актів обіцянки. К прагмасемантичним різновидам промісива відносять мовленнєвий акт запевнення, мовленнєвий акт клятви, мовленнєвий акт зобов'язання.

Мовленнєвий акт обіцянки може бути реалізований у різноманітних типах прагматичної ситуації. З часом суттєво змінюється набір та частотність перформативних дієслів, які передають обіцянку. Багато перформативних дієслів виходить із вжитку.

Прагматичні маркери промісива є одночасно маркерами однієї чи іншої історичної епохи. Вживання багатьох маркерів промісива обумовлено екстралінгвістичними факторами. З XVI-го по XX-го століття з'являється тенденція до зростання частотності вживання промісива в англomовному дискурсі.

Ключові слова: прагмасемантика, мовленнєвий акт, промісив, інтенція, ситуація комунікації.

Mykhailova L. Pragmasemantic aspects of promissive in the english-speaking discourse of the 16th-20th.

This research is a complex analysis of pragmasemantic characteristics of the speech act of promissive in the English speaking discourse of the 16th c. – 20th c.

Historical changes of different pragmasemantic varieties of the speech act of promissive are analyzed in this article as well as historical variations of pragmatic types of promissive. The author studies and analyzes the main tendencies of decreasing and increasing of the frequency of each pragmasemantic variety of the speech act of promissive.

The speech act of promissive is considered as a variety of commissive. The speech act of promissive is such a speech act whose aim is an attempt of the speaker to convince the person he is talking to in the sincerity of his intentions

The illocutive purpose of this speech act is the sincere wish of the speaker to do or not to do some action for the benefit of the speaker. Promissive synonyms are widely used in the English language. Promissive speech acts can be explicit and implicit. Performative formulas are rather frequent among explicit speech acts of promissive.

The speech act of assurance, the speech act of swearing, the speech act of commitment belong to pragmasemantic varieties of the promissive. Promissive speech acts can be realized in different types of pragmatic situations.

Within the time the number and frequency of performative verbs that express promise are varied. Many of the performative verbs become obsolete (are not used any more). The pragmatic markers of promissive are the markers of this or that historical period at the same time.

The usage of many promissive markers can be explained by extralinguistic factors. From the 16th.c to the 18th.c. there is a tendency for decreasing of the frequency of the usage of the speech act of promissive in the English-speaking discourse. And in the 19th.c – 20th.c there is a tendency of increasing of the frequency of the usage of the speech act of promissive.

Key words: pragmasemantics, speech act, promissive, intention, communicative situation.

Данная статья посвящена комплексному анализу речевого акта промисива (обещания) в англоязычном дискурсе 16–20 вв. Рассмотрена историческая вариативность прагмасемантических разновидностей промисива, Целью статьи является рассмотрение основных тенденций уменьшения или увеличения той или иной разновидности в зависимости от исторической эпохи.

Высказывания со значением обещания принадлежат к комиссивам, которые реализуются с целью возложить на адресата обязательство совершить некоторое действие в будущем или следовать определен-

ной линии поведения [4]. В нашем исследовании мы рассматриваем речевой акт промисива как разновидность комиссива

Речевой акт промисива представляет собой речевой акт, суть которого заключается в стремлении убедить адресата в искренности своих намерений по отношению к нему.

В лингвистике выделение речевого акта обещания имеет неоднозначную трактовку. Основоположники теории речевых актов Дж. Остин и Дж. Серль относят речевой акт обещания к категории комиссивов. Их цель состоит в том, чтобы возложить на говорящего обязательство совершить некоторое будущее действие или следовать определенной линии поведения. Градация на подклассы и дает возможность выделить речевой акт обещания [6].

Речевые акты обещания – это класс речевых актов, иллюкутивная цель которых состоит в принятии говорящим искреннего обязательства выполнить или не выполнить какое-либо действие в пользу адресата. В семантике речевых актов обещания всегда присутствует два компонента:

1. Обязательство выполнить что-то в интересах адресата или по его просьбе (т.е. принятие обязательства).

2. Обещание позитивных последствий при исполнении взятого обязательства (т.е. положительная бенефактивность для адресата) [4].

Деление комиссивов на подклассы приводит к выделению собственно промисива. Существует несколько различных определений речевого акта промисива, которые выделили зарубежные и отечественные лингвисты. Данные толковых словарей русского и английского языков также позволяют раскрыть содержание понятия «промисив».

Толковые словари определяют это понятие через сочетание двух сем, а именно:

1. Обязательное выполнение или не выполнение того, что говорящий обязуется исполнить.

2. Стремление убедить адресата в искренности своих намерений по отношению к нему [1].

В промисивном речевом акте *I frankly promise that I will do it* информативная интенция представлена той частью высказывания, которую в терминах традиционной английской грамматики принято

называть дополнительным придаточным (*I will do it* – сообщение о факте), происходит эксплицирование персуазивного компонента при помощи приглагольного наречия *frankly*, в сущности здесь представлена перформативная формула вместо коммуникативного компонента общей речевой интенции обещания, которая состоит из местоимения в первом лице и глагола промисивного ряда (*I promise*). Глагол *to promise* является ядром класса промисивов,

Промиссивный синонимический ряд состоит из следующих глаголов: *assure, give one's word (of honour), pledge, swear, vow, take an oath, undertake, engage, commit oneself, guarantee or guaranty, warrant, cross one's heart (and hope to die)*.

В зависимости от ситуации общения и своей роли в данной ситуации говорящему для представления промисивного речевого акта нужно выбирать глагол с «подходящей» степенью промисивности.

1. *To swear* = *to promise* + эмоциональная окраска, т.е. степень промисивности глагола *to swear* больше, чем степень промисивности глагола *to promise*: PR *to swear* > PR *to promise* (PR = промисивность);

2. *To guarantee* = *to promise* + стилистический компонент (используется преимущественно в официально-деловом стиле, предполагающем большую степень объективности, а следовательно, и большую степень вероятности выполнения обязательства), т. е.: PR *to guarantee* > PR *to promise* [7].

Проводя анализ эксплицитных речевых актов обещания, было выявлено достаточно частое употребление перформативных формул.

Выделяются следующие виды промисивных речевых актов: промисивные речевые акты, осуществляющие все три компонента речевой интенции (акты с полной реализацией интенций или эксплицитные интенсифицированные речевые акты); промисивные речевые акты с осуществлением двух компонентов интенции; промисивные речевые акты с реализацией одного компонента интенции.

В качестве предполагаемого перлокутивного эффекта речевые акты обещания делятся на промисивные и менасивные (следовательно промиссивная манипулятивная тактика представляется собственно промиссивным и менасивным вариантами) [2].

Можно предположить, что следствием совершения речевых актов

обещаний может быть проявление каких-либо положительных чувств и эмоций со стороны того, кому непосредственно адресуется обещающее продуцентом действие, а именно: радость, благодарность, чувство внутреннего удовлетворения и покоя и т.п. Однако положительные эмоции как перлокутивный эффект могут возникнуть у слушающего лишь в том случае, если обещающее ему совершение какого-либо действия является для него желательным (подобные речевые акты являются собственно промисивными) [2].

В эксплицитных промисивных речевых актах действие, подразумеваемое как обещающее, может выражаться с помощью инициатива, например: *I promise you to go there*. Экспликаторами (средствами, раскрывающими содержание интенции на языковом уровне) собственно коммуникативной промисивной интенцией становится перформативная формула (включающая иллокутивный глагол, прямо называющий интенцию говорящего), различные виды комментариев и английский модальный глагол «shall».

Таким образом выделяются следующие виды промисивных речевых актов:

1. Промисивные речевые акты с осуществлением всех трех компонентов речевой интенции (эксплицитные интенсификационные речевые акты или акты с полной реализацией интенций).
2. Промисивные речевые акты с осуществлением двух компонентов интенции.
3. Промисивные речевые акты с осуществлением одного компонента интенции.

Интенция обещания, кроме перформативных глаголов и комментариев, включает в себя исключительно характерное для неё лексическое средство экспликации данного намерения: модальный глагол «shall», который помимо функции вспомогательного глагола будущего времени имеет ещё и значение обещания, клятвы [3].

К прагмасемантическим разновидностям речевых актов промисивов относят речевые акты обещания и уверения. В современной лингвистике выделяют следующие прагмасемантические разновидности речевых актов промисивов:

1. Речевой акт обещания

2. Речевой акт уверения
3. Речевой акт клятвы
4. Речевой акт обязательства
5. Другие речевые акты (обета/зарока, ручательства/гарантии и присяги).

Перформативная формула речевого акта обещания: «*I promise you to do smth*». Перформативные глаголы обещания: *promise, give one's word, keep one's word, prophesy, bode, parole, troth, vouchsafe, boast* и *bet* [4].

Например, предложение «*I won't make flashy promises about solving all Britain's problems overnight. But I do promise you this*»

Перформативная формула речевого акта уверения: «*I assure you that*». Перформативные глаголы уверения: *assure, affirm, insure* и *secure*.

Например, предложение «*I can assure you that you won't be disappointed*» демонстрирует речевой акт уверения.

Обещание может реализовываться в различных типах прагматической ситуации:

1. Обещание как вспомогательный побудительный стимул к чему-либо.
2. Обещание как положительная ответная реакция на речевой или иной стимул.

Рассмотрение этих двух типов прагматической структуры ситуации обещания оказывается важным для выявления тактического и стратегического потенциала обещания.

В прагматической структуре ситуации обещания первого типа ситуация побуждения включает в себя речевой акт обещания совместно с некоторыми другими актами: просьбы, предложения или извинения [5].

Особенность прагматической структуры ситуации обещания второго типа заключается в том, что в этом случае обещание употребляется в дискурсе реагирования в ответ на такие речевые акты, как жалоба, утверждение, сообщение, просьба, приглашение, запрос, позволение, запрет, упрек, совет, приказ, заявление, предложение, предостережение, угроза.

Здесь обещание представляет собой положительную ответную реакцию на речевой или иной стимул, о чем свидетельствует благоприятный характер обещанного действия для адресата.

Во втором типе прагматической ситуации обещания инициатору беседы (он же адресат обещания) выгодно выполнение действия, к которому он побуждает собеседника, иначе бы ему не было смысла начинать разговор, кроме того, «благоприятность обещанного действия для адресата» является одним из существенных признаков ситуации обещания [5].

Вследствие изменений исторических реалий социума изменяется и его дискурс [2]. То есть особенности коммуникативного поведения личности зависят от коммуникативного сознания той лингвокультурной общности, к которой личность принадлежит.

В зависимости от исторической эпохи элементы дискурса организуются коммуникантами в соответствии с существующими в отдельный период нормами и требованиями построения коммуникации. Это и является непосредственной причиной диахронических отличий в структуре, лексическом наполнении, реализации речевого акта промисива в ту или иную историческую эпоху.

Существенно варьируется набор и частотность перформативных глаголов, выражающих обещание. Ряд глаголов – *parole, bode, vouchsafe, protest, covenant, verify, bail* – выходят из употребления в XVIII-XXI вв. Несколько глаголов – *troth, boast, warrant, plight* – используются крайне редко и могут быть отнесены к устаревающим формам. Глагол *guarantee*, наоборот, расширил сферу применения. Однако в целом система перформативных глаголов с семантикой обещания характеризуется утрачиванием многих элементов за сравнительно короткий промежуток времени – 5 веков, – и тенденция к оскудению семантики обещания сохраняется.

Прагматические маркеры промисива одновременно являются маркерами той или иной исторической эпохи. Так, маркеры *by Jove/ by Jupiter/ by the gods / my troth; I' faith!; 'Sdeath; I own* характерны для английского дискурса XVI-XVII вв. и являются вышедшими из употребления. Данные интенсификаторы иллюквативной силы оперируют понятиями Бог/боги, вера, смерть, доверие. Подобные маркеры

обумовлені екстралінгвістическими факторами історической эпохи – таїнство веры, набожность, Бог как верховный судья, перед которым мы предстанем после смерти.

Маркеры *by the light that shines; by this good light; let me not breathe if...; I will be burnt else; I'll be sworn; care dwell with me forever (if / when); I'll be bound (for it); so be it* принадлежат английскому дискурсу XVIII вв. Маркеры данной эпохи характеризуются экспрессивностью. Они включают понятия света как символа Рая, огня, проклятия, бед как символов ада, рока, которому человек не в силах противостоять. Данные маркеры тоже несут на себе осязаемый отпечаток религиозности, но, в отличие от маркеров дискурса более раннего периода, избегают прямой номинации.

Маркеры *I'll die; hang me if; I'll answer; I'm damned if...; I'll eat my hat / dirt/ shoes (if/ when); to be sure; of course; I'm quite in earnest; I tell you* входят в структуру речевых актов промисивов английского дискурса XIX–XXI вв. и являются обиходными. Они коренным образом отличаются по своей семантике от маркеров, описанных выше. Современные маркеры несут в себе элементы антропоцентризма, атеизма и божбы, что обусловлено общим стилем жизни современного общества, но и в них присутствуют такие базовые универсалии, как смерть, проклятье, наказание, честность, доверие и т.п.

Маркеры *by God / by gad / by Heaven(s)/ by the blessed Virgin / by God's death / God's eyes! / by word / by all that's honest; (upon / 'pon / on) my life / soul / honour / head / word / credit / hand (on it); (before/for/'fore) God / Gad / Heaven...; God knows; Heaven bear me witness; (it's as true) as that my name is.../ as I live / as I'm alive / as I stand here; ...believe me / it / this / him...; I believe...; ...depend on me / it / this / him* в равной степени встречаются на протяжении всех пяти изучаемых нами веков английского дискурса. Они апеллируют к вечным ценностям либо к неоспоримым истинам, которые являются константными от эпохи к эпохе: Бог, Рай, Пречистая Дева, жизнь, душа, честь, нерушимое слово, доверие и т. п.

На протяжении исследуемых пяти веков существует историческое варьирование прагмасемантических разновидностей речевых актов промисивов.

Речевой акт обещания с XVI по XVIII вв. имеет тенденцию к постепенному снижению частотности употребления в дискурсе. Однако XVIII в. является своеобразным поворотным моментом для частотности употребления речевого акта обещания, после чего встречается несколько чаще, чем в XVI–XVII вв. Объяснение подобного феномена кроется в экстралингвистических факторах. Постепенное снижение частотности употребления объясняется развитием к XVIII в. особой морали и нравственных стандартов светского общества, где не принято неприкрыто выражать чувства и эмоции, где эталоном поведения как вербального, так и невербального является этикет.

При анализе возрастания частотности обещаний в XIX–XXI вв. может показаться, что относительно современная эпоха является этапом наиболее искреннего и дружеского общения, однако это ложный вывод. Во-первых, количество обещаний возрастает за счет введения в дискурс множества клишированных форм, представляющих собой обещание только формально, но не являющихся таковым по своим прагматическим характеристикам.

Дискурс XVI–XVII вв. характеризуется значительно меньшим количеством уверений, чем XVIII–XX вв. Имеют место большое количество этикетных уверений, являющихся данью вежливости. Налицо ослабление иллюкутивной силы произносимых уверений.

Речевые акты клятвы на протяжении всего периода имеют тенденцию к значительному снижению частотности употребления в дискурсе. Возрастает число косвенно реализованных клятв в течение XVI–XXI вв., что закономерно ослабляет ведущую иллюкутивную силу клятвы.

Возрастает количество прецедентных клятв, пропорционально уменьшается количество клятв в неинституциональных ситуациях общения. Произнесение клятвы индицирует крайне эмоциональную ситуацию общения.

Речевой акт обязательства с XVI по XIX вв. имеет тенденцию к постепенному снижению частотности употребления в дискурсе. XX век является своеобразным пиком частотности употребления речевого акта обязательства, что объяснимо такими экстралингвистическими факторами.

тическими факторами, как функционирование современного английского дискурса в рамках негативной вежливости. Для современного общества является характерным вуалирование эмоций, минимизация вмешательства.

Речевой акт обета / зарока, ручательства / гарантии и присяги являются малочисленными прагмасемантическими разновидностями речевого акта промисива. Как и представители описанных выше классов, они имеют те же тенденции к уменьшению прямо реализованных речевых актов, к ослаблению иллокутивной силы и сокращению группы перформативных глаголов с данной семантикой [5, с. 60–64].

Промисивные речевые акты разделяются на: речевые акты, осуществляющие все три компонента речевой интенции (акты с полной реализацией интенций или эксплицитные интенсифицированные речевые акты); промисивные речевые акты с осуществлением двух компонентов интенции; промисивные речевые акты с реализацией одного компонента интенции. Данный вид речевого акта имеет следующие прагмасемантические разновидности: речевой акт обещания, речевой акт уверения, речевой акт клятвы, речевой акт обязательства, другие речевые акты (обета/зарока, ручательства/гарантии и присяги), каждый из которых имеет свои особенности. Несомненный интерес представляет всестороннее изучение прагмасемантических разновидностей данного речевого акта в современном англоязычном дискурсе.

Список литературы

1. Галлямова Н.Ш. Речевой акт «обещание, клятва» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический, функционально- прагматический аспекты / Н.Ш. Галлямова // Язык и культура / Томск. гос. ун-т. – Томск, 2010. – №3. – С. 16-32.
2. Ерофеева Е.В. Прямые и косвенные способы выражения речевого акта обещания в современном французском и английском языках. / Е.В. Ерофеева, О.В.Гашева // Вестник Южно-Урал. гос. ун-та. – Челябинск, 2006. – № 6. – С. 128–132.
3. Карасик В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2002. – 333 с.

4. Колоколова Н.М. Речевой акт обещания как промисив: структурно-семантическая модель [Электронный ресурс] / Н. М. Колоколова. – Режим доступа: <http://www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/38.html> (дата обращения: 10.09.2017). – Загл. с экрана.

5. Котовская С. С. Введение в лингвистическую прагматику [Электронный ресурс] : учеб. пособие / С. С. Котовская. – Минск : Изд-во БГУ, 2012. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/92223> (дата обращения: 10.09.2017). – Загл. с экрана.

6. Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида. Семантика нарратива / Е.В. Падучева. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 464 с.

7. Частникова С.А. Развитие прагматической системы речевого акта промисива в англоязычном дискурсе 16-21 вв. / С.А. Частникова // Наук. пр. Чорномор. держ. ун-у ім. Петра Могили. Сер.: Філологія. Мовознавство. – 2011. – Вип. 136, т.148. – С.60–64.

References

1. Gallyamova N. Sh. Rechevoy akt «obeschanie, klyatva» v russkoy yazykovoy kartine mira: lingvokulturologicheskiy, funktsionalno-pragmaticheskiy aspekty [Speech act promise, swearing in the Russian discourse linguacultural functional, pragmatic aspects]. Yazyk i kultura – Language and Culture, 2010, no. 3, pp. 16–32.

2. Erofeeva E.V., Gasheva O. V. Pryamyie i kosvennyie sposobyi vyirazheniya rechevogo akta obeschaniya v sovremennom frantsuzskom i angliyskom yazyikah [Direct and indirect ways of expressing the speech act of promise in modern French and English]. Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta – The volume of South-Uralskogo State University. 2006, no. 6, pp. 128–132.

3. Karasik V. I. Yazyk sotsialnogo statusa [The Language of social status.]. Moscow, Gnozis Publ., 2002. 333 p.

4. Kolokolova N. M. Rechevoy akt obeschaniya kak promisiv: strukturno-semanticheskaya model [The Speech act of promising as promissive structural and semantic model]. Avialable at:<http://www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/38.html> (Accessed: 10 September 2017).

5. Kotovskaya S. S. Vvedenie v lingvisticheskuyu pragmatiku : uchebnoe posobie [Linguistic Pragmatics the textbook]. – Minsk : BGU Publ., 2012. – Avialable at: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/92223> (Accessed: 10 September 2017).

6. Paducheva E. V. Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida. Semantika narrativa [Semantic reseaches Semantics of Voice and Tense. Semantics of Narrative]. Moscow, Yaziki russkoj kulturi Publ., 1996. 464 p.

7. Chastnikova S. A. Razvitie pragmaticheskoy sistemyi rechevogo akta promisivna v angloyazyichnom diskurse 16-21 vv. [The development of pragmatic system of the speech act of promissive in English-speaking discouse 16-20 c.]. Naukovi pratsi Chornomorskogo derzhavnogo universitetu imeni Petra Mogili. Serija: Filologiya. Modoznavstvo. – The Scientific works of Kholodnogorsky State University of Petr Mogila., 2011. Vol. 136, t. 148, pp.60–64.

8. Chastnikova S. A. Razvitie pragmaticheskoy sistemyi rechevogo akta promisivna v angloyazyichnom diskurse 16-21 vv. [The development of pragmatic system of the speech act of promissive in English-speaking discouse 16-20 c.]. Naukovi pratsi Chornomorskogo derzhavnogo universitetu imeni Petra Mogili. Serija: Filologiya. Modoznavstvo. – The Scientific works of Kholodnogorsky State University of Petr Mogila., 2011. Vol. 136, t. 148, pp.60–64.

О. М. Шестакова

ОПЕРАЦІЙНІ МОДУСИ КОНЦЕПТУ «PERSONAL NAME»

Стаття присвячена моделюванню структури концепту PERSONAL NAME шляхом операційних модусів. Цей концепт в цілому розглянуто в рамках когнітивно-дискурсивної парадигми, для його аналізу використовувалася методика операційних модусів М.В. Нікітіна. Визначено основні семантичні ознаки концепта PERSONAL NAME, такі як: називання людини, репутація, ім'я відомої людини/знаменитості, сім'я, рід за чоловічою лінією, образливі прізвиська. Розглянуто також імплікаційні ознаки концепта PERSONAL NAME: належність, згадування, назва, влада, вказівка, фіктивність, кандидатура.

Ознаки інтенціоналу та сильного імплікаціоналу концепту PERSONAL NAME, між якими немає чіткого кордону та кількість яких є кінцевою, обумовлюють зміст ідеалізованої когнітивної моделі особистого ім'я людини. Кількість ознак слабкого імплікаціоналу концепту PERSONAL NAME не є кінцевою, що свідчить про відкриту динамічну структуру останнього.

Опис ознак, які утворюють інтенціонал та імплікаціонал концепту PERSONAL NAME, визначають обсяги нормативного модусу концепту. Для співвіднесення між собою встановлених ознак застосовуємо методику фреймового моделювання концепту С.А. Жаботинської, яка виділяє п'ять базових фреймів, що мають модифікації та утворюють фреймову мережу.

Розглянуто мережну структуру концептосфери PERSONAL NAME, що є понятійною складовою для відповідного лексико-семантичного поля іменників сучасної англійської мови. Зроблено висновок про те, що концепт PERSONAL NAME являє собою систему пов'язаних між собою ознак, що співвідносяться з вузлами й відношеннями у відповідній фреймовій мережі.

Ключові слова: концепт, концептосфера, операційні модуси, фреймова мережа.

Шестакова Е. Н. Операционные модусы концепта «PERSONAL NAME»

Статья посвящена моделированию структуры концепта PERSONAL NAME путем операционных модусов. Данный концепт в целом рассмотрен в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, для его анализа использована методика операционных модусов М.В. Никитина. Определены основные семантические

признаки концепта PERSONAL NAME, такие как: название человека, репутация, имя известного человека/знаменитости, семья, род по мужской линии, обидные прозвища. Рассмотрены также импликационные признаки концепта PERSONAL NAME: принадлежность, упоминание, название, власть, указание, фиктивность, кандидатура.

Признаки интенционала и сильного импликационала концепта PERSONAL NAME, между которыми нет четкой грани и количество которых является конечным, обуславливают содержание идеализированной когнитивной модели личного имени человека. Количество признаков слабого импликационала концепта PERSONAL NAME не является конечным, что свидетельствует об открытой динамичной структуре последнего.

Описание признаков, формирующих интенционал и импликационал концепта PERSONAL NAME, определяют объемы нормативного модуса концепта. Для соотнесения установленных признаков между собой использована методика фреймового моделирования концепта С. А. Жаботинской, которая выделяет пять базовых фреймов, имеющих различные модификации и образующих фреймовую сеть.

Рассмотрена сетевая структура концептосферы PERSONAL NAME, являющейся понятийной основой для соответствующего лексико-семантического поля существительных современного английского языка. Сделан вывод о том, что концепт PERSONAL NAME представляет собой систему связанных между собой признаков, соотносящихся с узлами и отношениями в соответствующей фреймовой сети.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, операционные модусы, фреймовая сеть.

Shestakova O. Operational modes of the 'PERSONAL NAME' concept

The article deals with modelling the structure of the concept PERSONAL NAME by means of operating modi. As a whole, this concept has been considered within the framework of cognitive and discourse paradigm, the approach of operating modi by M.V. Nikitin has been used for the analysis of this concept. Basic semantic characteristics of "PERSONAL NAME" concept have been defined as follows: a person's name, reputation, a celebrity's name, a family, gens, offensive nicknames. Implicative characteristics of "PERSONAL NAME" concept have also been considered, such as: ownership, reference, name, power, indication, fictitiousness, candidacy.

The characteristics of intensional and strong implicational of "PERSONAL

NAME” concept do not have any strict borders and their quantity is limited, they bring about the contents of idealized cognitive model of a person’s individual name. The quantity of characteristics of a weak implicational of “PERSONAL NAME” concept is not limited, which illustrates the open dynamic structure of the latter.

The description of characteristics, forming the intensional and implicational of “PERSONAL NAME” concept, defines the volume of the concept’s normative modus. To correlate the stated characteristics, an approach of concept’s frame modelling by S.A. Zhabotinska, who distinguishes five basic frames with various modifications and which form a frame network, has been used.

The network structure of the “PERSONAL NAME” sphere of concepts, which is a notional basis for a corresponding lexical and semantical field of modern English nouns, has been analyzed. The “PERSONAL NAME” concept has been concluded to comprise a system of characteristics, connected with each other, correlating with knots and relations in a corresponding frame network.

Key words: concept, sphere of concepts, operational mode, frame network.

Метою роботи є моделювання структури лінгвокультурного концепту PERSONAL NAME, актуалізованого в англomовному художньому дискурсі.

Актуальність дослідження концепту PERSONAL NAME зумовлена, з одного боку, важливим місцем досліджуваного концепту в картині світу представників англomовної лінгвокультури. З іншого боку, актуальність характеризується застосуванням методології та методик новітнього когнітивно-дискурсивного підходу, що дозволяють здійснити якісний концептуальний аналіз, це і є об’єктом дослідження, його предметом є визначення операційних модусів концепту PERSONAL NAME.

У нашому дослідженні аналіз концепту PERSONAL NAME здійснюється з позицій когнітивно-дискурсивної парадигми, що тлумачить концепт як стан ментальних і психічних ресурсів свідомості індивіда у процесі мовленнєво-розумової діяльності під час продукування/інтерпретації дискурсу, а дискурс визнає єдиним природним середовищем існування концепту [6, с. 9]. Для аналізу концепту застосована методика операційних модусів М.В. Нікітіна.

М. В. Нікітін моделює структуру концепту у вигляді операційних модусів як підструктур, що актуалізують певні компоненти його

потенційного змісту і реалізують різні функції у мовленнєво-розумовій діяльності [7, с. 153]. У систематизаційному модусі концепт будується шляхом складання переліку його сутнісних ознак. Нормативний модус відрізняється від систематизаційного тим, що передбачає співвіднесення концептуальних ознак між собою як типових чи нетипових для виявлення «нормативних та екстремальних представників» [9, с. 55]. Нормативний модус є засобом внутрішньої організації концепту за принципом прототипу, що можна подати у вигляді фреймової структури. У категоризаційному модусі знаходять своє відображення зовнішні зв'язки концепту, коли концепт стає організаційним центром відповідної понятійної категорії [9, с. 55]. Методика операційних модусів широко застосовується для структурування концептів у сучасній когнітивній лінгвістиці [5, с. 8].

Розглядаючи концепт PERSONAL NAME у рамках систематизаційного модусу, вважаємо за доцільне звернутися до аналізу словникових дефініцій іменника *name*, оскільки саме таким чином можна отримати відомості про сутнісні ознаки імені.

Змістовний мінімум концепта представлено в словарних дефініціях [4, с. 147]. В англійських словниках-тезаурусах [11;12;13] знаходимо такі визначення лексеми «*name*»:

- 1) word by which individual person, animal, place, or thing, is spoken of or to;
- 2) word denoting any object of thought, esp. one applicable to many individuals;
- 3) person as known, famed, or spoken of;
- 4) all who go under one name, family, clan, people;
- 5) reputation;
- 6) merely nominal existence, practically non-existent thing;
- 7) a word or words by which a person, place or thing is known;
- 8) a noted person;
- 9) a word or term by which a person or thing is commonly and distinctively known;
- 10) mere outward appearance or form as opposed to fact (in name);
- 11) a word, title, or phrase descriptive of character, usually abusive or derogatory;

12) reputation, especially, if unspecified, good reputation;

13) a famous person or thing;

14) a member of Lloyd's who provides part of the capital of a syndicate and shares in its profits or losses but does not arrange its business.

За результатами дефінітивного аналізу англомовних лексикографічних джерел виділяємо основні семантичні ознаки імені концепту PERSONAL NAME, лексеми *name*:

1) називання людини:

His name really is George Washington.

2) репутація людини:

He wanted to protect his good name.

3) ім'я відомої людини, її слава:

They studied all the great names in the history of France.

4) родина, рід за чоловічою лінією:

He had no sons and there was no one to carry on his name.

5) образливі прізвиська:

Sticks and stones may break my bones but names can never hurt me!

Лексичні значення слів у когнітивному аспекті є складними утвореннями, структура яких відображає зв'язки та відношення концептуальних систем свідомості. Структуру лексичного значення утворено, перш за все, логічними зв'язками, у центрі яких знаходиться інтенціональне ядро, і які охоплюють також імплікаційні ознаки, які утворюють периферію. Імплікація ознак може бути обов'язковою (жорсткою / високо вірогідною / високо ймовірною) і слабкою (вільною) [8, с. 74]. Найбільш наближеною до ядра сферою є сильний імплікаціонал, що поділяється на жорсткий імплікаціонал, виражений сукупністю ознак, що не відображені в інтенціоналі значення прямо, але пов'язані з ним обов'язковою імплікацією, та високо ймовірний імплікаціонал який представлений сукупністю ознак, що імплікуються з більшою вірогідністю при певному інтенціоналі. Незважаючи на те, що інтенціонал та імплікаціонал обидва є частинами значення, між ними існує суттєва різниця. Інтенціонал – це замкнута жорстка структура кінцевої множини ознак. Імплікаціонал – відкрита ймовірна структура некінцевої множини ознак [8, с. 74–75]. Необхідно

підкреслити, що між інтенціоналом та імплікаціоналом імені часто немає жорсткої різниці й відтак інтенціональне ядро значення може поступово переходити до імплікаційного поля [8, с. 74]. Ознаки сильного імплікаціонала наближені до інтенціонального ядра, однак не входять до нього. Слабкий імплікаціонал залучає ознаки, що ймовірно можуть бути присутні або навпаки відсутні у лексичному значенні певного слова [8, с. 72–76].

Для виділення інтенціонала скористуємося аналізом словникових дефініцій імені концепту PERSONAL NAME. Вже визначені вище ознаки концепту PERSONAL NAME, а саме *називання людини, її репутація, слава, родина, образливі прізвиська*, – і складають інтенціонал значення лексеми-імені концепту і, відповідно, ядро концепту PERSONAL NAME.

Сильний та слабкий імплікаціонали визначаємо шляхом аналізу корпусу прикладів та встановлення частотності кожної з імплікаційних ознак.

Нами було розглянуто 73 приклади використання імені даного концепту в British National Corpus [10]. За допомогою лінгвостатистичного аналізу [1] визначено такі імплікаційні ознаки концепту PERSONAL NAME, як-то:

1) належність (27,3%):

CRE 371 *And when, on occasion, his name did creep into a scandal-sheet or a confessional biography, he was invariably painted as the patron saint of lost souls.*

2) назва (20,5%):

CBW 426 *The practice will keep the name Hook Harris.*

3) згадування (20,5):

H89 1714 *She died in great pain, swollen out like a hog's head, leaving behind her the name of great lasciviousness.*

4) влада (16,4%):

HAЕ 2330 *It was a name that would go down in history.*

5) вказівка (8,2%):

CEJ 386 *The evidence from the Acts of the Apostles suggests that baptism in the earliest days of the Church was in the name of Jesus only.*

6) фіктивність (4,1%):

HXX 851 *Having established his rule over the English at least in name, another pressing need was the reward of his army.*

7) кандидатура (1,3%):

FYY 2044 *He takes the band off and starts to sort through; he ticks off one more name from the Yearbook's list of radio stations, and then copies its telephone number across onto his checklist.*

Ознаки інтенціоналу та сильного імплікаціоналу концепту PERSONAL NAME, між якими немає чіткого кордону та кількість яких є кінцевою, обумовлюють зміст ідеалізованої когнітивної моделі особистого ім'я людини. Кількість ознак слабого імплікаціоналу концепту PERSONAL NAME не є кінцевою, що свідчить про відкриту динамічну структуру останнього.

Опис ознак, які утворюють інтенціонал та імплікаціонал концепту PERSONAL NAME, визначають обсяги нормативного модусу концепту. Для співвіднесення між собою встановлених ознак застосовуємо методику фреймового моделювання концепту С.А. Жаботинської, яка виділяє п'ять базових фреймів, що мають модифікації та утворюють фреймову мережу, а саме: предметний фрейм, ідеографічний фрейм, посесивний фрейм, акціональний фрейм та компаративний фрейм. Слоти фреймів містять актантів, що наділені певними аргументними ролями (за Філлмором 12). Фрейми названі «базовими», в зв'язку з тим, що вони демонструють найбільш загальні принципи категоризації та організації вербалізованої інформації [2; 3]. Такі міжфреймові мережі можуть використовуватися для структурування інформації, яка представлена лексичним полем, чи окремою одиницею [2, с. 84]. За С.А. Жаботинською [2, с. 89-90], ми визнаємо, що базові фрейми використовуються як «будівельні блоки» для відтворення концептуального остова задля ментального уявлення тієї чи іншої сфери людського досвіду, яка, в свою чергу, визначає кількість таких блоків і їх якісний склад. При цьому концептуальна структура значення слова має відкритість, тому що може розширюватися за рахунок подальшої «надбудови».

Розглянемо ім'я людини (*personal name*):

Таксономічний фрейм – ДЕЩО-вид (*personal name*) є ДЕЩО-

рід (*part of a full name*). **AHU 958** *Of course if your first name is Sebastian and your last name is Coe, then the scientists' method is a good one to follow, but if you're just an average slob like me, then my method is not a bad alternative.*

Предметний фрейм - ДЕЩО (*personal name*) є СТИЛЬКИ (*one, two etc.*), є (*formal, informal etc.*) **ARK 2546** *He reserved two rooms in the name James Gage and arranged to meet Paula in the dining-room; існує ТАК (*changes, does not change*) **CH6 2613** *The former love, who did not want his name revealed, said Suzannah had two grown-up sons; існує ТАМ (*England, Washington*), існує ТОДІ (*then, now*) **CJH 357** *To me and thousands more the name of Wester Ross lives on.***

Компаративний фрейм – TAKE (*known, forgotten*) ДЕЩО-референт (*personal name*) є як би TAKE (*known*) ДЕЩО-коррелят (*слава*) **ASJ 395** *...we hurried to bring to his notice the only name which seems to have power in Syria, that famous name of the hydra-headed, the indispensable, the world-wide Cook.*

Посесивний фрейм - ДЕЩО-ціле (*personal name*) має ДЕЩО-частини (*nickname, short name, derivate*). **EX7 30** *To think that your name was She until you were about four.*

Акціональний фрейм - ДЕХТО-агенс (*human*) діє (*changes, mentions*) на ДЕЩО-об'єкт (*personal name*). **A9F 457** *At a meeting yesterday to draft tactics after the resignation of the Prime Minister, Mr Ladislav Adamec, the Forum's leaders were believed to have discussed putting Mr Havel's name forward for the post of head of state. **K8T 1654** *Daphne treated them all with the same disdain, confiding in me that her one true love was still serving on the Western Front; not that she once mentioned his name in my presence.**

Тобто, при аналізі лексичного значення виділені в результаті компонентного аналізу семи співвідносяться з вузлами й відношеннями у фреймовій мережі, що виступають як домени для кожного з представленого семами концептів. Ці концепти, у свою чергу, поєднуються у межах концептосфери.

Розглянемо мережну структуру концептосфери PERSONAL NAME, що є понятійною основою для відповідного лексико-семан-

тичного поля іменників сучасної англійської мови. Ця концептосфера формується шляхом співположення трьох основних доменів: ДЕЩО-ім'я, що належить людині, ДЕХТО-людина з якимось ім'ям (добрим чи поганим), ДЕХТО-людина, що дає ім'я, іменує. Домени пов'язані між собою через три акціональні фрейма:

(1) ДЕХТО-агенс (*parents*) робить ДЕЩО-об'єкт/результат (*give name, christen*) для ДЕХТО-бенефіціянта (*human*) **ССА 1689** *4 We will acknowledge your contribution by including your name as --; in the credits of the video; FPM 2232 Strike his name from the list.*

(2) ДЕХТО-агенс (*human*) діє (*changes, conceals*) на ДЕЩО-об'єкт (*personal name*) **KB7 15630** *Well we give his name didn't we? EDJ 271 He's got this really boring name – Stuart Hughes;*

(3) ДЕЩО (*name*) діє: **H85 964** *By some freak of the acoustics his name seemed to echo round and round the chamber. K55 2660 The name of the dead man is not being released until relatives are contacted.*

В структурі основного домену – „ДЕЩО-ім'я, що належить людині” – представлені предметний, посесивний та компаративний фрейми:

Предметний фрейм. ДЕЩО є TAKE (форма, довжина і т.ін.): *long name, pronounced name, original name*; ДЕЩО є СТИЛЬКИ *several middle names/nicknames*; ДЕЩО існує ТАК: *imagined name.*

Предметний фрейм + компаративний фрейм

TAKE (форма) ДЕЩО-референт є як би TAKE (форма) ДЕЩО-коррелят: *A bad name brings bad fame.*

Посесивний фрейм + предметний фрейм

ДЕЩО-ціле має ДЕЩО-частину: *derivate, moniker*;

ДЕЩО-ціле має TAKE ДЕЩО-частину: *diminutive name, funny nickname.*

В структурі домену „ДЕХТО-людина з якимось ім'ям” є посесивний, предметний та акціональний фрейми.

Посесивний фрейм

ДЕХТО-людина має ДЕЩО-ім'я/репутацію: *a good name, Freud's name.*

Предметний фрейм

ДЕХТО-людина є ТАКА (рід, професія): *boy's name.*

Акціональний фрейм

ДЕХТО-агенс ТАК іменує ДЕЩО-об'єкт: *cursed name, sacral name*.

ДЕХТО-агенс ТАМ має ДЕЩО-об'єкт: *foreign name*.

ДЕХТО-агенс ТОДІ (особлива подія, час) має ДЕЩО-об'єкт: *a child's sobriquet, gamer's nicknames, precedent names*.

ДЕХТО-агенс має ДЕЩО-об'єкт для ТОГО (вид діяльності): *subculture monikers, computer nicknames*.

Структурою домена „ДЕХТО-людина, що дає ім'я, іменує” є акціональний фрейм:

ДЕХТО-агенс (батьки) діють на ДЕЩО-об'єкт (маля): *named after his grandfather*.

Таким чином, концепт PERSONAL NAME являє собою систему пов'язаних між собою ознак, що співвідносяться з вузлами й відношеннями у відповідній фреймовій мережі. В перспективі планується розглянути структуру концепту PERSONAL NAME в електронному дискурсі.

Список літератури

1. Головин Б.Н. Язык и статистика / Б.Н. Головин. – М.: Изд-во «Просвещение», 1971. – 27 с.
2. Жаботинская С.А. Концептуальный анализ языка: фреймовые сети / С.А. Жаботинская // Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства. – № 9. – Проблеми прикладної лінгвістики / Під ред. Іщенко Д.С. – Одеса: Астропринт, 2004. – С. 81-92.
3. Жаботинская С.А. Концептуальный анализ: типы фреймов / С.А. Жаботинская // Вісник Черкаського університету, 1999. – Вип. 11. – С. 3-17.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
5. Луньова Т.В. Лексикалізований концепт ГАРМОНІЯ в сучасній англійській мові: структура і комбінаторика: Дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / Т.В. Луньова. – К., 2006. – 348 с.
6. Мартинюк А.П. Концепт у дискурсивній парадигмі / А.П. Мартинюк // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2006. – № 725. – С. 9-12.
7. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. – СПб.:

Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с.

8. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения: Учеб. пособие / М.В. Никитин. – М.: Высш. шк., 1988. – 168 с.

9. Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах / М.В. Никитин // Вопр. когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 53-64.

10. British National Corpus (BNC). – Режим доступа: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>

11. Collins English Dictionary. – London: Harper Collins Publishers, 2006. – 704 p.

12. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary / A. S. Hornby. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 1430 p.

13. New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language. – London: Lexico Publications, Inc., 1993. – 1248 p.

References

1. Golovin B. N. Yazyk I statistika [Language and Statistics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971. 27 p.

2. Zhabotinskaya S. A. Kontseptualnyi analiz yazyka: freymovyye seti [Conceptual analysis of a language]. Mova. Naukovo-teoretichnyi chasopis z movoznavstva – Language. Scientific and theoretical language studies journal. 2004, no. 9, pp. 81–92.

3. Zhabotinskaya S. A. Kontseptualnyi analiz yazyka: tipy freymov [Conceptual analysis of a language: types of frames]. Cherkasy University Bulletin: Philological Sciences (in Russian). 1999, no. 11, pp. 3–17.

4. Karsasik V. I. Yazykovyj krug: lichnost', kontseptyi, diskurs [Language circle: personality, conceptions, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p.

5. Lunova T. V. Leksykalizovanyi kontsept HARMONIYA v suchasni anhliskii movi Diss. kand. philol. nauk [“HARMONY” lexicalized concept in modern English language]. Kyiv, 2006. 348 p.

6. Martyniuk A. P. Kontsept u dyskursyvniy paradyhmiiu [Concept in discourse paradigm]. Visnyk Kharkivskoho natsionalnoho universytetu im. V.N. Karazina –Reporter of Kharkiv National University named after V.N. Karazin. 2006, no. 725, pp. 9–12.

7. Nikitin M. V. Kurs lynchvystycheskoi semantyky [The Course of Linguistic Semantics]. Sankt-Peterburh, Nauchnyi tsentr problem dyaloha Publ., 1996. 760 p.

8. Nikitin M. V. Osnovy lingvisticheskoi teorii znacheniya : uchebnoe posobyie [Basics of linguistic theory of a meanign : training manual]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1988. 168 p.

-
9. Nikitin M. V. Razvernutyte tezisy o kontseptakh [Detailed theses on concepts]. Voprosy kognitivnoi lyngvistiki – Issues of cognitive linguistics, 2004, no. 1, pp. 53–64.
 10. British National Corpus (BNC). – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>.
 11. Collins English Dictionary. London, Harper Collins Publ., 2006. 704 p.
 12. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford, Oxford University Press, 1995. 1430 p.
 13. New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language. London, Lexico Publications, Inc. 1993. 1248 p.

Ж. Е. Потанова

НЕМЕЦКАЯ ШКОЛА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ ГАНСА ФАЛЛАДЫ «DAMALS BEI UNS DAHEIM»

Статья посвящена рассмотрению учебно-воспитательной обстановки в немецкой школе конца 19 – начала 20 столетий, как ее описал Ганс Фаллада в своем автобиографическом произведении «Damals bei uns daheim». Из воспоминаний немецкого писателя мы узнаем, как ему на себе пришлось почувствовать закостенелый педантизм прусской системы школьного обучения, где душится всякое свободомыслие, а главными критериями воспитания являются прусская строгость и дисциплина. Ганс Фаллада относительно школы не делает никаких выводов, он просто как бы фотографирует ситуацию, что позволяет нам увидеть: успехи ученика зависят от атмосферы, царящей в учебном заведении. Данная статья является продолжением разработки темы «Условия формирования духовно-моральных ценностей немецкой молодежи на рубеже 19–20 веков» (на материале художественных произведений указанного периода).

Ключевые слова: Ганс Фаллада, «Damals bei uns daheim», воспитание и образование в немецкой школе конца XIX – начала XX столетий.

Потанова Ж. Є. Німецька школа кінця XIX – початку XX століть у спогадах Ганса Фаллади «Damals bei uns daheim»

Стаття присвячена розгляду навчально-виховної обстановки в німецькій школі кінця 19 – початку 20 століть, як її описав Ганс Фаллада в своєму автобіографічному творі «Damals bei uns daheim». Зі спогадів німецького письменника ми дізнаємося, як йому на собі довелося відчутти закостенілий педантизм пруської системи шкільного навчання, де душиться всяке вільнодумство, а головними критеріями виховання є пруська суворість і дисципліна. Ганс Фаллада не робить щодо школи ніяких висновків, він просто ніби фотографує ситуацію, що дозволяє нам побачити: успіхи учня залежать від атмосфери, що панує в навчальному закладі. Дана стаття є продовженням розробки теми «Умови формування духовно-моральних цінностей німецької молоді на рубежі 19–20 століть» (на матеріалі художніх творів зазначеного періоду).

Ключові слова: Ганс Фаллада, «Damals bei uns daheim», освіта і виховання

в німецькій школі кінця XIX – початку XX століть.

***Potapova Zh.* German School of the late XIX, early XX c. in Hans Falladas memoirs «Damals bei uns daheim»**

The article addresses the problem of the education and moral training situation at German school of the late XIX, early XX c., as described by Hans Fallada in his autobiographical work «Damals bei uns daheim». From the German writers memoirs we learn how he himself experienced the stagnant pedantry of the Prussian school system, where any kind of freethinking was throttled, and the main criteria of education were Prussian rigour and discipline. Hans Fallada does not draw any conclusions, he just pictures the situation, which makes it possible for us to see: the learners achievements depend upon the atmosphere that prevails at the institution. The article is the extension of the research on the problem: «Conditions of German young people's spiritual and moral values formation on the borderline of XIX–XX c.» (on the material of the period literary works).

Key words: Hans Fallada, «Damals bei uns daheim», education and moral training at German school of the late XIX– early XX centuries.

В рамках розроблюваної теми «Умовля формировања духовно-моральних цєнностей немєцкї молїдежї на рубежє 19–20 вєков» інтерєсно обрратїться к прїзведєнїю Ганса Фаллади «Damals bei uns daheim» («У нас дома в далеке вєремена»). Книга має подзаголовок: Пережитое, увїденное и сочинєнное. Она писалась в 1941 году, но посвящена перїоду, когда писатель был ребєнком. Как явствует из подзаголовка, данный рассказ – автобиографическое прїзведение, в котором соседствуют подлинные факты с небольшой долей художественного вымысла. Но вымысел относится лишь к некоторым моментам, где описывается родня писателя, о чем мы судим по его обрращєнїю к родственникам, и не касается главного: «Ибо если я погрєшил в малом, то в великом был все-таки верєн правде. Хотя я и прїсочинил кое-что, но всеми силами старался передать дух событий» [1, 4]. Дух событий в школе и является предметом рассмотрєния данной статьи. Рудольф Вильгельм Фрїдрих Дитцен (настоящее имя писателя) родился в 1893 г. в северо-немєцком городе Грєйфсвальде, в обычной бюргерской семье. В 1899 г. отца, судєйского чиновника, по работе переводят в Верховный суд, и семья переезжает в Берлин.

Именно здесь Рудольфа определяют в гимназию принца Генриха на Груневальдштрассе, считавшуюся тогда гимназией высшего разряда. Ее учащимися были, главным образом, сыновья офицеров и чиновников дворянского происхождения, а также дети из богатых семей. Родители же Рудольфа (в произведении он – Ганс) имели скромный достаток, к тому же, были необычайно бережливы. Поэтому, когда Ганс протирал штаны, мама не покупала новые, а ставила на старые заплатки, не всегда точно совпадающие по цвету с основной тканью. Это обстоятельство служило поводом для злых насмешек и травли со стороны одноклассников. «Благородные» утонченно выказывали свое пренебрежение, они деликатно не обращали внимания на дефект, но и всякое общение с мальчиком было почти исключено. Если он что-то спрашивал, то они давали лишь короткие ответы с надменной снисходительностью, что его, конечно, глубоко ранило. Другие – нагло и откровенно издевались. Так, соученик по фамилии Фридеман, бывший крупнее и на голову выше Ганса (при этом на занятиях отличавшийся крайней неграмотностью и трижды остававшийся на второй год), во время большой перемены, когда все учащиеся обязаны были выходить во двор, заталкивал Ганса в скрытый от глаз надзиравшего учителя угол и заводил разговор на тему штопки и шитья, начиная расспрашивать, какие у Ганса взгляды на починку одежды и не кажется ли ему, что хорошо бы выглядела справа красная заплатка, слева зеленая, а спереди желтая. В довершение говорил, что есть семьи целые, а есть и залатанные и как хорошо иметь в гимназии представителя лоскутных семейств в качестве наглядного пособия. Особо меткие остроты сопровождались хохотом и аплодисментами, что вдохновляло истязателя на новые издевательства. На все это Ганс ничего не отвечал, он стоял бледный, хилый и только с отчаянием смотрел на обступивших слушателей в надежде, что найдется какой-нибудь избавитель. Но ни разу никто за него не заступился. Жестокость подростков допускала и поощряла такие бесконечные издевательства. В то время существовали совершенно определенные понятия о том, что является приличным. В гимназии принца Генриха заплатанные штаны носить было неприличным. Соученики реагировали соответственно, а мама не проявляла никакого сочувствия к жалобам

сына. Фридеман изобретал все новые варианты издевательств, и Ганс по-прежнему оставался их мишенью. Но однажды он в отчаянии кинулся на своего обидчика, расцарапал ему лицо и, когда тот от неожиданности упал, сел на него верхом и изрядно отколотил. Больше по поводу заплата его не трогали, но, как и прежде, он оставался отверженным: никто с ним не общался и не хотел с ним дружить. Это так сильно повлияло на мальчика, что стало сказываться на учебе. Этому еще способствовало то обстоятельство, что, как вспоминает сам автор, в гимназии в то время было несколько учителей, которые были чем угодно, только не педагогами, и жалкий, запуганный вид ученика их несколько не беспокоил (*wir hatten ... damals einige Lehrer, die alles andere, nur keine Pädagogen waren*) [2, 90]. В качестве примера автор вспоминает учителя немецкого языка. Этот молодой еще господин со множеством оставшихся на лице следов от дуэлей не любил вести урок с кафедры, а предпочитал ходить по классу и особенно останавливаться возле парты Ганса. У Ганса были длинные, спадавшие до плеч волосы, в которые учитель любил запускать руки и плести из них множество торчащих в разные стороны косичек. В конце урока от Ганса требовалось подняться и повернуться лицом к классу, что, естественно, вызывало взрыв хохота. Ганс понимал, что учитель делал это без злого умысла, да, к тому же, никогда не спрашивая, ставил хорошие отметки, но в такие моменты неудовлетворительные оценки были бы мальчику предпочтительнее подобного унижения. В качестве другого примера приводится профессор Олеариус, классный наставник. Он был чистейшей воды филологом-классиком, и во всем мире для него существовали только латынь и древнегреческий. Учеников, неспособных к этим языкам, он ненавидел лютой ненавистью, считая, что ему нанесли личное оскорбление, и сам при этом всячески оскорблял таких учеников. Так он мог сказать: «Давайте-ка вызовем нашу бездарность. Хотя он ничего не знает, и на сей раз ничего не будет знать, но он послужит всем нам устрашающим примером». Или так: «Фаллада, Фаллада, сидеть тебе еще повторно» (*„Der Fallada, der Fallada ist bloß zum Sitzenbleiben da!“*) или «Если бы твой отец знал, за что он только платит деньги!» (*„Wenn das dein Vater wüßte, das Schulgeld würde ihn reuen!“*) [2, 92]. После такого

«ободрения» у ученика улетучивались последние остатки знаний, и он выглядел настоящим тупицей. И чем дольше учитель продолжал наставления в подобной манере, тем больше ученик представлял собой поистине жалкое зрелище, после чего учитель мог сказать: «Вы только посмотрите на него! Что ему здесь в гимназии, собственно, надо, для меня навсегда останется загадкой», после чего добавлял: «Начальная школа для неимущих была бы для него тем, что надо!» После этих слов у ученика уже лились слезы, а со временем он решил, что все равно учитель доведет его до слез, так можно в качестве защиты начинать реветь сразу же. Но так как из-за плача он не мог говорить, то господин Олеариус придумал вызывать Ганса к доске, чтобы он ответы писал мелом. И если ответы были неправильными, профессор костяшкой пальца стучал по его голове, приговаривая: «Кто стучится, тому отворится» („Denn wer da anklopfet, dem wird aufgetan!“) [2, 93]. Он это делал до тех пор, пока не появлялся правильный ответ. Такое постукивание причиняло ребенку сильную боль. В данной гимназии учителям было запрещено бить школьников, однако такое обращение не считалось телесным наказанием.

Однажды случилось так, что Ганс сильно провинился. Отец, как настоящий юрист, посчитал нужным собрать материал не только против, но и в пользу обвиняемого и пошел в школу выяснять, что происходит с его сыном. Профессор Олегариус, выслушав отца, с мыслями о том, до чего можно докатиться, если не желаешь учить латинских глаголов, обрисовал ему в самых черных красках наклонности, характер и способности его сына и посоветовал немедленно забрать сына из гимназии и отдать его в народное училище или, еще правильнее, поместить его в заведение для умственно отсталых детей. Когда отец услышал такие злобные преувеличения, он решил, что если учитель так судит о его сыне, которого он лучше знает, то это говорит не против сына, а против учителя. В тот же день Ганс был определен в гимназию имени Бисмарка в Вильмерсдорфе. Здесь не было никаких предрассудков относительно заплатанных штанов, новые учителя вводили ребенка в учебный процесс с такой осторожностью и заботой, что вскоре считавшийся в прежней гимназии слабоумным, Ганс вскоре оказался на хорошем счету и при переводе

в следующий класс был шестым среди тридцати двух.

Ганс Фаллада в своем повествовании относительно школы не делает никаких выводов, он просто как бы фотографирует ситуацию, что позволяет нам увидеть: успехи ученика зависят от атмосферы, царящей в учебном заведении. В целом ряде произведений, посвященных школьной тематике того времени и направленных на критику школьной системы, в основном изображается закостенелый педантизм, не позволяющий нарушать устоявшийся порядок, душащий всякое свободомыслие, где главные критерии воспитания – прусская строгость и дисциплина. То, что ученик – это живой человек, часто выпускается из виду. Но, как известно, в любой ситуации есть плюсы и минусы. И благодаря такому мемуарному произведению, где просто повествуется о происходивших событиях, можно увидеть, что были школы или отдельные учителя, где ученик мог не чувствовать на себе так сильно гнета системы.

Список литературы

1. Фаллада Г. У нас дома в далекие времена [Электронный ресурс] / Ганс Фаллада // Электронная библиотека RuLit. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/u-nas-doma-v-dalekie-vremena-read-92544-1.html> (дата обращения: 15.07.2017). – Загл. с экрана.
2. Fallada H. *Damals bei uns daheim. Erlebtes, Erfahrenes und Erfundenes* / Hans Fallada. – Hamburg: Blüchert Verlag, 1941. – 478 S.

References

1. Fallada H. *U nas doma w dalekie wremena* [At home at distant times] [Electronic source]. Available at: <http://www.rulit.me/books/u-nas-doma-v-dalekie-vremena-read-92544-1.html> (accessed: 15.07.2017).
2. Fallada H. *Damals bei uns daheim. Erlebtes, Erfahrenes und Erfundenes* / Hans Fallada, Hamburg, Blüchert Verlag, 1941, 478 p.

Студентська трибуна

А. А. Таран

ИНТЕРНАЛЬНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ДИСПОЗИЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ

Статья посвящена анализу диспозиций современных студентов как латентных подструктур их социальных действий. Особое внимание уделяется интернальности как составляющей этих диспозиций. В этой связи автором подробно рассматривается такая приобретенная характеристика личности, как локус контроля (экстернальный/интернальный). Акцент делается на том, что понятие локуса контроля отображает степень ответственности индивида за события, происходящие с ним лично, в его ближайшем окружении и в обществе в целом, а также степень независимости и социальной активности, толерантности и готовности быть лидером. Отмечается, что именно «интерналы» являются тем человеческим ресурсом общества, благодаря которому интенсифицируются процессы его развития. Развитые европейские страны характеризуются большой долей «интерналов» (30-40 %), в то время, как среди населения Украины таковых значительно меньше. В связи с этим актуализируется необходимость периодических замеров интернальных качеств современной молодежи (в том числе и студенческой), как поколения, определяющего будущее нашей страны.

Ключевые слова: диспозиция, локус контроля, интернальность, экстернальность, студенчество.

Таран А. О. Інтернальність у структур диспозицій сучасної студентської молоді: соціологічний підхід до аналізу

Статтю присвячено аналізу диспозицій сучасних студентів як латентних підструктур їх соціальних дій. Особливу увагу приділено інтернальності як складовій цих диспозицій. У зв'язку з цим автором детально розглядається така набута характеристика особистості, як локус контролю (екстернальний/інтернальний). Акцент робиться на тому, що поняття локусу контролю відображає ступінь відповідальності індивіда за події, які відбуваються з ним особисто, в його найближчому оточенні і в суспільстві в цілому, а також ступінь незалежності і соціальної активності, толерантності і готовності бути лідером. Відзначається, що саме «інтернали» є тим людським ресурсом суспільства, завдяки якому інтенсифікуються процеси його розвитку.

Розвинені європейські країни характеризуються значною часткою «інтерналів» (30–40 %), в той час, як серед населення України таких значно менше. У зв'язку із цим актуалізується необхідність періодичних вимірювань ступеня виразності інтернальних якостей у сучасній молоді (в тому числі і студентської), як покоління, що визначає майбутнє нашої країни.

Ключові слова: диспозиція, локус контролю, інтернальність, екстернальність, студентство.

Taran A. Internality in the structure of dispositions of modern students: a sociological approach to analysis

The article is devoted to the analysis of dispositions of modern students as latent substructures of their social actions. Particular attention is paid to internality as a component of these dispositions. In this connection, the author considers in detail such an acquired characterization of personality as the locus of control (external / internal). The emphasis is that the notion of a locus of control reflects the degree of responsibility of an individual for events that occur to him personally, in his immediate environment and in society as a whole, as well as the degree of independence and social activity, tolerance and willingness to be a leader. It is noted that it is the “internals” that are the human resource of society, through which the processes of its development are intensified. Developed European states are characterized by a large share of “internals” (30–40 %), while among the population of Ukraine there are much less. In this regard, the need for periodic measurements of the internals of modern youth (including students) as a generation that determines the future of our country is actualized.

Key words: disposition, locus of control, internality, externality, students.

Социология, как и любая наука, выполняет целый ряд важнейших функций, среди которых особое место занимает прогнозирование социальных процессов, событий, а также социального поведения индивидов и групп. Существует множество методик и методов прогнозирования, но социологи, как правило, свои прогностические выводы делают на основе специально проведенных эмпирических исследований, объектом которых выступают обычные люди, дающие ответы на вопросы анкеты, интервью и т. п. В таком случае прогнозирование становится возможным, благодаря исследованию диспозиций как готовности, предрасположенности к определенным действиям, поступкам, причем, в их определенной последовательности.

К исследованию диспозиций современные социологи прибегают довольно часто, отражая их результаты в своих научных трудах. К числу таковых следует отнести научные работы таких социологов как Е. Головаха, Н. Панина, Е. Злобина, В. Тихонович, И. Нечитайло, В. Ядов, Е. Данилова, Д. Кикнадзе, П. Шихирев, В. Мерлин, Н. Шматко и др. [2; 3; 4; 5]. Все эти работы весьма значимы для развития представлений о диспозициях как латентных подструктурах социального действия. Однако следует отметить, что проводимые исследования, как правило, затрагивают все взрослое население страны. На этом фоне актуализируются необходимость исследований, результаты которых могли бы «вскрыть» диспозиционные особенности и отличия в разных социально-демографических и прочих социальных группах и общностях.

В связи с обозначенным выше, цель данной статьи состоит в анализе диспозиций современной студенческой молодежи с акцентом на интернальность как их характеристику (по результатам социологического опроса студенческой молодежи г. Харькова).

Следует отметить, что само понятие диспозиции пришло в социологию из психологии (Г. Олпорт, В. Штерн и др.), но прочно закрепилось в социологической науке, поскольку именно диспозиции, наряду с мотивами, ценностными ориентациями и смыслами составляют латентную подструктуру социального действия. В психологии подчеркивается, что склонность к действию(ям), обозначаемая понятием диспозиции, не предполагает причинной обусловленности. Диспозиционные комплексы, как совокупности предрасположенностей к определенной реакции на окружающую среду, образуются многочисленными чертами личности. С социологической точки зрения, такие диспозиционные комплексы представляют собой ни что иное, как габитусы (по П. Бурдьё), которые, хоть и есть «порождающими структурами», структурирующими социальную практику, однако, в то же время, и сами являются порождением определенной социальной практики, то есть формируются в определенных социальных условиях. Синтез психологических и социологических трактовок позволяет сделать вывод, что диспозиция образуется многочисленными чертами личности, которые, могут быть как врожденными, так и

приобретенными, то есть, формируемыми внешней средой. Кстати, с социологической точки зрения, практически все характеристики, черты и качества личности формируются именно средой. Врожденные черты и качества – единичны, поэтому основу социального действия составляют именно приобретенные характеристики личности. Одной из таких комплексных характеристик является локус контроля. Само понятие локуса контроля отображает степень ответственности человека за события, которые происходят с ним и в стране, степень независимости и активности, терпимости и готовности быть лидером. Первым и наиболее известным исследователем локуса контроля является психолог Дж. Роттер, который предложил шкалу для его измерения. Современные социологи адаптировали данную шкалу под цели социологического исследования и активно используют различные ее вариации в инструментариях социологических мониторингов и других исследований (см. работы Е. Головахи, Н. Паниной, Е. Злобиной и др.) [1, с. 115; 2, с. 129; 3, с. 88].

Как известно, разграничивается два полярных локуса контроля и, соответственно, два типа личностей: «экстерналы» (внешний локус контроля) – личности, полагающие, что происходящие с ними события являются результатом действия внешних сил, случая, обстоятельств, других людей; «интерналы» (внутренний локус контроля) – личности, интерпретирующие значимые события своей жизни как результат собственных усилий.

Анализ социологических научных трудов позволяет сделать вывод о том, что проблематика экстернальности/интернальности затрагивается тогда, когда речь заходит об определении перспектив развития общества [4, с. 150]. Ученые пишут, что если процессы хаотизации в обществе преобладают, то векторы его развития определяются качествами его членов. Именно поэтому приобретают смысл замеры уровня экстернальности/интернальности. Е. Злобина и В. Тихонович в своей совместной статье о традиционализме и инноваторстве в современной украинском обществе [3], отмечают, что для успешного развития общества в положительном ключе, ему необходимо, как минимум 30% «интерналов». В Украине этот процент все еще ниже необходимого минимума, хотя наблюдается определенная

положительная динамика: если в 2009-2012 гг. «интерналов» было около 15%, то по данным последних мониторингов общественного мнения, проведенных Институтом социологии НАНУ, таковых уже около 25%.

Исследователи отмечают, что среди молодежи «интерналов» больше, чем среди старшего поколения. Такие выводы были сделаны еще в 1992 г., в результате анализа данных по распространенности интернальной позиции среди представителей различных возрастных групп (Украина, апрель 1992 г.): «экстерналов» среди людей старше 55 лет – 68%, среди лиц 31–55 лет – 56%, среди молодежи 18–30 лет «экстерналов» меньше половины – 45%. Также наблюдалась тенденция возрастания интернальности, в связи со снижением возраста (от 15% интерналов среди пожилых людей до 25% среди молодых) [2, с. 130].

В 2015 году Институт социологии НАН Украины опубликовал статью, посвященную оценке состояния ответственности в стране людьми разного возраста, где представлены данные эмпирического исследования в г. Запорожье за 2013 год. По результатам анализа ответов об уровне ответственности респондентов за состояние дел в стране и в городе, можно сделать вывод о том, что молодежь чувствует большую ответственность, чем люди старшего возраста [1, с. 117].

Современное украинское общество пребывает в состоянии кризиса, о чем написано множество статей представителями разных наук о человеке и обществе. По нашему убеждению, реальный выход из кризиса зависит от того, сможет ли украинское общество взять на себя за это ответственность или же будет полагаться исключительно на правительство. Способность брать на себя ответственность – признак интернальности. Определяя долю «интерналов» среди современной молодежи (как поколения, определяющего будущее страны), важным представляется поиск ответов на следующие вопросы:

1. Какова степень и широта круга ответственности респондентов?
2. Какова доля «ведущих» и «инноваторов» среди молодого поколения и, соответственно, каков процент «ведомых»? 3. Насколько респонденты терпимы к «непохожим» на них (толерантность – признак

«интернальности»)? Эти и ряд других (сопутствующих) вопросов, легли в основу инструментария эмпирического исследования, проведенного группой студентов ф-та «Социальный менеджмент» ХГУ «НУА» в рамках студенческого исследовательского проекта «Социокультурный портрет современного студента»¹, проведенного, при активном участии автора, в октябре-ноябре 2016 г.

В ноябре 2016 года нами (в составе исследовательской группы студентов ф-та «Социальный менеджмент» ХГУ «НУА») было проведено социологическое исследование. На этапе предварительного анализа проблемы, с опорой на научные источники, нами был сделан вывод о том, что интернальность, как комплексная характеристика личности, операционализируется через выявление: а) высокого уровня и широкого круга ответственности; б) ориентации на самостоятельное принятие решений; в) положительной самооценки (т. е. оценки себя как порядочного, доброго, отзывчивого и т. п. человека); г) высокого уровня толерантности; д) внимательного отношения к своему здоровью и склонности связывать причины недугов с собственными «недочетами».

В этой связи примечательным представляется, что подавляющее большинство респондентов отметило, что заботится о своем здоровье (88,07%). При этом, более четверти опрошенных студентов (26,14%), подчеркнуло, что причиной болезни является их собственная невнимательность к своему здоровью, что является признаком интернальности. Наряду с этим, более половины респондентов (64,21% опро-

¹ Объектом выступили студенты г. Харькова. Всего было опрошено 394 студента из 6 крупных вузов города. Из них: 45,43% – молодые люди и 54,06% – девушки. В опросе участвовали студенты I–VI курсов (с преобладанием студентов II и IV курсов (30,71 и 22,08%%, соответственно). Наиболее массово представлены студенты, обучающиеся точным наукам (т. е., так называемые, «технари»). Их доля составляет почти половину всех опрошенных, а именно 47,21%. На втором месте по представленности – студенты, обучающиеся медицине и фармакологии (23,86%). «Студенты-гуманитарии» представлены довольно слабо (12,44%). Социально-поведенческие науки изучают 6,85% респондентов. И 3,81% – обучающиеся другим наукам.

шенных) объясняют свои недуги сезонными эпидемиями, 22,34% – видит причину заболеваний в плохой экологии, а 20,56% в стрессовом и негативном психологическом состоянии.

Вместе с тем, что интересно, около трети (29,70%) опрошенных студентов считают себя абсолютно «неподдатливыми» чужому влиянию, в то время, как чуть более половины студентов, давших определенные ответы на соответствующий вопрос (54,82%) отметили, что поддаются влиянию окружающих лишь иногда. И только 6,09% респондентов считают себя чрезвычайно податливыми чужому влиянию. В целом, согласно полученным данным, имеем подавляющее большинство студентов с низкой степенью подверженности чужому влиянию (по крайней мере, таковыми они выглядят в их собственных глазах), что также свидетельствует в пользу интернальности.

В целом по шкалам самооценок респондентов отмечается преобладание положительных оценок в подавляющем большинстве случаев. Так, честными и порядочными считают себя 82,24% опрошенных. Высококультурными личностями себя считает 73,86% опрошенных, дисциплинированными и трудолюбивыми – 70,31 и 64,72 %, соответственно. Ровно половина респондентов считает, что им присуще стремление выделяться и, немного большему количеству присуще стремление быть лидером (52,29%). Положительно также может быть расценено стремление подавляющего большинства опрошенных студентов к получению новых знаний и к самореализации (76,39 и 74,62 %, соответственно).

Толерантность большинства проявляется на уровне терпимого отношения к людям другой национальности (61,67%) и другого вероисповедания (60,91%). Терпимо отношение к людям нетрадиционной сексуальной ориентации наблюдается у 37,31% опрошенных. В целом же, как видим, довольно высок процент респондентов, уровень толерантности которых остается довольно низким.

Примечательным является и то, что подавляющее большинство опрошенных студентов, а именно – 86,29% – чувствует собственную ответственность за события, происходящие в их личной жизни. Следует также отметить, что круг ответственности большинства выходит за пределы личной жизни, а именно: 85,53% опрошенных

чувствуют ответственность за события, происходящие в их семье, 74,62% за события, происходящие в жизни их друзей. На этом фоне довольно высок процент студентов, проявляющих внимательность к окружающим (63,96% опрошенных). Ответственность за события в стране ощущает 25,89% опрошенных. Несмотря на то, что этот показатель значительно ниже предыдущих, в целом его нельзя расценивать как низкий. На наш взгляд, если бы четверть всего взрослого населения страны чувствовало личную ответственность за события, которые в ней происходят, скорее всего, процессы, происходящие в обществе, имели бы положительный вектор развития. В целом можно сказать, что уровень ответственности подавляющего большинства опрошенных студентов довольно высок, однако круг ответственности большинства ограничивается, преимущественно, семьей и друзьями. И все же, такие данные свидетельствуют о наличии еще одного признака интернальности, проявляющегося на уровне подавляющего большинства опрошенных студентов.

Наше исследование предполагало не только анализ результатов одномерного распределения, но и корреляционный анализ.

Мы предположили, что личностные характеристики респондентов могут быть связаны с их успеваемостью (что в принципе, вполне естественно, поскольку студенты с высокими показателями успеваемости, как правило, являются носителями разных наборов личностных качеств). В результате, мы действительно выявили, умеренную связь между успеваемостью и дисциплинированностью ($T=0,27$, $T_c=0,29$)², а также связь между успеваемостью и заботой о здоровье ($T=0,34$, $T_c=0,39$).

Наиболее ярко выраженную связь нам удалось проследить между: а) мнением респондентов о себе как хорошем, добром человеке и их заботой о своем здоровье ($T=0,39$, $T_c=0,39$); б) стремлением выде-

² T и T_c – соответственно, коэффициенты Чупрова и Крамера, показывающие силу связи между признаками. Данные коэффициенты могут варьироваться в пределах от 0 до 1. Чем ближе числовое значение коэффициента к 0 – тем слабее связь. Соответственно, чем ближе числовое значение коэффициента к 1 – тем сильнее связь.

ляться и готовностью к риску ($T=0,35$, $T_c=0,35$); в) стремлением выделяться и стремлением быть лидером ($T=0,44$, $T_c=0,44$).

Также ми был проведен сравнительный анализ ответов респондентов в зависимости от успеваемости. Ответы респондентов с отличной успеваемостью и респондентов с удовлетворительной и низкой успеваемостью в значительной мере отличаются. В первую очередь по степени дисциплинированности, трудолюбия, заботы о здоровье, честности и порядочности.

Делая общий вывод, подчеркнем, что, согласно результатам исследования, подавляющее большинство современной студенческой молодежи, действительно, являются носителями интернальности. В пользу этого свидетельствует положительная самооценка, оценка большинством себя как не поддающихся манипуляциям и руководствующимся собственным мнением, а также сравнительно высокий уровень ответственности современных студентов. В ряду всех личностных качеств и характеристик, свидетельствующих в пользу интернальности наиболее слабо представлена толерантность. Поскольку выборка была нерепрезентативной, полученные нами результаты исследования могут распространяться только на опрошенных студентов. Тем не менее проведенное исследование может расцениваться как пилотажное, а полученные результаты являются свидетельством в пользу необходимости продолжения исследовательской работы по обозначенной проблематике.

Список литературы

1. Безрукова О. Оцінка стану відповідальності в країні людьми різного віку / О. Безрукова // Соціальні виміри суспільства : зб. наук. пр. – 2015. – № 7. – С. 113–127.
2. Головаха Е. Социальное безумие: история, теория и современная практика / Е. Головаха, Н. Панина. – Киев : Абрис. – 1994. – 168 с.
3. Злобина Е. Традиционализм и инновации в украинском измерении / Е. Злобина, Ю. Тихонович // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2006. – № 4. – С. 69 – 93.
4. Нечитайло И. С. Изменение общества через изменение образования: иллюзия или реальность? / И. С. Нечитайло. – Харьков : Изд-во ХГУ «НУА», 2015. – 582 с.

5. Шматко Н. «Габитус» в структуре социологической теории / Н. Шматко // Журнал социологии и социальной антропологии. – №2 (Т. I). – 1998. – С. 60–70.

References

1. Bezrukova O. Otsinka stanu vidpovidalnosti v kraïni lyudmi riznogo viku [Assessment of the state of responsibility in the country by people of all ages]. Sotsialni vimiri suspilstva. Zbirnik naukovih prats – Social dimensions of society. Collection of scientific works, 2015, no. 7, pp. 113–127.

2. Golovaha E., Panina N. Sotsialnoe bezumie: istoriya, teoriya i sovremennaya praktika [Social madness: history, theory and modern practice]. Kiev, Abris, 1994, 168 p.

3. Zlobina E., Tihonovich Yu. Traditsionalizm i innovatsii v ukrainskom izmerenii [Traditionalism and Innovation in the Ukrainian Dimension]. Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing – Sociology: theory, methods, marketing, 2006, no. 4, pp. 96-107.

4. Nechitaylo I. S. Izmenenie obschestva cherez izmenenie obrazovaniya: illyuziya ili realnost? [A change in society through a change in education: illusion or reality?]. Kharkiv, PUA Publ., 2015, pp. 582.

5. Shmatko N. “Gabbitus” v strukture sotsiologicheskoy teorii [“Habitus” in the structure of sociological theory]. Jurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology, no. 2 (P. I), 1998, pp. 60-70.

К. В. Сигилет

ОБРАЗОВАНИЕ И САМООБРАЗОВАНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО ИНТЕРНЕТ ПРОСТРАНСТВА

В статье рассматриваются некоторые аспекты образования и самообразования переводчика в условиях глобализации и Интернет пространства. На сегодняшний день, в условиях глобализации не существует практически никаких границ, ведь доступ в Интернет дает возможность постоянно развиваться, получать доступ к последним новинкам в той или иной сфере, что является чрезвычайно важным для современного переводчика.

Ключевые слова: перевод; глобализация; интернет; самообразование.

Сигилет К. В. Освіта і самоосвіта перекладача в контексті глобального Інтернет простору

У статті розглядаються деякі аспекти освіти та самоосвіти перекладача в умовах глобалізації та Інтернет простору. На сьогоднішній день, в умовах глобалізації не існує практично ніяких кордонів, адже доступ в Інтернет дає можливість постійно розвиватися, отримувати доступ до останніх новинок в тій чи іншій сфері, що є надзвичайно важливим для сучасного перекладача.

Ключові слова: переклад; глобалізація; Інтернет; самоосвіта.

Sigilet K. Education and self-education of the translator in the context of the global internet space

The article discusses some aspects of education and self-education translator in the context of globalization and the Internet space. Today, in the conditions of globalization, there are no borders, because the Internet gives us the ability to develop, obtain access to the latest innovations in a particular area that is extremely important for the modern interpreter.

Key words: translation; globalization; Internet; self-education.

Перевод – далеко не всегда доступное и лёгкое занятие. Иногда возникает потребность быстро перевести какой-либо текст, не затратив при этом много денег, не беспокоясь о грамматике и точности: именно в этой области работают бесплатные онлайн-службы

перевода. Бесплатный софт для перевода обычно использует простейший перевод одного слова за другим, но проблема с подобными программами в том, что искусственный интеллект не достигает уровня, необходимого для понимания сложных текстов и сопоставления грамматики различных языков. Действительно за последнее время работа подобных программ значительно улучшилась, но все же они все еще не могут претендовать на стопроцентную точность. В большинстве случаев они не способны понять подтекст предложения или различить похожие слова с резко отличающимися значениями.

Когда перевод делает человек, может быть достигнуто максимально возможное качество работы. По сравнению с профессиональными переводческими бюро, программное обеспечение для переводов имеет одно большое преимущество: в большинстве случаев оно бесплатно. Хотя такой перевод не может быть использован в каких-либо официальных целях, он вполне пригоден для того, чтобы уловить общий смысл текста.

На сегодняшний день ни одна программа не может заменить человека-переводчика, особенно если речь идет о переводе интернет-сайтов или бизнес-коммуникациях.

Единственное применение подобного программного обеспечения – черновой перевод, нацеленный на понимание общего смысла текста. Частные лица и компании, нуждающиеся в переводе документов, не могут положиться на бесплатные программы.

Мы живем в эпоху глобализации. Под этим термином обычно понимают интеграцию экономических, политических и культурных систем в масштабе всего земного шара. Люди, где бы они ни жили, чувствуют более крепкую связь друг с другом, информационные и финансовые потоки стали более свободными, товары и услуги, произведенные в одной части мира, доступны во всех остальных частях.

Профессия переводчика, как никакая другая, оказалась подвержена изменениям в результате стремительного развития глобализации, причем в лучшую сторону. Расстояния и национальные границы стираются, а многоязычие остается. Индустрия перевода стала

частью системы международной связи, развитие которой, как следствие глобализации, идет чрезвычайно быстро в последние годы.

Об огромной пользе Интернета для переводчика в качестве универсального технического инструмента можно говорить бесконечно, ведь для переводчика Интернет – это и уникальная возможность выхода на мировой рынок и возможность постоянно улучшать свои навыки, постоянно развиваться, повышать квалификацию, отслеживать новинки в профессиональных областях, которые тесно связаны с их деятельностью, например, медицина, право и другие.

В перспективности карьеры переводчика многое зависит от амбиций и дополнительных профессиональных знаний человека. Очень хорошо, если у специалиста есть дополнительное профильное образование или навыки, которые помогут выйти ему на качественно новый уровень. Самыми простейшими вариантами саморазвития в просторах Интернета для улучшения своих профессиональных качеств является прослушивание различных аудио-файлов с неадаптированной речью носителей языка, просмотр видео на языке оригинала. Далее с помощью доступа к Интернету можно прослушивать развивающие лекции, принимать участия в различных вебинарах, а также находить сообщества переводчиков, где профессионалы своего дела делятся полезными, эффективными приемами и полезными программами которые можно использовать при переводе.

Также очень важным аспектом является то что в условиях глобального интернет пространства намного легче и быстрее подготовиться к предстоящей работе переводчику, который занимается устными переводами, учитывая, что нужно не только хорошо разбираться в тематике предстоящего мероприятия, а и в других особенностях культуры представителей того народа с которым предстоит встреча.

Подводя итоги можно сделать вывод, что Интернет пространство на сегодняшний день является очень мощной платформой для самообразования для переводчика, ведь в условиях глобализации не существует практических никаких границ и препятствий. И при условии наличия серьезных амбиций, готовности постоянно работать над собой и развитии не только профессиональных, но и личностных

качеств, дополнительных навыков, которые помогут ему быть еще более эффективным в работе и интересным потенциальному работодателю, переводчик может работать не только в стране, в которой он живет, но и сотрудничать в иностранными компаниями.

Список литературы

1. Профессия переводчик [Электронный ресурс]. – Электрон. Журн. Work Place. – Режим доступа: <http://work-place.net/?p=475>.
2. Перевод и культура [Электронный ресурс] // Электрон. журн. блог бюро переводов «Традос». – Режим доступа: <http://blogtrados.com.ua/?p=67>.
3. Белянцев А. Е. Глобализация информационного пространства: новые вызовы международной безопасности / А. Е. Белянцев // Международные отношения в XXI веке: новые действующие лица, институты и процессы: мат. междунар. науч. конф. – М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2001. – С. 33–39.

References

1. Professiya perevodchik [Profession of translator]. Available at: <http://work-place.net/?p=475>.
2. Perevod i kultura [Translation and Culture]. Available at: <http://blogtrados.com.ua/?p=67>.
3. Belyantsev A. E. Globalizatsiya informatsionnogo prostranstva: novyye vyzovy mezhdunarodnoy bezopasnosti [Globalization of the Information Space: New Challenges for International Security]. *Mezhdunarodnyie otnosheniya v XXI veke: novyye deystvuyushchie litsa, institutyi i protsessyi - International Relations in the 21st Century: new actors, institutions and processes*. Moscow, 2001, pp. 33-39.

В. В. Карпенко

ИНВЕСТИЦИИ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ

Данная статья посвящена использованию таких современных методов инвестирования, как краудфандинг и краудсорсинг. В статье обосновывается необходимость определения этих понятий и описания феноменов, которые за ними стоят. Выделены преимущества и недостатки использования этих методов для развития собственных идей и бизнес-проектов. Также приведены примеры использования краудфандинга и краудсорсинга как в мире, так и в Украине. Рассмотрены главные достижения проектов, реализованных по средствам онлайн-платформ. В статье проанализированы оценки экспертов относительно краудсорсинга и краудфандинга.

Ключевые слова: краудфандинг, краудсорсинг, онлайн-платформа, мобилизация, краудфандинговые проекты.

Карпенко В. В. Інвестиції та їх роль у розвитку економіки

Дана стаття присвячена використанню таких сучасних методів інвестування, як краудфандинг і краудсорсинг. У статті обґрунтовується необхідність визначення цих понять і опис феноменів, які за ними стоять. Виділено переваги і недоліки використання цих методів для розвитку власних ідей і бізнес-проектів. Також наведені приклади використання краудфандинга і краудсорсингу як в світі, так і в Україні. Розглянуто головні досягнення проектів, реалізованих за коштами онлайн-платформ. У статті проаналізовано оцінки експертів щодо краудсорсингу і краудфандинга.

Ключові слова: краудфандинг, краудсорсинг, онлайн-платформа, мобілізація, краудфандингові проекти.

Karpenko V. Investments and their role in the development of economics

This article is devoted to the use of modern investment methods such as crowdfunding and crowdsourcing. The necessity of defining these concepts and describing the phenomena behind them is justified. The advantages and disadvantages of using these methods for developing their own ideas and business projects are highlighted. Examples of the use of crowding and crowdsourcing both in the world and in Ukraine are also given. The main

achievements of projects implemented using online platforms are considered. The article analyzes the experts' assessments of crowdsourcing and crowdfunding.

Key words: crowdfunding, crowdsourcing, online platform, mobilization, crowdaming projects.

Инвестиции играют важную роль в развитии экономики. Они способствуют увеличению производственного потенциала экономики. Без инвестиций невозможны обеспечение конкурентоспособности выпускаемых товаров и оказываемых услуг, преодоление последствий морального и физического износа основных фондов, проведение природоохранных мероприятий и т.д. Одними из современных методов инвестирования являются краудфандинг и краудсорсинг.

Краудфандинг расшифровывается как коллективное сотрудничество людей, которые добровольно вкладывают свои деньги и другие ресурсы для поддержания каких-либо проектов или же усилий отдельных людей. Краудфандинг можно классифицировать по признакам:

- по цели проекта (социальный, политический, коммерческий, креативный проект);
- по виду вознаграждения для спонсоров (либо же отсутствие вознаграждения).

Пожертвования обычно являются добровольными актами, сделанными на основе альтруизма и без всяких обязательств для получателя. Чаще всего эта модель применяется в социальных, политических и медицинских проектах (сбор средств на помощь в лечении заболевания или на деятельность благотворительной организации). В качестве обратного действия может выступать словесная благодарность, упоминание донора на сайте и т.д. Нефинансовое вознаграждение было доминирующим в рамках всего краудфандинга до 2013 года. Оно может выражаться в виде записанного альбома, приглашения на концерт, упоминания в титрах, первом образце произведенного продукта, автографа и т.п.. В редких случаях существует финансовое вознаграждение (краудинвестинг), которое получает спонсор (в данном случае инвестор) в обмен на свою поддержку в виде бонусов, дивидендов, акций и др. Выделяют три формы краудинвестинга:

1. Роялти. Является логическим продолжением схемы нефинансового вознаграждения. Только кроме нефинансовых бонусов и различных поощрений спонсор (инвестор) получает долю от доходов или прибыли финансируемого проекта.

2. Народное кредитование. Заемщик выигрывает в более низких тарифах и удобстве получения кредита. Ключевой характеристикой данной формы является наличие четкого плана-графика возврата заемного капитала инвесторам.

3. Акционерный краудфандинг. Это самая передовая форма краудфандинга, где в качестве вознаграждения спонсор (инвестор) получает часть собственности, акции предприятия, дивиденды или право голосования на общих собраниях акционеров [1].

Первая в мире краудфандинговая платформа ASSOB (The Australian Small Scale Offerings Boards) – это краудфандинг капитала. ASSOB, платформа краудфандинга капитала в Австралии, которая является старейшей и самой успешной платформой коллективного финансирования в мире, была запущена в 2007 году. После нее появилось еще несколько платформ, таких как Crowdcube, Funding Cicle, Rocket Hub и Indiegogo, особенностью последнего является возможность использовать деньги даже если не набралась установленная сумма.

Самая известная в мире платформа краудфандинга принадлежит США. Kickstarter – самый популярный сайт краудфандинга, первоначально созданный исключительно для жителей и резидентов США. У сайта высокая посещаемость, а также строгая модерация проектов перед их публикацией: существует мнение, что модераторы отбирают потенциально успешные проекты, которые снабжены видеороликом, где заказчик рассказывает о том, какие награды ждут спонсоров. Благодаря такому отбору неуспешные проекты на Kickstarter практически невозможно встретить.

Преимущества краудфандинга в том, что он позволяет получить финансирование без участия банков, венчурных фондов и бирж. От организатора кампании не всегда является обязательным возврат денег, как в случае с банковскими займами, или доля от прибыли,

подразумеваемая при инвестициях. С появлением краудфандинговых платформ этот процесс стал намного проще и демократичнее. Для автора проекта – это возможность собрать средства на свой проект без кредитов и передачи авторских прав. Это еще и хорошая возможность рассказать о проекте без дополнительных затрат. Продвижение проекта или бизнеса через онлайн-платформу может стать ценной формой маркетинга и привести к привлечению внимания средств массовой информации. Успешные проекты привлекают внимание в социальных сетях и в других местах, которые могут помочь им развивать свою идею. Также в рамках проекта автор получает обратную связь о своей идее, множество отзывов и экспертные рекомендации о том, как улучшить свой проект [2].

Краудфандинг, как и любая форма финансирования проектов, имеет свои недостатки. Одним из главных минусов считают длительные сроки получения денег по сравнению с кредитом или инвестициями. Средства из краудфандинговой кампании можно получить только после её завершения и только в том случае, если она признана успешной по правилам площадки (набрала всю заявленную сумму или более 50% от неё). Более того, краудфандинг требует больших усилий для постоянного продвижения своей идеи, поддержания связи со спонсорами, планирования вознаграждений будущих спонсоров и других сопутствующих действий.

Краудсорсинг (от англ. crowdsourcing, crowd – «толпа» и sourcing – «использование ресурсов») – это мобилизация на добровольных началах ресурсов большого количества людей с целью решения определенных задач. Применяют эту модель сегодня почти во всех сферах: начиная от бизнеса и заканчивая искусством.

Создание Википедии является одним из самых ярких, но далеко не единственных примеров суперуспешного применения краудсорсинга. Одними из исторических примеров Краудсорсинга являются и так называемые коммунистические субботники, практиковавшиеся с 1919 года и по начало 90-х годов 20 века.

Обратить внимание на краудсорсинг бизнес был вынужден и потому, что феномен неожиданно поставил под угрозу те организации,

чью работу толпа может сделать гораздо быстрее и дешевле. Так, программное обеспечение, которое разрабатывают сами пользователи, поставило под удар продукцию IT-компаний. GettyImages, крупнейший фотобанк в мире, был вынужден выкупить сервис iStockphoto, который позволял зарабатывать непрофессиональным фотографам, положив в основу бизнес-модели метод краудсорсинга.

Инструментами краудсорсинга являются: использование знаний и экспертного потенциала группы; решение сложных задач силами большого числа людей; распространение информации о задаче, проблеме с целью поиска оптимального ее решения; разбивка работы на мелкие части (модули) и делегирование работы различным группам людей[3].

Главным достоинством краудсорсинга является то, что благодаря ему инициаторам проекта удается реализовать свою задумку значительно дешевле, чем создание специального отдела. Краудсорсинг может быть задействован в любой индустрии и бизнесе любой величины. Благодаря этому методу можно выбрать лучшие идеи, предложенные большим количеством людей, и не полагаться на креативность одного человека или одного агентства. Одно из его ключевых преимуществ – сокращение расстояния между производителем и его целевой аудиторией: благодаря «народному сбору» производитель начинает более четко понимать, для кого он работает, а его продукт становится ближе и понятнее конечному потребителю.

Но как и краудфандинг, краудсорсинг имеет и ряд существенных недостатков. Во-первых, это риск, так как нет никаких гарантий, что сторонние специалисты решат поставленную перед ними задачу. В определенных ситуациях дешевле и быстрее оказывается реализовать задуманный проект полностью своими силами. Кроме того, существует опасность того, что на каком-то этапе инновационную технологию у разработчика перекупит ваш конкурент. Краудсорсинг вытесняет традиционные виды занятости, тем самым уничтожая рабочие места.

Базисом всех проектов, использующих краудсорсинг, являются талантливые люди, которые готовы жертвовать своим временем.

Обычно энтузиасты, которые занимаются такими проектами, стремятся не столько заработать денег, сколько получить моральное удовлетворение от работы. Возможно, именно поэтому самыми масштабными примерами краудсорсинга до сих пор были некоммерческие проекты.

В мире существует много примеров успешных краудфандинговых и краудсорсинговых проектов. Самыми популярными краудфандинговыми проектами являются умные часы Pebble, 3D-принтер Form 1, шлем виртуальной реальности Oculus Rift, а краудсорсинговыми проектами-Википедия, Inno Centive, Threadless.

Украина также может похвастаться как минимум тремя отличными идеями, которые собрали сотни тысяч долларов на Kickstarter: это гаджет для дистанционного наблюдения за домашними животными Petcube (собрано \$251 000), универсальные часы Lametric (собрано \$258 000) и вспышка для смартфонов iBlazr (собрано \$ 56 000).

Большинство экспертов положительно высказываются относительно краудсорсинга и краудфандинга, считая, что благодаря данным методам генерируются исключительные идеи, которые затем дают ход масштабным исследованиям. Таким образом, это результативные инструменты развития и сохранения приверженности клиентов. Однако, есть и негативные отзывы специалистов, считающих, что главный недостаток краудфандинга и краудсорсинга – низкое качество большого объема информации, получаемой от участников и, соответственно, снижение качества конечного продукта. Подавляющее большинство людей создает так называемый «шум» идей, который осложняет поиск действительно полезной, нужной и качественной информации [4].

Итак, несмотря на все отрицательные моменты, в мировой практике наблюдается положительная тенденция к развитию нового, революционного типа бизнеса. Это происходит, потому что в условиях конкуренции лидерство на рынках сохраняют те компании, которые будут более клиентоориентированными. Краудсорсинг и краудфандинг как раз и являются такими инструментами. Благодаря им происходит сближение и интеграция между производителем и потребителем.

Сегодня потребитель вправе сам создавать свой продукт, вкладываясь материально либо идейно в тот или иной проект. Краудсорсинг и краудфандинг в той или иной своей форме может быть полезен проектам практически из любых сфер и на разных стадиях реализации. С помощью них можно как аккумулировать новые идеи, так и упаковывать уже успешные проекты для последующего тиражирования. Поиск стартового капитала, генерация креативных идей для визуального оформления, шлифовка маркетинговой стратегии, исследование мнения потенциальных покупателей... Это – лишь некоторые возможности, которые предоставляет краудсорсинг и краудфандинг.

Список литературы

1. Краудфандинг – новый способ финансирования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://%D0%9B%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D1%80/Desktop/kraudfanding-novyuy-sposob-finansirovaniya.pdf>.
2. Краудфандинг: популярные площадки и успешные проекты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psm7.com/analytics/kraudfanding-kak-privlech-investicii-i-realizovat-mechtu.html>.
3. Записки Маркетолога [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.marketch.ru/marketing_dictionary/marketing_terms_k/crowdsourcing/.
4. Санинский С. А. Краудсорсинг и краудфандинг – современные механизмы интеграции рыночных субъектов / С. А. Санинский, А. С. Лобанова, Л. Л. Аверьянова // Экономика, управление, финансы: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2016 г.). – Краснодар : Новация, 2016. – С. 76–79.

References

1. Kraudfanding – novyy sposob finansirovaniya [Kraudfanding – a new way of financing]. – Access mode: <https://%D0%9B%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D1%80/Desktop/kraudfanding-novyuy-sposob-finansirovaniya.pdf>.
2. Kraudfanding: populyarnyye ploshchadki i uspeshnyye proyekty [Crowdfunding: popular sites and successful projects]. – Access mode: <https://psm7.com/analytics/kraudfanding-kak-privlech-investicii-i-realizovat-mechtu.html>.
3. Zapiski Marketologa [Notes of the Marketer]. – Access mode: http://www.marketch.ru/marketing_dictionary/marketing_terms_k/crowdsourcing/.

4. Saninskiy S.A., Lobanova A.S., Averyanova L. L. Kraudsorsing i kraudfanding – sovremennyye mekhanizmy integratsii rynochnykh sub'yektiv [Crowdsourcing and crowdfunding – modern mechanisms of integration of market subjects]. Economics, management, finance: materials VI Intern. Sci. Conf. (Krasnodar, February 2016), Krasnodar: Novation, 2016, pp. 76-79.

Наука в НУА

В. И. Астахова

**ГЛАВНОЕ НАУЧНОЕ СОБЫТИЕ УЧЕБНОГО ГОДА
(по результатам работы Международной научно-
практической конференции «Образовательные риски:
суть и подходы к решению»)**

В Харьковском гуманитарном университете «Народная украинская академия» (ХГУ «НУА») ежегодно проходят крупные научные мероприятия, одним из важнейших среди которых стало проведение крупного научного форума – Международной научно-практической конференции «Образовательные риски: суть и подходы к решению», которая состоялась 15 февраля 2018 года. В этом году ставшая традиционной конференция является уже XVI по счету, которая ежегодно проводится на базе ХГУ «НУА» в рамках комплексной темы «Интеллектуальный потенциал общества в условиях перманентных социальных изменений: пути сохранения и развития». В этом 2018 году обсуждались проблемы образовательных рисков.

Начиная с конца 90-х годов мы проводим эту работу и интерес к ней с каждым годом возрастает, что вполне объяснимо, поскольку тематика этих научных форумов всегда связана с остроактуальными, животрепещущими вопросами развития современных образовательных систем. Так, например, в 2015 году участники конференции обсуждали тему «Трансформация социальных функций образования в современном мире», а с монологами мэтров выступали доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета Ж. Т. Тощенко и президент Украинского фонда МБФ исследования образовательной политики Т. В. Фиников.

В 2017 году участники конференции обсуждали тему социального партнерства учебных заведений, где мэтром выступил доктор социологических наук, профессор, академик НАН Украины, председатель Совета ректоров Харьковского вузовского центра, ректор ХНУ имени В. Н. Каразина В. С. Бакиров. Тема 2018 года оказалась особо острой и дискуссионной. «Образовательные риски: суть и подходы к решению». Желающих принять участие в обсуждении заявленных в программе вопросов оказалось в два раза больше, чем планировали организаторы.

В условиях, когда в Украине только что был принят Закон «Об образовании», применение которого практически сплошь связано с рисками, а четкого представления о путях их преодоления пока еще не сложилось, интерес к теме, естественно, был очень высоким. Оргкомитет получил более 150 заявок на участие, отобрав для публикации 88 материалов, которые непосредственно затрагивали заявленную тему, имели теоретическую и практическую значимость.

С монологом мэтра перед участниками конференции выступил доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором институциональной экономики и прогнозирования НАН Украины, профессор кафедры экономики и права ХГУ «НУА» О. Л. Яременко. Его выступление по теме «Фундаментальное, актуальное и конъюнктурное в рисках развития образовательных систем» вызвало, как всегда, неподдельный интерес, поскольку затрагивало принципиально новые аспекты развития современного образования. Речь шла, в частности, о реформировании образования в свете нового закона Украины «Об образовании», о достоинствах и проблемах вводимых новаций, о рисках, которые угрожают сегодня образовательным системам во всем мире и в Украине особенно. Доклад мэтра вызвал такой интерес, что позволило достигнуть высочайшего уровня дискуссии, диалога позиций.

Сообщения экспертов, как правило, связанные с определением сущности образовательных рисков и поиском путей их предотвращения и преодоления также проходили в условиях обостренного внимания аудитории и то и дело вспыхивающих дискуссий. Наибольший интерес вызвало, по нашему мнению, выступление В. С. Бакирова с темой «Реформирование украинского высшего образования: некоторые риски». Как всегда, четко, конкретно, убедительно академик обосновал неизбежность рисков в сложных условиях модернизации образования и показал возможность и необходимость их преодоления.

«Простые решения сложных задач как причина неустойчивости системы образования» – такой необычный и интересный поворот прозвучал в докладе многолетнего модератора наших конференций, доктора исторических наук, профессора, ректора НУА Е. В. Астаховой. Доклад Почетного профессора ХГУ «НУА» Колина Свен-Олофа (Швеция) «Устойчивая и ответственная академическая свобода» вызвал множество вопросов и противоречивых суждений. Добавили

остроты в обсуждение выпускники НУА, выступающие сегодня в роли работодателей и спонсоров.

В целом надо признать, что все доклады и сообщения участников конференции достойны внимания, изучения и обобщения, поскольку рассматривают крайне широкий спектр проблем, связанных с новыми вызовами, встающими перед современным образованием.

Видимо этим объясняются некоторые особенности проведения именно этой конференции. Прежде всего нельзя не отметить растущего интереса к конференции со стороны иностранных специалистов. Наряду с нашими давними партнерами по изучению проблем образования из Швеции, Франции, России, Польши, Беларуси в этом году участниками конференции стали ученые из Германии, Дании, Сербии, Латвии. Были представлены исследователи из всех вузовских центров Украины и, конечно, из харьковских учебных заведений. Причем неожиданную активность проявили не только преподаватели высшей школы, но и учителя и даже работники дошкольных учреждений. Если в 2017 году в программе конференции таких было заявлено только 12 человек, в основном директоров средних школ Харькова и области, то в нынешнем году их число превысило 20 человек. И еще одна немаловажная деталь. Если в предыдущие годы мы часто сталкивались с тем, что главный смысл предоставления материалов на конференцию заключался в получении публикации солидного, международного уровня, а выступление или участие в дискуссии далеко не всегда было желательным, то в этом году все происходило с точностью до наоборот. Более того, те, кто все-таки не успел выйти на трибуну, письменно формулировали свои оценки услышанного и свои конкретные рекомендации по дальнейшей организации работы конференции. В частности было высказано интересное предложение: опубликовать не только ранее присланные материалы (они вышли из печати к началу работы конференции), но и ход дискуссии, происходящей непосредственно во время конференции. А это свидетельствует об острой актуальности обсуждавшихся на конференции вопросов, о стремлении всех, кто, так или иначе, связан с системой образования, к ее скорейшему обновлению и совершенствованию.

С материалами конференции можно ознакомиться в репозитории Народной украинской академии (<https://goo.gl/TgGni6>).

О. А. Иванова

25-й ДЕНЬ НАУКИ В НУА

Понимая всю значимость научно-исследовательской работы именно в образовательной сфере, в Харьковском гуманитарном университете «Народная украинская академия (ХГУ «НУА») на протяжении всего периода существования, уделялось существенное внимание науке. НИР всегда в центре внимания. На этом построена вся стратегия развития НУА.

В Народной украинской академии с первых шагов ее деятельности была поставлена задача интеграции науки и учебно-воспитательной работы с целью повышения конкурентоспособности выпускника, формирования многогранной творческой, духовно-нравственной личности, обладающей спектром компетенций, позволяющих быть востребованным на рынке в современных условиях хозяйствования.

В качестве механизма эффективной организации научно-исследовательской работы (НИР) в Народной украинской академии сформирована структура, включающая иерархические уровни по реализации принципов преемственности, интеграции, системного подхода в процессе формирования научной работы.

Входящие в структуру научные подразделения, реализуя концепцию интеграции науки и образования, имеют научно-образовательный характер (магистратура, аспирантура, докторантура), на кафедрах проводится научно-исследовательская работа, в НИР вовлекаются студенты, существует свое учебное подразделение в форме аспирантуры, ведется подготовка квалифицированных кадров на уровне магистров, кандидатов и докторов наук.

Внутри НУА имеют место интеграционные процессы, проявляющиеся в создании учебно-научных подразделений, которые объединяют в учебной структуре детскую школу раннего развития, специализированную экономико-правовую школу, гуманитарный университет и послевузовское образование, аспирантуру и докторантуру. Это дает возможность осуществлять комплексные фундаментальные исследования по проблемам life long education и вести мониторинг деятель-

ности комплекса с постоянной корректировкой образовательной стратегии. Примером форм реализации такой интеграции может стать формат проведения Дня науки в НУА, объединяющий работу трех научных конференций: международную студенческую конференцию с привлечением учащихся специализированной экономико-правовой школы (СЭПШ), конференции молодых ученых и учителей, работу секции Юниор-МАН, научную конференцию начальной школы СЭПШ.

День науки в Народной украинской академии в этом году был юбилейным. Вот уже в 25-й раз в апреле в стенах Академии проходит это крупное научное событие. 14 апреля 2018 года День науки включал работу конференций по остроактуальным проблемам образования: XXV Международная студенческая научная конференция «Как учиться в XXI веке?», Научно-теоретическая конференция молодых ученых «Риски карьерно-профессионального старта в высококонфликтной среде: общее и особенное», XXV Научно-практическая конференция учителей «Учащиеся XXI века – портрет современника». В этом году кроме участников из Харькова, Днепро, Запорожья, Львова, Киева, Житомира и других городов Украины было большое количество и международных гостей: Беларусь, Грузия, Латвия, Польша, Иран, Германия, Франция. Отрадно, что результатом такого участия стали стабильнее научные контакты, грантовая работа, участие в международных проектах. Общее количество участников Дня науки 14 апреля насчитывало: 170 студентов, 41 учитель, 39 молодых ученых и аспирантов. В зале на пленарном заседании также присутствовали преподаватели университета в качестве научных руководителей студентов и аспирантов, учащиеся СЭПШ, которые приняли участие в работе студенческих секций. Однако общее количество участников в действительности было намного больше, ведь в преддверии Дня науки 12 апреля прошло заседание секции Юниор-МАН, входящее в марафон апрельских научных событий. На этой же неделе успешно прошла научно-практическая конференция в начальной школе. В 2018 году II научно-практическая конференция младших школьников «Старт в науку» состоялась 11 апреля и открыла Дни

науки в НУА. Она проходила в два этапа. 11 апреля свои работы представляли ученики 1–2 классов, 13 апреля – 3–4 классов. На конференцию было представлено 20 работ.

С изумлением, восхищением и большим вниманием слушали доклады участники и гости конференции – ученики, преподаватели, учителя, сотрудники академии, родители.

Данный формат, бесспорно, является доказательством реализации концепции непрерывного образования в учебно-научном комплексе Народная украинская академия.

Украшением Дня науки стало присутствие и активная включенность выпускников Академии, их работу и выступления на пленарном заседании, секциях. А в этом году даже был учрежден приз за лучший доклад от выпускника факультета «Бизнес-управление», а ныне преподавателя кафедры экономики и права, аспиранта ХГУ «НУА» – С. С. Малика.

Также докладчики на пленарном заседании и участники, чьи доклады стали лучшими на секциях, были награждены дипломами и подарками от Центра научно-гуманитарной информации Народной украинской академии – научной литературой.

Благодарим участников конференции и их научных руководителей за интересный и конструктивный диалог позиций, за содержательную работу, надеемся, что следующий День науки будет таким же насыщенным и интересным.

Д. В. Подлесный

**ИТОГИ НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ «ОСОБЕННОСТИ КАРЬЕРНО-
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАРТА
В ВЫСОКОКОНФЛИКТНОЙ СРЕДЕ:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ»**

14 апреля 2018 г. в рамках традиционных апрельских Дней науки в ХГУ «НУА» состоялась научно-теоретическая конференция молодых ученых «Особенности карьерно-профессионального старта в высококонфликтной среде: общее и особенное». Следует отметить, что заявленная тема имеет особую актуальность в контексте сложных и противоречивых социальных трансформаций, которые наблюдаются на современном этапе. В условиях постоянно возрастающего уровня социальной конфликтности меняются методы управления организацией и возникают новые запросы к молодому специалисту, начинающему свою профессиональную деятельность. Сегодня от молодого ученого и специалиста требуется наличие не только профессиональных знаний и навыков, но и компетенций, позволяющих успешно выполнять свои обязанности в социальной среде, характеризующейся повышенным уровнем конфликтности. Соответственно, меняются и функции высшей школы, которая призвана формировать данные компетенции.

Следует отметить, что конференция вызвала значительный интерес со стороны научного сообщества. Материалы предоставило более 30-ти молодых ученых, представляющих ведущие высшие учебные заведения и научные организации Украины и зарубежных стран (в том числе, Технический университет Кельна, Национальный университет «Киево-Могилянская академия», Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Запорожский национальный технический университет, Национальный фармацевтический университет и др.). При этом среди участников конференции были как аспиранты и магистры, которые делают первые шаги в науке, так и «ученые со стажем», имеющие научные степени и звания. Крайне важно, что конференции имела ярко выраженный междисциплинарный характер.

Заявленная проблема рассматривалась с точки зрения социологии, экономики, психологии, истории.

В центре внимания участников конференции находились вопросы, связанные с современными конфликтологическими подходами, факторами повышения уровня конфликтности в современном обществе, тенденциями развития современного рынка труда, особенностями профессионального старта молодого ученого и выпускника вуза. Особое внимание участников вызвали доклады канд. психол. наук, доц. Н. П. Гоги, канд. истор. наук, доц. Д. В. Подлесного, преподавателя кафедры теории и практики перевода Д. А. Авксентьевой, аспиранта кафедры социологии П. А. Назаркина, которые вызвали оживленную дискуссию. В ходе обсуждения докладов все участники смогли обменяться мнениями относительно таких важных проблем, как причины повышения уровня конфликтности в современном обществе, особенности подготовки специалистов в условиях высококонфликтной социальной среды, методы управления конфликтами в организации. При этом крайне важно, что активное участие в дискуссии принимали аспиранты, которые на собственном опыте сталкиваются с проблемами карьерно-профессионального старта в современных условиях. При этом красной нитью через выступления практически всех участников проходил тезис о непрерывности образования как главной предпосылке эффективной подготовки современного специалиста. Также участники конференции согласились с тезисом относительно того, что ведущую роль в предупреждении конфликтов и нивелировании их негативных последствий должно играть социальное партнерство.

Таким образом, традиционная апрельская конференция молодых ученых стала важным шагом на пути научного осмысления проблем карьерно-профессионального старта сквозь призму конфликтологического подхода. При этом представляется, что данная конференция смогла не только пополнить теоретико-методологический багаж и научный опыт участников, но и стать трамплином для дальнейших исследований по заявленной проблематике.

Е. И. Решетняк

**ИТОГИ ПРОВЕДЕНИЯ XI МЕЖВУЗОВСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ
«УПРАВЛЕНИЕ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ»**

13 декабря в рамках Недели кафедры экономики и права, состоялась XI Межвузовская конференция молодых учёных «Управление как фактор экономического развития».

В конференции приняли участие студенты II–V курса факультета «Бизнес-управление», аспиранты ХГУ «НУА» и гости – студенты Харьковского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины (ХарІНАДУ), Харьковского национального университета радиоэлектроники (ХНУРЭ), Национального аэрокосмического университета им. Н. Е. Жуковского «ХАИ».

Теория и практика управления на современном этапе характеризуются принципиально новыми условиями. Научное изучение новых условий экономического развития определяет базис для поиска новых инструментов и методов управления. В настоящее время важную роль в подготовке выпускников вузов играет такая форма самостоятельной работы студентов-экономистов, как научно-исследовательская деятельность. На конференции были представлены основные результаты научных исследований молодых ученых-экономистов вузов Украины, в которых проанализированы процессы формирования инвестиционной привлекательности предприятий, разработки инвестиционной стратегии, повышения стоимости бизнеса и интеллектуального капитала, применения искусственного интеллекта в маркетинге, модернизации производства, мотивации трудовой деятельности, функционирования системы контроллинга, совершенствования логистических систем, управления инвестиционными и предпринимательскими рисками как факторы экономического равновесия на макро- и микроуровнях.

Студенты и аспиранты представили результаты своих научных

исследований. Обсуждение докладов, посвященных проблемам устойчивого развития экономики, показало, что молодые экономисты видят актуальные проблемы экономики и готовы их решать, предлагая свои пути, новые методы и подходы.

Следует отметить, в этом году в рамках реализации концепции непрерывной подготовки экономистов активное участие в конференции приняли не только магистранты, но и студенты II–IV курсов факультета «Бизнес-управление», что позволит им ближе познакомиться с тематикой прикладных экономических процессов, определиться с направлениями будущих магистерских исследований, апробировать результаты своих наработок.

По результатам конференции определены и награждены сертификатами ХГУ «НУА» лучшие докладчики: Монастырский Г., Шило Е., (ХГУ «НУА»); Юрченко А. (ХНЭУ)

С материалами конференции можно познакомиться в ЦНГИ.

Участники конференции и гости ХГУ «НУА» выразили искреннюю благодарность Администрации Академии, факультету «Бизнес-управление» и организаторам конференции – кафедре экономики и права – за возможность принять участие в обсуждении современных проблем экономического развития.

П. Э. Ситникова

ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ ЭЛЕМЕНТОВ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА

**(Межвузовская научно-практическая конференция
25 ноября 2017 г.)**

25 ноября 2017 года в Харьковском гуманитарном университете «Народная украинская академия» прошла XIX межвузовская научно-практическая конференция «Экспертные оценки элементов учебного процесса». Цель конференции – обсуждение актуальных проблем современного образования и выработка научно-практических рекомендаций по повышению эффективности учебного процесса на базе современных информационных технологий и инновационных методик математического моделирования.

Доклады и сообщения участников конференции были посвящены основным трендам современного образования, а также путям повышения качества обучения на основе компетентностного подхода и эффективной организации образовательной среды.

В работе конференции приняли участие представители различных высших учебных заведений, в том числе: Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия», Харьковского национального экономического университета, Харьковского национального автомобильно-дорожного университета, Харьковского национального университета радиоэлектроники, Харьковского национального университета городского хозяйства, Харьковского национального педагогического университета, Харьковской государственной академии культуры, Новокаховского политехнического института, Луганского государственного университета внутренних дел, Луганского национального университета, Национального аэрокосмического университета «Харьковский авиационный институт», Харьковской государственной академии дизайна и искусств.

Традиционно участниками конференции много внимания уделяется удаленным формам обучения, что соответствует сегодняшнему тренду в образовании.

Профессор кафедры ИТМ ХГУ «НУА» Кирвас В. А. посвятил свой доклад современным облачным информационным технологиям совместной работы, которые способны содержательно и инструментально обогатить учебную деятельность и позволяют сформировать у студентов необходимые для будущей профессиональной деятельности компетенции. В докладе автор отметил преимущества облачных технологий, проанализировал наиболее популярные облачные сервисы, сделал акцент именно на возможностях по обеспечению совместной работы с документами.

Об электронном обучении рассказал в своем докладе Климяк В. Е., выделив такие элементы системы электронного обучения, как субъект, объект, информационное пространство и инструментальные средства, описав подробно каждый из этих элементов. В качестве основной идеи была высказана необходимость сосредоточить усилия в области проектирования и разработки структурированных самодостаточных и многократно используемых материалов для обучения. Использованию Skype в преподавании технических дисциплин посвятил свое сообщение Тимонин В. А., сконцентрировав внимание на преимуществах такого метода, а также методике организации соответствующих занятий. Однако докладчик отметил, что эта технология подходит только некоторой категории студентов. Об использовании сервисов Google рассказал в своем сообщении Данилевич С. Б., подчеркнув при этом, что для освоения соответствующего инструментария требуется подготовка не только студентов, но и преподавателей. Докладчик сделал вывод о том, что при разработке дистанционных курсов целесообразно использовать данные сервисы.

Титов С. В. и Титова Е. В. также посвятили доклад облачным веб-системам в образовании, рассмотрев при этом функциональность таких сервисов, как Google Docs, Zoho, Only Office. Были сделаны выводы о целесообразности использования онлайн редакторов документов вместо распространенных платных офисных пакетов. Берест Т. Н. поделилась опытом многолетнего использования дистанционных курсов как составляющей самостоятельной работы студентов, отметив при этом, что дистанционное образование

является средством повышения эффективности внедрения новейших технологий обучения и обеспечения мобильности студентов. Работа в облачной среде Moodle с точки зрения студента оценена в сообщении Рудник М. Сделан вывод о важности дистанционного образования в совокупности с другими методами.

Различным аспектам, реализующим компетентностный подход к образованию и повышению за счет этого его качества, был также посвящен ряд сообщений. Так, профессор Дроздова И. П. обосновала необходимость использования иностранного языка будущими дизайнерами, отметив при этом, что особенностью новейшего этапа развития общества является разнообразные условия применения иностранного языка в профессиональной деятельности специалистов. Докладчик отметила, что внедрение и использование интернет-технологий может быть эффективным способом организации изучения иностранного языка будущих специалистов-дизайнеров.

Профессор Сумец А. М. выступил с докладом «Аналоговая модель обучения и контроля знаний студентов», в котором подчеркнул, что одним из главных направлений реформы высшей школы является компетентностный подход. Профессор предложил схему, формализующую модель процесса обучения и контроля знаний студентов по читаемым учебным курсам при подготовке экономистов.

Поморцева Е. Е. в своем сообщении подчеркнула, что суть обучения в вузе предполагает интеграцию знаний студентов в единый комплекс таким образом, чтобы будущему специалисту понадобилось минимальное количество времени для того, чтобы решить профессиональные задачи на рабочем месте. Трансдисциплинарность в образовании была продемонстрирована на примере работы над пилотным проектом «Геоинформационная система в университете». Докладчик отметила, что четко сбалансировать все дисциплины учебного плана все еще является сложной задачей, но от этого будет зависеть успех подготовки специалиста высокого уровня.

Особенностям подготовки референтов-переводчиков был посвящен доклад Лазаренко О. В. При этом отмечено, что в ХГУ «НУА» для подготовки таких специалистов в рамках специальности

«перевод» лежит идея образовательного спектра профессиональных навыков студентов. При этом указаны имеющиеся проблемы в такой подготовке, а также отмечена высокая востребованность соответствующих специалистов со стороны современных бизнес-структур.

Сообщение Пилипенко В. В. было посвящено использованию квестов и веб-квестов, как инновационных коммуникационных методов анализа исторических источников, при этом отмечено, что такие методы способствуют популяризации исторических знаний и расширяют заинтересованность студентов в проведении исследовательской работы. Марьин С. А. предложил технику Growth Hacking для быстрого продвижения веб-проектов. Сообщение Беловой Т. Г. было посвящено проблемам организации учебного процесса в рамках отдельной дисциплины с точки зрения компетентностного подхода. В своих докладах Решетник В. М., Коваленко А. И., Ситников Д. Э. сделали акцент на профессиональном психологическом отборе кандидатов на обучение или выполнение определённых профессиональных обязанностей. Возникающие при этом проблемы предлагается решать с использованием метода таксономии.

Ряд докладов посвящен использованию различных электронных образовательных ресурсов в обучении иностранным языкам.

Опытом внедрения аудиовизуального перевода, как методики обучения, поделились Дьячкова О. В. и Фадеев Д. А. В докладе подчеркнута, что для формирования соответствующих компетенций будущих переводчиков необходимо понимать специфику АВП как особого вида переводческой деятельности. Авторы рассказали об опыте внедрения соответствующих методик в дисциплине «Информационные технологии референта-переводчика», что помимо всего прочего способствует получению студентами навыков организации коллективной работы над переводом.

Яриз Е. М. посвятил свой доклад использованию электронных образовательных ресурсов в преподавании лингвострановедения в условиях искусственной языковой среды. Докладчик поделился опытом использования электронных учебников, систем тестирования и информационно-справочных систем на занятиях по лингвостра-

новедению Испании на факультете «Референт-переводчик» в ХГУ «НУА», при этом было подчеркнуто, что электронный ресурс позволяет реализовать такие дидактические схемы и формы представления материала, которые совершенно недоступны традиционным учебным пособиям.

Панченко Д. И. посвятил доклад программам автоматизированного перевода в учебном процессе, отметив при этом, что в переводческой отрасли обязательное владение этими программами стало уже давно стандартом. Докладчик рассказал об участии кафедры теории и практики перевода ХГУ «НУА» в международном образовательном проекте CAT for Grad, в рамках которого вузу были представлены лицензии на компьютерные программы автоматизированного перевода и возможности консультаций со специалистами вендеров, и сделал вывод о безусловной эффективности такой работы.

Рудник Д. Г. в своем докладе обсудил насущную проблему экономии времени на уроке немецкого языка и использования для этого аудиовизуальных элементов, таких как аутентичные видео и специализированные учебно-методические комплекты, включающие диски с аудиофайлами.

Учителя СЭПШ ХГУ «НУА» подняли проблемы использования новейших информационно-коммуникационных технологий на уроках в школе. Сообщение учителя Анищенко В. В. было посвящено различным современным технологиям подачи материала на уроках, включающим методы визуализации – инфографику и скрайбинг. В нем подчеркивается возможность решения ряда педагогических задач: передача знания, распознавание образов, развитие критического и визуального мышления, активизация учебной и познавательной деятельности, обеспечение интенсификации обучения. Также отмечена тенденция в современном обучении использования презентации-скрайбинга, сопровождения выступления зарисовками и картинками. Учитель информатики Корчма С. В. рассказал о возможностях использования мобильных технологий на уроках. Он подчеркнул, что сегодня в век информационных технологий, телефоны можно использовать и как средство обучения, и как помощника в организации

и руководстве самостоятельной работой, тогда обучение становится более гибким и не связанным жестким планом. При этом роль преподавателя также меняется, приобретаются новые функции корректирования и координирования образовательного процесса

Доклады математиков – учителя Радченко И. В. и доцента Свищевой Е. В. были посвящены различным аспектам преподавания математических дисциплин в школе и вузе. Радченко И. В. отмечает в своем сообщении, что одним из критериев качества образовательного процесса является рациональное распределение времени с целью полного выполнения запланированного материала. Учитель предлагает использовать на уроках математики программное обеспечение, в частности, MS Excel, электронные учебники, презентации PowerPoint. На тему строгой и нестрогой математики рассуждала Свищева Е. В. Было отмечено, что, несмотря на дискуссии об уровне строгости изложения на занятиях по математике в гуманитарном вузе, можно утверждать, что преподаватель имеет право выбирать соответствующий уровень, адекватный решаемым задачам. При этом доказательства облегчают запоминание материала и способствуют обучению проводить решение задачи математическими методами.

Оценка знаний студентов по-прежнему является актуальным вопросом, обсуждаемым на конференции. Эта тема поднималась в докладе Костиковой М. В. и Скрипиной И. В. В докладе анализируется опыт использования системы тестирования в дистанционной среде Moodle. В качестве основной проблемы выявлен вопрос разработки и оптимизации информационной базы с тем, чтобы оценка знаний студентов была наиболее объективна. Предложены математические модели решения данной проблемы. Барашев К. С. предложил систему коммуникации между родителями и вузом с целью повышения уровня прозрачности учебного процесса и объективности оценивания учебных достижений студентов.

Темы организации работы вуза в целом, его информационно-образовательной среды и оценки качества различных аспектов его работы поднимались в ряде докладов и сообщений.

Вопросам стратегии развития информационной среды учебного

заведения были посвящены доклады Козыренко В. П. и Козыренко С. И. Были отмечены основные причины повышения значимости информационной среды, без которой, по мнению авторов, невозможно обеспечить ни качественное управление учебным процессом, ни качественное обучение. Подчеркнуты стратегические цели развития и ожидаемые результаты, а также сопутствующие риски. Сообщения Морозовой О. И., Бобыра Е. И., Лещенко Е. В. были посвящены различным уровням формализации процессов и явлений между образовательными системами разных уровней и производственными системами.

«Обеспечение качества высшего образования в соответствии с европейскими стандартами» – тема доклада Лабенко Д. П. В докладе приведены европейские стандарты внутреннего обеспечения качества в вузах, при этом отмечено, что Украина взяла на себя обязательства проводить работу по приведению качества национального образования в соответствии с этими стандартами. Оцениванию эффективности государственного управления высшими учебными заведениями был посвящен также доклад Коваленко А. И., Решетника В. М. и Ситниковой П. Э. В докладе подняты ряд проблем, сдерживающих развитие современной образовательной отрасли. Подчеркнуто также, что решение этих проблем невозможно без модернизации системы управления высшим образованием, проведен анализ зарубежного опыта в этой области, а также предложена система показателей и индикаторов оценки эффективности государственного управления вузами.

Повышению эффективности деятельности вуза способствует переход на электронный документооборот. Этот вопрос поднимается в докладе Ситниковой П. Э., при этом подчеркивается, что эффективный документооборот является обязательной составляющей качественного управления. Основной проблемой для скромного бюджета вуза является высокая стоимость мощных систем электронного документооборота, но есть и практически бесплатные решения данной проблемы, для их внедрения нужна лишь воля руководства.

В завершение были определены приоритетные направления для

исследований и обсуждения на следующей юбилейной XX-й конференции в 2018 году:

- тенденции разработки единой виртуальной образовательной среды;
- изучение возможностей разработки и использования образовательных ресурсов в цифровой среде;
- интеграция с использованием ИКТ различных аспектов образовательной деятельности.

**Презентація
нових наукових видань**

Т. В. Зверко

**РЕЦЕНЗІЯ НА КОЛЕКТИВНУ МОНОГРАФІЮ
«ПРОФЕСІЙНІ ПРАКТИКИ ВИПУСКНИКІВ
СУЧАСНИХ ВНЗ»**

Профессиональные практики випускників сучасних вузів (на прикладі випускників Народної української академії) / Нар. укр. акад.; [авт.: Е. В. Бирченко, Т. В. Зверко, М. С. Кабанец, Е. Г. Михайлева, О. В. Новикова]. – Харків : Изд-во НУА, 2017. – 114 с.

Питання вивчення траєкторій професійного становлення та кар'єрного зростання випускників вишів, що розглядаються в монографії, завжди викликали й викликають інтерес у дослідників та закономірно посідають одне з ключових місць серед теоретичних проблем сучасного наукового дискурсу в площині «індивід – освіта – ринок праці». Це об'єктивоване необхідністю розробки таких теоретичних конструкцій, які б могли стати базисом розуміння динамічних процесів соціально-професійної циркуляції, а на практичному рівні послужити орієнтиром для створення ефективних, діючих освітньо-професійних моделей, що відповідають викликам сучасності.

Тому цілком логічним є визначення проблемного поля монографії, що ототожнюється із завданням наукового пошуку та поділяється на такі складові:

- уявлення випускників про професійну діяльність;
- практики працевлаштування випускників;
- основні проблеми трудової адаптації сучасних молодих спеціалістів;
- роль ВНЗ у кар'єрних досягненнях випускників.

Важливим є те, що аналіз окреслених проблем пов'язується з динамічною соціально-економічною ситуацією, змінами в професійно-трудовій сфері, особливостями професіоналізації особистості в умовах негарантованої трудової зайнятості, розбалансованістю ринку праці та професійної підготовки, що об'єктивно відбиваються у професійних практиках випускників ВНЗ, і, в свою чергу, ставить перед вишами

нові питання. Це обумовлює інтерес до вивчення зв'язку системи підготовки спеціалістів, професійної соціалізації студентів та успішності професійної діяльності випускників. Тому представлені дослідницькі розвідки Народної української академії (НУА) у цьому напрямку мають теоретичне та практичне значення.

Заслуговує на увагу аналіз професійних позицій випускників (на прикладі НУА), які демонструють поєднання традиційних і нових моделей кар'єри та проєктують загальні тенденції щодо моделей поведінки та особливостей працевлаштування. Крім того, узагальнення отриманих у ході проведених досліджень даних дозволяє авторам визначити проблемні зони трудової адаптації випускників, їх професійного розвитку, що може сприяти відпрацюванню напрямків зростання, укріплення професійних позицій. У даному аспекті важливим уявляється здійснений компаративний аналіз досліджень 2000 р. та 2015 р., який дозволив виявити окремі стабільно сильні та слабкі місця у підготовці фахівців, що, безумовно, надає можливості удосконалення діяльності ВНЗ.

Використовуючи теоретичні розробки, результати власних досліджень та практичні здобутки своїх випускників, колектив авторів розглядає роль університету як конструктора професійних стратегій, що забезпечує професіоналізацію, адаптацію до професійної сфери, конкурентоздатність, кар'єрне зростання, та демонструє реалізацію цих стратегій випускниками, що робить аналіз багатомірним.

Особливий інтерес становлять питання того, що сприяє та гальмує професійний старт та професійну кар'єру випускників вишів, які механізми цих процесів є сьогодні найефективнішими, які питання потрібно вирішити ВНЗ для того, щоб його випускники набували більш працюючий професійний капітал тощо.

Сформульовані авторами монографії висновки та рекомендації можуть служити орієнтирами для оптимізації та подальшого удосконалення системи супроводу випускників ВНЗ, для відпрацювання ефективних, випереджувальних соціальних технологій розвитку їх професійної кар'єри.

В. И. Астахова

БИБЛИОТЕКА В СИСТЕМЕ АКАДЕМИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ УНИВЕРСИТЕТА

Библиотека в системе академических ценностей университета : монография / Нар. укр. акад. ; под общ. ред. В. И. Астаховой. – Харьков : Изд-во НУА, 2017. – 240 с.

В книге впервые в отечественной научной литературе поднимаются вопросы, связанные с изменениями места и роли современной вузовской библиотеки, ее функциональных обязанностей и основных направлений деятельности. Руководители библиотек крупнейших харьковских вузов (ХНУ им. В. Н. Каразина, ХНЮУ им. Ярослава Мудрого, ХПИ, ХАИ и др.) анализируют ситуацию, в которой работают сегодня их подразделения, обобщают накопленный опыт и приходят к единому выводу: библиотека по-прежнему выступает важнейшим системообразующим элементом всей академической культурно-образовательной среды, а исходной функцией ее была и остается деятельность по формированию высокообразованной, культурной, нравственной личности. Продвижение информационной культуры рассматривается как важный фактор выполнения библиотекой ее главных функциональных обязанностей.

Мир вокруг нас скоропалительно и кардинально меняется, создавая принципиально новые условия жизнедеятельности, выдвигая новые требования и задачи, заставляя искать новые неизведанные ранее пути дальнейшего развития. Процессы глобализации, технизации, информатизации неимоверно ускоряют темп жизни, не оставляя времени на длительные размышления и анализ ситуации, требуя незамедлительного внедрения инноваций.

Естественно, что система образования, сама по себе достаточно консервативная, не может не включиться в этот водоворот обновления и ускорения. Одними из первых столкнулись с проблемами изменения своих функциональных характеристик, направленности своей деятель-

ности библиотеки и, прежде всего, научные и учебные библиотеки, где в условиях появления и непрерывного обновления технических средств обучения и информационных технологий, встала проблема целесообразности роста и сохранения своих фондов и своего читателя, проблема финансирования и коммерциализации и, как стержневой вопрос, проблема разрешения противоречия между академической культурой, одним из главных носителей которой всегда выступала библиотека, и культурой предпринимательской, активно вторгающейся во все сферы и особенно в системе образования и науки.

Действительно, одной из самых сложных и остроактуальных проблем, с которыми столкнулась высшая школа в условиях глобализации и интернационализации, стал поиск компромисса между давно сложившимися академическими традициями и активно пробивающей себе дорогу в современных университетах предпринимательской деятельностью. На наших глазах происходят глубочайшие изменения во взаимодействиях между обществом, бизнесом и университетом. Теперь университеты наряду с образовательной и научной деятельностью вынуждены заниматься предпринимательством, конкурировать за привлечение средств из различных источников и, более того, ставить задачу получения прибыли в число своих главных приоритетов.

Текущие изменения в системе высшего образования явились следствием, так называемой, «второй университетской революции», в результате которой основной задачей университета, наряду с образовательной и научной деятельностью, стало обеспечение вклада в экономическое развитие общества - общества знания. Сокращение государственного финансирования высшего образования во многих странах подтолкнуло университеты к коммерциализации своей деятельности, что нашло отражение в увеличении числа иностранных студентов, стремлении получать дополнительные средства от грантов, доходы от патентной и даже от образовательной деятельности, не говоря о научных достижениях или откровенной коммерции (сдача в аренду помещений, платные консультации и методические пособия и мн. мн. др.). Все это приводит к становлению культуры нового типа – предпринимательской, производственной культуры, имеющей прин-

ципиально иные характеристики и ценности по сравнению с традиционной академической культурой.

Академическая культура в традициях европейского университетского образования понимается как совокупность норм и ценностей образовательной и научной деятельности университета. В монографии академическая культура рассматривается прежде всего как культура нравственности и служения людям. Это культура особого поведения и общения людей, профессионально призванных обеспечивать трансляцию культурных ценностей; это культура высокой духовности и морали, высокого качества труда и ответственности за его результаты, культура толерантности и педагогического оптимизма.

Наиболее рельефно современное понимание ценностей академической культуры было сформулировано в Бухарестской декларации этических ценностей и принципов высшего образования в Европе: «Ключевыми характеристиками добросовестного академического сообщества, – говорится в Декларации, – являются честность, доверие, прямота, уважение, откровенность и подотчетность».

Мы считаем, что к перечисленным выше ценностям важно дополнить взаимодействие и взаимную поддержку, взаимное доверие всех без исключения членов академического сообщества как непрременную особенность рабочей обстановки, способствующую свободному обмену идеями, а также творчеству и личному развитию всех, кто учит и кто учится.

Академическая культура призвана формировать позитивную эмоциональную реакцию всех субъектов учебно-воспитательного процесса -интерес, доброжелательность, гордость за успехи коллег и общие успехи, вдохновение, веру в перспективность и значимость для людей того дела, которому ты служишь, желание действовать сообща на общее благо. В здоровом обществе ценности академической культуры формируются естественно и свободно, дополняясь системой ценностей каждого конкретного учебного заведения, принимаются и признаются всеми как неотъемлемая часть культуры человека, коллектива, общества, как наиболее яркое ее проявление, поскольку здоровое общество и подлинная академическая культура возвращающая педагогические кадры возможны только там, где

существуют некие нравственные авторитеты, эталоны, принципы. А когда все сводится к потреблению, когда абсолютно все вплоть до собственных органов и собственного тела, оценки на экзамене и текста дипломной работы можно продать и купить, тогда академическая культура уступает место культуре предпринимательской, потребительской, тогда происходит быстрое наступление академического капитализма с отказом от таких ценностей как альтруизм и служение обществу и расцветом рыночных ценностей, где «*homo homini lupus est*». Тогда в человеке неизбежно выплзает наружу его животное, звериное начало, а общество деградирует в стадо скотов.

Отсюда безотлагательная задача формирования нового уровня академической культуры, способной противостоять усиливающемуся натиску нравственной деградации и духовного распада, но в тоже время не идущей вразрез с требованиями времени. Ценности, формирующие академическую культуру, также как и предпринимательскую, выступают основой для выработки норм и правил поведения сотрудников всех подразделений университета. Именно ценности, декларируемые и разделяемые наиболее авторитетными представителями университета, являются тем звеном, от которого зависит сплоченность сотрудников, формируется единство взглядов и действий, и, следовательно, достигаются поставленные цели.

Понимание сущности внутренней культуры университета оказывается возможным благодаря анализу ее структуры. Как известно, культура любого типа представляет собой систему, т. е. единство образующих ее элементов. К ядру культуры принято относить те из них, в которых доминируют характерные черты большинства. К таким элементам должна быть отнесена в первую очередь вузовская библиотека.

Именно библиотека выступает важнейшим системообразующим элементом академической культуры в любом учебном заведении, поскольку она способна в равной степени воздействовать и на совершенствование академической культуры и на становление культуры предпринимательской, создавать условия для смягчения и даже снятия обостряющихся между ними противоречий. Непосредственные профессиональные обязанности, которые тоже кардинально

изменяются в условиях становления информационного общества, требуют от библиотеки беспристрастного отношения к любым запросам потребителей ее услуг, к активному продвижению в жизнь той идеологии, которую исповедует данное учебное заведение.

Но на практике вузовская библиотека по мнению практически всех авторов нашей книги чаще всего объективно способствует формированию и развитию именно академической культуры, поскольку главный смысл библиотечной деятельности заключается в насаждении разумного, доброго, вечного в душах и сознании людей, ее исходной функцией по-прежнему выступает воспитание человечности в человеке. Под воспитанием мы понимаем целенаправленную образовательную деятельность по формированию ценностей личности. Потеря воспитательного компонента национальной образовательной системы чревата подрывом качества человеческого капитала, необходимого для успешного развития экономики любой страны. Отсюда значимость деятельности библиотеки, качества выполняемых ею функциональных обязанностей.

Как обеспечить высокую эффективность деятельности вузовской библиотеки в условиях нарастающих противоречий между академической и предпринимательской культурами, как совместить значимость книги и усиливающееся ее отторжение в угоду компьютеру, как добиться желаемых воспитательных результатов при углубляющемся системном кризисе, при падении авторитета книги и утрате интереса к чтению.

Именно эти вопросы, волнующие сегодня академическое сообщество, поднимаются на страницах данного издания. Директора вузовских библиотек крупнейшего образовательного центра Украины имеющие многолетний опыт библиотечной работы и глубокое знание проблем современного вуза, делятся на страницах книги своими представлениями о сегодняшнем и завтрашнем дне вузовской библиотеки. Естественно, что осветить все болевые точки в одном монографическом исследовании - дело не реальное. В книге выделены лишь те проблемы, которые по мнению авторов книги являются наиболее острыми и определяющими перспективы развития этой важнейшей сферы жизнедеятельности вуза.

О. А. Іванова

**ПРО МОНОГРАФІЮ «ІНСТИТУЦІЙНА АДАПТАЦІЯ
ЕКОНОМІЧНИХ СИСТЕМ ДО ПРОЦЕСІВ
ГЛОБАЛІЗАЦІЇ» (авт. Миколенко О. П.)**

Миколенко Е. П. Институциональная адаптация экономических систем к процессам глобализации / Е. П. Миколенко. – Харьков : Изд-во НУА, 2017. – 268 с.

Активна інтеграція України у глобальний економічний простір зумовлює постійне посилення впливу екзогенних чинників як на національну систему господарювання в цілому, так і на її інституційну складову. Їх тиск лише зростає на фоні незавершеності посттрансформаційних перетворень. Невідворотнім результатом стає реакція інституційної системи на зовнішні виклики, пристосування, адаптація до обставин, що змінюються. Вона може мати як стихійний, спонтанний, некерований характер, так і бути результатом цілеспрямованої політики, заснованої на науковому обґрунтуванні та прогнозуванні діяльності відповідних структур державної влади, мікроекономічних суб'єктів господарювання. Успіх цієї діяльності у вирішальній мірі залежить від розуміння ними суті, механізму процесів, що відбуваються. Відповідно зростає значимість і затребуваність теоретичних напрацювань у сфері дослідження процесів інституційної адаптації систем господарювання до швидких змін в глобальному економічному середовищі. Саме цим питанням і присвячене монографічне дослідження, що й зумовлює його актуальність.

Монографія складається з трьох розділів, які охоплюють широкий спектр економічних питань. У першому розділі – «Теоретичні основи інституційної адаптації економічних систем» – розкрито природу та властивості інституційної системи у її взаємозв'язку з іншими підсистемами. Це дозволило скласти більш глибоке уявлення про складну структуру господарської системи. Розглянуто інституційний устрій економічної системи та надано розгорнуту характеристику його складників. На цій основі доведено теоретичне положення про роль

інститутів у забезпеченні єдності функціонування та еволюції господарських систем. У другому розділі – «Соціально-економічні інститути адаптації до процесів глобалізації» – досліджено інституційні форми ринкової самоорганізації та її вплив на еволюцію та розвиток сучасних економічних інститутів, які забезпечують інтеграцію відкритої економіки до глобального простору з підвищеними ризиками.

У третьому розділі – «Особливості інституційної адаптації економіки України до процесів глобалізації» – послідовно розкрито особливості сучасної динаміки постсоціалістичних країн, у тому числі й України. Перед ними стоїть комплексне завдання, а саме: інституційна добудова цілісного ринкового механізму з використанням інструментів інституційного запозичення та оптимального входження в глобальний простір, що створює додаткові ризики для їх економічної рівноваги.

Методологічною основою дослідження є інституційна та еволюційна теорії. У роботі здійснено аналіз інституційної системи та її структури. Обґрунтовані адаптивні властивості мережевих інститутів інтеграції, охарактеризовані протиріччя співіснування держави та наднаціональних інститутів в системі управління національним господарством. Використання системного підходу дозволило авторці дослідити складну природу господарської системи, яка визначається взаємопроникненням, когерентністю і взаємовпливом всіх підсистем, проаналізувати процеси становлення ринкової економіки як цілісного інституційного утворення, встановити інституційні деформи (інституційні ями, розриви, пустоти та інше), що виникли внаслідок адаптації ринкових інститутів до локального підґрунтя постсоціалістичних країн

До найвагоміших результатів дослідження можна віднести те, що авторкою на основі структурування інституційного устрою господарської системи запропоновано теоретичну модель інституційної адаптації до нестабільного середовища шляхом попереджувальних змін інститутів, здатних забезпечити узгодженість реакцій економічних суб'єктів на порушення рівноваги. Також заслуговує на увагу проведений регресійний аналіз, який дозволив прийти до висновку про значний вплив якості інститутів на функціонування та розвиток економіки. Інституційна структуризація економічної системи дозволила виділити переважаючі базисні економічні інститути власності, економічної

влади та неформальні інститути «відносин», які визначають та організують інституційний порядок, забезпечують ефективність координації та контролю та мають значущий вплив на динаміку ВВП на душу населення. Доведено, що рівень захисту прав власності і довіра виявляються універсальними ключовими детермінантами.

Також дослідником удосконалене уявлення про чинники, що забезпечують динамічну стабільність господарської системи в умовах посилення глобальної конкуренції і розгортання тенденцій постіндустріального розвитку економіки.

Цікавим є здійснений кластерний аналіз країн, який ліг в основу запропонованої класифікації, проте така типологізація потребує подальшого вдосконалення та пояснення, чи можуть бути об'єднані в одну групу такі розвинені країни, як США, Франція, Німеччина та Сінгапур.

Також необхідно зазначити, що відправним моментом дослідження процесів інституційної адаптації стали систематизація та структурування здобувачем інституціональної ієрархії економічних систем. Основними їх складовими визначено глобальний, національний та корпоративний рівні. Простежуються особливості інституціональної адаптації на окремих рівнях. Цілком логічним завершенням виглядало б узагальнення цієї специфіки. Таке узагальнення набуває особливого значення в контексті вибудовування логіки інституційних трансформацій та адаптації економічної системи. Адже взаємозалежність, комплементарність інститутів зумовлює необхідність визначення послідовності їх трансформації, адаптації як елементів цілісної системи.

В цілому ж монографія є завершеним самостійним науковим дослідженням, виконаним на актуальну тему, має наукову і практичну цінність. Результати дослідження можуть бути використані в навчальному процесі при викладанні дисциплін «Глобальна економіка», «Інституційна економіка», «Економічна теорія» майбутнім фахівцям економічного напрямку.

Теоретичне та практичне значення отриманих результатів зумовлене новизною розроблених теоретичних та практичних положень. У процесі роботи над монографією авторкою опрацьовано та узагальнено значний обсяг наукової літератури, що стосується різних

аспектів проблеми забезпечення інституційної адаптації соціально-економічних систем. Зокрема розкрито потенційні можливості використання таких сучасних форм організації підприємницької діяльності, як горизонтальна та вертикальна інтеграція, формування мережевих, кластерних структур, їх комбінація. Досліджено проблеми і можливості використання різноманітних інструментів забезпечення взаємодії державних та наднаціональних органів управління.

Отже отримані теоретичні результати можуть стати підґрунтям розробки та впровадження державної політики інституціональних трансформацій в різних сферах суспільного відтворення. Практичне значення мають розроблені здобувачем на підставі глибокого аналізу процесів інституціональних змін в українській економіці та запропоновані рекомендації щодо вдосконалення умов інституціональної адаптації національної економіки.

Н. С. Молодчая

ОБ ОПЫТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ЭКОНОМИКО- ПРАВОВОЙ ШКОЛЕ

25 лет преподавания иностранных языков в СЭПШ (ХГУ «НУА»): традиции и инновации / 25 years of foreign languages teaching at Kharkov University of Humanities “Peoples Ukrainian Academy” Specialized Economics and Law School: integrating traditions and innovations / Нар. укр. акад. ; под общ. ред. Н. С. Молодчей, отв. ред. Е.В. Тарасова – Харьков : Изд-во НУА, 2017. – 74 с.

Глобализация и интеграция Украины с Европейским союзом требуют более динамичной и интенсивной подготовки по иностранным языкам, начиная с дошкольной ступени. В системе школьного образования одной из главных целей является развитие коммуникативных и социокультурных компетенций учащихся до уровня, достаточного для продолжения обучения в высшем учебном учреждении.

Для достижения требуемой языковой квалификации в школах разрабатываются новые учебные планы и программы, используются современные учебники и технологии, внедряются инновационные методы обучения.

Достоинны внимания опыт, усилия и творческие решения преподавателей интегрированной кафедры иностранных языков Специализированной экономико-правовой школе (СЭПШ), являющейся частью инновационного учебного комплекса «Народная украинская академия». На протяжении более четверти столетия они со всей ответственностью, методично, используя лучшее в традиционном подходе и новаторское, учитывая современные вызовы и технологии, помогают школьникам добиваться выдающихся результатов.

Авторский коллектив, состоящий из 10 преподавателей школы и вуза, счел важным систематизировать наиболее успешные методологические подходы и методические практики, реализуемые в процессе подготовки по иностранному языку в СЭПШ.

Брошюра включает предисловие, введение, три главы со списком литературы к каждой из них, приложения.

В предисловии дается краткая характеристика инновационного учебного комплекса, описание истории создания и принципы работы интегрированной кафедры иностранных языков, указываются ближайшие планы коллектива.

Во введении достаточно подробно излагаются подходы, принципы и активно используемые методы преподавания иностранных языков в СЭПШ. Внимание также уделяется учебным ресурсам, в том числе аутентичным учебникам, которые хорошо себя зарекомендовали в учебном процессе.

Первая глава посвящена более детальному рассмотрению методики преподавания английского языка на этапе дошкольного обучения и младшей школы. Зафиксированы интересные задания, способствующие развитию навыков говорения, письма, чтения и аудирования у младших школьников. Особое внимание уделяется методике обучения с помощью театральные постановки. У кафедры накоплен существенный опыт постановок на английском языке с участием детей младшего школьного возраста. В приложении издания можно найти сценарий постановки, наиболее понравившейся детям.

Во второй главе описаны методы преподавания иностранного языка на этапе средней школы. Начиная со средней ступени школьного образования преподаватели мотивируют школьников заниматься исследовательскими проектами. Все достижения регистрируются в Европейском языковой портфолио, которому уделяется внимание в рамках учебной и самостоятельной деятельности учащихся. Преподаватели делятся опытом проведения ежегодного школьного языкового лагеря. В конце издания прилагается программа лагеря, который состоялся в июне 2017 г.

Третья глава брошюры включает опыт обучения иностранным языкам в старшей школе, подготовки учащихся к ЗНО, успешного проведения заседаний Евроклуба, участия в программах FLEX.

Главные принципы – непрерывная последовательность и преемственность обучения, коммуникативная направленность, интеграция

всех видов речевой деятельности, индивидуальный, дифференцированный, компетентностный подходы в обучении и развитие личности учащихся – призваны реализовать стратегическую цель программы по иностранным языкам – приобретение языковой и речевой компетенций, необходимых и достаточных для свободного, непринужденного общения на английском языке на бытовую и общекультурную тематику.

Издание содержит материалы и фотографии, документирующие успешный опыт преподавания иностранных языков в СЭПШ, отражает современный подход к обучению иностранным языкам учащихся средней ступени образования и может быть рекомендовано для широкого круга лиц, интересующихся вопросами преподавания иностранных языков.

Д. І. Панченко

ДО 10-РІЧЧЯ КАФЕДРИ ТЕОРІЇ ТА ПРАКТИКИ ПЕРЕКЛАДУ

Кафедра теорії та практики перекладу: 10-річний досвід роботи : колектив. моногр. / Нар. укр. акад., за заг. ред. Д. І. Панченка; [каф. теорії та практики перекл.]. – Харків : Вид-во НУА, 2017. – 180 с.

У монографії узагальнено досвід наукової роботи з перекладознавства та педагогічної діяльності з підготовки перекладачів на кафедрі теорії та практики перекладу Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія» протягом десяти років її існування – з 2006 року, коли кафедрою керував талановитий викладач і теоретик перекладу В. О. Подміногін, і по теперішній час. Автори розвивають ключові поняття перекладознавства: історію перекладу, стратегії і тактики, проблеми адекватності перекладу, а також питання викладання перекладу.

Монографія складається з трьох розділів і додатків. У першому розділі читач знайомиться з історією кафедри, її викладачами, їхніми науковими та методичними здобутками. Другий розділ представляє результати наукових досліджень провідних викладачів кафедри, працюючих в різних напрямках, але об'єднаних загальною науковою темою кафедри – «Переклад як найважливіший засіб міжкультурної комунікації». Третій розділ відображає наукові розвідки молодих викладачів кафедри, що тільки розпочали наукові дослідження, але вже вибрали свій науковий напрямок і мають певні доробки. В додатках представлено методичні видання, наукові публікації, участь викладачів у конференціях та історія кафедри у світлинах.

Це видання викликає інтерес з точки зору ретроспективного аналізу практики підготовки перекладачів та наукової діяльності в галузі перекладознавства, тому, безумовно, може стати в нагоді науковій і педагогічній спільноті, студентам і широкому загалу. Монографія стала спробою дослідити основні етапи становлення кафедри, визна-

чити наукові пріоритети на кожному з них та окреслити головні тенденції подальшого розвитку. Доцільність даного дослідження також зумовлена необхідністю оновлення змісту навчання майбутніх перекладачів на основі традицій, які вже склалися, та того потенціалу, яким володіє кафедра на сьогодні.

Історія кафедри теорії та практики перекладу ще не є такою довгою, проте, на даному етапі представляє десятирічний досвід розвитку одного з філологічних напрямків на факультеті «Референт-перекладач». Новоствореній кафедрі необхідно було враховувати виклики часу і намагатися адекватно на них реагувати, щоб випускати конкурентоспроможних перекладачів. На сьогодні кафедра теорії та практики перекладу відповідає за підготовку магістрів в галузі письмового та усного перекладу з англійської, німецької, французької та іспанської мов. Майбутні магістри вчать перетворювати отримані фундаментальні і прикладні знання в професійні навички. Вдало було вдосконалено і реалізовано перспективний напрямок підготовки варіативного навчання завдяки можливості вибору дисциплін, що дозволяє магістрам бути підготовленими до практичної діяльності в якості перекладачів, викладачів і наукових співробітників.

Викладачі, що працюють на кафедрі, є фахівцями високого рівня. Це практикуючі перекладачі, що володіють відмінним знанням іноземних мов, активно використовують інноваційні методики і сучасні технології в педагогічній діяльності. Колектив кафедри регулярно бере участь в науково-практичних конференціях, публікує наукові роботи у вітчизняних та зарубіжних виданнях. Викладачам доводиться постійно працювати над вдосконаленням і поліпшенням курсів, що читаються відповідно до сучасних вимог професійної підготовки перекладачів і новітніх тенденцій в області перекладознавства. Заняття проводяться в компютеризованих аудиторіях із застосуванням сучасних Інтернет-ресурсів, регулярно оновлюються посібники з усіх дисциплін, що викладаються.

Кафедра здійснює широку і всебічну співпрацю з вищими навчальними закладами Харкова та України. Студенти під керівництвом викладачів беруть активну участь в конкурсах студентських наукових

робіт і науково-практичних конференціях. На кафедрі працює науковий гурток «Практична реалізація теоретичних досліджень студентів», склалися свої традиції.

Редакційна колегія висловлює щиру подяку шановним рецензентам: І. С. Шевченко, доктору філологічних наук, професору, академіку АН ВШ України, завідувачу кафедри ділової іноземної мови та перекладу Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна; О. В. Ребрю, доктору філологічних наук, професору, завідувачу кафедри перекладознавства імені Миколи Лукаша Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна; Т. М. Тимошенковій, кандидату філологічних наук, професору кафедри германської та романської філології Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія».

Т. М. Берест

ОСВІТНІ РАКУРСИ УКРАЇНОЗНАВСТВА

Помазан І. О. Освітні ракурси українознавства у форматі інтегрованої кафедри / І. О. Помазан. – Харків : Вид-во НУА, 2017. – 84 с.

На початку навчального року побачило світ наукове видання «Освітні ракурси українознавства у форматі інтегрованої кафедри». Автором праці є завідувач кафедри українознавства Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія», кандидат філологічних наук, доцент Помазан І. О.

Брошура містить систематизований виклад 20-річного досвіду роботи кафедри українознавства як інтегрованого структурного підрозділу інноваційного навчального закладу, який працює на засадах концепції неперервної освіти.

Усвідомлюючи, що на сьогодні першочергове завдання освіти полягає в тому, щоб навчити майбутнього фахівця учитися, зорієнтувати його на самостійне опанування знань, призвичаїти до думки, що процес навчання не є кінцевим, він триває протягом усього життя, кафедра в межах інтегрованої вертикалі освітніх структур Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія» здійснює методичну, наукову, навчальну та виховну роботу, спрямовану на практичну реалізацію концепції неперервної освіти.

Автор видання відзначає можливість неформальної реалізації принципу інтеграції освітніх рівнів завдяки органічному поєднанню між собою на засадах вертикальної тягlosti курсів з однієї навчальної дисципліни на різних освітніх рівнях. Зокрема ідеться про досвід кафедри щодо розробки інтегрованих програм з української мови, української та зарубіжної літератури. Авторські комплексні програми неперервної освіти, затверджені МОН України та Вченою радою ХГУ «НУА», передбачають вертикальну та горизонтальну інтеграцію дисциплін, тобто узгодження тем у межах одного предмета на всіх етапах його вивчення, а також залучення досвіду інших дисциплін.

Викладання за інтегрованими програмами дозволяє забезпечити спадкоємність і послідовність усіх видів мовленнєвої діяльності учнів з метою їх подальшої гармонійної професійної самореалізації. У виданні узагальнено досвід кафедри щодо підготовки й практичного використання інтегрованих програм у середній та вищій школі.

Одним із напрямків роботи кафедри з індивідуалізації навчального процесу є використання дистанційних курсів. Дистанційне навчання має перспективи на всіх рівнях підготовки: як допоміжна форма в довузівському навчанні (вивчення окремих тем; робота з учнями, що мають проблеми із засвоєнням навчального матеріалу або потребують індивідуального навчання; підготовка до ЗНО) і як одна з форм роботи зі студентами ВНЗ та слухачами факультету післядипломної освіти. Автор брошури узагальнює досвід кафедри із використання в навчальному процесі елементів дистанційної підготовки, відзначає переваги й недоліки, окреслює перспективи такої форми підготовки спеціалістів у системі неперервного навчання.

Науково-дослідна складова роботи кафедри, здійснювана з метою інтеграції наукової, навчальної діяльності в системі вищої освіти, провадиться в межах комплексної наукової теми кафедри «Літературознавчі та мовознавчі дослідження в контексті вищої освіти». У виданні окреслено сфери наукових інтересів членів кафедри, відзначено здобутки в науковій галузі, проаналізовано роботу із науковим співтовариством, а також зі студентами та школярами, із чого цілком логічно випливає висновок про пріоритетність науково-дослідної складової в роботі інтегрованої кафедри.

Чимало уваги у виданні приділено виховній роботі як засобу формування духовної, інтелектуальної еліти, примноження культурного потенціалу суспільства в цілому. Загальноакадемічні, факультетські, кафедральні виховні заходи здійснюються різними структурами університету і для учнів та студентів, і в тісній співпраці із ними. У такий спосіб реалізується також принцип горизонтальної інтеграції.

Автор робить цілком логічний і переконливий висновок про те, що освітні принципи й пріоритети, обрані Народною українською академією в цілому й застосовувані вже протягом двадцяти років

у роботі кафедри українознавства в складі академії дали досить плідні й значущі результати й стали роками створення й становлення успішного й креативного науково-педагогічного колективу однодумців, колективу, що має власне творче обличчя, і спроможний сприймати й реалізовувати нові ідеї та успішно втілювати їх у навчальну й виховну практику.

Наукове видання буде цікавим і корисним для всіх, хто має безпосереднє відношення до практичної роботи у вищій школі.

И. С. Нечитайло

МАГИСТРАМ – ПРОФЕССИОНАЛЬНО- ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КОМПЕТЕНЦИИ

Подольская Е. А. Педагогика и психология высшей школы : учеб. для высш. учеб. заведений / Е. А. Подольская ; Нар. укр. акад. – 2-е изд., перераб. и доп. – Харьков : Изд-во НУА, 2017. – 414 с.

Издательством Народной украинской академии издан учебник «Педагогика и психология высшей школы» з грифом ХГУ «НУА», подготовленный проф. Е. А. Подольской. В нем освещаются предмет и методы педагогики и психологии высшей школы, дидактические модели содержания обучения студентов, новые технологии и комплексные формы организации обучения. Особое внимание уделяется формированию профессиональных компетенций, выработке педагогической техники преподавателя, психолого-педагогическим особенностям деятельности преподавателей высшей школы. Раскрывается динамический потенциал образования в украинском обществе, сущность и особенности модернизационных процессов, механизмы и ступени трансформации образования в Украине.

В основу учебника положена авторская программа учебного курса для магистров «Педагогика и психология высшей школы», составленная в соответствии с требованиями Министерства образования и науки Украины и рекомендациями Болонской декларации. Цель, поставленная автором учебника, заключается в формировании у магистрантов профессионально-педагогических компетенций, в выработке методологических подходов к исследованию педагогических и психологических особенностей формирования современного специалиста, в совершенствовании педагогической техники преподавателя высшей школы, в развитии его способности к педагогическому менеджменту.

В данном издании нашла отражение стержневая идея современной образовательной реформы, состоящая в переориентации отечественной высшей школы с содержательно-знаниево-предметной парадигмы

на выработку у студента готовности и способности к эффективной жизнедеятельности в широком поле разнообразных контекстов, к осуществлению педагогического менеджмента.

Курс предусматривает распределение учебного материала по четырем содержательным разделам: «Педагогика высшей школы»; «Психологические особенности деятельности в высшей школе»; «Методика преподавания в высшей школе»; «Методология организации научно-исследовательской работы магистрантов».

Большая значимость этого учебника обусловлена тем, что он представляет собой комплексное издание, интегрирующее философские, исторические, социологические и психологические подходы к анализу высшей школы. В то же время Е. А. Подольской удалось четко выделить и раскрыть педагогические аспекты процессов обучения и воспитания в тесной взаимосвязи с психологическими особенностями развития студентов, обращая особое внимание на социально-технологическую направленность предлагаемых подходов. Автором достаточно умело вычленяются сущность и особенности модернизационных процессов в сфере образования, механизмы и ступени трансформации позиционирования социальных субъектов в современном стратификационном поле Украины. Подчеркивается, что модернизация образовательных структур, процессов и технологий направлена на повышение качества обучения, на выработку у подготавливаемых специалистов широкой и целостной системы фундаментальных знаний, навыков и способностей самостоятельного творческого мышления. Расширяет исследовательское поле достаточно грамотный анализ социальной структуры и социальной мобильности выпускника в условиях глобализации. И если актуальность поднятых автором учебника проблем и задачи, решаемые автором, не вызывают сомнений, то в научно-методической литературе такого масштаба – вопрос в другом: чего можно ждать от педагога в теоретическом и практическом плане, какие социальные технологии он может предложить с учетом обозначенных вызовов современности.

Теоретико-методологическая и практическая значимость работы состоит в том, что автор стремится раскрыть эвристический потенциал многих категорий педагогики и психологии. Е. А. Подольской

удалось дать научно-теоретический инструментарий для анализа современных образовательных стратегий, выявления рисков и установления путей преодоления кризиса в сфере образования.

Автор придерживается принципов корректности и непредвзятости относительно основных психологических парадигм образования и путей модернизации педагогического взаимодействия. Демонстрируется глубокое понимание поставленных проблем, внутренней логики социально-психологических проблем, присущих образовательному процессу в кризисном обществе, когда высшая школа должна адекватно отвечать на вызовы современности.

Несомненно, изложенный материал станет надежным основанием для удовлетворения внутренней потребности магистрантов в духовной самостоятельности в ходе педагогического взаимодействия, в разработке необходимых ключевых компетенций для внедрения педагогики партнерства, субъект-субъектных отношений в современной высшей школе. Этому способствуют и предложенные после каждой темы планы семинарских занятий, вопросы для промежуточного контроля знаний, проблемные вопросы, темы рефератов, задания для самостоятельной работы, тестовые задания.

Учебник характеризуется взвешенностью теоретических размышлений, он хорошо структурирован, логично выстроен, все положения достаточно аргументированы. Автору удалось столь обширный материал подчинить единой проблеме и структурно организовать его. Не вызывает сомнения, что этот учебник станет надежным подспорьем в формировании необходимых профессионально-педагогических компетенций для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников.

О. А. Кальниченко

ЗАКОХАНІЙ В ПЕРЕКЛАД: ІЗ СПАДЩИНИ ВАЛЕРІЯ ПОДМІНОГІНА

Збірник наукових праць В.О. Подміногіна з історії та теорії перекладу / Нар.укр. акад., [каф. теорії та практики перекладу ; авт.-упоряд. О. А. Кальниченко, Д. І. Панченко]. – Харків : Вид-во НУА, 2017. – 468 с.

Нарешті побачив світ **Збірник** наукових праць Валерія Олександровича Подміногіна (1956–2012), відомого українського історика та теоретика перекладу, перекладача з німецької мови, кандидата філологічних наук, який з 1998 року працював у Харківському гуманітарному університеті «Народна українська академія», спочатку як професор кафедри німецької філології та перекладу, з 2005 року як її завідувач, а з 2006 року очолював новостворену кафедру теорії та практики перекладу. Збірник містить 28 наукових праць лише з історії та теорії перекладу, написані в період з 2002 по 2012 роки, переважно в спів-авторстві з доцентом О. А. Кальниченком, хоча коло наукових зацікавлень і талантів Валерія Олександровича – вельми розмаїте, адже на початку наукової діяльності він займався питаннями темпоральної парадигми сучасної німецької мови й проблемами морфологічної варіативності, захистив у 1984 році у Київському університеті ім. Тараса Шевченка під керівництвом доц. А. Г. Совгири кандидатську дисертацію на тему «Перфектні форми в парадигмі модальних дієслів сучасної німецької мови», а разом з відомими німецькими науковцями Г. Коллером та М. Ніпель написав «Підручник німецької мови для початківців», який було у 1993 році видано у Франкфурті-на-Майні.

Та поділяючи позицію Антуана Бермана, що «найневідкладнішим завданням істинно сучасної теорії перекладу» є системний та добре структурований виклад історії перекладу», Валерій Подміногін основні зусилля спрямував на світову історію перекладу: від найдавніших згадок про переклад (статті «Найдавніші згадки про переклад», «Юдейська традиція перекладу», «Історія перекладу та перекладаць-

кої думки у Стародавньому Римі», «Витоки Західного перекладознавства: Ієронім Стридонський», «Переклад та поширення знань: на прикладі середньовічного латинського перекладу», «Історія перекладу та думок про переклад у середньовічній Англії (давньоанглійський період)», «Історія перекладу та перекладацької думки в Англії (ранній середньоанглійський період)», «Історія перекладу та перекладацької думки в Англії XIV ст.», «Від перекладачів: Мартін Лютер “Послання про переклад”») до концепції перекладу доби романтизму.

Остання тема Валерію Олександровичу, як випускникові Йенського університету, де й склалася класична концепція романтизму, була особливо близькою, і він їй присвятив чимало розвідок (зокрема, «Трактат Фрідріха Шлеєрмахера „Про різні методи перекладу” (“Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens”) та його значення для сучасного перекладознавства», «Питання форми перекладу у німецьких романтиків та пост-романтиків», «Есе „Місія перекладача” Вальтера Беньяміна про перекладність та „чисту мову” на тлі німецької перекладознавчої традиції» та «Дихотомія перекладацьких стратегій очуження та одомашнення в історії європейського перекладу».

Кілька публікацій Валерія Олександровича було присвячено загальним питанням історії перекладу (статті «Історія перекладу: предмет, проблеми та сучасний стан», «Історичні коріння перекладності», «Григорій Кочур та історія української перекладацької традиції: питання періодизації», «Історична роль перекладу у становленні національних мов»). Останнім часом його цікавила тема «Перекладачі – творці писемностей».

Перекладознавство Валерій Подміногін розглядав як герменевтичну дисципліну, тобто таку, що вирішує завдання, які переважно поступають не ззовні, від суспільства, а із середини самої дисципліни, що вважаються цікавими для науки заради самої науки. Як у дослідженні будь-якого наукового предмета, у вивченні перекладу головним завданням має бути його виокремлення з числа схожих явищ та видів діяльності, адже вивчення історії перекладу свідчить про те, що контури поняття „переклад” досі чітко не окреслені, досі залишається належно недослідженим те, як співвідноситься переклад із спорідненими явищами – переспівом, наслідуванням, адаптацією тощо. Саме на ці

явища та на такі феномени як явища само-перекладу та псевдо-перекладу на які донедавна перекладознавці звертали надто мало уваги й історія яких є суцільною «білою плямою», Валерій Олександрович звертав особливу увагу (статті «Переклад vs адаптація», «Переклад: категорія класична, прототип чи кластер?», «Псевдо- та само-переклад як області дослідження в історії перекладу»).

Валерій Олександрович був чуйною людиною і доброзичливим та глибоким рецензентом (прикладом такої рецензії може бути його рецензії «З хистом і не без глузду» на перший випуск нового перекладацького альманаху «Хист і Глузд: теорія і практика перекладу»), яка також наводиться у збірці.

Валерій Подміногін є співавтором низки навчальних посібників для студентів вищих навчальних закладів, серед яких слід відзначити «Історію перекладу та думок про переклад у текстах та коментарях: Ч. 1: Загальні питання. Стародавні часи» (2005 рік) та «Історію перекладу та думок про переклад у текстах та коментарях: Ч. 2: Пізня античність. Перекладачі – творці писемностей» (2015). До збірника включено «Короткий нарис з історії письмового перекладу» з частини першої, якою відкривався посібник.

Як людина стратегічного мислення, Валерій Олександрович вважав, що плідні дискусії з питань теорії перекладу, як і успішне навчання фаху, неможливі без запровадження до вітчизняного вжитку класичних перекладознавчих текстів. Перекладу таких текстів, приміткам до них та їхньому тлумаченню він приділяв першочергову увагу. Серед найважливіших його українських перекладів у цій царині слід назвати наступні: Ієронім Стридонський «Лист 57 до Паммахія про найкращий спосіб перекладу» (переклад з латини); Мартін Лютер «Послання про переклад»; Ф. Шлейєрмахер «Про різні методи перекладу» (“Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens”); Вальтер Беньямін «Завдання перекладача» (Die Aufgabe des Übersetzers). Тому в збірнику наводяться ці переклади разом з коментарями та примітками до них, що виконані спільно з Олександром Кальниченком. Також подано два одноособові переклади з Новаліса та Фрідріха Ніцше.

Та Валерій Подміногін перекладав не лише перекладознавчі тексти, а й художню літературу з німецької мови. Як зразок такого перекладу в збірнику наводиться його переклад російською мовою оповідання «Любовник» із збірки оповідань чільного сучасного німецького письменника Бернхарда Шлінка «Інший чоловік».

Збірник містить і спогади колишніх студентів професора Подміногіна, що додає книзі емоційної складової. На жаль, в ньому не вказано, що зібрала ці спогади про Валерія Олександровича доц. Івахненко (Пермінова) Антоніна Олександрівна. Також в збірнику наведено біографію Валерія Олександровича Подміногіна, список його основних наукових праць з перекладознавства та три фотографії, якість друку яких могла би бути кращою.

А загалом видання, яке рецензували завідувач кафедри теорії та практики перекладу з англійської мови Інституту філології КНУ імені Тараса Шевченка Лада Володимирівна Коломієць, завідувач кафедри перекладознавства ім. Миколи Лукаша Олександр Володимирович Ребрій та очільник Всеукраїнської спілки викладачів перекладу, академік Академії наук вищої школи України, професор кафедри перекладознавства ім. Миколи Лукаша Леонід Миколайович Черноватий, вийшло вартісним і призначене для студентів, що навчаються за спеціальністю 035 Філологія (переклад), аспірантів, дослідників, викладачів, перекладачів та всіх, хто цікавиться перекладом та історією.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ануфрієва Ірина Леонідівна

доц., Харківський гуманітарний
університет «Народна українська
академія»
gr@nua.kharkov.ua

Anufriieva Iryna

Associate Professor, Kharkiv
University of Humanities “People’s
Ukrainian Academy”

Артеменко Анна Броніславівна

аспірантка, Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
a.b.renkas@ukr.net

Artemenko Anna

postgraduate student, Kharkiv
University of Humanities “People’s
Ukrainian Academy”

Астахова Валентина Ілларіонівна

д-р іст. наук, проф., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
rector@nua.kharkov.ua

Astakhova Valentyna

Dr.Sc. (History), Professor, Kharkiv
University of Humanities “People’s
Ukrainian Academy”

Астахов Віктор Вікторович

канд. юрид. наук, проф.,
Харківський гуманітарний
університет «Народна українська
академія»
vva@nua.kharkov.ua

Astakhov Victor

Ph.D. in Law, Professor, Kharkiv
University of Humanities “People’s
Ukrainian Academy”

Астахова Катерина Вікторівна

д-р іст. наук, проф., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
rector@nua.kharkov.ua

Astakhova Kateryna

Dr.Sc. (History), Professor, Kharkiv
University of Humanities “People’s
Ukrainian Academy”

Балакірєва Ольга Миколаївна

канд. соціол. наук, Державна
установа «Інститут економіки та
прогнозування НАН України»
bon.smc@gmail.com

Balakireva Olga

Ph.D. in Sociology, State Organization
“Institute for Economics and
Forecasting, Ukrainian National
Academy of Sciences”

Басе П'єр

радник з питань культури
Муниципальної ради мерії
міста Кольвіль (Франція)
gp@nua.kharkov.ua

Basse Pierre

Cultural Adviser of the Municipal
Council of the City Hall of Colleville
(France)

Батаєва Катерина Вікторівна

д-р філос. наук, проф., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
bataevaekaterina72@yahoo.com

Bataeva Katherina

Dr.Sc. (Philosophy), Professor,
Kharkiv University of Humanities
“People’s Ukrainian Academy”

Берест Тетяна Миколаївна

канд. філол. наук, доц., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
ukr@nua.kharkov.ua

Berest Tetiana

Ph.D. in Philology, Associate
Professor, Kharkiv University of
Humanities “People’s Ukrainian
Academy”

Бондар Тетяна Іванівна

учитель, Спеціалізована
економіко-правова школа
Народної української академії
sepsc@nua.kharkov.ua

Bondar Tetiana

school teacher, Specialized Economic
and Law School of the People’s
Ukrainian Academy

Веретенников Сергій Васильович

аспірант, Харківський гуманітарний
університет «Народна українська
академія»
sergeyveret85@ukr.net

Veretenikov Sergii

postgraduate student, Kharkiv
University of Humanities “People’s
Ukrainian Academy”

Вишневецький Михайло Іванович

д-р філос. наук, проф.,
Могильовський державний
університет імені Кулешова
(Білорусь)
philos-mogilev-msu@mail.ru

Vishnevsky Mikhail

Dr.Sc. (Philosophy), Professor,
A. A. Kuleshov Mogilev State
University (Belarus)

- Гога Наталія Павлівна**
канд. психол. наук, доц.,
Харківський гуманітарний
університет «Народна українська
академія»
nata181181@rambler.ru
- Нoha Nataliia**
Ph.D. in Psychology, Associate
Professor, Kharkiv University of
Humanities “People’s Ukrainian
Academy”
- Грушко Олександр Ігорович**
аспірант, Харківський гуманітарний
університет «Народна українська
академія»
grushko83@gmail.com
- Hrushko Alexander**
postgraduate student, Kharkiv
University of Humanities “People’s
Ukrainian Academy”
- Данилевич Сергій Борисович**
канд. фіз.-мат. наук, доц.,
Харківський гуманітарний
університет «Народна українська
академія»
danilevichsb@ukr.net
- Danylevych Sergii**
Ph.D. in Physics and Mathematics,
Associate Professor, Kharkiv
University of Humanities “People’s
Ukrainian Academy”
- Закринична Наталія Іванівна**
ст. викл., Харківський гуманітарний
університет «Народна українська
академія»
Kaufmann8@i.ua
- Zakrinichnaya Nataliia**
senior lecturer, Kharkiv University of
Humanities “People’s Ukrainian
Academy”
- Зверко Тамара Василівна**
канд. соціол. наук, доц., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
sm@nua.knarkov.ua
- Zverko Tamara**
Ph.D. in Sociology, Associate
Professor, Kharkiv University of
Humanities “People’s Ukrainian
Academy”
- Іванова Ольга Анатоліївна**
канд. екон. наук, доц., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
olgaiva.nua@gmail.com
- Ivanova Olga**
Ph.D. in Economics, Associate
Professor, Kharkiv University of
Humanities “People’s Ukrainian
Academy”

- Ільченко Аліна Євгенівна**
аспірантка, Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
alina.ilchenko.kharkiv@gmail.com
- Іlchenko Alina**
postgraduate student, Kharkiv
University of Humanities “People’s
Ukrainian Academy”
- Кальниченко Олександр
Анатолійович**
доц., Харківський гуманітарний
університет «Народна українська
академія»
tpp@nua.kharkov.ua
- Kalnynchenko Oleksander**
Associate Professor, Kharkiv
University of Humanities “People’s
Ukrainian Academy”
- Карпенко Владислав Володимирович**
студент, Харківський гуманітарний
університет «Народна українська
академія»
icteokarp@gmail.com
- Karpenko Vladyslav**
student, Kharkiv University of
Humanities “People’s Ukrainian
Academy”
- Кравчина Ірина Борисівна**
ст. викладач, Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
rinakrav2565@gmail.com
- Kravchyna Iryna**
senior lecturer, Kharkiv University of
Humanities “People’s Ukrainian
Academy”
- Кулякін Денис Федорович**
аспірант, Харківський гуманітарний
університет «Народна українська
академія»
ivanov.Chyguev@mail.ru
- Kuliakin Denis**
postgraduate student, Kharkiv
University of Humanities “People’s
Ukrainian Academy”
- Левін Роман Якович**
канд. пед. наук, ст. наук.
співробітник, Державна установа
«Інститут економіки та
прогнозування НАН України»
LevinR@ukr.net
- Levin Roman**
Ph.D. in Pedagogy, senior scientific
fellow, State Organization “Institute
for Economics and Forecasting,
Ukrainian National Academy of
Sciences”

Лободін Роман Олегович
аспірант, Харківський гуманітарний
університет «Народна українська
академія»
lobodinu@gmail.com

Lobodin Roman
postgraduate student, Kharkiv
University of Humanities “People’s
Ukrainian Academy”

Марченков Михайло Олександрович
аспірант, Харківський гуманітарний
університет «Народна українська
академія»
mishamarchenkov@yandex.ru

Marchenkov Mykhailo
postgraduate student, Kharkiv
University of Humanities “People’s
Ukrainian Academy”

Михайлова Людмила Вільївна
канд. філол. наук, доц., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
germ-rom-nua@ukr.net

Mykhailova Liudmila
Ph.D. in Philology, Associate
Professor, Kharkiv University of
Humanities “People’s Ukrainian
Academy”

Назаркін Олександр Анатолійович
канд. пед. наук, доц., Українська
інженерно-педагогічна академія
vic_nazarkina@mail.ru

Nazarkin Alexander
Ph.D. in Pedagogy, Associate
Professor, Ukrainian Engineering and
Pedagogical Academy

Нечітайло Ірина Сергіївна
д-р соціол. наук, доц., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
nechit@ukr.net

Nechitaylo Iryna
Dr.Sc. (Sociology), Associate
Professor, Kharkiv University of
Humanities “People’s Ukrainian
Academy”

Панченко Дмитро Ігорович
канд. філол. наук, доц., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
panchenko.di2013@gmail.com

Panchenko Dmytro
Ph.D. in Philology, Associate
Professor, Kharkiv University of
Humanities “People’s Ukrainian
Academy”

Петрова Анна Михайлівна
аспірантка, Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
apetrova2011@gmail.com

Petrova Anna
postgraduate student, Kharkiv
University of Humanities “People’s
Ukrainian Academy”

- Підлісний Дмитро Вадимович**
канд. іст. наук, доц., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
kim.khar83@gmail.com
- Podlesniy Dmitriy**
Ph.D. in History, Associate Professor,
Kharkiv University of Humanities
“People’s Ukrainian Academy”
- Подольська Єлизавета Ананіївна**
д-р соціол. наук, проф., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
e.podolskaya@gmail.com
- Podolskaya Elisaveta**
Dr.Sc. (Sociology), Professor, Kharkiv
University of Humanities “People’s
Ukrainian Academy”
- Потапова Жанна Євгенівна**
канд. філол. наук, проф.,
Харківський гуманітарний
університет «Народна українська
академія»
germ-rom-nua@ukr.net
- Potapova Zhanna**
Ph.D. in Philology, Professor, Kharkiv
University of Humanities “People’s
Ukrainian Academy”
- Решетняк Олена Іванівна**
канд. екон. наук, доц., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
reshetele@yandex.ru
- Reshetnyak Yelena**
Ph.D. in Economics, Associate
Professor, Kharkiv University of
Humanities “People’s Ukrainian
Academy”
- Сіласте Галина Георгіївна**
д-р філос. наук, проф., Фінансовий
університет при Уряді РФ
galinasillaste@yandex.ru
- Sillaste Galina**
Dr.Sc. (Philosophy), Professor,
Financial University under the
Government of the Russian Federation
- Сигілет Карина Вадимівна**
студентка, Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
gp@nua.kharkov.ua
- Sigilet Karina**
student, Kharkiv University of
Humanities “People’s Ukrainian
Academy”
- Ситнікова Поліна Едуардівна**
канд. пед. наук, доц., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
itm@nua.kharkov.ua
- Sytnikova Polina**
Ph.D. in Pedagogy, Professor, Kharkiv
University of Humanities “People’s
Ukrainian Academy”

Сумець Олександр Михайлович
д-р екон. наук, проф., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
esrg@ukr.net

Таран Анастасія Олександрівна
студентка, Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
nacmail@ukr.net

Тарасова Олена Владиславівна
д-р філол. наук, проф., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
tarasovaye@gmail.com

Тимохова Галина Борисівна
канд. екон. наук, доц., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
tymohova@gmail.com

Хільковська Ася Олександрівна
ст. викл., Харківський гуманітарний
університет «Народна українська
академія»
asia.khilkovska@gmail.com

Цибульська Елеонора Іванівна
канд. екон. наук, доц., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
ellatsib@gmail.com

Sumets Alexander
Dr.Sc. (Economics), Professor,
Kharkiv University of Humanities
“People’s Ukrainian Academy”

Taran Anastasia
student, Kharkiv University of
Humanities “People’s Ukrainian
Academy”

Tarasova Olena
Dr.Sc. (Philology), Professor, Kharkiv
University of Humanities “People’s
Ukrainian Academy”

Tymohova Galyna
Ph.D. in Economics, Associate
Professor, Kharkiv University of
Humanities “People’s Ukrainian
Academy”

Khilkovska Asia
senior lecturer, Kharkiv University of
Humanities “People’s Ukrainian
Academy”

Tsybulska Eleonora
Ph.D. in Economics, Associate
Professor, Kharkiv University of
Humanities “People’s Ukrainian
Academy”

Чибісова Наталія Григорівна

канд. філос. наук, проф.,
Харківський гуманітарний
університет «Народна українська
академія»
chibisova@ukr.net

Chybisova Nataliia

Ph.D. in Philosophy, Professor,
Kharkiv University of Humanities
“People’s Ukrainian Academy”

Шестакова Олена Миколаївна

викл., Харківський гуманітарний
університет «Народна українська
академія»
yelenashestakova@gmail.com

Shestakova Olena

teacher, Kharkiv University of
Humanities “People’s Ukrainian
Academy”

Шилкунова Зоя Ігорівна

канд. пед. наук, учитель,
Спеціалізована економіко-правова
школа Народної української академії
zoya.igorevna2003@gmail.com

Shilkunova Zoya

Ph.D. in Pedagogy, school teacher,
Specialized Economic and Law School
of the People’s Ukrainian Academy

Шмакова Ліана Миколаївна

викл., Харківський гуманітарний
університет «Народна українська
академія»
bagmet52@ukr.net

Shmakova Liana

teacher, Kharkiv University of
Humanities “People’s Ukrainian
Academy”

Яременко Валентина Григорівна

канд. екон. наук, доц., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
v.o.yaremenko@gmail.com

Yaremenko Valentyna

Ph.D. in Economics, Associate
Professor, Kharkiv University of
Humanities “People’s Ukrainian
Academy”

Яременко Олег Леонідович

д-р екон. наук, проф., Державна
установа «Інститут економіки та
прогнозування НАН України»,
Харківський гуманітарний
університет «Народна українська
академія»
v.o.yaremenko@gmail.com

Yaremenko Oleg

Dr.Sc. (Economics), Professor, State
Organization “Institute for Economics
and Forecasting, Ukrainian National
Academy of Sciences”, Kharkiv
University of Humanities “People’s
Ukrainian Academy”

Яріз Євгеній Михайлович
доц., Харківський гуманітарний
університет «Народна українська
академія»
Eugenio2012@mail.ru

Yariz Yevgenii
Associate Professor, Kharkiv
University of Humanities “People’s
Ukrainian Academy”

ЗМІСТ

Передмова.....	5
Трансформація соціальних функцій освіти й методів навчання: виклики і перспективи у XXI столітті.....	7
<i>Астахова Е. В.</i> Образовательные риски: опыт функционирования НУА.....	9
<i>Астахов В. В., Астахова В. И.</i> Общественные организации в инновационном учебном заведении: цели, задачи и принципы деятельности.....	22
<i>Балакірєва О. М., Левін Р. Я.</i> Сучасні виклики до системи освіти в Україні.....	40
<i>Батаєва Е. В.</i> Актуальные проблемы теории социальной активности студентов.....	57
<i>Вишневський М. И.</i> Мировоззренческий синтез и проблема качества образования.....	69
<i>Подольська Є. А.</i> Інтерактивні методи навчання: сутність і переваги.....	78
<i>Нечитайло И. С.</i> Инжиниринг образовательного пространства учебного заведения как авангардная технология.....	84
<i>Иванова О. А.</i> Организация научно-исследовательской работы в системе непрерывного образования.....	98
<i>Чибисова Н. Г.</i> Философские подходы к изучению творчества.....	105
<i>Силласте Г. Г.</i> Коммуникология образования и его социальные риски в модусах социального времени.....	112
<i>Бондарь Т. И.</i> Модель современного выпускника: подходы специализированной экономико-правовой школы I–III ступеней с углубленным изучением английского языка.....	124
<i>Шилкунова З. И.</i> Концептуальные основы реализации модели выпускника начальной школы.....	137
<i>Тимохова Г. Б., Ильченко А. Е.</i> Предпосылки формирования институционального доверия к реформам в сфере образования.....	151
<i>Гога Н. П.</i> Некоторые психологические особенности применения индивидуального подхода в обучении.....	162
<i>Данилевич С. Б.</i> Использование социальных медиа в учебном процессе дистанционной формы обучения.....	172
<i>Подлесный Д. В.</i> Проблема университетской автономии в Украине периода 1917–1921 гг.....	182

<i>Basse P., Anufriieva I.</i> Special features of the affective methods of foreign language teaching by	192
<i>Артемченко А. Б.</i> Інтеграція військовослужбовців з інвалідністю після повернення із зони бойових дій в освітнє середовище вищого навчального закладу.	199
<i>Назаркін О. А.</i> Проектно-конструкторська компетентність майбутніх інженерів: структура і проблеми формування	206
<i>Кравчина И. Б.</i> Особенности формирования правовой компетентности студентов неюридических специальностей	213
<i>Кулякин Д. Ф.</i> Конкуренция и конкурентоспособность в системе образования	221

Сучасне суспільство в контексті гуманітарного знання й проблеми економічного розвитку 227

<i>Яременко В. Г., Яременко О. Л.</i> Информационно-сетевая экономика как институциональная альтернатива социально-экономического развития	229
<i>Цибульська Е. І.</i> Класифікація та типологія економічних інститутів	239
<i>Марченков М. А.</i> Теоретические аспекты финансово-экономической устойчивости предприятий	247
<i>Сумець О. М., Веретенников С. В.</i> Вартісний показник оцінки економічної стійкості логістичної системи виробничого підприємства	256
<i>Решетняк О. І., Лободін Р. О.</i> Сутність та чинники економічної безпеки України в сучасних умовах	263
<i>Клочко А. А.</i> Актуальные проблемы современного развития государства благосостояния	271
<i>Петрова А. М.</i> Неопределенность в экономике как фактор принятия управленческих решений	278
<i>Сумець О. М., Грушко О. І.</i> Інформаційно-аналітичне забезпечення в системі економічної безпеки: транспарентність та джерела інформації в мережі Інтернет	287

Проблеми лінгвістики, лінгводидактики, літературознавства та перекладу 299

<i>Тарасова О. В.</i> Теорія мовленнєвої акомодатії та проблеми керування дискурсом	301
<i>Хильковская А. А.</i> Типология и границы агрессивного дискурса	309

<i>Закриничная Н. И.</i> Формирование и повышение социокультурной компетенции переводчика в контексте непрерывного образования ...	318
<i>Яриз Е. М.</i> Формирование запаса языковой и культуроведческой информации на занятиях по лингвострановедению	325
<i>Шмакова Л. Н.</i> Опыт кафедры по усовершенствованию преподавания немецкого языка как второго иностранного на заочном отделении ...	333
<i>Михайлова Л. В.</i> Прагмасемантические аспекты промисива в аглоязычном дискурсе 16–20 вв.	341
<i>Шестакова О. М.</i> Операційні модули концепту «PERSONAL NAME»	354
<i>Потапова Ж. Е.</i> Немецкая школа конца XIX – начала XX столетий в воспоминаниях Ганса Фаллады «Damals bei uns daheim»	366
Студентська трибуна	373
<i>Таран А. А.</i> Интернальность в структуре диспозиций современной студенческой молодежи: социологический подход к анализу	375
<i>Сигилет К. В.</i> Образование и самообразование переводчика в контексте глобального Интернет пространства	385
<i>Карпенко В. В.</i> Инвестиции и их роль в развитии экономики	389
Наука в НУА	397
<i>Астахова В. И.</i> Главное научное событие учебного года (по результатам работы Международной научно-практической конференции «Образовательные риски: суть и подходы к решению»)	399
<i>Иванова О. А.</i> 25-й День науки в НУА	402
<i>Подлесный Д. В.</i> Итоги научно-теоретической конференции молодых ученых «Особенности карьерно-профессионального старта в высококонфликтной среде: общее и особенное»	405
<i>Решетняк Е. И.</i> Итоги проведения XI межвузовской конференции молодых учёных «Управление как фактор экономического развития»	407
<i>Ситникова П. Э.</i> Экспертные оценки элементов учебного процесса (Межвузовская научно-практическая конференция 25 ноября 2017 г.)	409
Презентація нових наукових видань	417
<i>Зверко Т. В.</i> Рецензія на колективну монографію «Професійні практики випускників сучасних ВНЗ»	419

<i>Астахова В. И.</i> Библиотека в системе академических ценностей университета	421
<i>Іванова О. А.</i> Про монографію «Інституційна адаптація економічних систем до процесів глобалізації» (авт. Миколенко О. П.)	426
<i>Молодчая Н. С.</i> Об опыте преподавания иностранных языков в специализированной экономико-правовой школе	430
<i>Панченко Д. І.</i> До 10-річчя кафедри теорії та практики перекладу	433
<i>Берест Т. М.</i> Освітні ракурси українознавства	436
<i>Нечитайло І. С.</i> Магістрам – професійно-педагогічні компетентності	439
<i>Кальниченко О. А.</i> Закоханий в переклад: із спадщини Валерія Подміногіна	442
Відомості про авторів	446

www.nua.kharkov.ua

e-mail:

rector.hgu.nua@ukr.net

rector@nua.kharkov.ua

prikomnua2@ukr.net

В 90

Вчені записки Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія» / [редкол.: К. В. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2018. – Т. 24. – 460 с.

ISSN 1993-5560

Щорічне періодичне видання «Вчені записки» Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія» об'єднує в собі публікації результатів наукових досліджень викладачів та аспірантів як академії, так і інших ЗВО України, зарубіжних авторів, що працюють над проблемами гуманітарного напрямку.

У збірнику наведено матеріали, які розкривають економічні, соціологічні, історичні, правові, філологічні та інші аспекти розвитку сучасної освіти.

Видання представляє інтерес для викладачів, аспірантів, студентів і працівників сфери освіти.

Research Bulletin of Kharkiv University of Humanities “People’s Ukrainian Academy” is an annual periodical which publishes the research results obtained by the Academys Faculty members, as well as by scholars from the other higher educational institutions of Ukraine and international authors working on the problems in the field of Humanities.

The Collection contains materials that explicate economic, sociological, historical, legal, philological and other aspects of contemporary educational development.

The publication may be of interest to teachers, post-graduates, students and all those working in the sphere of education.

УДК 08

ББК 95.4(4УКР-4ХАР)3

Наукове видання

**ВЧЕНІ ЗАПИСКИ
ХАРКІВСЬКОГО ГУМАНІТАРНОГО УНІВЕРСИТЕТУ
«НАРОДНА УКРАЇНСЬКА АКАДЕМІЯ»**

Том XXIV

В авторській редакції

Відповідальна за випуск *О. А. Іванова*
Комп'ютерна верстка *І. С. Кордюк*

Підписано до друку 25.05.2018. Формат 84×108/32.
Папір офсетний. Гарнітура «Таймс». Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 26,74. Обл.-вид. арк. 25,15.
Наклад 500 пр. Зам. № 140/18.

Видавництво Народної української академії
Свідоцтво № 1153 від 16.12.2002.

Надруковано у видавництві
Народної української академії

Україна, 61000, Харків, МСП, вул. Лермонтовська, 27.